

ДРУГИЕ
МИРЫ

Галина Гончарова

ТВОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ИСТИННЫЙ ОБЛИК

Annotation

Как было дома хорошо! Сидишь себе тихонько в бухгалтерии, квартальный отчет делаешь, годовой! А тут – попала в другой мир, на свою голову. Да еще в тело королевы. И все оказывается не так хорошо, как в сказках сказывалось. На трон сядешь – тут и беды закончатся? А если никто тебя на троне и видеть не хочет?

У мужа любовница, у придворных интриги, у соседей – свои планы по захвату территории, а у богов дела божественные, не до людей им. Что во всем этом делать королеве?

Да хоть бы уцелеть удалось! Защиты-то не дождешься, а покушения идут одно за другим. То заговорщики, то королевские любовницы, то чудовища, а куда королеве податься?

Правильно, в монастырь.

Что, и грехи замолить спокойно не дадут? И здесь убить пытаются? Позвольте, что значит гюрза? Так мы с вами точно не договаривались!

- [Галина Гончарова](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
-

Галина Гончарова

Твое величество. Истинный облик

Серия «Другие миры»

Ленинград
издательский дом

© Галина Гончарова, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

Пролог

У каждого человека бывает такой день, когда все идет не в лад.

Вот и у Марии Ивановны Белкиной он сегодня был именно такой. Чего уж там... случается. Причем, когда ты бухгалтер, оно случается регулярно. Раз в квартал – это обязательно-бесповоротно.

В конце года – безудержно накатывает потоком.

А еще в зависимости от начальства, когда у того критические дни, плохое настроение или магнитные бури.

Если начальство адекватное и понимает, что задача хорошего бухгалтера – это сохранить организации и лично ему деньги, то с ним вполне-вполне можно сработаться.

А вот если начальство НЕ адекватное...

Тогда возможны варианты.

К предыдущему-то директору у Марии Ивановны нареканий, как говорится, не было. По возрасту примерно одного поколения, по характеру флегматики, отлично сработались и радовались жизни. Только вот ничто под луной не вечно.

Директор, который и создал свое скромное проектное бюро, решил уйти на пенсию. А дело-то оставить ему и некому. Сын – доктор, дочь замужем и вся в детях – пеленках – смесях... нет наследника и все тут. Никому дело не доверишь, никто по отцовским стопам не пошел. Внуки?

Так когда они еще вырастут, а пока вот – увы. Преемника просто нет, старшему внуку только восемь, а силы уж и не те, и скорость не та, и понимаешь, что не тянешь ты любимое дело, пора на покой. И как?

Нанимать управляющего, это или все равно с ним сидеть и за руку хватать, или просто свое детище кому-то подарить. Кто удержится от ма-аленького такого денежного потока в свой карман, от игры в пользу себя, любимого, от махинаций? То-то и оно, никто не застрахован, со временем и у самого верного и честного плохие мысли появятся.

Что осталось?

Да просто-напросто продать фирму, пока она приносит доход, пока за нее дадут хорошие деньги, пока есть подходящее предложение.

Что директор и сделал.

Все бы нормально, дело житейское, вот только в кресло директора новые хозяева усадили «эффективного менеджера». Или, как горько признавалась себе Маня, дефективного.

Смешно?

Кому смешно, а ей вот плакать хочется.

Менеджер, оно конечно, оно хорошо. Только вот... ну кто, кто сказал идиотам, что человеку все равно, чем управлять?! Скажем, справится он с автомастерской – справится и с хлебозаводом? Люди-то везде одинаковы!

В теории да, а на практике человек должен пройти весь цикл, побывать на производстве, поработать на нем, посмотреть на все изнутри... фильм «Москва слезам не верит» кое в чем правдив до слез. Катерина Тихомирова потому и стала хорошим директором, что самостоятельно прошла всю дорогу, от наладчицы до управленца. Многое осталось за кадром, многое не показали в фильме, но главное было верно.

Она знает кухню изнутри. Она знает на заводе все от и до, ей можно доверить производство.

А что можно доверить мальчишке, который, может, лет пять, как институт окончил? Как раз по специальности «управление чего-то кого-то куда-то».

Он знает, что такое проектная документация? Он хоть одну смету в лицо видел, он СНиП в руках держал, он ГОСТ открыл?

Не-а.

Для него это все сложные и загадочные слова. Условно он знает, что это надо, что дом, допустим, сначала рисуют в автокаде и прочих программах, что его надо обсчитать, что надо учесть кучу всего, а чего – всего? И вообще... что нам стоит дом построить, нарисуем – будем жить!

В теории-то оно все приятно и легко, а как на практике?

Тяжела жизнь проектного бюро, тягают его со всех сторон. Если работать, конечно, а не груши чем-то околачивать.

Вот приходит заказчик. Он проект заказал, пошел с ним, тендер выиграл, приходит – и начинаааается!

Хочется же как? Чтобы и денежку выкроить, и домик построить, и еще денежку выкроить... и пошло! Тут хвост урежем, там пришьем,

здесь еще закрутим...

Ругаются все.

Ругаются проектировщики, которым даром не надо кроить и выкраивать, понимая, что потом или дом просядет, или трещины пойдут, или конструкции сложаются – да много чего будет! Уж про комфорт и вообще молчим.

Ругаются эксперты, находя одно нарушение за другим.

Ругаются строители – и лепят хибары из навоза и палок.

Ругаются жильцы.

А чем все это заканчивается? А тут уж как повезет... хорошо, если все живы останутся. Это к примеру. Таких коллизий не пересчитать и не перечислить, если сейчас рассказывать, плач Ярославны померкнет. Тьфу там на тот плач, в нем и одного тома нет! А тут размах будет, как у Большой Советской Энциклопедии.

Но раньше начальник был понимающий и прикрывающий. И сам с заказчиками ругался, и понимал, что нельзя из одной шкуры семь шапок выкроить, и откровенной дряни не лепил, не позволял.

А этот дефективный даже не понимает, что творит! Заказчик всегда прав, он нам деньги приносит, вот и весь разговор! Не умеете? Так я других найду, которые сделают, как я скажу, рынок труда большой, не один, так другой, а то и третий, вон, в институте полно студентов, считай, уже каждый специалист с дипломом. А что репутация дороже денег?

Что люди увольняются, и хорошие, грамотные, что сейчас таких днем с огнем не найдешь? Ему-то что? Поднабрал балбесов по объявлению, а они только что после института, ферму от бермы не отличают...^[1]

А дальше что?

А вот то.

Хуже проектировщики – хуже проект – больше надо времени для внесения всех правок, а время тоже деньги, и покатилося по наклонной. Специалисты ушли, бестолочи пришли, клиенты их видят, крестятся и бегут, фефективный менеджер не понимает, в чем дело, где уж ему, барану! Он сам-то в проектах только буковки понимает, и то – крупные.

Понятно, денег нет, из пустоты их для себя выкроить не получается, а тут еще бухгалтер над душой стоит. И ладно бы

молоденькая – сисястая – ногастая! А Марии Ивановне уж шестьдесят лет с хвостиком, она себе и пенсию заслужила, хоть завтра уходи. Просто обидно же...

Вот день и не задался.

В лифте застряла, первый автобус прямо перед ней уехал, второй грязью обрызгал, пока прилетела – вся никакая, еще и за какой-то куст по дороге цепанулась, колготки порвала, тоже обидно. А в кабинете уже этот ухмылок сидит с какой-то девицей. И выглядит дева так, словно ее силиконом во все места надули.

Так и так, здрасьте, Мария Ивановна, вот вам помощница. Не нужна она вам? А все равно будет... вы у нас дама в возрасте, вот и учите девочку специфике работы. А дальше будет видно.

И девица ухмыляется...

Мария Ивановна подумала, да и решила не терпеть. Так и так, две недели отработает, как положено, ни шагу вправо, ни прыжка влево, а потом извиняйте. До свидания, и век бы с вами не видеться.

Менеджер от возмущения чуть свой модный сотовый не раздавил. Как это так, вы что?! Вы не понимаете?

Только вот понимала Мария Ивановна все отлично. Заявление напечатала, мальчику сунула, да и дверью хлопнула. А что с ним еще делать? Любоваться, что ли? Картина Репкина «Не ждали». Тьфу, да и только.

Домой шла вся расстроенная, еще и сын позвонил.

Мария Ивановна ему пожаловалась, а тот только рад.

– Мам, да чего ты? Ну и уволили, и что? Что ты теряешь? Будешь дома сидеть, захочешь, веди кого по удаленке, или так ходи, консультируй, ты же бухгалтер классный, тебя с руками оторвут.

– Знаю...

А все равно тоскливо. И за державу обидно. Хорошая ж фирма была, и люди хорошие, а этот гад фефективный там все развалит, до чего доберется...

– Плюнь на все. Все будет хорошо. Я сейчас Альке позвоню, она за тебя тоже порадует. Может, с внуками приедем на выходные, отвлечешься. Не расстраивайся, мам, все хорошо будет.

Мария Ивановна только вздохнула. Вот как тут объяснить, что просто день такой... жизненно неудачный?

И так она была расстроена, что машины, которая на нее надвигалась, и не заметила даже.

Вспышка.

Падение.

Темнота...

Глава 1

Больно.

Почему так больно? Такое ощущение, что голову стягивает огненный обруч. И кто-то плачет рядом, тоненько так.

– Мама, мамочка...

Мария Ивановна шла на этот голос, словно на огонек в окне. Почему-то она была уверена, что это Алька, Алевтина, ее дочь. Так она плакала, когда была совсем-совсем маленькой... и как уйти? Как ее оставить?

– Мамочка... – тоненький голосок звал, приказывал идти вперед, заставлял сопротивляться разрушению, забвению...

Мария Ивановна задохнулась, рванулась вперед – и словно из черной воды вынырнула к свету.

– Уффффф!

И открыла глаза.

– Ой, б...

И кто бы удержался на ее месте? Память возвращалась стремительно, рывками... вот что рассчитывает увидеть человек, который явно попал под машину? Особого выбора тут и нет, пожалуй.

Вариант первый – больничную палату.

Вариант второй – небо над головой, если она на улице, или там «скорую помощь», если она уже не на улице.

Вариант третий – свой дом. Если нашлись рядом знакомые и добрые люди и притащили домой. Но уж точно не жуткую тряпку, которая висит неясно на чем... а, нет, уже ясно.

Тряпка висит на четырех витых столбах, таких толстенных, здоровущих, из позолоченного дерева. А столбы покоятся непонятно на чем. Кажется, они к кровати приколочены... и тряпка эта называется балдахин! Точно!

Такие-то познания в истории у каждого есть, кто фильмы смотрел. Мария Ивановна ими тоже не пренебрегала, для расслабления. А что?

Сын и дочь взрослые, в Москву уехали, а мать в провинции, одна, внуков ей только на лето привозят. Чем вечерами заняться?

Мария Ивановна и пристрастилась. Ходила, рукоделием занималась, от нечего делать, ну и сериалы смотрела. Только исторические и детективные, другие неинтересно было, слишком уж они предсказуемы. Чего их смотреть, если с третьей серии знаешь, кто, кого и для чего? С детективами тоже не всегда получится, Мария Ивановна часто угадывала, кто убийца. А вот с историческими сериалами интересно.

Посмотришь кино, потом книгу считаешь, а то и не одну, свое мнение составишь... ох и гады ж в нашей истории попадают! Отборные! Но про других сериалы снимать и неинтересно...

– Мамочка?

Детский голосок раздался совсем рядом. Мария Ивановна повернула голову – и глаза ее встретились с глазами ребенка.

Девочка, может, лет десяти, не больше, худенькая, темноглазая, симпатичная... только кто же ее так разодел? Детям надо в чем-то удобном и свободном бегать, а на ней... ой, мама!

Это что – ПЛАТЬЕ?!

Ужас обрушился на Марию Ивановну бетонной плитой.

Девочка была одета во что-то невообразимое. Алый бархат, золотое шитье, несколько цепей на тонкой шейке, и явно не бутафорских, светлые волосы затянуты в прическу и спрятаны под странный головной убор, что-то вроде кокошника, только с пришитым к нему мешком, в который и прячутся волосы. И все это тоже расшито золотом и жемчугом...

Но девочка смотрела с такой надеждой, что Мария Ивановна не смогла ее разочаровать.

– Доч... ка?!.

Малышка захлюпала носом – и уткнулась в ее руку.

– Мама, мамочка, живая...

И слезы потоком хлынули.

Мария Ивановна тем временем стремительно приходила в себя.

Ладно-ладно, фантастику она не любила и не читала, но о таких ситуациях знала. Вон, из каждого утюга что-то такое. И эти... аниме, манги, у нее внуки от них фанатеют, ну и бабушке подсовывали на почитать, а Мария Ивановна проглядывала. Не обижать же малышку? Они ей самое важное показывают! И обсуждают потом на полном

серьезе и заклинания, и круги, и школы колдовства, и другие миры, и как бы они поступили.

Неужели ей сложно почитать?

Да ни капельки, у хорошего бухгалтера мозг, как компьютер, иначе она с работой не справится. Кто не верит – сведите баланс. Можно просто карандашиком и на бумажке попробовать, взвыть от ужаса и бросить тяжелое дело, а она все это и в программах обсчитывает, и сколько их новых появляется, и постоянно следить за обновлениями надо...

Для бухгалтера поговорка «век живи – век учись» – это норма жизни, так-то.

Но не про 1С сейчас речь.

Если она себя осознает Марией Ивановной, а место ей незнакомо? И ребенок называет ее мамой, и тело... Мария Ивановна скосила глаза на свою руку.

Точно, рука – не ее.

Мария Ивановна всегда была блондинкой, такого булочно-уютного типа, под пенсию она и вообще двадцать килограммов прибавила, и ничуть не расстраивалась. И ручки у нее были самые обычные, рабоче-крестьянские, с коротко остриженными ногтями, пухленькие, и шрам на тыльной стороне кисти...

А тут перед ней кисть руки, больше всего похожая на птичью лапку. Тонкая, изящная, с длинными пальцами, ногти овальные и чем-то покрашены... да Мария Ивановна отродясь таких не носила! Не с ее лапкой!

Не ее это рука.

И место странное. И ребенок.

Или она рехнулась и бредит, что вполне возможно. Или – она попаданка.

Только вот проверить это можно было лишь одним способом. Встать и начать разбираться, а Мария Ивановна совершенно этого делать не хотела. Пока она лежит, с нее спрос меньше.

Кто бы там ни была предыдущая хозяйка тела, ценной информацией она с Машей не поделилась, а как выживать прикажете? Заявить, что у нее амнезия?

А если ее тут электрическим током лечат? Или иголками под ногти?

Еще чего придумать? Ой нет, лучше пока полежать и помолчать, этим Мария и занялась. Ну, и девочку по голове погладила. Переживает ведь ребенок, слезами уливается...

А на балдахине пыль во-от такими ошметьями! Убиться веником об стену.

И перина под ней, кажись, пуховая. И... ее что, блоха цапнула?

Да чтоб тебя налоговой прибило! А вшей у нее нет? А?

Только вот поразмышлять на интересную тему Марии Ивановне не дали. Дверь грохнула об стену, и в дверном проеме воздвигся мужик. Здоровущий такой!

Или это так показалось из-за его одежды? Или просто он против света стоял?

Нет, все правильно, не показалось. Здоровущая туша! Метра под два ростом и в три обхвата.

— Анна, твоя мать умерла?!

Девочка аж подскочила. Мария попробовала ее имя на вкус. Анна, Аннушка, Анечка. Сойдет, и девочке подходит.

— Пап... отец...

Голос у ребенка сорвался. Мужчина сделал шаг вперед, и Мария Ивановна поняла, что надо отвечать. Ну хоть как-то.

— Кхе... гха... эмммм...

Мужик приблизился еще на три шага. Мария Ивановна внимательно разглядывала его.

Что ж, лет двадцать — тридцать — сорок назад сей кадр был вполне-вполне хорош и очарователен. Ее реципиентку можно понять, даже сейчас эта туша сохраняет следы бывшего очарования. Но именно что следы.

Рост под два метра, все верно она оценила, по весу мужчина, наверное, к ста пятидесяти килограммам приближается, талию тут можно не искать, а произвольно выбирать место на бочонке от шеи до ног. Дальше снизу вверх.

Ноги — достаточно стройные даже сейчас, но все же начинающие заплывать жиром, обутые в мягкие туфли типа бархатных бот «прощай, молодость» и затянутые в нечто вроде тонких шелковых трико. На самом ценном месте этого трико нашито что-то вроде здоровущего кармана. Хватило бы и коню полководца Буденного все самое ценное спрятать, не то что человеку. И все это топорщится так,

что аж страшно становится. Может, он туда огурец засунул для объема?

Дальше – собственно бочонок. На бочонке надето что-то вроде кафтана до середины бедра, только он весь в разрезах, и из них торчат кружева нижней рубахи. Там, где не торчат кружева, или золотом вышито, или камни какие нашиты. Пуговицы вообще размером с конский каштан, и кажется, сделаны из драгоценных камней. Приличных таких, с ноготь большого пальца. Если не стекло – бешеные деньги человек на себе носит. Не боится, что с него костюм с головой снимут? Или пуговицы с мясом вырвут из пуза?

Дальше – жабо жутких размеров. Вампиры – плачьте, вы помрете с голоду раньше, чем раскопаете в нем человеческую шею. На этом жабо лежит голова с роскошной бородой. Пухлые щеки, короткий нос, широкий, словно бы жабий, рот, маленькие злые глаза непонятного цвета, кажется, серого. Голова увенчана прической.

Ну хоть париков тут нет, и волосы не пудрят, волосы у мужчины его натурального соломенного цвета. Точь-в-точь как у его дочери. И сверху на всем этом сидит... корона?

Диадема – точно.

Машка, ты попала. Вот это украшение на себя просто так не цепляли. Ох, твою бухгалтерию!

– Вы живы, Мария?

И голос такой недовольный, словно он уже место на Красной площади заказал. Крутись, как хочешь, но чтобы завтра в двенадцать была готова!^[2]

– К-кажется, д-да...

– Что ж. На все воля Божия. Я пришлю к вам своего лекаря.

Развернулся и вышел.

Ни тебе здарсьте, ни мне спасибо, ни нам до свидания...^[3]

Дверь хлопнула, как пушка над Петроградом. Анна дернулась и повернулась к Марии. А глаза у ребенка красные, больные, отчаянные, совсем как у маленькой Альки, когда та прибегала к маме с очередной страшной трагедией. И что оставалось делать женщине?

Только похлопать по одеялу.

– Иди сюда, детка. Иди, я тебя обнимать буду.

Глаза у малышки округлились, но на кровать она залезла и к матери прижалась, словно птенец. Вот и ладно, вот и хорошо будет,

успокаивайся, все плохое прошло, мама жива, папа пришел и пошел на фиг, беда ушла, просто напугала и ушла. Мария приговаривала какие-то утешительные глупости и гладила ребенка по спинке, прикидывая, как бы начать расспросы. Злыдня она?

Нет, бухгалтер. И понимает, что информация правит миром. А с кого тут информацию качать, если не с ребенка? Муженек ушел, никто другой не пришел, телевизор в голове не включается, память не активизируется – как хочешь, так и живи.

Увы, допрос отменился по уважительной причине.

Дверь еще раз хлопнула, и на пороге воздвигся еще один мужчина. Правда, другой. У них тут проходной двор открылся?

Нет, этот и одет попроще, и золота на нем поменьше, и кстати, объемы у него тоже скромнее. Половина от папеньки. Зато морда брюзгливая донельзя. Интересно, есть ли на то объективная причина? Мария у него в долг взяла? И не отдает лет двадцать? Или это классовая ненависть?

– Ваше величество, – скрипнул мужчина, – его величество Иоанн прислал меня осмотреть вас.

О как!

Значит, и папа Иоанн король, и она королева Мария, и Анна, надо полагать, принцесса. Это плюс.

А где минус?

Если б Мария столько исторических сериалов не смотрела, она бы растерялась. А так...

– Любезнейший, вы забываетесь!

– Аххххсссс?

Настала для мужчины очередь шипеть. Правда, слов он произнести никаких не успел, Мария точно знала: врага надо добивать. Сразу.

– Вы позволяете себе столь нагло вламываться в мои покои и порочить мою репутацию и моего супруга? Вон отсюда!

Лекаря вынесло словно ураганом. Мария облегченно выдохнула.

Корявенько получилось, если честно, но лекарю хватило. Судя по сериалам, королева – персона достаточно публичная, и вдруг осмотр ее мужчиной, вот просто так? Чтобы наедине с мужчиной, да раздеваться, да на всякие интимные вопросы отвечать?

А бедные короли и королевы, простите, на горшке одни не оставались! За ними отряды придворных ходили, им носки и трусы подавали! А для королев остаться наедине с мужчиной это вообще было такое... попадалово, что другого слова и не придумаешь!

Урон репутации и ущерб агитации, или чему там еще? А, неважно. Просто – нельзя так! За это и оторвать могут что-то важное и ненужное. К примеру, голову. Да-да, ежели кто про трех мушкетеров кино смотрел, ведь наверняка не задумывался, чем это таким интересным Анна Австрийская с Бэкингом занималась наедине? Книжки умные читала? Ну-ну... вот не просто так потом англичанина приговорили, и война началась неспроста. Политика, и Ла-Рошель, и география, там много всего в один узел сплелось, но и королевские блудни свою роль сыграли, чего уж там. Хотя и осталась Анна Австрийская безнаказанной, ну так королю на нее изначально плевать было. А тут так получится? Голову-то не отрубят? Ладно – королеве, кажись, на нее тут всем наплевать, и очень интересно, почему? Но ведь и врачу тоже того же – оторвут или отрубят! А свою голову эти типы ценят, факт.

Девочка почти с ужасом воззрилась на Марию.

– Мама, ты так с ним разговаривала!

– И что, маленькая?

– Ну... папенька доверяет эрру Самуэльсону.

– Настолько, что эрр (Интересно, что это за зверье такое?) может осматривать его больную супругу? Вот просто так? В одиночестве?^[4]

– Но эрра Розабелла сейчас занята. Маменька, вы же сами отправили ее к ростовщику, и эрра Лизанда, и остальные...

– Неудачно получилось, – согласилась Мария. – Но так неприлично. Придется эрру подождать, пока не вернется эрра Розабелла.

А ей бы еще знать, что это такое и с чем ее едят?

– Он нажалуется папеньке...

– Пусть жалуется, – согласилась Мария. – Ты не переживай, маленькая, все будет хорошо.

Эти слова и оказались спусковым крючком для девочки. Анна развернулась и опять уткнулась матери в плечо.

– Мама, я так испугалась! Вы кричали друг на друга, а потом ты упала, а она убежала, а ты все лежала и лежала, и мне было так

страшно...

Мария внимательно слушала девочку, стараясь выцепить в потоке сознания ценную информацию. Так, и что мы имеем с баланса?

А ничего хорошего, осмотреться по сторонам Мария уже успела.

Ежели это покои королевы, это жуть, граждане. Жестяная и консервная.

Пылюка везде летает хлопьями, сквозняки гуляют, как по проспекту, на одеяле в нескольких местах видна штопка... она королева бедного королевства?

А вот и ни фиги! Если на ее муже не стразы, то на одни пуговички можно евроремонт в Кремле сделать. Надо полагать, и в это время тоже. А ремонту нет. И вон, кусок лепнины выкрошился, и один из шкафов покривился подозрительно... вот на кой в спальне эти шкафы? Выкинуть бы их все к недалекой ядреной вше!

А если у королевы нету ремонту и приличной кровати, и муж на нее смотрит, как Ленин на буржуазию, значит, неладно что-то в королевстве датском. Вроде как и растоптать ее не могут, но ущемляют, где получится.

И кто это так осмелел, чтобы на королеву – КРИЧАТЬ?!

Чтобы скандалить, что-то требовать... что это за загадочная ОНА? Ась? Королева-мать ее? То есть мать короля? Тогда бы Анна сказала – бабушка, да и что это за постановка вопроса: ты упала, она убежала... приличная свекровь в таких случаях не убегает, а удаляется восвояси, капать сыну на мозги.

Вот, посмотри, сыночек, какую неустойчивую бабу ты себе нашел! Я только-только воспитывать ее начала, а она уже и не устояла. Давай найдем кого поприличнее...

Но Анна говорит, что именно убежала. Значит, это был кто-то, не имеющий официального права повышать голос, кто-то, кому могло нагореть.

И кому у нас тут голова на позвоночник давит? Если так прикинуть, возможен только один вариант, знакомый такой...

Фаворитка называется.

От этих паразиток все монархии страдали больше, чем от вшей. Насекомое только кровь попивает и в небольших количествах, а эти заразы из казны столько тянули, что ей-ей, войны дешевле обходились^[5].

Вот, кажется, у муженька такое и завелось?

Мария Ивановна только вздохнула печально. Вспомним о судьбе Екатерины Медичи. Вот кто б догадался, как ее изводила Диана де Пуатье? Даже на коронации супруга Диана была в центре внимания, а королева – законная! – где-то там, на восьмом месте. Чего удивляться потом, что дама озверела и стала одной из самых стервозных королев? А за Екатериной Медичи, между прочим, Флоренция стояла, и папа у нее был не абы кто – Лоренцо Медичи.

А за Машей кто стоит?

Предшественница знаниями не поделилась, паразитка такая! Хоть что бы о себе знать, династия там, страна, родственники, приданое, права и обязанности...

С другой стороны, у нас имеется ребенок? А дети говорят много и слышат много, тут главное правильно их расспросить.

– Вообще, это хамство редкостное – кричать на королеву...

Говорила Маша словно в пространство, но Анна тут же вскинулась, стиснула кулачки.

– Никогда! Никогда не прощу эту стерву Диану! Что бы отец ни говорил!

Оппа! Подумать не успела... она точно не Пуатье?

Анна шипела, как три гадюки. Маша слушала – и думала, что самому плохому ребенка уже успели научить – ненависти. Душу ей покорежили серьезно. В десять лет ребенок должен радоваться жизни, а не беситься от понимания происходящего. С другой стороны, в средние века жили меньше, выросли раньше, да и кто бы на месте ребенка не ощерил клыки? За своих родных и близких лично Маша порвала бы на мелкие клочья, закопала, что останется, и невинно похлопала глазками. Кто был? Что было? Ничего не знаю. И возраст тут не помеха!

Анна умела любить и потому умела ненавидеть. Искренне и неистово, это чувствовалось.

Мария слушала девочку, и постепенно вырисовывалась неприглядная картинка.

Ее величество Мария и его величество Иоанн – муж и жена уже лет... сколько-сколько?! Двадцать лет?! Слов нет... ладно, надо полагать, этому телу к сороковнику. Нормально, пожить еще можно в свое удовольствие. Господь даровал им шестерых детей, из них трех

мальчишек, но пятерых забрал. Причем старшего совсем недавно, вот был в Эрланде наследный принц – и не стало его. Помер от лихорадки.

Маша прислушалась к себе еще раз.

Нет, ничего. Никаких чувств, словно все тряпкой потерло, а ведь это тело должно было хоть какую-то память сохранить? Ну хоть крошки ощущений?

Нет. Ничего нет...

Осталась из шестерых детей одна Анна, и вот тут начались проблемы. Мария, увы, уже лет десять родить не могла, Анна оказалась их последним ребенком с Иоанном, а потом как отрезало. Вот не беременеет королева – и все тут. Кстати, сразу интересно, королева не беременеет именно от короля, просто не способна к размножению стала, или там король – того, в некондиции? Пока был старший сын, короля это не волновало, наследник есть, ну и все хорошо, ему хватит. А вот когда наследник помер, тут и началось.

Престолонаследие-то не обеспечено!

Анна, конечно, сговорена с сыном короля Фардании, но... это не дело. Это ж придется Эрланду, считай, под Фарданию ложиться, а королю Иоанну такого не хочется. Ему свою династию бы продолжить...

И вот тут начались пляски с бубнами.

Ему бы детей, а жена не родит уже. Не может.

А королю-то тридцать пять лет, он в самом соку, считай, сдави – и брызнет... Мария чуть с кровати не упала. Вот этому кабану ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ?! И двадцать лет они женаты?! А ей сколько?

Да она бы королю полтинник дала, не постеснялась! А она тут как выглядит?!

Ой, мама...

Вообще, такой вопрос решить было можно. А именно, развестись и жениться второй раз. Если уж очень хочется, то и правда можно. Но – есть нюанс. Если оба супруга не против.

Дело это долгое, муторное, надо обращаться к Святому Престолу, собирать Конклав, чай, король, не хвост собачий... толком Маша не поняла, чего там надо и как, не с ребенком о таком разговаривать, но главное уяснила.

Королева Мария была против развода.

Почему она уперлась, Анна, понятно, не знала... простите, знала. Потому что мать боролась за ее права. Сейчас Анна могла претендовать на трон Эрланда, а если Мария и Иоанн разведутся, да он потом еще женится... какие уж там права! Одни обязанности, и то, если не отравят.

Ага, это Мария тоже понять могла, даже параллели нашла.

Имеем мы Гену, который английский, восьмой по счету. Уж чего он только ни творил, чтобы наследника получить, а все равно обломался по всем фронтам. Оно и неудивительно, семейка там была такая, что его бы самого удавить в ранней юности, чтобы людоедских законов не принимал.

Но его нравственные качества сейчас не так важны. А вот что Мария Тюдор творила, чтобы на престол попасть, и что она НА престоле творила... да, было. И Лизку Тюдор вспомнить, с ее кровавыми ручками и драгоценностями от пиратов. Фу, одним словом.

Ладно, это Мария отвлеклась.

Сейчас важно, что ее предшественница уперлась как могла. Не дам развода – и точка!

А она ж не хвост кошачий, она принцесса Картена, и его величество Саймон Шестой – ее родной брат. И он такого не одобрит.

Разведешься с его сестрой – напакостит, где можно, и главное, где нельзя, он может, он такой... ладно бы сама Мария ему писала и умоляла о разводе, муж достал, жизнь плохая, домой хочу, братик! Так нет же! Жену-то все устраивало, а мужу хотелось! Сильно!

Иоанн бесился, Мария стояла насмерть, церковники мялись и жались, Саймон грозил пальчиком... и вот в этот кипящий котел Дьявол щедро подкинул морковки.

По имени Диана Эрсон.

Полного описания внешности Мария не получила, Анна злилась и обзывала фаворитку рыжей ведьмой. Так что рыжая, надо полагать, наглая, остальное – возможны варианты.

А еще девушка, каких поискать. То есть встала в позу и до свадьбы – ни-ни!

Иоанн, понимая, что доступ к телу откладывается, принялся давить на жену, жена заявила, что развода не даст, народ принялся делать ставки... Мария только вздохнула.

Ничто не ново под луною. И эту ситуацию она в своей жизни столько раз наблюдала! И столько мужчин ловилось на псевдодевственность!

Объединяло их всех одно печальное обстоятельство.

Неубеждаемость называется.

Пока светлый рыцарь не получит доступ к телу, мозги у него не включатся, даже если их сковородкой активировать. Бесполезно.

Пат, если в шахматных терминах.

Иоанн хочет, а бабы не дают. Причем – даже сковородкой по голове, вот бедолага и давит, а бабы все равно уперлись. И кажется, мужик сделал прощ, дал им самим разобраться. Даром, что выглядит он подозрительно спокойным.

Ни кто, ни что, ни почему...

И врач чего-то рядом пасется... ах ты ж сволочь? погоди, я тебя еще разъясню! Ты у меня дрожать и по дворцу передвигаться мелкими перебежечками будешь, трястись и креститься! Но это потом, а пока уперлись все.

И ладно бы просто уперлись, беда в том, что страдает ребенок. То Анна была любима и всем нужна, а сейчас ей разве что вслед не плюют, с легкой Дианочкиной руки. А королю и дела нет.

Она ж не мальчик! А девочка – второй сорт, не брак, сойдет и так...

* * *

– Диана, сегодня ты вела себя недопустимо!

Диана в ответ залилась слезами.

Плакать она умела, даже перед зеркалом тренировалась в детстве, с луковицей. Слезинки набухали в уголках глаз, текли по щекам, падали мелкими бриллиантиками в декольте, привлекали к себе внимание. Диана рыдала вдохновенно, и кто бы остался равнодушен к ее чарам?

Уж точно не его величество Иоанн, который и так-то был очарован девушкой по самое дальше некуда, и сейчас жадно смотрел на белую кожу и прозрачные капельки на ней.

– Я... я не хотела... она меня оскорбила...

– И все же это королева и моя супруга.

– Да, любимый. Прости, я понимаю... я виновата.

Иоанн смягчился и погладил Диану по голове.

Король совершенно искренне считал, что женщины глупые. Вода мокрая, воздух прозрачный, а наличие разума у женщин наукой не доказано. Потому задача мужчин их оберегать, ну и предотвращать основные глупости.

Или не предотвращать.

Что уж, Иоанну и правда все это поднадоело. Мария уперлась так, что ее не сдвинешь, Диана рыдала, что она девушка честная... ну и пусть бабы между собой разбираются. Авось, до чего и договорятся?

Жену Иоанн знал неплохо, Мария совершенно не переносила ссор и скандалов. Стоило рядом с ней повысить голос, как Мария съеживалась в комочек и едва не начинала рыдать. Даже когда уже детей родила, двадцать лет уже как королева, а поди ж ты? Он как-то спрашивал у нее, почему так, но Мария только рыдала, Иоанн и отступился. А сейчас решил попробовать.

Не любишь ты скандалов, так тебе втрое будет!

Самому Иоанну на жену орать не с руки, с ее братом ссориться сильно не хочется. Саймон и так обидится, но вдруг еще удастся избежать обострения? Должен шурин его понять?

Сам мужчина, что бы он сказал, останься вдруг без наследника?

То-то и оно.

А вот Диана... да, две бабы мужика не поделили, что может быть привычнее и обыденней? А если Мария ненавидит скандалы...

Ну так что же?

Пусть не слушает. Развод – отъезд – монастырь. А там и тихо, и спокойно, и орать никто над ухом не станет.

Вот Диана и пошла ругаться с королевой, только чего-то не рассчитала, и оказалось, что ее величество упала в обморок. Иоанн даже испугался, что перегнул палку, и пошел на разведку. Не нужны ему такие слухи, мол, королеву угробили...

Ее величество оказалась жива, здорова и даже врача выгнала.

Значит, точно здорова.

Что ж, можно продолжать в том же духе, но Диану для вида отчитать стоит. Определенно.

Пусть не заигрывается.

Слезы медленно продолжали капать в декольте...

* * *

Долго расспрашивать Анну не получилось, потому что в покои ее величества заявила... куча роз. Другим словом Маша вот ЭТО обозвать просто не смогла.

Вот бывают люди, которые нравятся с первого взгляда. Бывают те, которых с первого взгляда начинаешь ненавидеть. Вроде и не сделал тебе ничего человек, но даже щипцами до него дотрагиваться не хочется.

А бывают... в покои вошел третий вариант. Дура полная и беспросветная. Нравиться или не нравиться она может, но это дело десятое. Главное, каши с ней не сваришь.

– Ваше величество! Ваше высочество!

Если кто-то смотрел тот самый фильм «Унесенные ветром» с Кларком Гейблом и видел там мисс Питтипэт – вот это она. Лора Хоуп Крюс, Мария интересовалась в свое время. Те же кружавчики, оборочки, кудряшки, ленточки, и все это пронзительно-розового цвета.

И глаза хлопают. Большие, глупые... у Марии был только один вопрос: дура или стерва? И к оригиналу у нее этот вопрос был, и к копии. И не надо удивляться.

Вот в фильме мисс Питтипэт удирает из Атланты, бросает там Скарлетт, беременную Мелани, считай, обрекает их на смерть. То, что Скарлетт и выжила, и всех вытащила, вот ни разу не заслуга родственницы-уродственницы. Наоборот даже.

Дура или стерва? Нет ответа... Мария поставила бы на первое, плюс редкий эгоизм. А тут что?

– Эрра Розабелла, маме стало плохо, – тихо произнесла Анна.

Ох, лучше б она помолчала, потому что в следующие полчаса Мария убедилась в своем диагнозе.

Эрра суежилась вокруг, ахала, охала, заламывала руки, стонала и причитала так, что в ушах у Марии реально зазвенело. Ей-ей, заткнула бы дуру поленом!

Но – нельзя, она полезные сведения выдает. По крупичкам, но выдает ведь!

Оказывается, она почти одна осталась дамой ее величества, а остальные разбежались. Розабелле-то терять нечего, она как приехала с ее высочеством из Картена, так на нее в Эрланде дурака и не нашлось. Что ей тот Иоанн сделает?

Кого смог из местных дам, он удалил, а Розабеллу разве что в тюрьму отправить, но это уж форменный скандал будет.

А что делала милейшая Розабелла?

Так ходила к ростовщику, закладывала перстень с бриллиантом, ваше величество, вот деньги. Немного, конечно, но сколько уж дали... а то слуги отказываются обслуживать ее величество.

Каково? А?!

У Марии появилось желание встать, взять-таки на кухне сковородку, сделанную из полезного чугуна, – и проверить. Вот идти по дворцу и всех встречающих проверять на прочность.

Начать с мужа, продолжить на фаворитке...

Дражайший супруг сделал финт ушами. Понятно, что жестко прессовать супругу ему не дадут. Ее не выгонят из дворца, ее не лишат удовольствия, но...

Одеваться – на свои.

Содержать двор – на свои. И вообще, все сама-сама. Я тебе, дорогуша, помогать не обязан. И даже алиментов не дам, потому как мы не в разводе. Ах, денег нет? А ты найди! Клад, к примеру. А я тут не кошелек и тебя обеспечивать не нанимался. Знакомая позиция? Марии так даже очень. Прямо хоть эссе пиши на тему: в какую позицию поставить за такую диспозицию. Ничего, это она тоже разъяснит, а пока послушаем про двор.

А кто входит в королевский двор? Маша вслух посомневалась, хватит ли денег на всех, и тут же получила раскладку.

Королевский духовник, отец Роман – раз. Как же без утешения в трудный час?

Учителя ее высочества – два и три. Чему учат? Грамоте, счету, языкам, философии, землеописанию и прочему. Конечно, надо бы хоть восемь учителей, но кое-как, с Божьей помощью, эти двое справляются...

Сама дама Розабелла – четыре.

Еще две дамы, одна из которых приглядывает за гардеробом ее величества, а вторая отвечает за прическу, косметику и украшения.

Конечно, это просто кошмарная нехватка людей, но куда деваться?

Ну а слуги... кто и когда обращал на них внимание?

Бегают тут всякие, мешаются под ногами... то есть раньше мешались, а сейчас не дозовешься. Слуги такие вещи тоже отлично чувствуют.

Так вот, содержание свиты упало на плечи ее величества, а со своими деньгами у нее и печаль. Она привыкла, что муж выделяет ей ежемесячно сумму на булавки, ну и расходы оплачивает, а сейчас этого нет. И как тут быть?

Ни до чего лучшего, кроме как заложить драгоценности ее величества за медяшки, умнички не додумались. Мария, правда, ругаться не стала, приняла кошелечек у Розабеллы и отпустила ее.

Временно.

А сама улыбнулась Анне.

— Поможешь мне встать, дочка?

— Матушка, но я...

— Справимся, не переживай.

Мария Ивановна в себе и не сомневалась. Чтобы она не справилась? Да она девяностые годы пережила, она мужа выгнала, когда тот налево пошел, сына и дочку подняла, на ноги поставила, оба сейчас в Москве, работают, живут хорошо, семьи, дети... сама она не из безобидных ромашек.

Это уж так она... расстроилась из-за увольнения, а случись оно в девяностые, и не чихнула бы. Некогда было расстраиваться, выживать надо было.

В том числе и на огороде вкалывать, и сразу четыре организации вести, и детей везде таскать, и приглядывать, чтобы никуда они не вляпались... тяжелые были годы.

Справилась же!

И сейчас справится.

— Маменька...

Девочка с некоторым усилием помогла Марии спуститься с кровати, и женщина встала на ноги.

Пошатнулась, кое-как удержалась на ногах.

— Анечка, давай подойдем к зеркалу?

— Да, маменька.

Зеркало находилось в одном из шкафов. Мария не учла, что сейчас зеркало – это предмет роскоши, и его держат закрытым, чтобы случайно какая-нибудь дура не разбила. Нельзя сказать, что оно было большим, даже до полуметра не дотягивало, да и качество так себе, но разглядеть себя Мария смогла.

Ну... ничего так себе.

В прошлой жизни она была невысокой, пухленькой, светленькой, такая бронебойная булочка. Кстати, типаж той же самой Питтипэт, только вот от кудряшек Марию Ивановну и в той жизни тошнило, и в этой ее мнение не поменялось. Прямые волосы, короткая стрижка, минимум косметики, и та близка к натуральной.

А в этой жизни из зеркала на нее смотрела... пожалуй что натуральная Кармен.

Шикарные черные локоны падали на плечи, огромные карие глаза, черные длиннющие ресницы и брови, тонкий прямой нос, высокий лоб и упрямый подбородок. Впечатление портили только слишком тонкие и бледные губы.

И лет этой роскоши было, пожалуй, тоже от сорока до пятидесяти. А значит – на десять – пятнадцать лет меньше. То есть надо просто собой заняться, и выглядеть она будет шикарно.

Еще и тело было воплощением детской мечты. Ну хотелось Машеньке быть тонкой, стройной, узкокостной, с длинными руками и ногами, хотелось!

Тогда не сбылось, а сейчас из зеркала на нее смотрел печальный скелетик. Минус первый размер груди (в той жизни четвертый), бедра есть, но попу надо искать на ощупь, ключицы наружу...

Мечты сбываются?

– Эрра Розабелла говорит, что ты можешь пить по утрам пивные дрожжи, тогда сможешь пополнеть, – тихо сказала Анна. – И уксус для отбеливания кожи.

Мария так прикусила язык, что почувствовала вкус крови.

Мечты сбываются? Ага?

Ну, кушайте, не обляпайтесь!

О чем ты, Машенька, ребенком-то мечтала? О внешности? На, получи! Только вот в эти времена любую модель определили бы в больные и уродины. Баба должна быть в теле, это главная заповедь средних веков. Чтобы и работать могла, и детей рожать, чтобы все при

ней. Вот в том своем теле она бы за красотку сошла, а сейчас... сейчас ты в последних страшилках.

Еще и кожа смуглая, и даже несколько родинок есть. Одна в углу рта, вторая на виске. Красиво, даже шарм придает, окажись она в двадцать первом веке, мужики бы строем стояли. А здесь – вряд ли.

О принце на белом коне тоже мечтала? А ведь было дело!

Можно муженька потрясти, спорим, у него табун лошадей по конюшням стоит. Что, не нравится? А ведь принц... был, сейчас уже целый король. И коня – любого дадут, только свали на нем, куда подальше. С-семья!

Дочку тебе тоже хотелось, интересно, тут какой подвох?

Анна уставилась на мать своими карими глазами. Да, дочь очень на нее похожа. Тоже тонкокостная, тоже угловатая, и лицо похоже. Волосы от отца, светлые, а в остальном – копия матери. Так что отцовской любви ей не сыскать. Не в этой ситуации.

Мечты сбываются?

Оно так, но... одной Марии Ивановне кажется, что над ней цинично поиздевались?

А и ладно. Мария Ивановна подмигнула дочке.

– Знаешь что? Давай-ка мы сейчас займемся нашими волосами. Прически сделаем? Ты не против?

– Маменька, но эрра Лизанда сейчас прийти не сможет. Она сегодня отпросилась по делам.

– И что? Сами не справимся? Где тут у нас щетки и шпильки?

* * *

– Значит, Эрсон. Значит, Диана...

Мужчина, который читал отчет, был чем-то похож на Марию, да оно и неудивительно. Старший брат, как-никак. Те же черные волосы, смуглая кожа, большие карие глаза. Правда, в мужском варианте. Мария была хрупкой и изящной, Саймон смотрелся тощим и тщедушным, хотя первое впечатление и было обманчиво. И все же доспехи были не для него, равно как и турниры, и битвы. Зато стрелком Саймон был хорошим. Но кого это сейчас волнует, когда у сестрицы такие события?

Саймон Картенский задумчиво барабанил пальцами по столу.

Эрсон...

На сестру он не злился, какой в этом смысл? В чем виновата Мария, в том, что у нее пятеро детей умерли? Но Бог дал – Бог взял, и у Саймона умерли двое детей, и с этим ничего не поделаешь, и остается только молиться.

А так... кто знает, что сделал бы он на месте Иоанна?

Хотя... нет, Саймон отлично знал, что бы он сделал. Он ценил и уважал свою жену, а потому нашел бы выход. Поговорил бы с женой, разыграл бы спектакль, усыновил бы малыша... да, собственного, от другой женщины, но сделал бы вид, что родила его королева Изабелла.

Любил ли Саймон свою супругу?

Нет, вряд ли. Но они прожили вместе долгое время, они были связаны взаимной выгодой и понимали друг друга с полуслова. Казалось бы, у Иоанна с Марией то же самое?

Двадцать лет вместе, сестра никогда на мужа не жаловалась, да и со стороны Саймон приглядывал за ней, была у него своя разведка, которая и доносила, что живут супруги неплохо.

Пусть у короля есть любовницы, Саймон и сам не без греха. Но мало ли кого он валяет по кроватям? Возвращаться он всегда будет к жене, потому что это – его семья, его жена, это святое! И пусть только кто-то попробует косо поглядеть на его жену или детей!

Да чтобы какая-то фаворитка хоть слово при Белле сказала?

Чтобы хоть взгляд подняла?

Саймон порвал бы за такое в кровавые клочья! Из столицы услал навек коровам хвосты крутить, внучки стервы – и то бы ко двору не попали!

Правнучки бы его шестой дорогой обходили!

А вот Иоанн... он этого святого правила не усвоил, явно. Намекнуть ему, что ли? К примеру, шла Диана Эрсон, да и подавилась случайно вишенкой. Или с лестницы упала, да так неудачно, что сразу и шею свернула?

Надо обдумать этот вопрос. Только сделать все так, чтобы никто Саймона не заподозрил.

Или... или не надо?

Проблема-то не в Марии и не в Диане Эрсон, как это ни печально, проблема в Иоанне. В том, что он закусил удила, и даже смерть

фаворитки ничего не изменит, разве что новая девка найдется. Мало ли их при дворе собой торгует?

Строем стоят, глазами хлопают...

Одну убьешь, на ее место три набежит, гонять замучаешься.

А что тогда делать?

Саймон даст Иоанну понять, что недоволен его подходом к вопросу, но вряд ли это поможет. А воевать по такому поводу себе дороже. Пошлины поднять?

Надо подумывать над этим вопросом.

Сестру Саймон в любом случае не отстоит, если Иоанн упрется рогами, слишком уж зять упрямый и дурной, честно скажем. Мария его кое-как удерживала от глупостей, а вот что дальше будет?

Да кто ж его знает?

А сестра?

А что сестра?

Марию он подстраховать особенно не сможет, это прямое вмешательство в дела другого государства. А вот организовать удачный брак для племянницы, с мужчиной, который при удаче сможет сесть на трон Эрланда – запросто! Не за два дня, конечно, но переговоры можно начать уже сейчас, с каким-нибудь принцем или просто членом королевской семьи. Мало ли их бегают?

Сейчас Анна помолвлена с сыном короля Фардании, но этот брак невыгоден Саймону. С Фарданием у них не так, чтобы дружба, скорее взаимная нелюбовь. Так что надо бы позаботиться о племяннице.

Тут ведь как?

Пока Анна – единственная наследница. Если Иоанн выпустит ее из поля зрения, возможно всякое, интересное. Анна и замуж выйти может, и ребенка родить, ну или объявить о его рождении, и будет этот ребенок наследником престола.

А Иоанн...

А ему еще надо сделать ребенка Диане, потом этого ребенка надо будет выносить, выкормить, выучить, это плюс еще лет пятнадцать – двадцать к имеющимся. За это время много чего интересного можно будет покрутить.

Надо только сейчас так сделать, чтобы глупость зятя не навредила Картену. А сестре он постарается помочь, если получится. И только так.

Не то чтобы Мария Ивановна любила делать прически. Но внучки у нее были, аж две, и с ними она возилась каждое лето. И когда эпидемия грянула, сидела с ними дома. Вот и научились плести.

Обычная коса, французская, объемная... корона, узлы – чего только не сделаешь?

Анна была в восторге и болтала без умолку.

Так до ужина и провозились.

А ужин...

Мария только брови подняла, глядя на ЭТО.

Явились трое слуг, сгрузили на стол три подноса, поклонились и собрались уходить. Тут бы любой человек не выдержал.

– Стоять, – рыкнула Мария Ивановна своим любимым «бухгалтерским» тоном. Такой голос налогового инспектора на скаку останавливал, а уж слуг-то местных и подавно затормозил. А женщина подошла к подносам и принялась поднимать крышки.

На первом подносе оказалась какая-то птица в подливке.

На втором лепешки и вареные яйца, плавающие в чем-то спиртном. Воняло от него дешевой сивухой.

На третьем ветчина, сыр и яблоки.

Мария принялась.

Нет-нет, все она понимала про средние века и холодильники, и про пищу весьма среднего качества, и о приправах знала, которыми все это маскировали. Но... одно дело знать, второе – нюхать, и понимать, что птицу лучше даже собаке не есть, она явно пропала еще три дня назад, что ветчина весьма сомнительна, а яйца... она о таком рецепте слышала, но рисковать не хотелось.

Остаются хлеб, сыр и яблоки. Их Мария и сгрузила на стол, заодно понюхала содержимое кувшина.

Вино. Слабенькое, но отчетливое. Ну ладно, сегодня она не будет устраивать борьбу за права трезвенников и язвенников. Завтра начнем.

– Значит так, – голос профессионального бухгалтера вызвал у слуг непривычную ранее дрожь. – Сейчас вы берете вот ЭТО, – палец женщины последовательно указал на подносы с несвежими продуктами, – и уносите, откуда принесли. А заодно сообщаете

поварам, что я сегодня же отпишу брату. При дворе моего супруга меня пытаются отравить.

Лакеи оказались сообразительными и мигом бухнулись на колени.

– В-ва-ва...

– Эту пищу так напичкали специями, чтобы замаскировать яд? – нежно уточнила Мария.

Лакеи затряслись еще сильнее.

– Взяли. И ВОН отсюда!

Мужчины так и сделали. Что интересно, поклонились перед уходом. Вот когда они вошли, они не кланялись, так, обозначили головами вроде полупоклона...

Мария посмотрела на свою дочку.

– Анечка, давай поедим, что осталось, а завтра я с этим разберусь. Еще не хватало травиться прокисшей и протухшей пищей.

Ребенок закивал.

Кажется, она настолько была счастлива видеть мать живой и здоровой, что не обращала внимания на мелкие нестыковки. А Мария попросту боялась.

Это спасибо, что она валялась в кровати, в виде полутрупа! А когда она выйдет и пойдет?

Можно сколько угодно рассказывать про попаданок, а в реальности-то... да спалится она, как свечка! Моторика, слова, мимика, местные нравы, обычаи, обращения... нереально!

Жесты, к примеру!

Где-то сложенные большой и указательный пальцы – это все о'кей. А в Турции и Греции так говорят, что вы ЛГБТ-ориентации. Сделаешь человеку «козу» – да и что? А вот в Италии ты этим намекнешь женатому мужчине, что его супруга ему не верна^[6].

Кому и как улыбнуться, или как улыбалась предшественница, как смотрела, разговаривала, какими выражениями пользовалась... у Маши вообще никаких воспоминаний не было.

И что делать?

Безвыходная ситуация.

Или... нет?

Приличный бухгалтер точно знает, что нет безвыходных ситуаций. Есть выходы, которые никому не нравятся, но они ведь есть!

И мы их найдем!

— Многоликий даровал милость детям своим.

Мужчина раздосадованно захлопнул книгу.

Он знал эту историю наизусть и все равно возвращался к ней, раз за разом.

Мечтал, воображал себя или драконом, или леопардом, или медведем, могучим северным зверем с клыками и когтями.

Или хотя бы хитрым лисом. Почему-то чернобурым.

Увы, в жизни у него даже волосы были другого цвета, но хитрость точно лисья. Он умный.

Он всех обманет, обведет вокруг пальца, заставит плясать под свою дудку... уже заставил!

Это ж замечательно, когда у короля не осталось наследников. Да-да, такой несчастный случай, лихорадка, которая свела в могилу единственного оставшегося принца буквально за пару дней. Кто бы знал, сколько мужчина заплатил за редкий яд из Шагрена! Местные-то яды легко обнаружить, и лекари их знают, искать бы начали злоумышленника. А так — на все воля Божия!

Плавают там вокруг острова такая симпатичная рыбка, которую ловят и перетирают в порошок. И отравиться ей можно очень даже легко, как-то ее там обрабатывают, в три-четыре дня сгорает человек. Вот и сгорел наследник престола, совсем сгорел... А наследница осталась. И подумайте-ка, что случится, если его величество совершенно случайно помрет, а Анна выйдет замуж?

Ее мать мужчина в расчет не принимал, эта трепетная незабудка в принципе никому возразить не сможет. У нее на голове воробьи гнездо устроят, она только глазами хлопать будет.

Так что Мария не помеха, даже наоборот, мужчине она нужна была живая и здоровая. Все же он не королевского рода, и плевать, что ума у него всяко больше, чем у Иоанна. И есть поддержка, и есть друзья, которые помогут... не просто так, конечно, в надежде на будущую выгоду.

Но это они могут мечтать о власти, а уж он, когда на трон сядет, сам и разберется, и кого, и куда, и зачем. А пока...

Пока надо бы придержать Диану. Угробят ему еще будущую тещу раньше времени, а ей дочку к алтарю вести, замуж отдавать...

И мужчина насмешливо улыбнулся.

* * *

Эрра Ребекка Стоун занималась важным делом.

А именно, она занималась любовью. Азартно и вдохновенно, с огромным удовольствием. Мужчина был неутомим и ласков, кровать скрипела, Ребекка стонала – что еще надо для счастья?

Только упасть на подушки, когда все закончилось, и принять от любимого бокал вина.

– Благодарю...

И жадно выпить, проливая на грудь алые капли.

Мужчина наклонился и медленно слизнул их.

Бекки ахнула.

– Подожди. Я пока не могу!

Мужчина подумал, что и он-то пока не сможет, но зачем ей это знать? Нет, вовсе ни к чему.

– Тогда поговори со мной. Мне так нравится слушать твой голосок, и особенно нравится, когда ты так страстно кричишь...

Бекки рассмеялась.

– О, милый...

– У тебя новое платье?

– Ты заметил! Это так приятно!

Не заметил мужчина, даже и в голову ему не пришли подобные глупости. Просто с платья (или любой другой детали) можно было перейти на покупки, потом на встречи, потом послушать, что происходило при дворе и кто о чем разговаривает...

Такие, как Ребекка – нужны.

При каждом дворе есть десяток-другой придворных шлюх, которые занимаются своим делом не за деньги, а из любви к искусству. Они ненасытны и неутомимы, они порхают от одного мужика к другому, они разносят болезни, но и сплетни тоже. И если вам хочется что-то узнать, лучше них никого не найти.

Вот мужчина и спрашивал.

Конечно, не Ребеккой единой, но уже завтра вечером все пойдет в отчет, а через какое-то время все ляжет на стол его величества короля

Фардании.

А что?

Абы на ком жениться? И отдавать сына в страну, не зная там всех политических раскладов?

Это не про его величество Ханса Девятого. Он просто так ничего из своих рук не выпустит, у него все продумано. А сейчас, когда осталась одна наследница...

Иоанн не просто так бегают и суетится, потому что ему приспичило, он и себя защитить старается. Понимает, если свадьба состоится, он будет уже не особенно нужен.

Но это дело завтрашнего дня. А дело скромного дипломата – информация. Кто владеет ей – владеет миром. Вот и приходится со всякими такими здоровьем рисковать.

Но зато расклад политических игр внутри Эрланда ему более-менее понятен. А это радует.

Завтра он обязательно напишет его величеству.

– Иди ко мне, радость моя, ты уже готова к продолжению нашей маленькой скачки?

Ребекка застонала, но к мужчине подвинулась поближе. А бедняге и застонать-то пока нельзя!

– Ты не утомим!

Да, иногда дипломатия требует огромных жертв. Увы.

* * *

Примерно то же самое о дипломатии думала и Мария.

Дочку-то она спать уложила, и придворных дам отослала, а вот сама спать не могла. Ей еще предстояло поговорить с личным духовником.

Эрра Розабелла упомянула, что духовник у нее новый, и что он недавно приехал из Картена.

Мария тут же сделала стойку.

В ее положении нельзя пренебрегать никакими союзниками, а тут сразу два бонуса! Если духовник новый, то он не знает ничего о ее характере, с ним что хочешь, то и делай.

Узнать женщину за три месяца? Ха! И снова – хрю!

Это как в анекдоте. Британские ученые пять лет работали над тем, чтобы понять женщину. Поняли, но она уже передумала.

Вот и тут.

За три месяца и кошачий-то характер не разберешь, не то что женский.

И второе.

Если священник не местный, то есть прислан из Картена – это джекпот! Приличные короли обычно к соседям идиотов не засылают, священник должен быть умным, сволочным и шпионом. Или прикрытием для другой умной сволочи. К примеру, приехал священник, дурак дураком, а при нем слуга, который везде шустрит и быстрит, внимания на него никто не обращает, а он-то обо всех собирает информацию.

Вот Мария и распорядилась привести к ней отца Романа, как только он появится во дворце, и без него решила не засыпать.

Это для Анны все хорошо и правильно, а вот остальные...

Те, кто видел королеву изо дня в день, те, кто с ней общался... не-не, Мария так рисковать не хотела. И ждала.

Нервничала, расхаживала по комнатам, теребила в руках платочек... четки здесь есть? Интересно? Пока она ничего такого не видела, но придворные дамы и не показатель.

Волнение успокоилось сразу же, в тот момент, когда через порог шагнул молодой, лет тридцати мужчина. То есть так он еще моложе, наверное, это надо учитывать.

Среднего роста, темные гладкие волосы до плеч, и вообще, если кто видел знаменитого Александра Трофимова в «Трех мушкетерах», так это его почти копия, только молодая. Нет той холёности и лохённости, которую придали актеру, вальяжности не хватает и усов, но если потрудиться, то лет через пятнадцать будет идеальный портрет.

А мозги?

Ришелье-то умный был, а этот?

Мария посмотрела прямо в глаза священнику. Глаза у него были голубые, как небо, умные, ясные, серьезные. И она сразу успокоилась.

– Святой отец, нам надо поговорить.

– Ваше величество, эрра Розабелла рассказала мне о сегодняшнем прискорбном случае...

Мария взмахнула рукой.

– Я думаю, мы сможем прогуляться пару минут по саду, святой отец?

– Если вы достаточно хорошо себя чувствуете, ваше величество.

Кстати, четок у него не было. А на груди висел символ Престола.

Здесь крестов не было, здесь была руна Альгиз, или что-то на нее похожее, в прямом положении.

Основной ствол, от него две ветви.

Основа – Предотец. Одна ветвь Предмать и вторая – Многоликий. В их отношении Мария пока не вдавалась, но политеизм радовал. Когда Бог один, фанатизм расцветает пышным цветом. А когда есть конкуренция... понятно, тоже есть проблемы, но так все равно лучше.

– Пойдемте.

Мария провела рукой, приглашая святого отца идти вперед, и тот послушно отправился, куда сказано.

Сад, несмотря на наступившую ночь, был достаточно хорошо освещен. На свой комфорт Иоанн денег не жалел, и по саду горели факелы. Фонарей тут еще не было, а вот так, установить держатели для факелов, ну и менять их, когда догорят – можно. И свет есть, и не споткнешься. Дорого? Ну так король же, не хвост кошачий!

Кусты, деревья, ухоженные дорожки, посыпанные цветными камешками... Мария прогуливалась не просто так. Она искала место, где их никто не подслушает, а параллельно расспрашивала святого отца о всяких глупостях.

Что там, в городе, не грязно ли, какое обещают лето... святой отец мгновенно понял игру и подхватил ее, рассказывая что-то о налете саранчи и возможном урожае бобов...

Вот и подходящая полянка. Все, достаточно комедий.

– Отче, меня сегодня пытались убить.

Святой отец не изменился в лице, не вздрогнул, вместо этого впился глазами в лицо Марии.

– Ваше величество, вы уверены?

Мария кивнула.

Это она продумала и даже способ убийства подобрала подходящий. Осталось преподнести должным образом.

– Отче, есть такая травка, когда у человека замирает сердце, малая ее доза способна подтолкнуть его, разогнать. Вы знаете о ней?

– Да.

– А когда сердце здорово, но человек волнуется, переживает, она способна довести до разрыва сердца^[7].

– Вы хотите сказать, королева...

– Сегодня мне принесли вино с этой травкой. Я ее распознала... вы недавно при дворе, одна из моих дам ее пила, и я знаю запах. Вино ею пахло.

– Понимаю, ваше величество.

– Я его вылила. А через полчаса пришла Диана Эрсон и устроила мне безобразный скандал, орала, требовала, чтобы я согласилась на развод с королем... от перенапряжения я потеряла сознание. Далее объяснять?

– Нет, ваше величество. Никто бы ничего не заподозрил.

– Потому я прошу вас отписать моему брату. Так, чтобы мой супруг был не в курсе, – жестко проговорила Мария. – Дадите мне бумагу, я подпишу, вы отправите. Свидетели, все, как положено...

Она лжет и подставляет несчастного Иоанна?

Да и плевать ей шесть раз на этого подонка! Может, хитрой травкой королеву и не поили, но Иоанн точно причастен и к скандалу, и к Диане, это он позволил! Вот и пусть расплачивается за все!

Сволочь!

– Ваше величество, раньше вы были против.

– Вы приглядывались ко мне, отче, я к вам. Что удивительного?

Святой отец сообразил, заткнулся и поцеловал королеве руку.

– Вы настоящая дочь короля и сестра короля.

– Я бы сказала, и жена короля, но вот это как раз временно, – качнула головой Мария. – Иоанн своего добьется, так или иначе. Понимаю, что мое признание станет очередной разменной картой в отношениях между государствами, но... почему нет? Это не я отказалась от Эрланда, а Иоанн от меня. Я не обязана хранить ему верность, он нарушил наши клятвы. Я – из Картена.

– И будете действовать в интересах родной страны?

– И буду действовать в своих интересах и интересах моей дочери. Если Картен их учтет, если Саймон пойдет мне навстречу, я тоже готова играть на его стороне.

– Ваше величество, вам бы на троне сидеть, вместо Иоанна!

Это проверка – или лесть? Может быть и то, и другое.

Мария равнодушно скривила губы.

– Мне бы сохранить свою жизнь. И жизнь своей дочери. Остальное меня пока волнует мало.

Осознал и сообразил. И медленно кивнул головой.

– Ваше величество, начнем с вашего письма брату. Я отправлю его *особой* почтой.

– Отлично. И давайте подумаем вместе, отче. Мне надо покинуть дворец – ненадолго. Вы отправите брату письмо, он его получит, подумает, дозреет до ответа, напишет вам. Месяц?

– Да, примерно так, ваше величество.

– Не хочу еще яда. Я могу его и не распознать. Куда я могу уехать на это время? Куда меня отпустит супруг?

– В монастырь на богомолье, ваше величество. Возможно...

Подтекст был ясен. Если Иоанн причастен, то захочет ее отравить.

Если непричастен, отпустит. Но рисковать нельзя, надо бить наверняка.

– Какой бы нам выбрать монастырь, чтобы письма успели?

Святой отец задумался, а потом кивнул.

– Монастырь святой Варвары, ваше величество. Он достаточно далеко, да вы и не на один день поедете, задержаться всегда можно, заболеть, к примеру.

– Вы сможете, не вызывая подозрений, остаться в столице?

– Вы сможете разгневаться на меня и отослать, ваше величество.

Чем святоша будет заниматься этот месяц в столице? При этом якобы находясь в неизвестном «там» вместе с королевой?

Мария даже спрашивать не стала.

– У меня есть один план, отче. Послушайте меня, прошу вас, потому что нам придется работать вместе. Хотя бы недолго.

– Я вас внимательно слушаю, ваше величество.

Мария еще раз огляделась вокруг, убедилась, что в радиусе десяти метров нет ни одной любопытной морды, и заговорила. Тихо, но нарочито четко, проговаривая каждое слово отдельно. Так будет понятнее.

Роман слушал, потом принялся поправлять ее, и наконец, план был готов.

А письмо его величеству он лично напишет, сейчас же, и принесет королеве на подпись.

Прекрасно!

Только вот поспать ее величеству не удастся, со всеми этими радостями. Ну и ладно, лицо будет бледнее, а круги под глазами темнее. Интересно, у нее пудры нет в хозяйстве? Или лучше не рисковать, грим – дело ненадежное? Тем более натуральный средневековый?

Ладно, посмотрим.

* * *

Тяжко быть нищим.

Или нет?

Так-то мотаешься по свету, неприкаянный, никому не надобный, где корку хлеба выпросишь, где воды напиться дадут, где заработать удастся – всякое бывает. А с другой стороны, ты сам себе хозяин.

Сдохнуть можешь в любой момент, но ведь свободным!

Ты никому не нужен, но и тебе никто не нужен. Ни о ком думать и заботиться не надо, живи, как птица вольная, там поклыешь, сюда полетишь... ни хлопот, ни ответственности, ничего!

Плохо ли?

Кому-то, может, и плохо, а нищий, которого прозвали Рваным, только радовался. Его такая жизнь устраивала, ему хорошо было. Зимой, конечно, тяжело, ну так зимой он на одном хуторе пристроился, за кормежку и крышу над головой. Даже отъелся чуток.

Хозяин, морда толстая, хоть и требовал работу, но и кормил от пуза. Рваный у него за такое даже красть ничего не стал, когда уходил. Хотя и мог бы курицу унести или еще чего прихватить совершенно случайно. Но пусть уж его...

Зиму-то прожить удалось, и хорошо, сытно, так-то и жить бы там остаться, на хуторе, а не по Рваному такое. Весна началась, и снова под ногами дорога зазмеилась, позвала за собой, потянула... не останешься, не удержишься.

Вот и довела дорога до Атреи, столицы Фардании. Шел Рваный по улице сейчас, оглядывался, думал, что странно как-то... в других городах, которые он знал, когда спускались сумерки, улицы так не

пустовали. Где шлюхи стоят, где нищие сидят, где разбойники на промысел вышли, а тут...

Непривычно тихо. Почему?

Рваный даже нарочно свернул в какую-то подворотню.

А вдруг там кто есть?

Тишина...

Еще одна подворотня... и снова пусто? Тут уж Рваный забеспокоился всерьез. Что происходит-то?

– Пст! Сюда иди!

Рваный сейчас находился на окраине города, среди сараюшек и хибарок. Трущобы?

Вот, это оно и есть, тут и днем-то должно быть опасно, ан нет! Бывал он в таких местах, тут и с нищего последнюю рубаху снимут и медяки из карманов вытряхнут, но ведь нет желающих!

Или?..

В другой раз он бы и близко не подошел к тому сараю, но сейчас любопытство оказалось сильнее. Да и тревожно ему было. Непривычно как-то... давило, тянуло.

Так что Рваный подошел к сараю, послышался скрежет засова, и его впустили внутрь.

В сарае сидел парень лет двадцати. Тощий, встрепанный весь, грязный донельзя, но тут и понятно, чай, не дворец. Хотя... он в этой грязи нарочно, что ли, извалялся? От ушей до пяток?

– Заходи быстрее! – парень впустил Рваного и поспешно заложил засов. А потом потянул нищего поглубже в сарай, туда, где лежала небольшая копешка прошлогоднего еще сена. – Лезь туда!

Сено было прелое и вонючее, понятно, чего оно лошади не понадобилось. Но...

– Зачем?

– Лезь, дурак! Не то до утра не доживем!

И так это прозвучало, что Рваному и спорить расхотелось. Сначала залез, а уж потом и спросил, почему-то тихо-тихо. Словно горло пережало холодной рукой.

– Ты чего, паря?

А и то. Голос у парня был такой... ТАК о пустяках не говорят, и не врут...

Парень кивнул.

– Тише себя води. Слышат они когда как, а вот нюх хороший. Я-то грязью потому и обвалялся, а вот ты...

Рваному тут же захотелось вывалиться в сточной канаве.

– Чего – я?

– Может, и не учуют...

– Кто?

– Не знаем... кто видел, тот пропал уже.

– Пропал?

– Ты ж видишь, пустые улицы.

– Вижу. А с чего так?

– А вот... завелась какая-то дрянь, людей находили порванными, ну и слух пошел... вроде как оборотни бегают по столице. В богатых-то кварталах спокойно, а вот на окраинах, среди бедняков, каждый знает, что ночью из дома выходить нельзя. Можно не вернуться.

– А знают-то откуда?

Парня ощутимо передернуло.

– Сам узнаешь... погоди немного. В дома они не вламываются, а вот в сарай, если нас почуют...

Рваному жутко стало. Словно морозом по спине побежало...

– Говорят, получеловек-полузверь, и рвет, и жрет, и тела находили обглоданные, у меня друг не вернулся... Чиж, мы с ним с детства вместе на улице, не успел до темноты, у бабы задержался, а тут муж ее вернулся. Чиж в окно, а уж что потом с ним стало?

Хоть и мог этот неведомый Чиж пропасть куда угодно, а все же...

Чутье у нищих тоже хорошее, без чутья им делать и нечего, сразу прибьют. И сейчас нутром чуял Рваный, что правду ему говорят. Может, в память о друге, которому и не помогли, позвал его этот парень...

– Слышишь?

Рваный в слух превратился.

Спервоначалу и не понял ничего, а потом...

Не когти. Мягкие шлепки по грязи.

И – сопение. Сопение, которое походило на... так большое животное втягивает воздух ноздрями. Стараясь унюхать запах добычи.

Вроде бы и ничего такого... бывает же! Но... на Рваного накати липкий мертвенный ужас. Словно в последнюю надежду, вцепился он

в соседа, да и тот был перепуган не меньше, и за Рваного схватился, как за мамкину руку... мягкие шлепки остановились.

Потом прекратились, принохивание стало громче.

Потом тишина, от которой у нищих сердца зашлись, кажется, сердце Рваного грохотало так, что его на улице слышно было... ох, мама...

И снова мягкие шлепки, и сопение.

ОНО уходило дальше.

А говорить не хотелось, и шевелиться тоже, и выглядывать наружу... что-то было такое, жуткое... чтобы он в Атрее остался?

Никогда!!!

Плывать, что столица... Уже под утро, когда светать начало, Рваный на парня посмотрел.

– Не хочешь уйти отсюда?

– Как рассветет, оно днем не вылезает...

– Я не о том. Зовут-то тебя как? Ты ж мне жизнь, считай, спас...

– Воробьем кличут.

– Воробей, со мной пойдешь? Я сегодня из Атрея уйду...

– Кому я нужен... тут хоть знакомое все, а уйти – куда?

Рваный думал недолго.

– Я зиму на хуторе провел, хозяин оставаться звал. Вот, туда можно, ему рабочие руки надобны.

После проведенной в сарае ночи хутор стал казаться Рваному чуть ли не островком безопасности в жутком мире.

Не был нищий трусом. Понимал, что убить его могут в любой момент, и избить, и ограбить, только вот – ЛЮДИ! Самые обычные люди! А это...

Это жутко было. Словно из старых сказок про чудовищ выползло что-то такое... что может и жизнь погубить, и душу забрать, и...

Не надо ему такого!

Лучше уж от честного ножа в бок!

Жут-ко!

Забегаая вперед, хозяин хутора так и не понял, почему к нему вернулся работник, да еще друга с собой привел, почему больше не срывался никогда в странствия, наоборот, и за ограду-то выходить не хотел лишний раз бывший нищий...

Да и кому оно важно?

Все неплохо сложится и у бывшего Воробья, а ныне Джока, и у Рваного, и проживут они еще долго. Смерть с ними рядом ходила, да разминулась. Но в Атрею им больше не хотелось.

Никогда, ни за что!

Предотец – он один шанс дает, а если ты его прогадил по глупости – сам и виноват! Второго-то уж и не будет.

Глава 2

Завтрак шел своим чередом.

Его величество Иоанн Пятый изволил вкушать запеченного карпа в белом соусе. Рыбка была на редкость вкусной, настроение солнечным, под стать дню, рядом улыбалась Диана... чего не хватало?

Только короны на хорошенькой рыжей головке. Но это же дело времени! Мария рано или поздно согласится, и братец ее против не будет, сам король, понимать обязан.

Наследник же!

А Мария стала бесплодной, она ему ребенка не родит, и глупо звучат ее отговорки.

С одной стороны, они в законном браке, и брак их был благословлен Предотцом шесть раз. С другой стороны, у него нет сына! И кто тут не поймет несчастного короля?!

Нет у него законного наследника! А ведь он мужчина в самом расцвете сил! Вот, и от Ирены у него есть сын, и от Маргариты дочь и сын, а от законной жены только дочь. А ведь он еще молод! Вот женится он на Диане, и та родит ему сына. Двух сыновей. А лучше – трех.

Радужные мысли были оборваны появлением на пороге бледной, как смерть, принцессы Анны.

– Ваше величество, – голос девочки срывался от страха. – М-маме плохо, и она говорит, что ее отравили...

– ЧТО?!

Иоанна с места подняло, как волной.

Одно дело – развестись с женой по ее собственному желанию. А другое – стать вдовцом, да еще по такому подозрению! Кто-то думает, что Саймон не воспользуется таким шансом?

Иоанн бы точно воспользовался, и шурин у него не глупее.

Так что... его величество решительно направился в покои к супруге. Дочь побежала вслед за ним. Диана проводила ее гневным взглядом.

Отравили ее!

Да кому она нужна?! Уж хотели бы отравить, давно бы сделали, но нельзя! Дианочке хотелось власти, хотелось коронацию, хотелось...

Много чего хотелось. Но если кто-то ее заподозрит, все пойдет прахом. А могут, еще как могут, вот, уже переглядываются. Яд – женское оружие.

Стерва! Даже умереть нормально не могла!

* * *

Когда его величество ворвался в покои супруги, его встретил... хаос!

Причитающая Розабелла, жуткий запах, Мария, согнувшаяся в три погибели над ночным горшком, жутковатые звуки, громко молящийся в углу святой отец...

– Что тут происходит?!

Новый приступ спазмов у Марии был ему ответом. Женщину рвало, жестоко и беспощадно. Иоанн даже растерялся.

– Я... пришлю лекаря.

Мария застонала.

– Этого негодяя, который хотел меня опозорить? Бросить тень на вашу честь?!

– Эээээ?

На первое, положим, Иоанну было наплевать. Но... что значит – бросить тень? Он что?..

Мария снова согнулась над горшком.

– Господи, помоги мне! Буэээээээ!

Иоанн ощутил даже что-то вроде чувства вины. Если бы Мария спорила с ним, ругалась... это дело другое. А ей плохо, она умирает... наверное?

Но – КТО?!

Кто посмел?!

Такое спускать Иоанн не собирался. Сегодня на жену замахнутся, а завтра и до него доберутся. А что такого? Легко!

– Если выживу, – спазмы опять скрутили Марию, – я отправлюсь в монастырь! На месяц! Пусть Господь даст мне силы и совет!

Иоанн подумал, что это не так и плохо. Сначала на месяц, а потом, кто знает, и навсегда?!

Мария опять согнулась над горшком.

– 000000...

– Матушка! Не умирай!

Анна плакала, цепляясь за мать. Потом перевела взгляд на отца.

– Батюшка, умоляю, помогите же!!! Мама, мамочка...

Иоанн почувствовал себя законченной свиньей. Чего Мария и добивалась.

— Я пришлю лекаря и слуг. И сам навещу вас, ближе к вечеру.

– Буду ли я жива... 00000XXXX!

Марию опять вывернуло чем-то зеленым и дурно пахнущим.

Иоанн занервничал.

– Если выживу! Поеду в монастырь! Пусть Господь просветлит мой разум!

– Да-да, конечно, – выдохнул король. – К примеру, монастырь святой... ЭМММ...

Сразу так и не вспоминалось.

– Варвары, – подсказал негромко, но отчетливо святой отец.

— Да-да, святой Варвары.

— Буэээээ... — вежливо ответила королева.

Его величество решил, что это не бегство, а стратегическое отступление, и поспешно ретировался. Мария перевела дух и поманила пальцем дочку.

— Анечка, радость моя, помоги лечь?

— Да, мамочка.

Ее высочество подхватила мать под руку и подвела к кровати. Мария махнула рукой на эрру Розабеллу.

– Эрра, прошу вас, оставьте меня ненадолго. Принесите мне колодезной воды. Много.

Сама эрра не понесет ничего, но пока слуг найдет, пока организует...

— Святой отец, благодарю вас за помощь и утешение. Скажите, монастырь святой Варвары нам... подойдет?

Святой отец улыбнулся.

– Да, ваше величество. С вашего позволения, я опишу матери-настоятельнице?

Мария вздохнула и пошла к горшку.

Рвало ее непритворно. Какие уж тут инсценировки? Это не театр, тут не играть надо, тут все всерьез, по-настоящему.

Бээээээ...

* * *

В далекой Фардании друг на друга злобно смотрели двое мужчин.

Один из них явно чувствовал себя виноватым, опускал голову, но потом вздергивал ее, смотрел исподлобья. Второй, напротив, гневно сверкал глазами.

– Ты мне обещал, что в этот раз получится!

– Я и сам так думал! Поймите, тейн, нужен не один опыт, а десятки, может, даже сотни!

– И результат получают лет через триста?

– Тейн, это зависит от многих факторов.

Тейн с отвращением посмотрел на содержимое клетки.

И кто бы сказал, что еще два месяца назад это был сильный молодой человек? Потом... не совсем человек. А сейчас...

Лучше не думать о том, что там корчилось сейчас, все равно сжигать придется. Ладно...

– Я делаю все возможное.

Мужчина вздохнул. Ну... делает, просто действительно, слишком это сложно.

– Ладно, брат Тома. Не обижайся.

Монах понял, что гроза прошла стороной, и чуточку расслабился.

– Тейн, я справлюсь. Обязательно.

– Я в этом уверен.

Монах расплылся в угодливой улыбке. Тейн поморщился, но ничего не сказал, просто потрепал монаха по плечу.

– Постарайся, брат, это важно и для Храма, и для Фардании... для всех.

– Я постараюсь. Я очень постараюсь.

Лежащее в клетке существо тихонько вздрогнуло – и умерло. Но мужчины, занятые своими великими планами, ничего не заметили.

Врачи как пришли, так и ушли, потыкавшись носом в рвотные массы и определив, что в них присутствует посторонний компонент.

Марию еще и при них выворачивать начало, что вовсе уж подтвердило ее слова. Лекари определили ей лечение клистиром и промыванием, и наконец, оставили в покое. Клистир ее величество с огромным удовольствием вылила в тот же горшок, куда ее рвало, и принялась пить воду.

Много.

Примерно через два часа ее уже не рвало, и она вытянулась под одеялом, подтянув к себе поближе Анну. Девочке явно нравилось вот так валяться с мамой и секретничать.

Раньше не было?

Ну так... раньше много чего не было.

Пока был жив наследник, у Марии был статус «любимой жены и королевы». А это не просто так с горы упало, это куча обязанностей.

Двор, придворные, представительство...

Его величество с огромным удовольствием таскался на охоту, бегал по бабам, правда, и государственными делами занимался тоже. Чего было не отнять у Иоанна, так это хороших мозгов. Сволочь, да, но Эрланд же процветает?

Ну или хотя бы не особенно бедствует.

Налоги относительно стабильны, толпы нищих по дорогам не шляются, воруют умеренно, войны нет, пограничные стычки не в счет, они всегда есть, в той или иной мере, голода и заразы тоже не предвидится. И чего вам еще надо?

Личные качества короля к делу отношения не имеют. А что он потаскун и вообще... последний енот, так это проблемы его супруги. То бишь Марии.

Не можешь воспитывать муженька скалкой? Забодай его рогами. Или смирись и носи их благочестиво.

Мария и носила, пока был жив сын, делила время между обязанностями и монастырями, и по-своему была даже счастлива. И с дочерью они виделись примерно раз в неделю, где-то на полчаса, может, чуть побольше. Минут на сорок.

Это уж потом все начало рассыпаться, Анне отменили учителей, ибо не фиг быть тут самой умной, и Марию загнали под плинтус, лишив большей части обязанностей, вот и получилось так, что мать и дочь друг друга особенно и не знали. И ничего удивительного в этом нет, так было принято.

Времена, нравы, все в рамках нормы^[8].

Так что особенно мать и дочь не общались. А вот вчера прорвало. Спасибо милочке Диане, которая устроила грязный и безобразный скандал, Анна тоже примчалась и увидела, как падает мать, а рыжая стерва убегает прочь, махнув шлейфом.

Который ей, кстати, не полагался. Шлейф только для родственников королевской семьи и строго регламентирован, но Диана же почти родственница? По мужу? Ага?

Анна попыталась привести мать в чувство, у нее ничего не получилось, она кое-как затащила тело на кровать и уже хотела бежать за помощью, но тут мама очнулась.

Мария полагала, что тогда-то и умерла королева.

Может, от потрясения, может, толкнули ее неудачно – кто ж теперь узнает? И оказалась в ее теле Маша Белкина, которой совершенно не хотелось умирать второй раз. И уж тем более не тянуло сообщать о себе и интересоваться, где тут патентное бюро. А то ей срочно надо винт запатентовать, пенициллин и автомат Калашникова. Плевать, что сейчас не пригодится, зато через пару-тройку веков ее потомки состояние наживут!

Вместо этого Мария решила аккуратно вживаться и изучать обстановку. А где это можно сделать?

Только там.

Культурными центрами средних веков были монастыри. Не так чтобы очень культурными, и достаточно своеобразными, но если где и можно было получить информацию о происходящем в мире и обществе, то только там.

Знания – это первое, что было необходимо Марии. О мире, обществе, сословиях, званиях... да обо всем! Она тут как новорожденный котенок, и утопят ее с той же легкостью!

А что еще?

Ну... если получится, то долгая, спокойная и счастливая жизнь. Желательно с любимым мужем, в своем доме, с детьми и внуками. И

нет, его величество Иоанн в этот список не входил никаким моментом. Может, предшественница его и любила, кто ж теперь узнает?

Может быть.

Но лично Мария к изменам относилась очень жестко.

Один раз предал? Все, пусть тебе лягушки на болоте верят, и то не факт, а Мария второй раз на грабли не наступает. Не согласная она. И вообще...

Кому надо это королевство? Диане?

Да в добрый час!

Мария б хоть сейчас развелась и с воплем: «Я свободна!!!» свалила на все четыре стороны.

Только вот... вы слышали, чтобы королевы жили долго и счастливо после развода? Вот Мария как-то нет, видимо, плохо историю учила. На Руси еще туда-сюда, могли законопатить бывшую супругу в монастырь, где она потихоньку и помирала. А в Европах – там такого не водилось.

Вдовая королева жить могла. Разведенная, как правило, помирала в течение трех-пяти лет. Исключения были, где ж без них, но они только подтверждали правило.

Оно и понятно, знала-то бывшая супруга много чего полезного, а любви к мужу не испытывала. Ну и старалась отплатить за все хорошее.

Не-не, жить долго и счастливо ей Ваня не даст. Никак и ни с кем. Это он может половину всех баб Эрланда перевалывать, а ее замуж не отпустят. Разве что любовника завести дадут, и то... случится вот так у короля приступ ревности, а ей потом мужа хоронить? Родного и любимого, потому что абы с кем Маша в постель не прыгнет, ей чувства нужны, взаимопонимание, поддержка, а такое сокровище в средние века пока найдешь, забегаешься. Она искать будет три года, а Иоанн один раз приревнует – и ждите супруга сорок лет из тюрьмы, или вообще труп у палача выкупайте?

Маша на такое не подписывалась.

Итак, для начала сбор информации, потом планирование, а потом...

Жить можно везде и всегда. И в средние века люди и жили, и выживали, и потомство оставляли, но лучше всего жить подальше от двора. Правда-правда.

От власти в любое время лучше держаться подальше. Хотя тут на истину в последней инстанции Маша не претендовала. Есть садисты, есть мазохисты, а есть и те, которые мечтают о власти. Тоже своего рода извращение, но у нее ориентация нормальная, она ничем не страдает.

Так что – берем себя в руки и действуем. И для начала – надо уехать из дворца под благовидным предлогом. Так, чтобы король ее сам отослал.

В монастырь?

Да хоть бы и туда, главное, ненадолго. Какой выбрать?

Монастырь святой Варвары был выбран совместно с отцом Романом, если он говорит, что подойдет – значит поедem! Все равно Мария ничего другого и не знала, никакого монастыря.

Все, кроме священника, были разыграны втемную.

Розабелла носилась и причитала вполне искренне, святой отец молился тоже вполне себе искренне, после вчерашнего из него такая искренность перла, лопатой не отгрести.

А уж как письмо получил для Саймона Картенского, так и вообще во все поверил и подыгрывал всерьез. Не хотелось ему королеву отпевать, а потом ее брату отчитываться, за то, что важную и полезную сестру не уберег. А Саймон за такое три шкуры спустит и голову снимет. В буквальном смысле.

Про Иоанна и говорить нечего, с ним сыграли «цыганочку». Если кто видел, как ведут себя цыганки на рынке, вот это оно и есть. Шум, гам, суэта, мельтешение, и человек чувствует себя сбитым с толку и легко поддается на манипуляцию.

А почему Марию тошнило?

А все просто. С утра дочка сбегала в сад и принесла ей букет роз. С которых Мария ободрала листья, разжевала в мелкую кашу и проглотила. И конечно, тошнота не заставила себя ждать.

Главное, разжевать было помельче, чтобы никто составные части не опознал. И вроде как сработало?

Мария еще пару раз прочистила желудок – и подмигнула дочери.

Говорите, монастырь?

Вы говорите, говорите. А мы пока почитаем, подумаем и план наметим...

Ровно через четыре дня небольшой кортеж отбыл в сторону монастыря святой Варвары. Расположен означенный монастырь был в шести днях пути от столицы, в сторону гор. Сейчас туда ехали шесть карет и тридцать человек охраны.

В первой карете ехали королева и принцесса. Во второй – все три придворные дамы ее величества, которые остались. В третьей – духовник. Ну и три кареты пожитков и полезных вещей, без которых никуда не поедешь. К примеру, своя перина.

Может, в монастыре клопов не окажется, так им привезти надо, поддержать популяцию.

Или подушки. Мария как начинала думать, сколько лет в них пух слеживался, как у нее приступ астмы начинался. Острый. И неважно, что она ею не страдает. Тут кто хочешь пострадает!

А платья?

Их же не стирают! Никогда!!!

Щеткой почистить могут, а вот так, чтобы в стирку... и это носить надо! Хорошо еще, нижнее белье постирать можно. Но и то...

Кто-то когда-то стирал натуральный шелк?

Руками, в воде сомнительного качества, с местным мылом из золы и жира? Хорошо еще, Мария – королева, так что лично ей стирать не надо. Но и так радостей хватает.

Прямо даже интересно, кто так пошалил и забросил ее душу в эту тушку?

Но увы.

Местные боги с Марией не общались. Видений не было, голосов из кустов – тоже, ангелы не спускались и животные молчали.

Ничего похожего на привычные из мифов и легенд знамения тоже не попадалось.

Ну а если так...

Сами не предупредили?

Сами и виноваты. А Марии надо выжить. Вот этим она и собирается заниматься.

* * *

– Ты достал то, что я просил?

– Да, исс.

Мужчина протянул руку и взял флакон. Поглядел на свет.

Стекло было прозрачным, а жидкость в нем чуточку опалесцировала.

Яд?

Нет, не совсем яд... есть разные вещества. Эта жидкость хороша тем, что постепенно, понемножку сгущает кровь. Говорят, в нее входит яд какой-то морской змеи^[9].

Вот эта жидкость хороша тем, что срабатывает далеко не сразу. Не за час, не за день, иногда нужно полгода-год, чтобы убить человека. Все зависит от его веса, от количества яда, ну и от самого человека. Может, он уже болен чем-то похожим, тогда яда потребуется меньше.

Минус яда – не рассчитаешь точный срок.

Плюс яда – человек какое-то время будет болеть и умрет почти естественной смертью. Постепенно, потихоньку.

Хорошо, что удалось его достать.

Мужчина кивнул и вышел вон из комнаты.

Убивать продавца? Или предупреждать о чем-то? Нет, это ни к чему, он скоро уедет и приедет обратно почти через два года, он ходит со своей торговлей по всему континенту, там продаст, здесь купит, отправится в следующий город, в другую страну...

Да и может в дальнейшем пригодиться.

Матушка Ирта неплохо зарабатывает на организации таких свиданий, только вот надо, чтобы старая гадина не донесла никому. Но у мужчины был свой рычаг воздействия на гадюку, так что будет сидеть как шелковая и молчать. Рта не откроет, даже если ее на куски резать будут!

Пора, пора ему приводить в действие основной план. Или немного подождать?

Яд уже у него, применить он может жидкость в любой момент. Просто интересно – кто встал на его пути? С чьей легкой руки королеву пытались отравить?

Он ничего не делал, Эрсоны тоже, Виталис Эрсон не такой идиот, чтобы подставляться на следующий же день после выступления Дианочки, о котором все знают.

Кто-то третий?

А кто?

А что ему нужно?

Определенно, надо самую чуточку подождать, узнать, кто и что замышляет, и уж тогда...

Пальцы мужчины нежно скользили по гладкому хрустальному флакону.

Если бы Мария знала, что ее хитрость отсрочила смерть супруга, она бы от души посмеялась. Но... сам заговорщиков развел, пусть сам с ними и разбирается.

* * *

– Невыносимо!!! Я!!! Еду за утешением!!! И должна еще выслушивать разные гадости?! Да как ты смеешь?!

Мария подумала, что ее голос надо запатентовать и использовать как стратегическое оружие.

Когда она просто говорила, голос у нее был хорошим, чистым и звонким. Но стоило ей разозлиться и заверещать на высоких нотах, как самой захотелось зажать уши.

Зараза!

Такой визг получился, что в карете дворцы завибрировали. А ведь это не фанерка, это массив...

Святой отец пытался оправдаться, но Мария его выслушивать не стала.

– Завтра же в столицу! И плевать мне, как ты перед королем оправдываться будешь! Негодяй!!!

Дверь хлопнула.

Придворные дамы замаялись. С одной стороны, было любопытно, с другой... попади сейчас королеве под руку, так она и тебе еще добавит, за все хорошее и против всего плохого. Поди, реши, что дороже – шкура или любопытство?

Впрочем, последнее было неумолимо и неумолимо, так что эрры переглянулись и атаковали отца Романа.

– Святой отец...

Тот сильно и не сопротивлялся.

– Ее величество так переживает... она понимает, что обязанность женщины во всем повиноваться мужу, но сейчас она воспринимает

это... немножко остро.

Дальше эрры и переглядываться не стали. Понятно все с вами, святой отец.

У женщины тут трагедия в личной жизни, ей муж предпочел другую, от нее требуют развод и убраться куда подальше, да еще жалеют, что она своей смертью не померла. А вы...

Повиноваться?

Ага-ага, вот сейчас только человеку и говорить, что надо во всем мужа слушаться, вы, святой отец, везунчик. Вас не прибили! А кое-кто из эрр мог бы и не сдержаться в такой ситуации. Ты б еще сказал, что мужчины имеют право заводить любовниц на глазах у жены. Тогда бы и вообще...

Головой закивала только эрра Розабелла. А вот эрра Лизанда, будучи поумнее, подхватила отца Романа под руку.

– Пойдемте, отче, я помогу вам собраться. Не думаю, что ее величество смягчится.

– Что я такого сказал? Эрра, ну хоть вы мне объясните?

Мария, спрятавшись за шторкой, корчилась со смеху. Правда, со стороны это выглядело как рыдания.

Ага-ага, что он такого сказал? Определенно, неспроста это внешнее сходство, получится из Романа первоклассный Ришелье, если раньше коллеги по цеху не прикончат.

Сам придумал, сам исполнил, сам глазами невинно хлопает, сам и страдать сейчас будет, на виду у всех. Ах он дурак! Как он мог такое сказать королеве? Нет-нет, он точно не сможет показаться ей на глаза, он пойдет и тихо сторит со стыда в уголочке! И завтра же уедет в столицу!

И догорит уже там!

А, какая бестактность, какая вопиющая глупость с его стороны! Просто невозможно... ее величество прекрасной души женщина и выдающегося терпения. А другая и убила бы. Очень даже запросто...

Мария мысленно хихикнула.

Она святого отца озаботила составлением аналитической справки, на тему, кто будет выгоден Картену, а кто невыгоден, кого бы хорошо оставить при дворе, а кого удалить, кто с кем дружит и кто чего хочет. Понятно, всей правды ей не напишут, но она и фрейлин по дороге расспросит, и охраной не побрезгует, и в монастыре будет держать

ушки на макушке. Это ж не просто так себе храм и три постройки рядом, это местный сток сплетен! Сюда топают паломники, мимо идут путники, купцы останавливаются, поневоле кто-то и что-то знать будет.

Так что...

Ко двору Мария должна вернуться подготовленной. И более-менее представлять, чего она хочет. Вот кто бы сказал, что мечты могут сбываться дословно и так злопакостно?

Королева?

Да пожалуйста, и молодая, и красивая, и муж-король, и ребенок есть, и... вот как все это неудачно разложено! Прямо по анекдоту. Святой отец, я правильно живу? Правильно, сын мой, но зря.

Вы свои мечты получили? Ну и майтесь теперь с ними сами. Или спасайтесь, если получится.

А, нет!

Еще один пункт не выполнен! Магию не подвезли в комплекте, видимо, по дороге потеряли. И это уже счастье!

Магию Мария точно не выдержала бы!

* * *

Рыбацкая артель вышла в море еще затемно.

Это в сказке красиво говорится – вышел рыбак в море и закинул он невод. А вы тот невод видели? В руках держали? Сами закинуть пробовали?^[10]

Длина невода может быть до трехсот метров, сети до ста пятидесяти метров. И это не леска тоненькая, не капроновое волокно, это все пенька, тяжелая, достаточно толстая, да еще с грузиками, хотя в море лучше невод.

Это надо закинуть, а погода-то не всегда в твою пользу, еще темно, и ветер, и море, и лодочки-скорлупки, с которых хорошо бы не ковырнуться головой вперед. А это тоже реально.

И до места догрести надо, и не растеряться.

А потом еще вытянуть невод. И порадоваться, если он с уловом. А если нет?

Тогда плыть дальше и закидывать его заново. И при этом сильно рисковать...

Но шагренцы осознанно шли на этот риск.

Маленькая страна, бедная земля, а рыба – это все сразу. Это и пища, и корм для скота, хотя и сколько там того скота, это и удобрение для не особенно плодородной островной земли... только вот беда.

Из-за какой-то пакости (плохо богам молимся, факт!) вокруг Шагрена, хоть он и остров, рыбы особо не водилось. Мелочь всякая, креветки-осьминоги, была, да и тех особенно не хватит, а так, чтобы рыба, да по-настоящему, такое только поближе к Картену. А там...

Вот чего этим картенцам не живется?

Шагрены считали, что эти материковые сволочи и так слишком избалованы жизнью: у них и не остров, и рыба рядом ловится, и земли, сколько хочешь, и родит она на зависть Шагрену... вроде и небольшой пролив, но почему так? На материке в землю семечко воткни, так оно же через год плоды даст, а тут... бьешься, словно рыба об лед, и все бесполезно.

И что остается?

Браконьерство?

Ну... шагренцы считали это восстановлением справедливости, а картенцы... а кто их спрашивает, этих сволочей? Поневоле рисковать приходится, если голод...

Вот артель и рисковала.

Плыли в ветреную и дождливую погоду, терпели противную морось, радовались ей даже – авось, картенцы тоже носа из трактира не высунут! Чего им в море в такую погоду делать? Пусть дома сидят!

И подкрались поближе, и невод закинули, и вытащили его – дай Многоликий каждому! В каждую лодку рыбы отгрузили!

Второй раз и не надо забрасывать, этого всей деревне дней на пять хватит, а еще засолить – закоптить... только вот уйти смогли не все.

Выдвинулся из-за мыса сторожевик, дал залп из катапульты... лодки, как привыкли, кинулись хоть и к родному берегу, но врасыпную. Тут уж у шагренцев было так принято – каждый спасается в одиночку. Сторожевик, он один, он сразу за всеми лодками не погонится, максимум две-три погибнут, а остальные спасутся.

Так и сейчас сделали.

Действительно, две лодки погибли, остальные двенадцать успели уйти, унося с собой рыбу и невод. Так что... уже хорошо!

Голода в деревне не будет! Это главное! А люди... оплатим, как положено, жертву в храме принесем, вспомним добрым словом. И снова – за дело. Рыба сама себя не поймает, не накопит, не засолит и не продаст. А это самое главное.

Поди, погибшие рыбаки только счастливы будут, если их семьи живы останутся.

Было в Шагрене и кое-что хорошее. Община...

Семьи погибших сегодня рыбаков не бросят на произвол судьбы, из деревни не выгонят, поди, каждые рабочие руки на счету. Баб, честь по чести, вторыми-третьими женами разберут, детей в свой дом примут, тоже вырастят, как положено, ремесло в руки дадут. Никто бродяжничать не уйдет, с голоду на дороге не помрет, как это в том же Картене бывает. Куда ж их гнать?

Тоже люди...

И – Шагрен.

Скудная земля, тяжелая жизнь... одиночка тут просто не выживет. Только община, только совместно. А что кому-то что-то может не понравиться... дело твое! Садись, да помирай, авось, переродишься в императорской семье!

Нет?

А тогда – работай! Кто не работает, тот не ест!

Так что...

Встречали артель все бабы. И рыбу потрошили, и чистили, и разделывали все бабы. Плакать?

Потом поплачут, ночью. А день для работы, а не для криков и стонов. И так понятно, что плохо тебе, а только и людям не легче. И горе общее, и дело общее, и деревня... вот и работай! Молча!

* * *

За четыре дня Мария разобралась, куда она попала. Более-менее.

Это не ее родная Земля, на Земле таких государств не было, и королей не было с такими именами. Это другой мир.

Правда, отдельного названия жители ему не давали, по умолчанию решив, что они одни во вселенной. Страны – те называли. Но это и на Земле так же, никто ж не называет их мир миром И. Христа, к примеру, или Гаутамы, Аллаха, кого-то еще... всем и так ясно, о каком мире речь.

Раскрутить Анну на урок географии оказалось несложно, и дочка с удовольствием рассказывала маме, чему ее учили. Даже карты рисовала, показывая при этом отличную память и неплохие художественные способности. Мария в юности тоже рисовать любила, только что-то классическое. Ей казалось, что картины тоже требуют знания математики. Тут и перспектива, и сочетания цветов, и ракурсы, особенно Марии нравилось, когда вблизи видно одно, а издали другое. Только вот китча и моды в ее рисунках было мало, да и на жизнь таким не заработаешь. Пришлось отказаться в пользу бухгалтерии...

Эрланд оказался небольшой страной, по форме больше всего похожей на знаменитый итальянский «сапог». Правда, жители тут были ближе к скандинавскому типу. Блондины, русые, рыжеватые, брюнеты тут редкость, тем более такие жгучие.

Сначала красота Марии казалась мужу экзотической, потом прискучила. Впрочем, об этом Мария могла только догадываться. С географией всяко было проще, чем с отношениями венценосной четы.

На северо-запад от Эрланда находилась Рамерия, на северо-восток – Фардания. Каждая из стран с удовольствием пригребла бы под себя лакомый кусочек пирога, но короли Эрланда тоже были не дураками и роднились то с Картенем – это аккурат за Рамерией, на запад, то с Канорией – это строго на север-север, за Рамерию и Фарданию, то вообще с Торсоном.

Особой прибыли оттуда не было, но торговля укреплялась, опять же ближайшие соседи не слишком наглели.

Отдельной статьей в списке стоял Шагрен. Небольшой такой плевочек на карте – остров в море. Не слишком маленький, не слишком большой, населенный одной нацией. Просто учитель Анны не знал термина «этнос» и «мононация», не то бы употребил их. Именно таким был Шагрен. Любого шагренца легко было отличить от всех остальных, они не терялись бы ни в какой толпе. Желтоватая кожа, черные волосы, черные глаза, других расцветок у них просто не встречалось, складочка на веке, из-за которой глаза кажутся узкими,

невысокий рост, маленькие руки и ноги. Там правил император, который был эталоном шагренца, хоть внешне, хоть внутренне. А еще шагренцы были достаточно воинственными и считали себя центром вселенной.

Они главные и первые, остальные народы годны только им прислуживать. И то, если шагренцы будут достаточно милостивы и милосердны.

В противном случае – смерть. Всем, кто не шагренец.

С таким подходом они регулярно воевали с соседями, точнее с Картеном и Торсоном. Кому ж понравится, когда на твои земли нападают, вырезают население и уносят все, что гвоздями не приколочено. Что приколочено тоже уносят. А людей просто убивают. Всех.

Детей, стариков, женщин, как сказали бы сейчас – некомбатантов. Тех, кто не способен оказать сопротивление.

За что? А вот за все. За то, что одним воздухом с шагренцами дышат, за то, что в Картене много земли, много леса, есть рудники, есть поля, а в Шагрене регулярно последний хвост без соли доедают. И соляных шахт у них тоже нет, соль покупать приходится, а это дорого, так они ее из морской воды выпаривают, она хоть и горькая, ну так что поделаешь! Зато есть!

Даже рыбу по каким-то причинам им ловить приходится у берегов Картена или Торсона, и тут уж кто успел, тот и съел. Поймал, удрал – молодец.

Не поймал – плохо, не успел удрать от сторожевых кораблей, еще хуже. Не рыба тебе, а песец, шагренец. Зато спеси...

Мария подумала, чем меньше клоп, тем больше от него вони, уточнила... и поняла, что не ошиблась. В Шагрене было именно так. А чего им скромничать? Император – сын Многоликого, и в жилах его течет божественная кровь. Все остальные только его слуги. Чутьку более благородные, эрры, или низкородные, иссы, но именно что слуги. Приблизиться к императору они просто не могут. Равноправие? Да не смешите мои тапочки, у них этого слова вообще нет в лексиконе, есть либо высшие, либо низшие. Вторых – больше.

Правда...

Шагрэнцы принципиально не брали себе жен с материка. Слишком у них была характерная внешность, слишком своеобразные

обычай. Так что Сыну Многоликого бога приходилось брать в свою постель наложниц, а уж потом выбирать, которому из сыновей передать трон. Как правило, тому, в ком было больше Божественного огня.

Да, часть религии шагренцев была именно об этом.

Человек сотворен из глины, но в некоторых Бог вдохнул свой огонь. И он горит и полыхает.

Но не всякая плоть и кровь может его выдержать. Только те, кто одарен Многоликим более других.

Император – не первый среди равных, а просто – первый. Единственный. Непобедимый. Даже злоумышлять против него уже преступление, которое карается смертью. Другого варианта нет, можно только выбирать между очень мучительной смертью и очень-очень мучительной. Потому как ты покусился на потомка Бога! Император – сын Многоликого, и говорить с ним можно только снизу вверх. Если он преклонил ухо к твоим словам, это знак небывалой милости. Если он соизволит допустить чужеземца пред свои очи, тот должен описаться от радости и всю жизнь в мокрых штанах ходить. И демонстрировать их народу, хвастаясь оказанной честью!

Картенцам и торсонцам с такими соседями солоно приходится, надо искать себе поддержку и помощь. Желательно среди стран с хорошим флотом, вот как Эрланд.

Чтобы время от времени разяснять слишком борзым соседям: может, ты и сын, или там внук Многоликого, но хвост лучше держать прижатым. А то как поднимешь, так и вырвем! Запросто!

Для лучшего проведения разяснительной работы двадцать лет назад и породнились Эрланд с Картеном. Мария раздумывала над отъездом в родную страну, но потом все-таки передумала.

Понятно, вести себя она сможет, как пожелает. Любые странности спишутся на ее замужество и долгую жизнь на чужбине. Но... жизни-то ей и не дадут.

Чтобы Саймон Картенский не использовал такой удобный случай? Дочку Мария не бросит, обязательно возьмет с собой. А дочка-то имеет все права на престол. Чего уж проще? Выдать ее замуж за нужного человека, предъявить права на престол, начать войну, а то и с Рамерией договориться, к примеру? Или с Фарданием? Нет, с Фарданием вряд ли, там Ханс у них правит, а у него сын и так с Анной

помолвлен. Чего Хансу делиться, когда он все может под себя загрести? С Рамерией более продуктивно получится. Или с Канорией.

Результат такого договорняка лично для Марии и для Анны?

А, это просто, судьбу Марии Шотландской все помнят? Которая стала матушкой Якова Стюарта?^[11]

Права у бабы были на три короны, а вот сил отстоять их не было. И никого рядом, чтобы подсказать, научить, направить... что в итоге? Три неудачных брака и смерть на плахе.

Для Анны Мария такой перспективы не хотела. А ведь она вполне-вполне возможна.

Как-то очень легко Мария Ивановна приняла для себя эту жизнь. Ни истерик толком не было, ни срывов. А может, просто прагматизм сработал?

Когда тут паниковать? Очнулась – кругом враги! Вот, сначала ноги от врагов унесем, осмотримся, обнюхаемся, а потом уж, на свободе и в безопасности, нажремся, закатим истерику и станцуем стриптиз. Но – потом. Когда можно будет сказать, что опасность миновала.

Бухгалтер – это ведь такая работа, если кто к стрессам не привык, рехнется на третьи сутки. А кто работает долго в этой профессии, того и Армагеддоном не напугаешь. Посмотрит в окошко, да и вернется к подсчетам. Мало ли, что там конец света? Думаете, он затронет налоговую? Не-е, эти – выживут. И отчет сдавать придется, так что не отвлекаемся на всякие глупости, работаем!

Мария и работала. Раскрывала ребенка и всех спутников на рассказы о странах, о мире, о религии... выяснила, что верят тут в Бога – Предотца и Богиню – Предмать. Ну, тоже понятно, Отец, конечно, повлиятельнее, ему и большинство храмов посвящено, и мужские монастыри. Как-никак, Предотец этот мир создал, постарался, не за семь дней, ну да кто его знает, как дело было? Мать не так влиятельна, все же женщина, но мир живыми существами населила именно она. Есть и ее храмы, и женские монастыри ей посвящены. Предматерью ее Маша назвать даже про себя не могла, ржать начинала.

Мать-перемать, ага?

Ну куда ж от фольклора-то деваться?

Кстати, живыми существами мир населила богиня-мать, ну и накосячила. И мужчин могла бы получше сделать, хотя их она с Предотца лепила, вот и получились хорошо. А баб, понятно, с себя.

Вот и напорола косяков, несовершенные они какие-то получились! То у них истерики, то у них дурь бабская, то мужиков они с пути истинного сбивают... косяк на косяке. Но богине за это не предъявишь, а бабам – запросто.

Вроде как есть и еще один бог – Многоликий, но о нем молчат. Непопулярен он, чего-то он там не поделил с другими богами, вот о нем и предпочли забыть. Народ молчит, но вроде как Многоликий – это не черт. Нет таких понятий в местной религии.

Ни дьявола, ни чертей, ни ада – зачем? Тут вообще ближе к реинкарнации все устроено, если ты жил, как свинья, ей и родишься.

А если жил достойно, то можешь переродиться еще при жизни... но тут опять наступало что-то непонятное. Спутники старательно изворачивались и обходили этот вопрос. Явно Мария что-то не то спрашивала, а допытываться она опасалась. Есть же такие темы, о которых знают все. Вот как о католиках и гугенотах. Тут и не знай, кто это такие, а что они сошлись в бою – все в курсе. Три мушкетера же!

Начнешь расспрашивать и спалишься, как свечка.

Пока Мария порадовалась уже тому, что бабы тут не в загоне, и понятия первородного греха тут нет. Более того, если в оставленном ей мире главным папой был – Римский Папа, то здесь были Престол и Конклав.

Что такое конклав?

Ну, тут понятно, от каждой страны по три представителя. А там уж кто как проголосует, так и будет. Да-да, от каждой страны. И не просто так себе представители, то есть большинство все равно у мужчин, но! На Конклав едет высший служитель Предотца и высшая служительница Предматери. То есть кардинал и предстоятельница, так она называется. И едет служитель Многоликого. Он не кардинал, он не предстоятель, он просто скромный слуга. Причем Многоликому могут служить равно и мужчины и женщины. Ему, кажется, даже монастырей не строят, просто святилища стоят, а при них служители или служительницы. Не живут там, а просто приходят, службы проводят, а так странствуют по дорогам. Что делают?

Да кто ж их знает, но Мария бы эту компанию недооценивать не стала. Представляете? Люди ходят по стране, по странам, что-то видят, что-то слышат... самое ценное в жизни информация. А ее служители

Многоликого получают в избытке. Так что считаться с ними приходится.

Это конклав.

А Престол – триумвират. Да-да, опять Первый служитель Предотца, первая служительница Предматери и первый же служитель Многоликого, который называется тейн. Первый среди равных, просто остальные – служители, а этот – тейн. Не один папа, который что хочет, то и воротит, а их трое. И обязательно есть женщина.

Мария это горячо одобрила. Про себя, но... хорошо, когда не от одного мужика все зависит, а совещаться надо. Да, решения принять при таком раскладе сложнее, и интриг больше, но... как-то это порядочнее, что ли?

Интересно, как это все реализуется на практике? Как достигаются согласования, как проходят выборы, но это лучше не спрашивать. Подождет она до монастыря, книжки там умные почитает. Найдет, как и что узнать. А пока, честно говоря, дорога выматывала.

Карета была мягкой и достаточно удобной, даже с походной печкой, но эта тряска просто убивала. К концу дня у Марии все кости болели, даже там, где их не было. Попробуй, почувствуй себя шейкером! В России нет дорог?

Да вы в Эрланде не были!

Здесь вообще одни направления. Направо, налево и на фиг. Последнее – самое частое.

Анна дорогу переносила полегче, а Мария просто загибалась. Падала от усталости, засыпала на постоянных дворах чуть не мертвым сном.

Надо отдать должное супругу, к охране жены и дочери он подошел ответственно. Три десятка гвардейцев вели себя так, что хоть в пример мушкетерам ставь. И гвардейцам кардинала тоже. Ответственные люди, серьезные и без лишних фанаберий. Ни пьянок, ни драк, ни хамства. Рысят рядом с каретами, переговариваются вполголоса. Раз в два часа кареты останавливают, все разминаются. Мария тоже приспособилась делать гимнастику, хоть бы и самую простую. Встать – сесть, отжаться – наклониться. Хоть как-то.

Хорошо еще, что платья тут были достаточно... адекватные.

Мужчины тут носили нижнее белье, причем оно сильно показывало статус. У крестьянина это была полотняная, домотканая

рубаха, у купца, к примеру, тонкий лен, у аристократа – шелк и кружево. Кстати, кружево можно было носить как раз только аристократам.

Золото – тоже только для аристократов, серебро для среднего сословия, а если ты крестьянин, то медь твоя судьба, смирись, бедняга. Впрочем, и из меди можно красоту сделать, и золото можно изуродовать. Здесь это не украшение, а показатель статуса. Так и запишите.

Итак, нижняя рубаша. На нее надевается кафтан, да-да, так эта роскошь и называется. Опять-таки, какой – зависит от сословия. Часто его делают с разрезами, и золотом расшивают, и пуговицы из брюликов делают (приветик муженьку), чтобы показать и белье, и мышцы, и статус, и богатство...

Мода-с.

Не ждите от нее логики.

На ноги – лосины. Портки или трусы под них не носят. А вот то, что Мария приняла за засунутый огурец, да, оказалось гульфиком. Только здесь его использовали как хранилище для кошелька. Ну и прочего, самого ценного. Не додумались тут еще до карманов. Гусары – молчать!

Ну а сапоги, ботинки или тапочки – в зависимости от доходов.

Это для мужчин.

Для женщин примерно то же самое. Только слоев у них побольше.

Нижнее платье, нижняя юбка, потом еще одно платье – показатель статуса, опять-таки.

Для крестьянок есть только нижнее платье и верхнее. Купчихи и аристократки стараются надеть все слои. Нижнее платье прилегает к телу, его никому не показывают, его можно делать из любой ткани. На него надевается нижняя юбка, для придания объема нижней части тела. Здесь объемная корма – это красиво, модно и ее подчеркивают, чем могут. Хорошо еще, до турнюров не додумались! И подушечки на это место не подкладывают! Сверху что-то такое... кружевное, шелковое, чтобы можно было показать его в разрезах верхнего платья. Ну и собственно, верхнее платье.

Тут фантазия безгранична. Шелк, бархат, золото – любой каприз за ваши деньги.

Фасон, впрочем, тоже зависит от статуса.

Длинный подол – я по земле не хожу, грязь подолом не мету, я в карете езжу. Шнуровка сзади – у меня есть камеристка, я не сама одеваюсь. Длинные рукава, которые закрывают кисть, а то и все пальцы – я руками не работаю.

Головные уборы?

Для мужчин – берет. Для женщин или чепец, закрывающий волосы, или тот же берет, но это для замужних. И если муж разрешает.

А девушке лучше демонстрировать скромность.

Теоретически, конечно. Как уж там на практике выходит – зависит от человека. Вот у Марии все платья были глухие. Роскошные, конечно, но закрытые до горла, и глухие, как мешок с картошкой. Сексуальности в них было, как в костюме радиационной защиты.

Надо полагать, и в самой Марии тоже. Вот и тянуло мужика налево... бывает.

Мария не собиралась судить, кто, что и как. В своих-то отношениях не разберешься иногда, а в чужие грязными лапами лезть и вовсе ни к чему. Может, муж попался такой, который в постели толком ничего не умел, он же король, женщина и так должна помирять от счастья, если он ей под юбку полез! Может, Мария после рождения детей интерес потеряла, может, у нее изначально темперамента не было, может, и просто после родов ей неприятно стало. И такое тоже бывает.

Не спросишь – не узнаешь.

Но чтобы у королевы и косметики не было? Зато молитвенники роскошные, на каждом по полпуда драгоценных камней. Отодрать обложку, так год на нее прожить можно. Это не считая самих книг, шикарных и иллюстрированных!

Но тяжелые, заразы!

К огромному счастью Марии, читать по-местному она умела. Хоть что-то ей осталось от предшественницы. И память тела – тоже.

Она ловила себя на движениях, которые несвойственны Машке Белкиной. То изящный жест кистью, то наклон головы, то рассеянная улыбка, которая почему-то заиграла на губах...

Но кажется, для сопровождающих все было в порядке.

Маше еще и повезло. Эрра Розабелла еще когда проговорила, что духовник ее величества был стар. Он приехал с ней из родного Картена, дожил до восьмидесяти лет и упокоился честь по чести, а

святой отец Роман, который приехал к ней из Картена, только третий месяц как при ее величестве. Приехать не успел – попал в самый водоворот.

То король и королева ругаются, то фаворитка интригует, то придворные шипят гадами...

Не было у мужчины времени как следует присмотреться к подопечной.

А эрра Розабелла была действительно эталонной беспримесной душой. Вот клинической.

Такой с утра скажешь: «дважды два равно четыре», а к вечеру услышишь, что с неба спустились сорок огнедышащих драконов, сожрали всех, до кого дотянулись, и, распевая песни, улетели в небеса. Сама придумает, сама поверит, сама забудет, сама удивляться будет. Да-да, и такие бывают.

Правда, иногда их лечат, а это вот оказался редкий случай. Как ее королева терпела?

А она особенно и не терпела, потому как у короля при одном виде эрры Розабеллы желчь разливаться начинала от ушей до пяток. Супруга о здоровье мужа заботилась, и сплавляла верную даму с глаз долой куда подальше. А уж когда все от королевы отвернулись, та и начала рядом крутиться, что та юла...

Не надо думать про эрру слишком хорошо. Она осталась не из преданности или верности. Просто дура такая, что не сообразила: надо удирать. Действительно дура.

Как поняла Мария, обострение у короля началось последние полгода, аккуратно на Новомодье, и продолжалось по сей день, так что психиатры точно не правы. Какое там весеннее обострение? Некоторых и по зиме накрывает! Покрыть бы такого муженька или матом, или асфальтом, очень хочется. Хотя сама себе Мария признавалась, что ей просто повезло.

Будь рядом кто-то, кто хорошо ее знает... да что там! Даже если бы ей пришлось в постель с мужем ложиться! Уже попалилась бы вчистую!

Уж простите, и она с этим боровом в постель не легла бы, разве что под общим наркозом (литр водки не предлагать – стошнит), и в постели себя все ведут по-разному. Кто-то активный, кто-то нет... да и кто его знает, какая тут степень сексуальной просвещенности? Мария

догадывалась, что в средние века все знали, откуда дети появляются, и место это во всех подробностях видели, но... ах, я и не знала, что Пьер такой непросвещенный и не знает 148-ю позу из Камасутры. Может, и у короля с королевой что-то такое принято было? Там, он двигался, она молилась? Или наоборот?

Это священника морочить можно, но мужика, который это тело двадцать лет имел в своей постели? И точно знает, как оно себя ведет?

Да, никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу.

* * *

Если бы не карета, дорога Марии даже понравилась бы.

Рощи, апельсиновые и лимонные, деревни, небольшие таверны, виноградники и коптильни.

Эрланд очень удачно устроился. «Сапог» выдается в море и омывается теплым течением. Так что и зимы у них мягкие, и рыбы в достатке, и плодовые деревья они выращивают. С земледелием у них не очень, чернозема нет, а вот сады шикарные. И вино вкусное.

Цветы, опять же, розовое масло, наверняка и еще что-то есть. Но это уж Мария не знала, королевы бухгалтерией не интересуются. Ладно, ее предшественница, не интересовалась. А зря.

Шахт точно нет, серьезной промышленности тоже. Все кустарное. Хотя тут все на натуральном хозяйстве держится, не пришла еще пора фабрик и заводов. Гильдии есть, цеха, зародыши мануфактур, но этого мало. Это еще развивать и растить не одну сотню лет.

А еще страна очень солнечная. Отсюда, надо полагать, и мода на белокожих. Крестьяне-то здесь достаточно смуглые, загорелые, они же целый день на воздухе. Вот и Мария тоже... она не на воздухе, но кожа у нее смуглая.

Такая, золотисто-матовая, оттенок красивый, но с ним тоже надо уметь работать. Подчеркивать его яркими тонами в одежде, драгоценностями, может, и косметикой чуть-чуть. А если пытаться сделать из себя эталон моды... ой, мама, не надо! Такую кожу не отбелить, а Мария, похоже, пыталась.

Зря.

Маша надеялась только, что ей не достанется тело со ртутным отравлением или с язвой.

Или... чего уж там!

С просвещенным сифилисом, который во времена оны гулял по Европе так, что Призраку коммунизма и не снилось. Ежели муж греб под себя все, что двигается, мог и ЭТО загрести себе на ценное место. Очень даже запросто!

Только вот проверить и вылечить не получится, не те у нее возможности. И вообще в эти времена сифилис ртутью лечили, так что... выбирайте, дама, от чего вам помереть комфортнее!

Оставалось только молиться и надеяться.

* * *

– Мой король...

Диана присела в глубоком поклоне. Иоанн привычно обшарил взглядом шикарное декольте и облизнулся.

Ах, хороша!

И его! Только его! Если б вы знали, как это воодушевляет, когда на тебя такими восхищенными глазами смотрит молодая и прекрасная женщина! А Диана по праву считалась самой прекрасной девушкой Эрланда.

Шикарные огненно-рыжие волосы заплетены в причудливые косы и украшены нитями с изумрудами, прекрасное лицо, громадные зеленые глаза, пухлые розовые губки, нежная, почти прозрачная белая кожа...

А фигура!

Там одна грудь чего стоит... уж на что у Иоанна руки крупные, но она в его ладонях не помещается. Уже примерялся...

Жаль, дальше никак зайти не получается, но Дианочку тоже понять можно. Она девушка чистая, честная, невинная, для нее любые отношения до брака просто немыслимы.

А он... он с ума сходит!

И Мария... неужели она не может понять? Ему необходим наследник! Он же не лишает ее своего расположения или дружбы... ну пусть уедет куда-нибудь в провинцию, в тихий замок, и живет там

спокойно, доживает... Иоанн мысленно поставил Марию рядом с Дианой и едва не скривился. Ну как, как можно сравнивать сушеную селедку и восхитительный нежный персик?

Да никак!

– Мое сокровище, – тихо отозвался Иоанн, приглашая любимую на танец и страстно обнимая тонкую талию.

Ах, какие формы! Так руки сами и тянутся скользить чуть пониже талии, и еще пониже... кожа у Дианочки молочно-белая, так и облизал бы всю, словно кот – сливки.

Придворные внимали происходящему. Всем было понятно, звезда королевы закатывается, Мария обречена. Рано или поздно, так или иначе...

Если король решил поменять ее на новую очаровательную супругу, он своего добьется. Вопрос только, какой вариант он примет. Мягкий или жесткий?

Развод, смерть, высылка, или, к примеру, королеву поймут на измене и казнят? Да мало ли что может быть?

Вот о последнем и беседовали двое вельмож, стоя у окна.

Стояли, смотрели, как его величество кружит в страстном танце очаровательную рыженькую девушку, и в глазах их был смертный холод.

Эрр Виталис Эрсон племянницу оценивал здраво. Глупа, как блоха, и то – у насекомого, может, и побольше мозгов. Блоха-то жизнью каждый раз рискует, а Диана чем? Да ничем!

Трясет себе сиськами перед королем, намекает и завлекает. А у мужчины от видов и красот все мозги вниз стекли... что и надо. Если Дианка правильно игру поведет, король на ней и женится, рано или поздно, бывало уж такое. Раньше короли вообще предпочитали на своих эррах жениться, это уж потом начали между собой родниться. Ну, повязались вот, с Картенем. И что? Торговля хорошая, конечно, да кто ж ее рвать-то будет из-за бабы? Никто.

Есть там королева Мария, нет там королевы Марии, как шел грузопоток, так и идти будет через Северное море. Так и будут торговать, пиратов совместно гонять, почему нет?

А вот семья, которая свою бабу королю подсунет, получит хорошие преференции. И к трону приблизится, и ночную кукушку свою натаскать сможет. Сильно на Иоанна не повлияешь, не такой он

дурак, но слово там, улыбка тут... по капельке, по краешку, по крошечке подправить курс – и будет Эрсонам много чего вкусного и полезного. К примеру, должность канцлера? К которой эрр Эрсон вот уже лет десять шел и пытался приблизиться, но не получалось. Советником короля давно и прочно был эрр Димас Бустон, и ненавидел его Виталис так, что аж кушать не мог. Ей-ей, убил бы! Но если король хоть что прознает... тут и Виталису головы не сносить будет. А Иоанн может и прознать.

Димас не просто так сам по себе поднялся, считай, из грязи в князи, нищий, безземельный эрр, приехавший из провинции, был королю предан больше любой собаки. И его брак с Марией, кстати, тоже Димас устроил во времена оны. Посодействовал.

Сейчас это может сыграть против Димаса, если правильно выложить на стол карты.

Вот и разговаривал эрр Виталис с личным духовником короля – кардиналом Рентским. Осторожно, намеками прощупывал почву.

Понятно, пойти против Престола и Конклава кардинал не осмелится. Не тот у него вес, не тот характер. Исаяя Рентский – трусливый слизняк, но при том жадный и умный, изворотливый и льстивый, считай, идеальный царедворец.

Но важно ведь правильно подать документы в Конклав. И представить ситуацию нужным образом, и знать, кому занести и сколько, что предложить, расклады и ниточки... что-то знал сам Эрсон, а вот что-то мог знать только Исаяя. Если они сейчас сойдутся в цене, то и короля им будет легче обрабатывать с двух сторон, и опять же, свое решение будет легче протащить. Но...

Исаяя был жаден до одурения, да и страх за свою шкуру еще добавлялся. Саймон Картенский не из тех королей, которым на мантию плюнешь, а они и не заметят. А тут все куда как серьезнее.

Кто-то верит, что разведенная королева будет жить долго и счастливо? Seriously верит? Дайте, дайте сюда этого идиота, мы его в кунсткамеру отправим! Там, поди, таких беспримесных и не видывали!

Это сегодня Мария может дрогнуть и согласиться на развод, а что она завтра выкинет? Баба же? Пойдет и Престолу в ноги кинется, мол, опоили, околдовали, одурманили, угрожали... да мало ли что придумает обиженная баба? А Престолу тоже такое не надо, опять же,

Триумвират штука такая, сложная. Баба другую бабу завсегда поймет, а и не поймет, так просто из солидарности нагадит!

И что еще Многоликий придумает?

Для начала Виталис хотел перетянуть на свою сторону мужскую часть триумвирата. Правильно подать дело – это важно! Королю ведь нужен наследник, а жена его родить уже не способна. В таких случаях женщины действительно своей волей уходят в монастырь или еще как-то освобождают мужа... всякое бывало. И если бы ее величество изъяснила свое добровольное желание...

Тогда, считай, решение уже будет принято. И даже служитель Многоликого ни на что не повлияет.

Епископ был не против.

Димас и ему успел ногу отдавить, да еще как отдавить! С огоньком и радостно!

Дело в том, что люди благочестивы. И особенно они проникаются любовью к Богу накануне скорой встречи с Ним. Чувствует богатый эрр, что смерть приходит? Ну как тут не завещать церкви что-то хорошее и вкусненькое? А вдруг ему зачтется?

А вдруг ТАМ и финансовый вопрос рассматривать будут? А он вот, искренне, от всей души, завещает или дарит... и всем хорошо. И ему душевное спокойствие, и церкви денежка на карман, и Престолу процент. Честная десятина.

И в эту прекрасную и стройную схему влез Димас! Да как!

Двумя ногами, еще и грязи натащил, гад!!!

Как он вообще смел такое придумать!? Чтобы половину от полученного церковь добровольно отдавала в казну!?

Да тут каждое слово, считай, кощунство! А король-то это одобрил! И принял, и в других странах, на такое непотребство глядя, облизываться начали... Убивать за такое мало!!!

Так что план Эрсона у Исаяи никакого отторжения не вызывал. Это ж как вкусно получается! От королевы они избавляются, а Дианочка начинает мужу объяснять, что Димас уже... слегка устарел. Нет-нет, не надо его разжаловать. Но, к примеру, не слишком ли он много сам берет? Не по чину, нет... опять же, слишком у него сильные связи с Картенем, а это плохо. Возьмет он так, да и порадеет Саймону, а чем это королевству обернется?

Нельзя, совершенно нельзя так безоглядно доверять всяким безземельным и наглым! Лучше на его место кого-то проверенного, к примеру, дядюшку. Неужели он своей племяннице хоть что-то во вред сделает? Да никогда, все у него на пользу семье, все для дела.

Чьего дела? Какого?

А это совершенно неважно, главное, вы его назначьте, ваше величество, а там уж мы разберемся.

Проблема в том, что назначение Виталиса уже не повлияло бы на королевское решение, относительно церковных денег. Когда это король от денег отказывался? Да от дармовых?

Но может, как-то это можно будет обыграть? К примеру, от завещанного, конечно, придется отчислять. И от подаренного тоже. Но ведь есть и третий вариант? К примеру, хочет человек завещать крупную сумму монастырю в другой стране? Ну и пусть завещает. На другие страны правило «королевской доли» не распространяется. А потом монастырь, к примеру, тоже что-то захочет подарить служителям в Эрланде. Деньги, к примеру, или земельные участки?

Понятно, что тут королю тоже ничего не отломится, но проворачивать такие махинации можно, только если у тебя есть прикрытие. Да-да, канцлер, к примеру. И казначейство, опять же, не будет акцентировать ненужное внимание на мелочах.

Так что предварительная договоренность уже была достигнута, оставалось воплотить план в жизнь. А вот КАК это сделать...

Как-то надо.

И в глазах двоих интриганов жизни Дианы, Марии, да и много кого еще, значения не имели.

— Королева вчера тайно отбыла в монастырь святой Варвары. После того, как ее пытались отравить.

— Одна или с дочерью?

— С дочерью.

— Это хуже, намного хуже, — кардинал нахмурился. Вот если что-то случится с королевой, его величество... он будет расследовать дело, но не очень тщательно. А вот если с принцессой, то его величество озвереет. Единственный ребенок, оставшийся в живых.

Единственный *законный* ребенок.

Пока Анна в немилости у короля, но это до поры, до времени. Надо отдать Иоанну должное, своих детей он любит, причем законных

больше, но и незаконным достается его внимание. Особенно сыновьям.

От эрры Ирены у его величества сын, ему уже семнадцать лет, от эрры Маргариты, с которой у него была длительная связь, есть сын, ему двенадцать, и дочь, которой около десяти лет.

Да-да, король себя не слишком ограничивал. Когда у королевы наступала беременность, он переставал к ней приходить. Как сам он говорил епископу, беременные женщины внушали ему отвращение. Но воздержание вредно для мужского здоровья, а потому его величество искал утешения на стороне. Вот и получались у него побочные дети примерно одного возраста с законными, плюс-минус полгода – год.

– Хуже, – согласился Виталис. – Но все вполне решаемо. Правда, я мало что знаю о монастыре святой Варвары...

– Настоятельницей там матушка Евгения, – не потаил информацию кардинал. Да и чего скрывать? – Очень умная, очень властная, хваткая женщина. Я ее давно знаю, уже лет двадцать точно. В монастырь она пришла сама, по велению сердца, принесла небольшое приданое и все эти годы усердно работала, чтобы занять свое место. Молила Богиню...

Мужчины переглянулись.

– Эрра?

– Незаконная дочь, воспитывалась при отце, потом он умер, примерно через пару лет после ее ухода в обитель. С семьей она практически не общается, но помогает... иногда.

Виталис кивнул с пониманием. Бывает и такое... незаконные дети короля – одно. У них и перспективы, и титулы, и вообще, это – дети *короля*! А вот незаконные дети даже эрра...

Их особенно признавать не торопятся, разве уж род вообще без наследника останется. К примеру, есть эрр. У него нет законных сыновей, нет законных дочерей, вот тогда начинают рассматривать побочных. А так – или сын, или внук, или дочь и ее супруг, или кто-то из детей дочери... уж найдется, кому передать титул и земли.

Но незаконные дети их получают в последнюю очередь.

А все ж таки это дети. И родители по-разному относятся к своей крови. Кто-то признает их и воспитывает в своем доме, понимая, что *свои люди* – это ценный ресурс. И получают из них хорошие управляющие, казначеи, воины – да много кто! И девочек воспитать

тоже можно, и замуж их выдать *правильно*, чтобы привязать к семье нужного человека. Красивая, умная, образованная жена ценилась и будет цениться всегда, особенно если в приданое за ней идут не только деньги, но и связи с хорошей семьей.

Но бывает всякое.

Вот и такое, к примеру. Когда девочка, допустим, умна и властолюбива, а, выйдя замуж, она не получит того, о чем мечталось. В высший свет не попадет, ко двору ее не пригласят, власти у нее не будет, над ней будет муж. Тогда – монастырь становится неплохим выходом.

Если есть знания, есть ум и характер, женщина может пробиться наверх, а это – власть. Над чужими жизнями, судьбами, да и над своей судьбой тоже. Кто-то выбирает именно этот путь, как матушка Евгения, к примеру.

– Можно ли с ней договориться?

– Договориться можно всегда, – кардинал думал о своем. Можно-то можно, но вот что попросят взамен? Если бы Евгения любила деньги, с ней было бы проще, но ей нужна была именно власть. И кто ее знает, чего она захочет? Бабы!

– Из какой семьи она родом?

– Из Шадинов.

– Шадин... нет, не припомню.

– Некрупные эрры, из приграничья.

– Понятно. Что ж, я наведу справки.

– Я тоже напишу матушке Евгении, – согласился кардинал.

Мужчины отлично понимали друг друга.

Ее величество не должна вернуться из монастыря. Пока она была здесь, во дворце, под присмотром короля, ее нельзя было убить. Но если где-то в другом месте с королевой случится... несчастный случай потому несчастным и назван, что ж – не повезло. Какое уж тут счастье?

А вот такое.

Большое и личное. Для короля, для Дианы, для Эрсонов, для кардинала, для... да много для кого! И не дает до этого счастья дотянуться всего лишь одна тупая баба, которая даже детей живучих нарожать не смогла, с одной девчонкой осталась! Ну и чего ее жалеть?

Приговор Марии был вынесен, его осталось привести в исполнение.

* * *

– Шагрен! Шагрен погибнет в огне и воде!!!

Мужчина задыхался, бился на убогом ложе, и не будь оно подстилкой из соломы на полу, точно упал бы. Но куда уж падать ниже пола?

Рэн бросился к учителю, придавил его к полу, чтобы тот, выгибаясь, не повредил себе ничего...

– Учитель!!!

Не сразу, не за минуту пришел в себя старый монах. Может, часа за четыре-пять удалось привести его в чувство. А заговорить старик и вовсе смог только к вечеру, не слушалось сорванное от дикого крика горло.

Рэн не лез с вопросами, где он и где Учитель? Но тот сам заговорил.

– Страшное я видел, мальчик мой. Страшное и безумное... Шагрен, наш Шагрен может погибнуть в огне и воде.

– К-как?

Учитель помолчал, сделал еще несколько глотков из чашки и медленно заговорил:

– Я видел, как среди острова открылась громадная рваная рана. И сначала оттуда повалил огонь, он тек по острову, сжигая все на своем пути, потом достиг воды – и та вскипела. И никого живого не осталось на Шагрене. А остров наш раскололся и затонул.

Рэна холод пробрал.

Вот ведь... вроде и не мальчик уже, а такое услышать... жутко!

– Учитель...

– Это будет очень скоро. Не успеет еще яблоневый цвет осыпаться сединой на твои волосы.

Рэна затрясло.

– Н-но как же...

– Я стал молиться что есть сил. Я кричал в видении, и Многоликий услышал меня. Он послал мне видение существа, которое

может спасти наш остров.

– Существа, учитель?

– Единственный, кто может найти спасение – Дракон. Я видел громадного дракона, который пролетел над островом, и под его крылом успокоились и суша. И море. И я видел людей, которые тянут из моря невод, полный рыбы. И счастливых детей на берегу. Сытых детей...

– Учитель, я...

– Послушай меня, Рэн. Я знаю, ты вскоре вернешься в столицу, к брату.

– Да, учитель.

Рэн Тори действительно приехал ненадолго.

– Никому и ничего не говори. Но выполняй любой приказ императора так, словно от этого зависит больше, чем твоя жизнь! Словно от этого зависит весь Шагрен. Ты понял?

– Да, учитель.

– Вот и хорошо. Переночуй в монастыре сегодня, а завтра – уходи. Тебе пора, мальчик мой. И я буду молиться за тебя...

– Да, прадедущка...

Рэн поклонился старику.

Ну да.

Кому – старый монах, которому уж невесть сколько лет, а кому прадедущка по матери, родной и любимый. Так тоже бывает, приглянулась вельможе девчонка из горного селения, взял тот ее к себе, только долго в неволе не прожила она, сгорела, оставив сына... Шимо Тори его и признал, и в род ввел, как положено, и жену, видимо, правда любил. Рэна отпускал в горную деревню, с родней повидаться. Вот и с прадедом в том числе.

– Дедушка, не надо ли мне рассказать?..

Спрашивал парень не просто так. Прадеда действительно считали «озаренным Огнем Многоликого». Случалось у него провидеть будущее... и коли опасность грозит всему острову...

– Молчи, Рэн. Не надо о таком говорить, и тебе не надо бы кое-чего знать, да не получилось иначе. Так что промолчи и делай, что должен. А я буду за тебя молиться.

Рэн с тем домой и отправился.

А на душе все равно тревожно было, муторно, страшно...

Прадед просто так не скажет. И если он что-то не договорил, стало быть, от Рэна будет зависеть... что? Нет ответа.

А вот страх есть.

Страх не справиться, не оправдать... и уничтожить Шагрен!

Многоликий, помоги!

* * *

– Ваше величество, если позволите...

– Эрр Торган, я вас внимательно слушаю?

Мария доброжелательно смотрела на начальника гвардейцев. Эрр Леонидас ей нравился, не как мужчина, а просто по-человечески. Симпатичный мужчина лет двадцати пяти, уже мужчина, не мальчишка, относился к своему заданию очень ответственно. Заботился о доверенных ему женщинах, несколько раз в день беседовал с королевой, просил не скрывать, если что-то потребуется...

При этом в его поведении не было раболепства, не было желания поклониться перед вышестоящим, не было никакого мужского интереса. Просто обычное – нормальное! – мужское отношение к женщине.

Вот тебе доверили ее, она слабее, она женщина, ей требуется забота. Он и позаботился. Хотя это такая безумная редкость в любом веке, хоть в средние века, хоть в двадцать первом веке.

Невероятная редкость.

– Ваше величество, так получилось, к нашему костру забрел странствующий сказитель. Если вы позволите, я приглашу его?

Мария и сомневаться не стала.

– Приглашайте, эрр Леонидас, я буду рада послушать его вместе со всеми. Анна?

– Да, маменька! – ребенок даже в ладоши захлопал. – Можно, правда?

– Конечно, можно, – махнула рукой Мария.

– Но это слишком простонародно, – засомневалась эрра Розабелла.

Мария качнула головой.

– Правитель должен знать, чем живет его народ. Мой муж так считает. – А если и нет, пусть Розабелла у него об этом спросит. Авось, ее потом от стены не отскребут! Вот ведь... дурища!

Эрр Леонидас поклонился, скрываясь в полусумраке. Сегодня они не смогли заночевать под крышей, не попалось на пути ничего достойного, а потому мужчины еще засветло съехали с дороги и сноровисто разбили лагерь на свежем воздухе.

Костры, палатки, правда, ее величество и дамы будут спать в каретах. Но это потом, а пока кареты открыты настежь, чтобы проветрилось, а дамы сидят у костра на роскошных подушках и лакомятся мясом на углях. Что-что, а мясо здесь было восхитительное, птицефабрик тут еще долго не появится, и мясо пахнет мясом, а не загадочными химикатами, а куриц, к примеру, откармливают пшеном, а не антибиотиками и гормонами. Деревенские хитрости никто не отменял, ну так про них и гвардейцы знали, и покупали только целое животное. Живое, не разделанное, чтобы убедиться, что оно здорово. Мария только следила, чтобы крестьяне, у которых покупали скотину, получали полную ее цену^[12].

Странствующий сказитель оказался приятным дополнением к хорошему вечеру. Есть тут такая категория, аналог радио и телевидения средних веков. Не менестрель, нет. Никакого романтизма, никаких прекрасных дам и рыцарства. Да и с музыкальными инструментами у них сложно.

Инструмент – штука нежная, трепетная, даже тонкая, поди, потаскай его за собой, да сбереги, да почини, если что. При этом духовые инструменты не особенно подходят для ситуации, разве что ты при дворе обретаешься. Вот кто будет два-три часа слушать одну музыку? Разве что закоренелые меломаны, а людям и истории послушать хочется, и поговорить, и самим чего рассказать. Арфа – тоже штука тяжелая, ребел неудобен...

Так что сказитель обычно умеет играть на музыкальных инструментах, но может обходиться и без них. Найдется для него что-то подходящее – отлично. Нет?

Ну так он и сам по себе заменяет радио. Там расскажет, здесь споет, может о древности поведать, может о современности... своего цеха у сказителей, кстати, тоже нет, как и у менестрелей. Отличительный знак есть, красный треугольник, который они себе

нашивают на одежду, на левое плечо. Это из плюсов. Есть и минусы, если кто в детстве в «телефончик» играл. Первому человеку скажут «белый слон», а последний заявит: «зеленый пароход». Вот, и информация, пройдя от одного сказителя к другому, тоже искажается. Не всегда, нет, но достаточно часто.

Мария подозревала, что среди этих сказителей и шпионов прорва, и разбойников, уж больно удобное прикрытие. Но чего лезть со своим уставом в чужой монастырь?

Пусть расскажет что-то...

А если у человека слух и голос окажутся, можно и арфу приказать достать. Да-да, арфа тоже была в багаже, как же без нее в монастыре?

Совершенно никак!

* * *

Эрра Ирена прошла по комнате, постукивая каблучками, посмотрела в окно, потом на сына, потом опять в окно.

Вид в окне ей нравился намного больше, чем мальчишка. Хотя какой там мальчишка, семнадцать лет уже, сам детей вовсю делает! Откупаться от крестьянок не успеваешь!

– Илес, ты меня слушаешь?

– Да, матушка.

Илес Флориан давно и превосходно усвоил, что не слушать или не слушаться маменьку выйдет себе дороже. Зато, если с должным усердием изображать подчинение и покорность, можно получить для себя что-то приятное и полезное. Маменька и долги заплатит, и любого врага растерзает, и секрет ей доверить можно – не выдаст. Сама может воспользоваться, но только она. Никто другой ее ребеночка не тронет.

Правда, к детям от законного мужа это почему-то не относилось, только к Илесу.

Вот его матушка любила и обожала, без меры и памяти. А остальные... а что мужу-то надо? Она их родила, долг перед Фаркасом выполнила, теперь пусть ими кормилицы и няньки занимаются. А она так и вовсе план перевыполнила, она всех – ВСЕХ! – законных детей родила от своего мужа. Только Илес – королевский бастард.

Королева тогда как раз ждала первого ребенка, лекари запретили этой бледной немочи половые сношения, а ведь для мужчины очень вредно воздержание! Он потом может и вовсе не того... не подняться. Так что Ирена считала, что делает доброе дело.

Как только она начала спать с королем, она отставила от себя законного супруга и точно знала, кто отец ребеночка. И уж Илеса она с рук не спускала!

Впрочем, было отчего.

Королевским подарком стали не побрякушки и не платья, королевским подарком для Ирены стало маленькое, но доходное поместье. Лично для нее.

С тем, чтобы она потом передала его сыну.

А заодно и все остальное, что она выпросила. Право на усеченный герб, признание бастарда и прочее, что положено. Иоанн тогда был влюблен и отказать не сумел.

И вот сейчас Ирена собиралась этим воспользоваться.

– Дорогой сын, нам надо в столицу.

– Зачем, матушка?

– По важному делу, Илес. Ты сейчас единственный наследник короля мужского пола.

– Не единственный.

– Единственный, Иль. Эта дура, Маргошка, даже и не подумала потребовать признания своего сыночка. Все знают, что он от Иоанна, но права на герб у него нет. А ты – у тебя даже фамилия.

– Фиц-Эрланд, – кивнул сынуля.

– Вот! По всему выходит, если король разводится с Марией, но умирает, кто наследник? Да только ты! Других-то и нет!

– Анна?

– Корона – не болезнь, от бабы не подцепишь!

– Матушка, ну подумай, прошу! Я могу быть наследником, но кто меня поддержит? Это ж государство! А когда были живы законные дети, нас не больно-то при дворе хотели видеть.

Ирена поджала губы.

Ну... сама виновата. Немного. Когда она родила, и король признал ее сына, Ирена совсем чуточку неправильно себя повела. Но она так обрадовалась!

Если не врать самой себе, Ирена просто обнаглела настолько, что предложила двоим королевским детям играть вместе. А уж что она по дворцу ходила, нос задрав выше потолка, и королеве дерзила, тут и вспоминать не стоит.

Иоанн мигом преисполнился любви к жене, а заодно и чувства вины, и выпер Ирену со двора, убедительно попросив ее пожить в подаренном поместье. Там-де воздух здоровее.

Да и зачем ему такая холера рядом с королевой?

Любовница что должна? Правильно, комфорт приносить. А если от нее одни проблемы, так кому это счастье нужно? Чтобы под его родной крышей, да эта зараза воду мутила?

Еще и на королеву смотрела нагло и хвост задираала?

Иоанн не такой дурак, чтобы вовсе уж ничего не видеть! Все он преотлично замечает, когда ему надо, другое дело, что пока он спал с Иреной, его все устраивало. А как игрушка надоела, да начала слишком многое требовать – извини! Вон со двора!

Ирена была стервозна, но далеко не глупа, предупреждение она поняла и сыграла «на опережение»... да, она поедет воспитывать ребеночка! Она будет вечно любить Иоанна и тосковать по нему... можно ли ей хоть иногда приезжать и показывать сына – отцу? Нет-нет, она может даже не появляться при дворе, просто мальчик должен знать, что его отец – величайший король всего континента...

Ирена была очаровательна, лесть убедительна, да и сын ни в чем не виноват – Иоанн согласился.

И несколько раз в год Ирена наезжала в столицу, показывала Иоанну очаровательного мальчугана, который ТАК на него похож, и Илес прилежно играл свою роль.

Улыбался, ездил на охоту, старался вежливо общаться со своими сводными братьями и сестрами, Мария, эта тупая курица, не препятствовала. Говорила, что дети не виноваты в подлости их матерей.

Ирена это запомнила.

Подлости!

Да разве она подлость сделала? Это Мария заняла ее место! Вот если бы Ирена оказалась при дворе пораньше, она бы обязательно очаровала Иоанна, у них даже имена похожи, и не без умысла она так назвала сына.

Семья...

И пока Илес крутился при дворе, Ирена тоже плела свою паутину.

Может быть, никогда она и не пригодилась бы. Может быть...

Слишком уж странное должно случиться совпадение. Чтобы у Иоанна не оставалось сыновей, чтобы он сам позвал Илеса... но несколько дней назад к ней приехал гонец с письмом. И ранее она беседовала с этим человеком, и тот поддерживал Ирену в ее устремлениях, так что...

– У нас все получится, Иль. У нас есть союзники.

– Кто? Мама?

– Сейчас тебя это не должно волновать. Мы едем в столицу, и ты крутишься при дворе. Ты понял меня?

– Да, матушка.

– А я... я сделаю все, чтобы Иоанн внес тебя в список наследников. Понимаешь?

Илес кивнул.

Мать действительно могла. Тем более список наследников – это не завещание, не прямое указание, это, скорее, рекомендация. Если король умирает, не оставив наследников в законном браке...

Правда, есть Анна, но кто принимает во внимание этих баб? И сколько ей там лет? Она же вообще еще маленькая... какой ей трон? Кукол с избытком хватит!

Что ж.

Илес поцеловал матери руку, отчего глаза Ирены вспыхнули ярким светом. Сына она и правда любила. И была очень хороша собой, в том же стиле, что и Диана. Только сейчас, конечно, сказывался возраст. Уже и кожа не так бела, и грудь не так высока...

Но Ирена пока не думала о старости. Ей еще столько всего надо сделать... плевать, что Иоанн не собирается пока умирать! Ей нужно – пока! – включить сына в список наследников, и получить для него должность при дворе. Лучше, чтобы он стал командиром какого-нибудь полка, ему нужна сила под рукой, а уж уважать себя ее Илик заставит! Обязательно!

Итак – они едут в столицу!

Сказитель Марии понравился.

Невысокий сухощавый мужчина лет семидесяти на вид, с седыми волосами, заплетенными в короткую косу, и доброжелательной улыбкой, вел себя спокойно и с достоинством. Поклонился по всем правилам, поприветствовал королеву и принцессу, уселся на указанное место и вопросительно поглядел на Марию. Распоряжайтесь, ваше величество. Ваше право, ваш голос.

– Как тебя зовут, исс? – Мария не любила тыкать тем, кто старше, но она – королева.

– Исс Деон, ваше величество. К вашим услугам.

– Исс Деон, поведай нам что-нибудь на твой вкус? Не хочу сегодня ничего выбирать, хочу просто слушать.

Исс пристально поглядел на королеву. Но что могла сказать Мария? Она же не знала весь этот культурный пласт, который местные впитывают с детства, она просто не может ни о чем попросить. Для нее любая история в новинку, любая сказка или песня. И от новостей она тоже не откажется...

– Что ж, ваше величество. Я поведаю вам старую сказку о Многоликом.

Мария одним взглядом заткнула эрру Розабеллу, которая издала что-то вроде возмущенного кудахтанья.

– Ваш выбор, исс. А мы послушаем...

– Это было давно, ваше величество, очень давно...

А голос у исса оказался потрясающим. Мягким, бархатным, переливчатым. Он успокаивал и завораживал, уводил за собой и заставлял забыть обо всем, кроме рассказываемой истории.

Давным-давно, да...

А может, и не очень давно, каких-то лет триста – четыреста назад, Многоликий был в почете и силе. Не просто так поклонялись этому богу, нет. Он способен был даровать человеку его истинное обличье. Предотец создал мир, Предмать населила его людьми и животными, а их любимое чадо, Многоликий Бог, подарил творениям матери волшебство. Они не могли двигать скалы и кидаться огненными шарами. Но те, кто потом стал эррами, открывали для себя второй облик.

Кто-то из людей способен был стать насекомым – и порхать над цветами. Кто-то скакал конем по зеленым лужайкам. А самые

могущественные могли взлететь в небо на крыльях драконов. И это даровал людям Многоликий. Это был его подарок и благо.

Это был его подарок – и проклятие.

Благо потому, что люди, познавшие Его дар, дольше жили, были неуязвимы для болезней, были сильнее и умнее обычных людей.

Проклятье, потому что им попросту завидовали. Кому бы не хотелось так же? Но не все могли справиться с даром Многоликого. Если ты умен и силен, ты получишь свою вторую ипостась, вы станете единым целым, ты проживешь долгую и счастливую жизнь.

Если ты слаб и глуп, ты просто не удержишь подарок Многоликого. Не выдержишь его. И станешь ящерицей не только во втором обличье – останешься ей навсегда. Долгая ли жизнь у ящерицы или у птицы? Не очень...

Те, кто познал счастье второго облика, не хотели от него отказываться, но были и те, кто трусил. Или просто не смог принять этот облик. Или... да, случались и смерти, и необратимые превращения. Бывало всякое, это жизнь, это риск.

Мария, кстати, это понять могла. Даром ничего не дается, даже в сказке за все приходится расплачиваться. Кто-то не верит? Читайте внимательно, намеки есть всегда.

Те, кто смог получить вторую ипостась, становились эррами. Те, кто не смог – иссами.

Первые правила, вторые подчинялись. Те, кто находил в себе силы, старался пройти испытание у алтаря Многоликого и получал вторую ипостась.

Вот потому у всех эрров на гербах животные. Те самые, чей облик получили родоначальники династий. Первенцы. Хотя потом... многое зависело от человека, и в потомстве могли проявиться самые разные ипостаси.

Мария вспомнила свой герб и усмехнулась.

У Иоанна на гербе был лев. Что ж, подойдет. Достаточно подлое животное, если вспоминать биологию. А вот у Картена на гербе была змея. Здоровущая такая, вроде кобры. Как там с остальной династией – она не знала, а вот ей будет в самый раз. Гадины мы, гадины. Патентованные.

Почему все разладилось?

А вот так. Даришь подарки? Учитывай, и КОМУ ты их даришь.

Началом падения стала история Данакта.

Данакт родился королевским сыном, но вот беда – не мог он принять вторую ипостась. То ли боялся, то ли не мог ее принять, то ли рисковать не хотел – сейчас уж и нет ответа. А вот править ему хотелось, до слез и соплей хотелось.

Что сделал предприимчивый юноша?

Пакость. На другое такие люди и не способны, а вот как где нагадить – запросто.

Раньше, по преданиям, был артефакт, который помогал превращаться детям Многоликого. По преданиям, Многоликий, когда его попросили, проколол свою руку и дал людям три капли крови, которые превратились в три громадных рубина. Их вставили в три кулона.

Вот такой кулон надевали на человека перед оборотом, и если он был не слишком уверен в себе, камень помогал ему удержать разум. Даже если он не обретал вторую ипостась, он мог вернуться.

Всего их было три штуки, хранились они в трех святилищах. И в один прекрасный день все три святилища сгорели, как свечи.

Рубины пропали.

Второй удар – был отравлен отец Данакта. И поскольку преемника он себе найти не успел, то на трон уселся сын. И принялся всеми силами притеснять двуипостасных.

Кого-то убили, кого-то отослали, кого-то...

Много чего было в тот темный, смутный век. Если в начале правления Данакта двуипостасные были обыденностью, то к его окончанию – уже редкостью. А к концу правления сына Данакта их и вообще стали опасаться.

А кто ж их знает?

Вот так обернется волком, да и загрызет. Или комаром закусает, к примеру.

Как отнесся ко всему этому Многоликий?

По-божественному.

Сказал, что он свой дар людям преподнес. Если у человечества не хватило сил, ума или желания его сберечь, вот и поделом. Смогут все вернуть – пожалуйста! Возвращайте, он даже от себя первому же оборотню подарок даст.

Не смогут?

Значит, не судьба. Живите себе, как хотите, Бог вам не нянька, за ручку водить, и сопلي вытирать.

А что кулоны?

Они утрачены, и кто знает, во что теперь вставлены алые камни?

Святылища оставлены служителями, и очень редко там проводятся церемонии. Многоликий ждет и наблюдает. Но кто сможет преодолеть не запрет, не Божий гнев, а просто – человеческую подлость, косность и зашоренность? Таких найти очень сложно...

И что потом ждет смельчаков? Вряд ли кто-то по доброй воле уступит власть даже Многоликому.

Сказка закончилась.

Мария смотрела в огонь, видя там не людей – драконов, волков, птиц и насекомых, преданных одним подлецом.

– Говорят, – тихо произнесла она, – что в душе каждого человека в смертельной схватке сцепились черный и белый волк. Черный волк – олицетворение всего самого худшего в человеке, подлость, ложь, предательство, белый волк – самое лучшее, что в нас есть, доброта, любовь, сострадание. И рано или поздно один из волков побеждает^[13].

– Кто же из волков побеждает, ваше величество?

– Побеждает тот волк, которого ты кормишь, исс.

На миг над костром повисла тишина. И в нее сверлом бормашины ворвался голос эрры Розабеллы.

– Ой, ваше величество, зачем говорить о волках к ночи! Умоляю, попросите сказителя поведать нам что-то веселое?

Вот ведь... дура!

Глава 3

– Димас, ты понимаешь, что тебя приговорят?

– Марк, ты преувеличиваешь. Его величество нуждается во мне.

Марк Стоун только головой покачал. Они с Димасом были достаточно близки, их матери – двоюродные сестры, примерно одного возраста, подружились в детстве и продолжили общаться, когда вышли замуж. Марк с Димасом были погодками, Димас старше, Марк младше.

Оба отправились искать удачи в столице, только Димас оказался умнее и стал делать карьеру, а Марк старался держаться подальше от дворца. Сначала он попал в гвардию, но быстро понял, что всю жизнь греметь клинком не для него. Можно, конечно, да только вот... приключения – они в семнадцать лет хороши. Когда тебе словно острый перец под хвост засунули, вот ты и носишься наперегонки с ветром. А как разум-то о себе заявит, так и чего хорошего захочется. Свой дом, слуг, стабильный доход, мало ли что в жизни случится, семьей, которую, кстати, тоже содержать надо, и не на жалованье гвардейца... и нет! Выгодно жениться – не предлагать. Он тут гвардеец – или придворная проститутка? Кто-то может и совмещать, а Марк не согласен. Ему неинтересно собой торговать, ему интересно самому сделать, добиться, вырвать у судьбы свою удачу!

Провернул он пару интриг, сколотил небольшой начальный капитал, купил корабль, потом еще один, торговать у него получалось плохо, не умел он этого, а вот охранять корабли купцов – это пожалуйста. Поди, не каждому своя-то охрана по карману, а вот если несколько мелких купцов соберутся, да и наймут Марка, чтобы тот их провел по опасным водам, он и возьмется. И сам он с удовольствием уходил в плавания, дрался с пиратами, и ранен бывал, и на берегу отлеживался... и не скажешь, что больше двадцати лет уж пролетело с той поры, как двое парней решили выбираться из нищеты и отправились в столицу.

Сейчас у Марка шесть кораблей, легких, парусных, опасных, словно барракуды. Так он свою флотилию и назвал. И купцы с охотой

нанимают его для охраны, точно зная, что Марк Стоун скорее сам трупом ляжет, но их отстоит.

А Димас Бустон стал канцлером. Невероятная карьера для безземельного эрра. Хотя сейчас уже вполне себе состоятельного.

Нет-нет, к роскоши Димас не тянулся, и семья его жила хоть и достойно, но не слишком богато. Дочери вышли замуж, сына Димас воспитывал как мог и держал при себе, на должности секретаря, жена Димаса гостила по очереди у каждой из дочек и всласть возилась с внуками... Чего еще надо?

Димас был доволен и счастлив. И не понимал, что королевская благосклонность – штука такая, сложная...

Марк понимал и пытался предостеречь кузена, но Димас только отмахивался. Он верил своему королю, знал, что ни в чем не виноват, а если так... завистники есть всегда. Судьба у них такая. И у него тоже. Если человек делает настолько прекрасную карьеру, враги и ненавистники у него появляются автоматически.

Сам Марк не оказался так счастлив в семейной жизни и вот уже лет восемь носил развесистые рога. Тоже понять можно.

Женился-то он по любви, на милой эрре, и первые шесть лет делал ей по ребенку в год. Два выкидыша, четыре ребенка, из них выжили сын и дочь. Сыну уже двенадцать, и Марк собирался взять его с собой. Пусть попробует ходить юнгой на корабле, узнает, каково это.

Дочери уже исполнилось четырнадцать, и именно о ней Марк и хотел поговорить с Димасом.

Девочку надо было уже знакомить с мужчинами, выводить в свет, а доверять ее матери-шлюхе? Увольте!

Ладно, Марк не ругался на жену, понимая, что сам тоже виноват. Да и смысл? Ее лупить? Бить женщину недостойно и гадко. Приезжать и убивать ее любовников?

Столица обезлюдует.

Оставалось только открыто поговорить с супругой, но сначала Марк хотел заручиться помощью кузена. Вернулся из плавания, а тут такое...

– Димас, Иоанн, что бы ты ни говорил, та еще дрянь. Он король, безусловно, и правит неплохо, но к людям он относится, как к вещам. Надо? Носим. Не надо – сожжем в камине. И ты сгоришь, как только утратишь свою полезность. Вспомни, с чего ты начал свою карьеру?

– С королевской свадьбы.

– Вот. А сейчас король хочет развода. И он своего добьется, так или иначе, а тебя при этом закопают. Так, побочно.

– Я полезен Иоанну. Он не станет от меня избавляться. Возможно, позднее, но не сейчас...

Марк тихо застонал.

– Димас, как мне до тебя докричаться?

– Марк, давай лучше выпьем. Ты о чем хотел со мной поговорить?

– Вот именно об этом.

– Считай, что поговорил. Попробуй вино, мне его привезли с шагренских виноградников. Оно не такое сладкое, как делают у нас, но что-то в нем есть... интересное.

Марк молча взял бокал.

– Имеющий уши, да услышит...

– Марк, не морочь мне голову!

Стоит ли говорить, что за этот вечер кузены еще несколько раз возвращались к сложной теме. Но Марк, увы, ничего не достиг. Димас был непрошибаемо глух и слеп.

Этого не может быть, потому что я в это не верю.

Точка.

И что ты с ним будешь делать? Только напиться и осталось.

* * *

Поздно ночью, когда все, кроме караульных, уснули, а Мария с Анной уже лежали в карете, на удобных разложенных сиденьях, девочка подкатилась к матери.

– Мам, а вот бы здорово было найти эти рубины!

Мария погладила Анну по светлым волосам.

– Зачем, детка?

– Тогда я бы могла надеть кулон, обрести вторую ипостась и стать королевой. И тебя никто бы не посмел обидеть!

Маша прикусила щеку изнутри. Господи, да что ж такое! Как мало надо этой малышке, чтобы потянуться к человеку! Обычное тепло, то, что она отдавала в свое время детям и внукам... Не считала Маша себя

такой уж ласковой и доброй, не было у нее на это и сил, и времени. Обыкновенная, как все.

А для Анны это уже чудо, она от Марии не отходит. И впитывает самые ничтожные крохи тепла от матери. От родной матери!

По голове ее погладили, улыбнулись, сказали, что она умничка, одеялом укрыли, вот, как сейчас, к маме под бочок подгрести... Мария, твою налево в загробном мире! Чтоб тебя там налоговым кодексом разразило сорок раз! Ты вообще ребенку внимания не уделяла?! Никакого?

Мужа пасла и на церемониях красовалась?! А малышня на няньках? На чужих людях, которым на детей по большому счету наплевать?

Зараза ты, твое величество!^[14]

– Анечка, зайка моя маленькая, а что тебе даст эта вторая ипостась?

– Ну...

– Вот полетишь ты комариком, а тебя раз – и ладошкой шлеп? Вот так!

Мария ловко прибила мимолетного комара.

– А если я буду драконом?

– А тогда есть копьеметы, – разочаровала дочку Мария. – В мире есть один самый страшный зверь, зайка. Он сильнее дракона, коварнее змеи, ядовитее скорпиона, злее бешеного волка... не догадываешься, о ком я говорю?

– Химера?

– Нет, Анечка. Просто – человек.

– Ну, мам...

– Честное слово. Учись, развивайся и без второй ипостаси кого угодно скушаешь на завтрак.

Дочка уснула достаточно быстро, а Мария лежала и смотрела на звезды.

Второй облик.

Да, ей бы он сейчас оказался кстати. И в то же время... а на кой он нужен? Вот что такого может животное, чего не может человек? Куда-то проползти? Подслушать, подсмотреть?

Ну-ну.

Любой добавочный облик ей ничем не поможет, разве что помешает, потому что неизвестно, что к нему прилагается. Какие проблемы и трудности.

А они точно есть, халявы ни в одном из миров не предусмотрено. Рубль получишь, восемь отдашь. По этому принципу и банки работают, и наша веселая жизнь. Что бы ты ни получил, отработать придется втрое. Так что Мария даже думать о глупостях не собиралась.

Идите вы все, граждане мира. Строем, но в... мир.

А у нее задачи попроще. Выжить. Удрать. И в идеале – утащить с собой дочь. Не бросит же она здесь Анну, которая только-только начала оттаивать и доверять людям? На произвол судьбы, на папашу-кобеля и невесть какую мачеху?

Конечно, нет!

И между нами говоря, плевать ей на судьбы стран. Ей этот мир не родной, даже если Картен или Фардания сожрут Эрланд, ей будет глубоко наплевать.

Приятного аппетита, граждане, абы меня не трогали.

Позиция «премудрого пескаря»? [\[15\]](#)

Отнюдь. Пескарь вообще ничего и ни для кого не делал. А Маша в стороне от жизни оставаться не намерена, она уже и за Анну готова побороться. И не надо путать нору, в которой скорчился дрожащий от каждого проплывающего мимо рыб, с уютной и комфортной жизнью для себя и своих родных.

Просто Мария понимает, что пескарь не сожрет щуку. Удрать может, хвост унести может, удобно устроиться подальше от хищницы – это со всем нашим удовольствием. А ситуации, при которой пескарь бы щуку слопал, в нашей природе не предусмотрено. Вот из этого и будем исходить.

Для начала – монастырь.

Там она поживет несколько недель, осмотрится, почитает умные книги – ох, хорошо хоть, что читать-писать она может, и моторика сохранилась. Подпись ее величества Маша воспроизводит легко и радостно, стоит только закрыть глаза и расслабиться. А потом будет решать, что делать и куда идти.

Сказителя на следующий день в лагере уже не оказалось. Ушел поутру.

Капитан стражи предлагал ему поехать вместе, хотя бы еще пару дней, но исс Деон отказался. Сказал, ему в монастыре делать нечего, и рядом тоже нечего. Матушка-настоятельница, по слухам, строга к бродячему народу, приют не дает, а если и случится такое чудо, так отработать вшестеро придется. А у него уж возраст не тот, чтобы камни ворочать или бревна таскать.

Мария только вздохнула.

А ведь сама себе на голову эту заразу накликала. Но... во дворце оставаться было хуже. Память ее величества не проснулась, так что Марию мигом разоблачили бы. А так... она выигрывает время.

Немного, но это уже немаловажно. Она хоть осмотрится в этом мире.

А построить мать-настоятельница?

Посмотрим, что будет лучше. Может, построим, а может, научим вести правильно бухгалтерию. Глядишь, еще и подружимся.

С тем Мария и ехала дальше.

Разговаривала с Анной, девочка рассказывала ей о мироустройстве, Мария отвечала сказками, которых знала много, как и всякая бабушка. Те же русские народные сказки. Там сюжетов Шахерезаде на три года хватило бы, и еще осталось.

Так и ехали потихоньку себе, а на седьмой день уперлись в ворота монастыря.

* * *

– Бекки, нам надо серьезно поговорить.

Эрра Ребекка Стоун тоскливо посмотрела на мужа.

Нет-нет, жаловаться ей было не на что. Марк был практически идеальным мужем, как она себе это представляла.

Когда около двадцати лет назад юная Бекки выходила замуж, она была по уши влюблена в своего супруга. Ах, как это романтично!

Капитан корабля!

Высокий, черноволосый, сероглазый, эрр... денег, правда, маловато, но и Бекки кроме знатности рода ничем похвалиться не

могла. Чуть ли не лебеду ели в тяжелые годы. Так что за Марка ее отдали с огромным удовольствием, еще и без приданого, от которого юный эрр отказался, заявив, что жену прокормит. И это тоже было романтично.

В постели с мужем Бекки тоже нравилось. Правда, последние десять лет Марк ее постель не навещал, сразу же, как узнал об изменах, но это уж дело такое. Ей и без супруга было весело.

Ну, что поделать?

Дети, роды, а мужа все нет и нет рядом, и становится так тоскливо... даже понимая, что Марк зарабатывает деньги для семьи, Бекки не могла с собой справиться. Росла обида, копилось непонимание, и однажды нарыв прорвался. И эрра Стоун обнаружила себя в постели с другим мужчиной. А потом пошло-поехало.

И снова Марк оказался на высоте.

Он не стал ее избивать или запирать, лишать денег или отбирать детей. Он просто позвал Бекки к себе в кабинет и честно высказался, что они виноваты оба. Вот так получилось, что поделаешь. Чужие люди... ему очень жаль, но измену он простить не сможет. Да и Бекки есть на что обижаться наверняка?

Бекки была с этим полностью согласна.

Да, есть! И она обижается, и сильно...

Ну а если так... с него деньги, с нее дом, а в остальном они договорятся? Свобода в рамках брака, только без скандалов?

Бекки предложение оценила и слово свое честно держала. Хотя иногда ей и жалко было, что Марк покинул ее кровать. Вон он... какой!

Подруги от одного взгляда дрожат и ахают, пищат и падают... Марк действительно хорош собой. Годы придали ему определенного шарма, он не располнел, но стал более основательным, мускулистым, солидным. Черные волосы, пронизанные седыми нитями, стянуты в хвост, загорелое лицо гладко выбрито, на щеке небольшой шрам, ближе к виску, противник целил в глаз, Марк увернулся, только щеку распахало. И в постели он был хорош... десять лет назад.

— Марк?

— Пойдем в кабинет, Ребекка.

Женщина вздохнула и направилась вслед за мужем. Вот что ему надо? Что?!

В кабинете Марк уселся в кресло, налил себе вина и кивнул жене.

– Если хочешь, налей себе. Разговор у нас будет долгий и тяжелый.

– О чем, Марк? – невольно испугалась супруга.

Скандалов-то у нее не было, но когда у тебя не просто рыло в пуху, у тебя пух уже на хвост налип, как-то это... неприятно. Уязвимой себя чувствовать начинаешь.

– О будущем, Бекки. Оно у нас... смутное.

– Марк?!

Он что – хочет развода?! Или... монастырь?!

Бекки отлично понимала, что любой другой супруг за ее выходки ей бы шею свернул. А Марк – и ничего? Или – до поры?

По спине колонной побежали мурашки. Сердце рухнуло куда-то в живот, а пальцы на ногах сами собой поджались. Страшно...

Монастырь! Ох, какое же это жуткое место! Считай – похоронена заживо...

– Бекки, я должен попросить у тебя прощения.

ЧТО(!

Много чего ожидала эрра, но такого?

– 3-за что?!

Собственный голос показался Бекки чужим и незнакомым, так он осип за эти несколько минут. Марк вздохнул, сделал пару глотков вина, поглядел на жену... что на его лице?

Чувство вины? Он... да что такое случилось?!

– Ты... полюбил другую?!

– Что за чушь приходит в твою голову? – фыркнул Марк.

– Так объясни!!! – вышла из себя Ребекка. – Хватит ходить вокруг да около!

– Бекки, ты знаешь, что у меня есть свои люди, которые кое-что мне сообщают, – спокойно сказал Марк. – Без этого нормально не поторгуешь, не поплаваешь, надо знать, с кем ты связываешься и что у человека за душой.

Бекки согласно тряхнула головой. Ну да, о ее измене Марк узнал сразу же.

– Да. И что?

– Тебе придется на какое-то время покинуть столицу. Взять сына, дочь и отправиться в наше имение, благо я вкладывал туда деньги, и

там отлично можно жить. Я буду приплывать как можно чаще.

– Почему?

– Потому что мы – ближайшая родня канцлера Бустона.

Вот чего только не ожидала Бекки, но не этого спокойного заявления.

– При чем тут это?

Быть родственницей Димаса Бустона ей нравилось. Именно поэтому она была принята при дворе, и общество закрывало глаза на ее грешки. Раз уж супруга все устраивает, почему нет?

Кто-то должен и такие услуги эррам оказывать.

– Кем увлекся король последнее время?

– Дианой Эрсон. Но при чем тут это? Король и Марго увлекался, и Иреней, и с Дианой будет то же самое. Может, год или два он с ней побалуется...

– Бекки! Это ТЫ находишься при дворе – и до сих пор не знаешь, что Диана не легла в постель с королем?

– Она набивает себе цену, это естественно.

– Нет, Бекки. Она ее уже поставила. Самую высокую, какая только есть. Пока на ее пальце не будет обручального кольца, а на голове короны, Иоанн не залезет к ней под юбку.

– Фу, как грубо...

– Не строй из себя девственницу. Я прав?

Ребекка задумалась.

– Не знаю... он все-таки король.

– Король. У которого нет наследника. А королева Мария вряд ли ему уже родит, нет?

– Король регулярно посещал ее опочивальню, – уж такие-то вещи Бекки знала. Кто из придворных их не знал бы? – И не просто посещал, но... да, она не беременела.

– Уже лет десять, даже больше.

– Да.

– Наследника она королю не подарит. А его высочество Иоанн мертв.

– И...

– Бекки, ты ведь не дура, – укоризненно поглядел на жену Марк.

– Ты хочешь сказать, что его величество избавится от жены и посадит рядом с собой на трон вот эту рыжую шлюху?

Марк прикусил язык.

Если бы он сказал: «не завидуй», Бекки его бы точно прибила кочергой. Хотя от перестановки слов смысл не поменялся бы.

Бекки, конечно, и сейчас невероятно хороша собой. Белая кожа, большие голубые глаза, гладкие черные волосы – красotka! Даже в ее возрасте она выглядит великолепно, и маленькая Клара похожа на мать. Это, кстати, и хорошо. Тоже красotкой будет.

Но и Диана Эрсон красавица, каких поискать, и короля можно понять. Не той головой он сейчас думает, на которой берет носят. Ой, не той.

Бекки тем временем стремительно размышляла, душой-то она и правда не была.

– Если король что-то сделает с королевой, это будет означать ссору с Картенom. И даже если она сама с лестницы упадет – тоже.

– Правильно. А Димас у нас за мирные связи и торговлю с Картенom...

– И если что-то... он пострадает. А мы... ты...

– А ты в это время должна быть подальше от двора. Я надеюсь, ненадолго.

– Но... неужели Димас этого не понимает?

– Я вчера был у него. Хотел с ним поговорить, но кузен ничего не желает ни видеть, ни слышать. Вообще ничего. Тврдит, что нужен королю...

– Болван!

Марк развел руками.

– Ты – понимаешь. А Димас верит до сих пор.

– А что же делать?

– Все то же самое, что я и предложил. Ты едешь в имение и сидишь там. Сама понимаешь, из провинции тебя доставать могут и поленились, а вот когда ты при дворе мелькаешь на виду у короля – это совсем другой вопрос.

– Ох, Марк...

– Заодно займешься Кларой. Познакомишься с соседями, может, жениха для дочки присмотришь. Гулять можешь и там, но осторожно, сама понимаешь, все друг друга знают. Если найдешь кого-то, чтобы отправился вместе с тобой, там, охранником или лакеем, я против не буду. Даже оплачу.

– МАРК!?

– Бекки, довольно. Давай будем честны друг с другом. Ты моя жена, мой друг, мать моих детей. Я спасаю тебя от лишних проблем, но и ты постарайся не доставлять мне новых. Сама понимаешь, пока твои проделки касаются только меня, я терплю. Сам не девственник. Но если твои похождения поставят под удар будущее наших детей – не обессудь.

– А...

– Это столица. Думаешь, для меня новость, что при дворе есть еще десятка три эрр, которые ведут себя не лучше?

Ребекка зло зашипела.

– Если бы ты...

– Не сомневаюсь, в нищете, но с мужем, сидящим у твоих ног, тебе жилось бы намного легче. И приятнее.

Бекки сверкнула глазами, но тему развивать не стала. Дурой она не была, да и нельзя иначе при дворе. Держишь нос по ветру, а хвост предупредительно поднятым, тогда и цела будешь.

Нет?

Ну и... покойся с миром, дура. Много тут таких, как ты, перебивало.

– Ладно, – не стала спорить она. – Сколько у меня есть времени?

– Чем скорее, тем лучше. Я не знаю, когда у его величества лопнет терпение.

Бекки вспомнила взгляды, которые его величество кидал на сиськи этой стервы Эрсон (у нее скромнее, и во всем виновата Диана!), на ответные улыбочки Дианы, прикинула ситуацию...

– Скоро. Может, месяц или полтора, а потом Иоанн что-то придумает. Если все так, как ты говоришь...

– А как оно выглядит со стороны? Если подумать? Спорить готов, те, кто поумнее, уже прощупывают почву?

И с этим Бекки была согласна.

– Хорошо. Но... Марк, дай мне слово, что, если будет возможно, я вернусь в столицу.

– О, это пожалуйста, – кивнул Марк. – Не обольщайся, Бекки, я верну тебя с радостью, потому что понимаю, долго ты не выдержишь, а позора перед соседями мне не хочется.

– Скот!

– И советую придерживаться язык. Другой бы тебя в монастырь отправил еще пять лет назад. Доказательств твоей измены у меня столько, что стены монастыря обклеить можно.

Ребекка еще раз прикусила язык.

Пожевала его немного, а потом с усилием произнесла:

– Хорошо. Мы поедем по суше?

– Да. Морем я вас отправлять не рискну, слишком многим я оттоптал хвосты. Могут и рискнуть.

Ребекка опять кивнула.

– Я завтра с утра начну собираться.

– Вот и отлично, дорогая супруга. Вот и прекрасно.

Ребекка уже стремительно прикидывала, что ей делать. Раздать мелкие карточные и хозяйственные долги – недолго, благо в деньгах ее Марк особо не ограничивал, выдавал определенную сумму на хозяйство, отдельно на детей и на булавки. Ей хватало на все, еще и экономить получалось. Азартной Ребекка не была никогда, свой адреналин она добирала по чужим постелям, а не за карточным столом, потому играла редко и чаще выигрывала, чем проигрывала. Деньги у нее водились.

Написать знакомым... что?

Какую причину придумать, чтобы ее озвучил и Марк? Так, чтобы не стать посмешищем среди своего круга, чтобы потом спокойно вернуться?

– О чем ты думаешь?

– Какой слух пустить. Нельзя же сказать правду?

Марк одобритительно кивнул.

Может, еще и потому он не спровадил Бекки в монастырь, когда женщине было нужно, она становилась и умна, и изворотлива, жаль только, что случалось это крайне редко.

– О, это несложно. Скажи, что я решил налаживать торговые связи с Шагреном, а там, понимаешь ли, культ семьи. Общины, семьи... бездетному и подходить к ним не стоит. Надо, наоборот, продемонстрировать партнерам, что в твоей семье все крепко и хорошо.

Бекки задумчиво кивнула.

– Это может сработать. Скажем, мы уезжаем ненадолго и скоро вернемся.

— А торговые дела... сама понимаешь, могут и быстро завершиться, и затянуться.

Муж и жена обменялись понимающими взглядами.

Какой бы стервой ни была Бекки, она понимала, что лучше мужа ей не найти. И Марку в его доме всегда было хорошо, уютно и комфортно. За столько лет она стала ему не женой, а скорее единомышленницей. У них общий дом, общие дети, и они стоят плечом к плечу. Поддерживают друг друга, как могут... Бекки могла ложиться в постель с кем угодно, но Марка никогда ни в один скандал не втянула. И это мужчина тоже ценил.

— Нужны будут подарки и что-то из Шагрена.

— Это я тебе обеспечу, у меня есть знакомые, — отмахнулся Марк. — Слово даю.

— Отлично. Тогда я начинаю улаживать все дела, — согласилась Бекки.

Любовникам она тоже правды не скажет. Ни одному!

Мало ли с кем она плоть тешит? И болтает, да и сплетни разносит, это все есть! Но есть и разница. Сплетни о той же Диане Эрсон? Да пожалуйста, хоть с утра до вечера. Это не ее семья! Это посторонний и чужой ей человек. Да и врать она не станет, что есть, то и скажет. Не нравится? А ты на чужих мужей не вешайся и не пакостничай. Поди, про Ребекку тоже много чего говорят! Ну так и пусть! Поговорят, да и новую тему найдут!

А вот сплетни о ее семье?

Никогда!

Что бы ни было у нее дома, Бекки будет об этом молчать. Так что...

Бекки кивнула мужу, хозяйственно пригребла со стола кошель с золотом на сборы и улетучилась из кабинета. Муж проводил ее задумчивым взглядом. Кое о чем Марк умолчал.

Такие знания Ребекке ни к чему, она без них целее будет.

Но если король решит что-то сделать с Димасом... да спасать надо будет идиота! И сына его тоже! И жену, и дочерей... спасать, вывозить в тот же Картен или вообще Шагрен, потому и корабли ему нужны будут под рукой, и команды их тоже, и рисковать Марк будет. Это его кузен, а Марк своих на растерзание никакому королю не отдаст! Вот еще не хватало!

Пусть Иоанн валяет кого захочет, вот только семью Марка трогать не надо. А то он и ответить может. Больно.

* * *

Глядя на матушку Евгению, Мария четко поняла: нет, не будет у них взаимопонимания. Стоящая в дверях женщина напоминала ей одну грымзу из налоговой. Таковую, что просто грымзее не бывает.

С Марией у них, правда, был вооруженный нейтралитет. Грымза старалась придаться ну хоть бы к чему, а Маша напротив, делала все практически идеально. Так что...

Злые взгляды, поджатые губы и аура недовольства, от которой в радиусе километра листы в трубочку сворачивались и флешки форматировались.

Вот флешек здесь не было, а все остальное было. Интересно, это она просто власть не любит, или ей чем-то лично Мария не угодила? Впрочем, вдаваться в детали Мария не собиралась, вместо этого одарив настоятельницу легким кивком.

– Ваше величество, – протянула та.

Мария чуточку шевельнула рукой.

– Мы устали, преподобная мать. Прикажете позаботиться о наших людях и прочем.

– Слушаюсь... ваше величество. Будут ли у вас какие-то особые пожелания?

Настоятельница явственно скрипнула зубами. А, нет. Личной неприязни к Марии у нее нет, есть злость, направленная на статус королевы. Не на человека, на титул.

Кажется, ей просто не нравилось, что на территорию монастыря явился кто-то выше рангом. Так-то она здесь самая крупная жаба на лопухе, а сейчас ей придется этим лопушком накрыться и не квакать. И слушаться, и кланяться, а что там еще королеве придет в голову? Да кто ж ее знает? И надо улыбаться и кланяться, молчать и терпеть... зубы сами скалятся при таком раскладе, и кулаки стискиваются. Ничего, матушка Евгения не дура, быстро поймет, что Мария не стерва и не самодурка, так что общий язык они найдут. Но пару дней потерпеть придется, увы.

– У меня нет никаких пожеланий, преподобная мать. Мне просто хочется покоя и тишины.

И меня вполне устроит все, что вы предложите. Вслух об этом говорить Мария не стала, но мать-настоятельница и сама дурой не была, так что склонила голову.

– Ваше величество, ваш визит честь для нашего скромного монастыря...

– Долго он не продлится, – Мария поспешила утешить несчастную. – Его величество не отпустит меня надолго, но я надеюсь на несколько дней отдыха в тишине и спокойствии.

Настоятельница выдохнула.

А, ну если так...

Если просто приехали передохнуть, а не приглядываются к ее монастырю, как к жилищу для ее величества после развода, если не собираются наводить здесь свои порядки и трепать нервы, тогда и потерпеть можно... немного.

Тогда – проходите.

– Сестра Юфимия, покажите ее величеству покои. Полагаю, ваше величество, и ваше высочество желают отдохнуть с дороги.

– Желаем, – согласилась Маша, опуская руку на плечо дочки и притягивая Анну к себе. – Надеюсь, наши с дочерью покои соединены дверями? Если нет, мы готовы делить одну спальню на двоих, все же это монастырь, и умеренность здесь в почете.

– У нас есть подходящие покои, ваше величество. И для вас, и для ваших эрр, но вашим гвардейцам придется остаться за стенами монастыря. Вы понимаете, так принято...

Мария не стала спорить и требовать для себя привилегий. Посмотрела на эрра Леонидаса, и тот понятливо кивнул.

– У нас все есть, ваше величество. Палатки и прочее, мы тут хорошо устроимся.

– Полагаю, преподобная мать, ваши люди знают, где тут можно купить провиант для мужчин? – мило уточнила Мария. И вложила в руку женщины небольшой кошель с золотом. Потом еще один вручит. Муж ради отъезда едва не помершей супруги расщедрился.

Евгения улыбнулась. Привлекательнее ее это не сделало, но сама попытка уже заслуживала уважения. Мать-настоятельница поняла, что

проблем, которых женщина сильно опасалась, не будет, и чуточку расслабилась.

– Мои люди все устроят. Ваше величество, прошу вас...

Настоятельница повела рукой, и рядом, словно из воздуха, соткалась хрупкая, почти бестелесная монахиня. Ишь ты, какая дрессировка! Один жест – и тут же человек прискакал! Интересно, что тут с ними Евгения делает, чтобы так бегали?

– Прошу вас, ваше величество.

Серая ткань рясы была измята внизу, как если бы монахиня ее заправляла за пояс и что-то делала, а потом расправила.

Может, так и было? Мало ли в монастыре работ? Явно скотным двором потягивает, когда ветер слева дует, да и огород тут свой, надо полагать, и мастерская...

Мария последовала за монахиней, стараясь не морщиться. Все же запах скотного двора, он... своеобразный. Воняет не по-детски. Да и вообще... здесь, конечно, не слишком типичное средневековье, моются здесь не слишком часто, но вот влажными полотенцами обтираются хотя бы раз в день, так что воняет умеренно. От людей. А вот скотину тут не моют, и этот запах Марию раздражал. Кто не верит – сходите, понюхайте свинарник. Есть от чего зафыркать^[16].

Анна робко взяла мать за руку.

Да, не принято здесь такое. Вот в ее родном мире внуки постоянно бабушку за руку куда-то тащили, а тут... бедный ребенок. Совсем она не привыкла к ласке.

Мария погладила девочку по светлым волосам и подмигнула так, чтобы никто не видел. Анна улыбнулась в ответ. Теперь надо выяснить, где они будут жить.

* * *

Жилье – порадовало.

Мать Евгения отлично понимала, что паломники – это деньги. А если кто-то несет тебе деньги, то его лучше обеспечить удобствами. Тогда и попросить можно больше.

Так что для паломников в монастыре было отведено целое крыло, которое и заняла королева со свитой. Кельи, конечно, но достаточно

большие, светлые и благоустроенные. И никаких соломенных тюфяков, сомнительных лавок вместо кроватей или, упаси Предмать – полена под голову. Все достаточно просто и скромно, но уютно.

Непритязательная мебель из светлого дерева, хоть и без украшений, но удобная. Тюфяки достаточно тощие, но они есть. Да и с собой Мария привезла... оказывается, оно нужно. Но арфу все равно надо было потерять по дороге. Просто так.

Может, подсказать матушке новый способ дохода? Пусть делает «стеганки» с кармашками и набивает перины гречневой шелухой? К примеру?

Гречневая шелуха немного ароматных трав, грамотная реклама, и мать-настоятельница еще и деньги на этом поднимет. Правда, небольшие и ненадолго, патентного права тут не придумали, так что идея быстро разойдется по миру. Ну и пусть, все поменьше бельевого клещей будет.

Для Марии, как для королевы, были подготовлены апартаменты аж из четырех комнат. Спальня с большой кроватью, на которой отлично поместимся мы вдвоем с дочкой, кабинет, в котором будет удобно посидеть и что-то почитать, комната для платьев и комнатка для прислуги. Маленькая, но с топчаном. Мало ли, понадобится мне что-то ночью...

Мария спорить с чужим уставом не стала, попросила все разложить, а сама прихватила Анну и отправилась в храм. Кто бы сомневался, что матушка-настоятельница окажется рядом?

– Ваше величество, если вы позволите составить вам компанию?

– Я буду рада, преподобная мать, – вежливо ответила Мария. Чего сразу-то свариться? – Анна, ты не против?

– Я тоже буду рада, – согласилась принцесса.

Мария поймала себя на мысли, что у Анны это получается лучше.

Дрессировка, что поделать. Когда ребенок с рождения привыкает к мысли, что выше него только звезды, когда он элита уже в утробе матери, это сказывается. Что хочешь можно говорить, но есть вещи, которые видны издали.

Вот про себя Мария точно знала, она – Манька Белкина, Белка или Стрелка, за другие прозвища она мальчишек колотила нещадно. И выживала она сама, и пробивалась в жизни сама, и ее уважали. Мария может спокойно общаться хоть с кем, хоть с английской королевой,

хоть с испанской герцогиней, и уважать себя она от этого меньше не будет, но есть вещи, которые ей просто недоступны.

Потому что Маше будут кланяться за ее заслуги, а английской королеве за то, что она вылезла на этот свет из нужного отверстия. Титулованного. И преотлично об этом знает. Даже если она ничего из себя представлять не будет, ей будут кланяться по праву рождения. А она будет знать о своем праве. И принимать это как должное^[17].

Просто – разные два слоя, как вода и масло. И они не смешиваются.

Некоторое время две женщины и девочка шли молча, потом мать-настоятельница заговорила.

– Наш монастырь не слишком популярен, ваше величество. Паломников к нам притягивает старое святилище Предматери, которому уже больше тысячи лет. Если пожелаете, я вам его покажу.

– Мы будем очень благодарны, преподобная мать. Возможно, не сегодня, но на днях?

– Как пожелаете, ваше величество.

Мария чуть склонила голову.

– Преподобная мать, я не стану ходить вокруг да около. Я сейчас в смятении. Мне нужно место, в котором я смогу побыть наедине с собой, успокоиться и, возможно, принять сложное решение. Я не создана для монастырской жизни, но для размышления и уединения лучше места не придумаешь. Я просто хочу несколько дней пожить спокойно, ходить на службы, читать книги, разговаривать с дочерью – и этого довольно. Потом мы уедем, а монастырь заживет своей обычной жизнью.

На лице настоятельницы отразилось облегчение.

– Да, ваше величество, я понимаю. Мы всегда рады *гостям*.

– Хороший гость приходит ненадолго, – подтвердила Мария, заключая временное перемирие. И отправилась в храм.

* * *

Внутри было красиво.

Цветные стекла, позолота, иконы – исключительно женские, все правильно, и монастырь женский, и святые тут для дам-с.

Единственное место, где были нарисованы мужчины, – это триптих в главной части. Там были изображены все трое, Предотец, Предмать и Многоликий. Последний – в серой маске и с лукавой улыбкой.

Предотец – почти канонический, седобородый, осанистый, важный и внушительный. Предмать – тоже в возрасте, еще не бабушка, но женщина в расцвете лет, с сострадательной улыбкой на симпатичном лице. Анна опустила на колени, Мария повторяла за дочерью, стараясь, чтобы это не было очень заметно. Молитвы она по дороге учить уже начала, благо тут молились на родном языке, а не выносили мозг латынью, но чувствовала себя пока не очень уверенно.

И то...

Кого в храмы с детства водят, те все тонкости знают. А поди, зайдешь с улицы? Если местные «активные бабки» не сожрут, под девизом: не так сидишь, не так свистишь, все равно дурак дураком себя почувствуешь. Хоть бы инструкции писали, что куда поставить, кому поклониться, как перекреститься, но не дождешься ведь! Так что Мария косилась по сторонам.

Покой и умиротворение?

Ох, не про ее это душу. Или молиться надо в одиночестве и где-нибудь в лесу, или еще что-то, но вот не чувствует она себя спокойной.

Ноет что-то внутри, тянет, давит...

Хотя и чего удивительного? Другой мир, другие... нет! Как же вы были правы, великий Воланд! Люди всегда одни и те же. Те же страсти и сомнения, те же любовь и ненависть. Все то же самое.

Дело в другом.

В своем мире Мария точно знала свою дорогу.

Она симпатичная женщина и хороший специалист, любящая мать и бабушка. С женой не сложилось, но и ей было, кого вспомнить. А что в этом мире? Что ее ждет? Кому она нужна?

Анне?

Да, безусловно, на несколько лет. А что потом?

Или потом будет видно?

Мария посмотрела на икону.

Предотец смотрел сурово и строго. Предмать сочувствовала. Многоликий явно подначивал. А что ты такое теряешь, а? В том мире для тебя оставалось не так уж много, у детей своя жизнь и свои дети. Они тебя будут любить и помнить, но все же? Тебе было почти

семьдесят лет, да, ты могла протянуть еще сколько-то, может, даже и до ста, почему нет? Но все получилось чуточку иначе, так стоит ли оплакивать свою жизнь – там?

Там у них все будет хорошо, ты вырастила и дочь, и сына отличными людьми, ты знаешь, что у тебя хорошие внуки, они справятся. И не передерутся, и друг друга поддержат, если что. Та жизнь закончена, но эта – эта только начинается!

Сейчас ты получаешь возможность построить что-то новое и интересное. Важное и любопытное для себя. Смерть? Но ты уже поняла, что это не черная и страшная пустота, что за чертой что-то есть, тебе уже не страшно.

Рискнешь?

И Мария улыбнулась в ответ.

Кто не рискует, у того баланс не сходится! Определенно, она будет вживаться. Баба-Яга в тылу врага – это же ее любимая роль! Заверните! Два раза, пожалуйста!

Для начала надо стать хорошей мамой для Анны и вырастить ее, и замуж выдать удачно. Та Мария точно бы этого хотела. Потом разобраться с мужем. Кто знает, что о нем думала Мария-королева, любила или нет, но так себя с женой вести нельзя. Не понял?

Воспитаем!

Поленом, ежели придется! Вон, соседка мужа после пьянок воспитывала, так на три месяца хватало! Если что, и Мария опыт переймет! Стимулируем нижние полушария, чтобы дошло до верхних! Отличный лозунг!

А потом...

Женское счастье?

Хотелось бы и любовь найти, но тут как получится! Эх, не тот мужик пошел, некачественный. Мария где-то читала, что в этом и книги виноваты, и фильмы. Если раньше продвигался образ Ильи-Муромца, такого богатыря, который и сено покосит, и поле вспашет, а придет беда, так меч возьмет, и ни один враг не выживет, то в последние года начали двигать в массы дурачков и клоунов. Каких-то вихлястых, дерганных, придурковатых... смешно?

Но вот только посмеяться над такими и можно, а жизнь строить не получится. Как погремушка пустая. Может, здесь что-то более

качественное найдется? Здесь-то Голливуда нет, а за слова приходится отвечать. Жизнью.

Мария решила, что обязательно попробует и мужа себе найти. А этот... Иоанн?

Ладно, ради памяти предшественницы она даст ему целый один шанс. Но если этот баран его прогадит... она ему даже не посочувствует. Прикопает молча.

Боги задумчиво улыбались с иконы...

* * *

– Диана, радость моя!

– Иоанн, вы...

– Прошу тебя, Диана...

– Любимый, умоляю, не надо! Ты слишком пылкий... я так не могу! Иоанн, пожалуйста!

– Я только посмотрю...

– Нет, умоляю! Я...

И снова слезы.

Иоанн почувствовал себя последней сволочью.

Он очень непорядочно поступает с Дианой. Понимает, что она чистая и невинная девушка, что ей нужен муж, что нужны дети... и пока ничего не может ей дать!

А все Мария!

Как только она вернется из монастыря, у них состоится решающий разговор. Он не будет с ней слишком суров, пусть живет спокойно, сколько ей отпущено. Но и заедать его жизнь он больше супруге не позволит.

Бывшей супруге.

Он еще молод, он хочет жену, детей, он может еще быть счастлив! И если Мария этого не понимает... тем хуже для нее!

* * *

Саймон Картенский читал письмо от своего шпиона.

Да-да, личного, а на кого еще должен работать духовник ее величества королевы Марии? Кто бы ему позволил оглядываться на другого работодателя? И был приятно удивлен.

Ай да сестренка!

Есть, есть в ней картенская королевская кровь! Есть!

Проснулась в ней родовая гадина, да как проснулась! Стоило только ее потрясти за хвост, как вот она! Выползла, зашипела, зубы показала! И то!

Ладно бы муженек ее безмозглый только на Марию покусился! Но чтобы на ее единственного живого ребенка? На ее дочку?

За такое Мария могла и взбелениться! И... просить пока еще не помощи, но совета.

А вот что он может сделать?

Саймон задумался.

Раньше он сделал бы ставку только на Анну, а вот сейчас можно и на сестру. Если так подумать... хорошей идеей была бы Анна на троне, разумеется, с подходящим племяннице мужем. И при ней ее величество, для пущей легитимности.

К примеру, если его величество Иоанн совершенно случайно подавится орехом. Или его удар хватит... кастетом, в висок? ДО развода?

И останется у него вдова, и дочка... дочка, которая послушно выйдет замуж за кого надо, и вдова, которая будет сидеть на ступень ниже дочери и послушно подсказывать ей, что говорить и что делать?

Раньше он не смог бы подобраться к Иоанну.

Сейчас же, через его супругу... почему нет?

Саймон серьезно задумался, а потом приказал секретарю узнать, где сейчас эрр Нейман. Он нужен своему королю.

Очень нужен...

Начинается большая игра!

* * *

Мать-настоятельница Евгения, некогда из рода Шадинов, а сейчас сама по себе, письмо от кардинала получила. И теперь думала, что с ним делать.

Ох и дурак же ты, Исая, ох и недоумок!

Куда ты полез? В политику?

Понятно, при дворе иначе-то и не проживешь, надо или за одного быть, или за второго, только вот... столько-то матушка Евгения понимала.

Лучше всего быть за короля.

Всегда, везде, при любом раскладе, тверди одно: я тень его величества. И точка.

Ты можешь быть пять раз кардиналом, но если за тобой никто не стоит, тебя легко сожрут. А вот король ценит тех, кто предан только ему.

Евгения была неглупа, и о происходящем в столице слышала, и навскидку... монастырь – место сложное, не только для молитв сделанное. Тут всякого из жизни слушаешься, у каждой монахини своя история, и умения свои, и характер... ей-ей, король себя вел, как дурак. Всяко обернуть можно, и наследника получить можно. Если ты умный, ты это дело устроишь. Троих наследников принесут!

Да просто – заведи себе шесть баб, рано или поздно хоть кто да забеременеет, объяви новорожденного мальчика сыном королевы и живи дальше. А менять ее величество Марию на какую-то девку? Пусть даже ей восемнадцать и вымя у нее шикарное?

Тьфу, дурак!

О королеве Евгения слышала как раз только одно. Она – тень короля. И по мнению Евгении, это говорило только в пользу королевы. Она в чужой стране, среди чужих... а она полностью за короля, она встала за плечом мужа... или она полностью безвольна, или она очень умна.

Когда Евгения увидела королеву, она поняла, что как раз – второе.

Мария оказалась достаточно умна, чтобы спокойно жить под прикрытием своего мужа, она рожала ему детей и вела двор. И теперь ее менять на какую-то там?

Злорадства в Евгении как раз не было.

Может, окажись королева другой, склочной, тупой, истеричной, она бы и отнеслась к ней иначе. Но королева ни с чем не спорила попусту, требовала лишь чистоты в своих комнатах, была умерена в еде и одинаково доброжелательна и с самой Евгенией, и с последней

скотницей, когда ей случилось побывать на скотном дворе, окорачивала своих эрр и не допускала конфликтов.

Много времени уделяла своей дочери, старалась приласкать и подсовывала что повкуснее. Сама делала девочке причудливые прически и внимательно выслушивала маленькую принцессу.

Она вела себя, как вежливый человек в гостях. Много времени проводила в библиотеке, и сестра Августа, библиотекарь, говорила уже пару раз матери-настоятельнице, что королева великолепно образованна. С ней приятно и о естественных науках поговорить, и о философии... библиотекарьше и в голову не приходило, что ее используют как живой гугл-справочник. Только тему задай, а уж рассуждать монахиня будет долго, остается только уточнять интересное для себя.

Да-да, у Марии проблема – пока все нужное найдешь по книгам, озвереешь, а у матушки Августы своя беда. Поговорить не с кем и обсудить прочитанное – тоже. А тут такая собеседница!

Счастье!!!

Конечно, монахиня пела дифирамбы королеве.

Так что Евгения закономерно сделала свой вывод.

Королева – умная. Король – дурак и сволочь. Королеву надо бы поддержать, а вот королю... сделать она ничего не сможет. Но... письмо Исайи спустит в мусорную корзину. Ясно же, для кого он старается.

Если королева предпочтет монастырское уединение мирской жизни, моя признательность будет безгранична...

Ха!

Будет она, как же! Дожидайся до рассвета!

Мария для монастыря не создана, она и сама это понимает. Она сильно напоминала Евгении виденное когда-то на картине...

Неизвестный Евгении художник изобразил громадную разноцветную змею, которая нежилась на солнышке. И столько в ней было затаенной мощи...

Сейчас она тихая и расслабленная, наслаждается миром и покоем, теплом и солнышком. А в следующий миг развернется, прыгнет с картины, ударит... сильно ударит! Жестоко и яростно!

Вот и Мария такая же.

Сейчас она спокойна и расслабленна, а вот что будет, когда она бросится на добычу?

Евгения не знала. И рядом с ней оказаться не хотела, и врагом королевы становиться тоже не собиралась. Отпишет она Исайе, мол, так и так, работу провела, дальше сами-сами... а лезть к ее величеству не станет.

Королева Мария отлично знает, что ей нужно. Сейчас она просто выбирает пути достижения цели. Вот и пусть...

Пусть гуляет по саду, разговаривает с людьми, отдыхает, делает, что ей захочется. Евгения лезть не будет. А письмо прибережет до поры.

Посмотрит, что дальше будет...

* * *

Дни тянулись ровно и спокойно.

Мария легко вошла в монастырский ритм, ей-ей, по сравнению с работой главного бухгалтера, он совершенно не напрягал.

Подъем на рассвете? Так Мария всегда была жаворонком, и это ей давалось легко.

Подъем, обтирания влажным полотенцем, молитва, потом возвращение в спальню, тут Мария вставила кое-что свое, и Анну подучила. Упражнения они делали вместе.

Чем-то силовым Мария Ивановна и во времена оны не занималась, а вот йога ей нравилась. Растяжка, разминка, и плечи так не сводит, и спина не болит, и шея не хрустит – для бухгалтера прямо насущный вопрос. Поди, посиди по восемнадцать часов за компьютером, да за бумажками, да посчитай... поневоле взвоешь. Не то что плечи – тебя всю судорогой сведет.

Это тело было плохо развито физически, и суставы так хрустели, что Марии даже страшно становилось. Но – растяжка, разминка, а заодно припахать повара. Пусть варит королеве полезный бульон из куриных лап, Мария Ивановна его и дома пила^[18].

Просто дома с ним возиться надо было, она варила сразу большую кастрюлю, в холодильник ставила, опять же, выглядят эти лапы

совершенно неэстетично. А здесь – повар есть, пусть у него голова и болит.

А Мария себе меню выбрала. Полезный бульон, тушеные овощи в больших количествах, вареное мясо. И никаких сладостей или особых блюд. Придворным дамам что-то не нравится? Они в монастыре, а не на приеме, и вообще, кто тут смеет повышать голос, когда королева тушеной морковкой обедать изволит?

После трапезы Мария Ивановна отправлялась в библиотеку, благо в монастыре она была богатейшей, и сидела там до обеда. Анна обычно составляла матери компанию.

Потом обедня, трапеза, послеобеденный сон – Мария решила, что это тело надо восстанавливать как можно скорее. Что это такое, она поругалась с какой-то заразой и померла?

Да к гадалке не ходи, тут или сердце, или сосуды, или еще чего не в порядке! Может, высшая сила, которая ее сюда перенесла, и тело подлечила, а если нет?

Диета, гимнастика и спокойствие. Лучшего рецепта для восстановления в средние века еще не придумали. Да и в двадцать первом веке оно рекомендуется. Так что после обеда у них с Анной был послеобеденный сон, потом прогулка по окрестностям, а потом вечерня, трапеза и часок на развлечения. В монастыре тоже можно, если совесть не терять.

К примеру, не фривольные канцоны или лэ распевать, а просто поиграть на арфе. Или истории рассказывать, можно о божественном, можно о земном... такие посиделки с вышиванием, приличествующим благородным дамам. То есть эррам, как тут их называют.

Мария потихоньку осваивалась, узнавая о мире все новые и новые детали.

Оказывается, тут нет баронов, графов и прочей титулованной заразы, а заодно и кучи обращений. Есть благородные – эрры, среднее сословие и крестьяне.

Среднее сословие – это купцы, мастеровые, члены гильдий, члены их семей. Крестьяне – тут все понятно.

Эрры бывают двух видов: владетельные и безземельные. Понятно, первые более уважаемы, вторые чуть менее, но именно что чуть. Все эрры обязаны служить королю.

Как именно?

Тут уже личный вопрос для каждого. Кто-то идет по военной части, кто-то по гражданской, это одинаково почетно. Военные больше нравятся дамам, статские лучше зарабатывают в мирное время, впрочем, это уже дело житейское. Важен принцип. Исполнилось тебе восемнадцать? Вперед, пять лет на службе отечеству с тебя, как с куста. Поскольку ты эрр, ты сам и реши, где служить хочешь, но это практически единственная твоя привилегия. Ну и отношение к тебе будет соответствующее. Чин, статус, может, по службе продвигаться будешь быстрее, но тут как дело пойдет, поди, дураку и титул не поможет!

Не хочешь служить?

Твое личное дело, никто настаивать не будет и за уши не потащит. Но если ты безземельный эрр, то тебя за это лишат титула, так прописано в законе, и это логично. А кого ты можешь воспитать, если сам королю служить не желаешь? Сам лентяй, и дети у тебя такие же будут... брысь из сословия, не позорь аристократию.

Если у тебя поместье, и тебе, допустим, не на кого его оставить, дело другое. Но тогда налоги тебе поднимут чуть не вдвое. А могут и поместье отнять, если не справишься.

Бывало всякое.

И то не только в Эрланде, это в любой стране так. Мария это одобрила, хотя вслух и не высказывалась. Но правильно же!

Если ты считаешь себя благородным человеком, так подтверждай это делом! А не просто языком болтай и по салонам шлейся! Опять же, государству польза и прибыток.

К женщинам все вышеозначенное, кстати, не относится. Не пойдет же эрра в армию?

Хотя – приятное отличие от средних веков в родном мире тут есть. Женщина и наследовать имущество может, и распоряжаться им самостоятельно, и преумножать его, если ей так захочется. Если сумеет.

Есть ли женщины-купцы?

Есть, конечно, просто они стараются не сами дела вести, а через приказчиков, через партнеров. Никто их не ущемляет, но так часто бывает удобнее. К примеру, склад, грузчики, и надо им объяснить, куда пойти и что сделать. А это ведь мужики грубые, они и послать могут... погулять.

Так что можно. Но как ты устроишься – твои личные проблемы
Для эрр это тоже действует, но женщина скорее носительница титула.

Допустим, живет себе эрра. Вышла замуж, родила дочь, а сына не успела. Или вообще никого не родила, муж помер. Бывает же! В мире, который оставила Мария, поместье наследовал ближайший родственник мужского пола. И проблем у вдовы хватало. Здесь все было иначе. Никакой семиводно-кисельной родни, все прописано в законах. Если есть завещание – хорошо, если нет, приговор выносит королевский суд. Не нравится – кидайся в ноги королю и оспаривай, но это бывает редко. Потому что оба варианта наследования не самые плохие.

В первом случае поместье наследует дочь. Когда она выйдет замуж, или ее муж войдет в ее род, или первого ребенка придется отдать в род матери, чтобы он не пресекся.

Во втором случае поместье наследует вдова. Если нет родственников мужского пола, конечно. Вдова должна прибыть к королю, получить соответствующее разрешение, а в идеале и выйти замуж, чтобы не пресекся род. Да, за того, на кого укажет король. Но тут уж так... и договориться всегда можно, и поторговаться, и мужа себе присмотреть, особо насиловать никто не будет.

Все зависит от человека и от ситуации.

Определенная лояльность в законах тут была, и Марии это нравилось. Равно, как и в религии. Никаких первородных грехов, никаких злобных баб, посовращавших все мужское население и добравшихся до змей, никаких инквизиций и прочей ахинеи.

Католики и гугеноты тут тоже не прижились как течение. Просто потому, что выбор был.

Не нравится тебе Предотец? У тебя еще два бога на выбор, молись, кому пожелаешь. Да и молитвы вполне четкие и понятные, и тебе, и Богу. Чего ты огород городишь?

Десятина была, но это уж дело такое, церковь травку не кушает.

Иногда возникали разные ереси, но народ их особо не поддерживал, относясь к вопросу по-крестьянски. Бог там, Богиня, еще какие дела... а репу сеять надо! И рыбу ловить! Тебе заняться нечем? Сейчас мы тебе найдем работу...

Никто не спорит, были и перегибы, и бунты, и свои проблемы, где их не было. Но в основном мир этот был достаточно спокойным и уютным. Вот только Мария себе места в нем пока не находила.

Эх, и что бы ей в кого другого переселиться? Поудобнее?

Хотя в каждой избушке свои погремушки, проблемы везде найти можно. Да и Анна...

Не бросать же малышку? Как-то Мария к ней начала привязываться потихоньку. То ли остатки памяти сработали, то ли еще что, но побег Мария даже не рассматривала. Только вместе с Анной.

А куда бежать и что делать?

Да кто ж его знает?

Анна отцу пока еще нужна, хотя и будет в его новой семье на последнем месте. А вот Мария... Мария жива, пока она королева. А потом...

Плюс-минус пару лет – и все.

А не хочется. Жить ей понравилось, и хотелось бы еще лет сорок-пятьдесят порадоваться жизни.

Но как?

Пока Мария не видела выхода и усиленно занималась собой и своим здоровьем. Надо же с чего-то начинать?

А выход?

Он обязательно найдется! Иногда надо просто подождать или посмотреть на проблему с другой стороны. А вообще, Ходжа Насреддин с его «через двадцать лет ишак будет читать Коран» был невероятно мудрым человеком. Поди там, разберись через двадцать-то лет?

Только вот есть подозрение, что Иоанн столько ждать не согласится. Эту поездку у него чудом вырвали, второго раза не будет.

Ничего, Маша собиралась еще побороться за себя.

В конце концов, миром всегда двигали четыре силы. Это деньги, это войска, это чувства, это слово Божье. А с первым у Марии было лучше, чем у кого бы то ни было.

Войско ей не собрать, с чувствами в стране напряженка, разум-то у нее соответствует возрасту, и на мужчин она смотрит с легкой иронией, слово Божье тоже не для нее. Разве что послать может далеко и надолго, народно-матерным словом она владеет, а вот Божьим – увы.

Но в том, что касается финансовых потоков, Марии равных не было. Неужели она не найдет для себя ничего подходящего?

Да быть такого не может!

Вы только дайте ей добраться до бумаг, а уж дальше...

А дальше будет больше. Но пока – здоровье и еще раз здоровье. И политинформация.

* * *

– Интересно, весьма интересно.

Его величество Ханс Девятый, король Фардании, загадочно улыбался. Выглядело это, откровенно говоря, жутковато. Больше всего его величество походил на гриб-сморчок, оно и неудивительно в почтенном шестидесятилетнем возрасте^[19].

Морщины, три седые волосинки, сгорбленная спина – возраст, увы, не щадит и королей. Но разум Ханса был на редкость ясным и острым. Потому и продолжал его величество сидеть на троне, к большому неудовольствию собственного сына. И равно же к удовольствию собственных внуков. Их как раз ситуация устраивала, пока дед на троне, а отец в наследниках, можно гулять, как им понравится. Мальчишки и гуляли.

Но кажется, для одного из них скоро настанет время остепениться?

Ханс подумал еще несколько минут, а потом приказал секретарю пригласить его высочество Фридриха, а также его высочество Вернера. Ну и Дитриха, если тот окажется рядом, пусть идет.

Долго ждать не пришлось, может, с полчаса, за которые его величество успело кое-что прикинуть, и сына с внуками встретил доброй улыбкой. Учítывая, что во рту у короля осталось шесть пеньков – одно название, – впечатление улыбочка производила жуткое. Но это потерпеть можно, главное, что король скажет, а не как он улыбается.

– Вернер, – его величество последние лет десять не любил расшаркивания и словесные кружева. У него и так немного времени осталось, чтобы его на глупости тратить. – Скажи мне, ты не хочешь остепениться в ближайшее время?

– Если ты прикажешь, дед, – развел руками четырнадцатилетний Вернер.

– Мы чего-то не знаем?

На Дитриха дед посмотрел внимательнее.

– Знаете. Вернер помолвлен с Анной Эрландской. А Иоанн в последнее время голову потерял, хочет себе наследника. Пока девочка единственная наследница, Вернер может стать королем. А вот если Иоанн женится и обзаведется новыми наследниками, шансов у Вернера не будет. Это плохо.

Дальше мужчинам объяснять было не надо.

– Отправить посольство в Эрланд? Это мы можем там долго кругами ходить, – задумался Вернер. – Не проще ли выкрасть девчонку и заключить брак?

– Его консумировать не удастся, – вздохнул дед. – Ей всего десять лет. Но мыслишь ты в правильном направлении.

– А на ком собирается жениться его величество? – невинным тоном поинтересовался Фридрих.

Два королевства – это ведь вдвое лучше, чем одно королевство, правда?

– На некоей Диане Эрсон.

– Так может... если с ней что-то случится, дед, не отложит ли король свои намерения?

– Пока ее величество Мария сопротивляется мужу, не давая развода и не уходя в монастырь, пока она еще борется за свою дочь, – отозвался Ханс. – Но вряд ли ее надолго хватит. Впрочем, если эрра Диана исчезнет, король найдет себе другую симпатию. Но не сразу... нет, не сразу.

– Исчезнуть она должна так, чтобы королеву в этом не обвинили. Вообще, – задумался Вернер. – Тогда мы выиграем пару лет, ну, год в лучшем случае. А как только созреет моя невеста, сделать брак полноценным, и... я буду так скучать о своем тесте! Плакать буду и молиться за его душу еженощно.

– Правильно понимаешь, – по губам Ханса скользнула улыбка. – Правильно...

– Тогда?..

– Пора тебе отправляться в Эрланд. Привезти невесте подарки, познакомиться поближе. А дальше... умельцев я с тобой отправлю.

Хороших, хватких. Они решение проблемы найдут, да так, что никто ничего не поймет.

Вернер хищно улыбнулся.

Власть любили все члены их семьи. Потому, может, и не перерезали друг друга. Фридрих понимал, что отец пока еще крепок разумом, и власть ему отдаст, но в свое время, Дитрих тоже в своем праве не сомневался, а Вернер знал, что поедет в другую страну. А последние несколько месяцев так даже и к трону Эрланда примерялся, а что?

Надо-надо...

И вдруг такой афронт?

Определенно, ему надо ехать в Эрланд и разбираться на месте. А там будет видно, какие и к кому меры применять.

Глава 4

Саймон смотрел на эрра Неймана. Внимательно смотрел, изучающе... вот кто бы мог сказать, что этот мужчина – убийца? Жестокий и равнодушный палач на службе Короны Картена?

Саймон и сам иногда не верил! А уж как бы посмеялись окружающие!

Растяпа Фил?

Феликс Нейман? Убийца?

Да он ложку до рта не донесет, он раньше ей в ухо попадет, чем в миску! Он же всегда...

Если на дороге собачье дерьмо лежит – в него вступает Феликс. Он же поскальзывается и падает так, что сдирает юбку с ближайшей эрры, получает от нее трепку и выговор от короля. Потому как скандал! Если мимо летит птица – на кого она нагадит?

Опять на Феликса!

Если его куда-то пошлют, даже не сомневайтесь, при прочих равных он придет НЕ ТУДА!

Всегда!!!

Отдаст ваше письмо не тому, кому надо, перепутает людей, даты события, двери... лучшее, что вы можете сделать, то подарить бедолагу врагу. Авань, тому тоже плохо станет.

Прощалось Феликсу все за его улыбку и очарование. Глядя на этого милейшего человека, можно было подумать, что он сделан из солнечных лучей. Эрры млели и таяли... в постели милый мальчик каким-то чудом не промахивался.

Средний рост, хрупкое телосложение... слова «эльф» его величество Саймон не знал, а то употребил бы, а так – сходство идеальное. Точеные черты лица, маленькие руки и ноги, платиновые длинные волосы, раскосые зеленые глаза, и снежный барс – ирбис на гербе, некогда предки Феликса обращались в эту милую кису.

И кто бы догадался, что Феликс способен убить любого? Просто дайте подойти поближе?

Что он прекрасно работает с ядами, кинжалом, удавкой, что хрупкое телосложение ничуть ему не мешает? Он бы и двуручником

отлично работал, да вот беда, если их рядом поставить – Феликса и меч, – то второй на голову выше окажется^[20].

Феликс краснел, заикался и падал. Дамы млели.

Его величество с удовольствием наблюдал за всем этим балаганом. Феликс работал по специальности, числился каким-то восемнадцатым клерком в казначействе и регулярно носил королю отчеты. А на самом деле...

Да, на самом деле Феликс был именно убийцей. Так уж получилось, пришлось его семье во времена оны бежать из Канории. Феликс внешнею полностью пошел в мать, та и сейчас одна из самых красивых женщин Картена, даже в свои почти пятьдесят лет. Те же платиновые волосы, зеленые глаза, хрупкость – и все это привлекло внимание высокопоставленного сановника в Канории.

Слово за слово, эрра его отвергла, потому что любила мужа и не собиралась ему изменять, сановник впал в раж – недоумок! Результат?

Отца Феликса убили, а мать увезли неизвестно куда. Феликс остался с тремя сестрами на руках. Двенадцати лет от роду, сестры еще младше и красотой тоже в мать... что делать?

Кто-то другой бы растерялся. Феликс схватил в охапку сестер и рванул к деду.

Феликс уже тогда был неплохо натаскан дедом по матери. Распространяться он об этом не любил, его величество знал только, что дед был наемником. Странствовал, потом осел на месте, женился, дочь вот нажил... правда, только одну. Любил, берег, за эрра замуж выдал, внуков дождался, сам в столицу не полез, ни к чему его дочери такое родство. А вот внук знал, где живет дед. Туда и девчонок приволок.

А сам...

Кто там и что разрабатывал – король не уточнял. И так понятно, дед направлял, внук делал, деду к тому времени уж восьмой десяток исполнился, где ему куда пролезть?

А вот внук...

Дед узнал, где держат его дочь. Внук пришел и убил. Нет, не всех, кого получилось. Устроился в замок поваренком, узнал, где держат мать, пролез туда, убил похитителя, умудрился вытащить женщину... кому рассказать – не поверили бы!

А Саймон проверил, все было чистой правдой. Матильда даже не слишком пострадала, вельможа пока еще наслаждался своим призом, можно сказать, перед смертью порадовался.

Феликс об одном жалел – легко эта сволочь умерла. Ну что такое – всего несколько ударов в живот? Помучился гад пару-тройку дней, да и все! А вот если бы его за отца пытаться с полгодика...

Не получилось.

Дед потом с друзьями договорился, вывезли его внуков в Картен. Сам-то он уже не поехал, стар слишком. Когда к нему пришли королевские дознаватели, он яд выпил.

Казалось бы, Феликс должен растеряться? Ан нет! Он просто явился послужить королю... нашлись знакомые, провели мальчика во дворец, а там уж он и упал Саймону в ноги.

И предложил убивать любого за гарантии безопасности для его матери и сестер.

Выглядел тогда Феликс загнанным и измученным, и было отчего. Мать плачет, поди, переживи такое, девчонки тоже плачут, а еще жить как-то надо, кормить их всех, замуж выдавать, да не просто так, а за эрров... такая ноша и взрослого бы сломала. Что-то дед внуку передал, да разве ж это много? Саймон невольно растрогался, предложил мальчишке свое покровительство просто так... и не прогадал. Феликс, понимая, что его не неволят, что просто помогли, служил вдвое усерднее.

Первое убийство для короля он совершил в четырнадцать лет. А дальше пошло по накатанной...[\[21\]](#)

Зато сейчас сестры Феликса были удачно пристроены замуж, мать его жила в маленьком домике в столице, в тишине и покое, ходила в храм, молилась за мужа... сам Феликс еще не женился. Видимо, в деда пошел, тот тоже после пятидесяти остепенился. Но короля это устраивало.

– Ваше величество? – Феликс молча ждал имя.

– Садись, друг мой, – немного на свете было людей, к которым Саймон так обращался, но Феликс – это другое. Он все поймет правильно.

– Мой король?

– У меня к тебе очень деликатный разговор. Фил, ты помнишь, у меня есть сестра. Мария.

– Ныне королева Эрланда, – должность Феликса позволяла много чего узнать, и он этим пользовался в личных целях. – Говорят, у нее неладно с мужем... простите...

– Не просто неладно. Иоанн собирается с ней развестись и жениться на шлюхе.

– Дурак.

– Все верно. Сестра, оказывается, пошла в меня... пока ее муж был с ней честен, она горой стояла за его интересы. Он предал ее – и более Мария не готова ему помогать.

– Справедливо, мой король.

– Более чем. Феликс, мне бы хотелось, чтобы ты отправился в Эрланд.

– Зачем, ваше величество?

– Молиться, друг мой. Исключительно молиться. Я надеюсь, что за такую подлость Предотец покарает... или Иоанна, или его любовницу.

– Ваше величество?

– Смотря, что будет лучше для Марии. Я бы предпочел Иоанна, но сестра может не удержать власть. Значит, надо смотреть, кто ей помешает...

– Мне придется остаться там надолго, мой король?

– Возможно, на год или два. Но если ты беспокоишься о матери или сестрах – не надо. Слово даю, присмотрю лично.

Феликс поверил мгновенно.

– Благодарю, мой король.

– Деньги прикажу выдать, повод найдем, письмо для Марии дам, там сейчас рядом с ней отец Роман. Встречался с ним?

– Очень многообещающий человек, – кивнул Феликс, который сам-то был не намного старше священника. Ему еще тридцати не исполнилось, а выглядел он от силы на двадцать лет.

– Вот. Надеюсь, вместе с ним вы достигнете определенных результатов.

– Я повинуюсь, мой король.

Феликс встретился глазами с Саймоном, и тот даже головой потряс.

В зеленых глазах профессионального убийцы горели веселые огоньки. Дело ему явно представлялось интересным. Что ж, тем

лучше.

Саймон снял с себя образок и надел на шею Феликсу.

– Мария его знает. Ну и... береги себя, сынок.

Показалось ему? Кто знает... не бывает же так, чтобы в глазах убийцы на секунду, но блеснули... слезы?

* * *

– Ваше величество, – эрра Лизанда смотрела на Марию серьезно и внимательно. – Вы позволите поговорить с вами наедине?

Мария поглядела на Анну.

Ладно, потом она дочери расскажет, если будет что-то важное. А пока лучше не надо – мало ли о чем пойдет речь?

В это время дети взрослеют быстро, Анна в свои десять лет уже не ребенок, но все равно... есть темы, которые при ней лучше пока не затрагивать. Совесть иметь надо!

– Хорошо, эрра Лизанда. Давайте пройдемся по саду.

Нельзя сказать, что монастырский сад был в полной мере садом. Скорее, это была смесь сада, огорода и скотного двора, но пройтись по нему можно было. Лучше, конечно, в «чистой» части, а то коровники, курятники и свинарники не розами пахнут. И так-то долетает... аромат Франции. Только средневековой Франции, когда у них нечистоты по улицам текли ручьями.

– Ваше величество, – эрра Лизанда не стала тянуть. – У меня письмо от его величества.

– От моего супруга? – искренне удивилась Мария. – Почему у вас?

– Вы после обеда изволили спать. Гонец приехал, но мы не стали вас будить.

– Он не мог меня подождать?

– Не знаю, ваше величество. Вы знаете, на территорию монастыря мужчины не допускаются.

О, это Мария уже знала. Все работы здесь выполняли исключительно женщины. А мужчину могла привести лично мать-настоятельница, и то, если уж вовсе форс-мажор настал.

– И все же? Вдруг мне потребуется написать ответ?

– Ваше величество, у вас под рукой тридцать человек гвардейцев.

Мария хмыкнула и протянула руку.

– Письмо.

В ее ладонь лег увесистый свиток, и первым делом Мария оценила печать.

Настоящая. Тяжелая, увесистая, с королевской гривастой кошатиной. Это не подделать, не здесь и не сейчас. Теперь содержание.

Ваше величество!

Сегодня вечером, после молитвы, я буду ждать Вас у восточной ограды монастыря, в старом святилище.

Некоторые вещи нам лучше обсуждать без лишних ушей, потому я и решил предпринять это путешествие.

Иоанн Шестой.

Печать, подпись...

Мария задумалась.

А где у нас, собственно, старый храм?

А, она его видела, стоит себе строение на территории монастыря и стоит, кушать не просит. Фрески там красивые, храм уютный, а вот на ремонт денег пока нет. Вот и стоит он себе беспризорный,

Старое святилище Предматери. И богиня там такая... уютная и почти домашняя. Спокойная и даже радостная. Молиться там было приятно, и свет там такой...

И в то же время... идти ночью туда, неизвестно куда?

А ее там не придушат? К примеру?

А смысл?

Во-первых, она еще не настолько довела супруга своим упрямством, у него еще есть надежда решить дело миром.

Во-вторых, речь может пойти именно о монастыре для нее. А что такого? Для супруга идеальный вариант, жена уходит в монастырь, а муж идет в загс. То есть под венец с новой короной. Тем паче Мария сейчас УЖЕ в монастыре.

Может ли сюда приехать король?

Легко и непринужденно. Тут не так далеко, и если его величество решит поохотиться, а в процессе охоты, к примеру, отбиться от свиты, он это легко сделает. И супругу навестит.

В-третьих, она спокойно может рассказать всем об этом письме, что и сделает. И письмо оставит... не дурак же ее супруг? И пожалуй что...

— Эрра Лизанда, вы будете сопровождать меня вечером.

Вполне возможно, оттого и гонец уехал. Торопился отчитаться ее супругу, мол, письмо доставлено. Если Иоанн тут поблизости, это имеет смысл.

— Гонец что-то передавал на словах?

— Умолял отдать письмо вашему величеству как можно скорее, но ответа ждать не стал. Сказал — не приказано.

Тоже вписывается.

Мария вздохнула.

Идти... не хотелось. Только вот от предчувствия тут ничего не было, ей попросту было страшно. Иоанн должен хорошо знать свою супругу, а тут она, красивая такая... разве она сможет морочить ему голову? И решение какое-то принимать придется, а у нее пока никаких идей...

Что делать-то?

Ясно, что идти надо.

А как неохота!

Ладно... Мария как можно более незаметно вытерла вспотевшие ладони о юбку и отправилась обратно, к Анне. Протянула ей свиток.

— Читай.

— Матушка, а можно мне с вами?

Мария качнула головой.

— Не надо, Анечка. Ни к чему.

— Почему?

Врать Мария не стала.

— Потому что мы с твоим отцом, скорее всего, будем ругаться. И я не хочу, чтобы ты это видела и слышала.

— Вы и так ругались.

— И это неправильно.

Слов «психологическая травма», «перенос» и «стресс» Анна бы просто не поняла, да и ни к чему ей. Не доросли тут до психологии, оно и к лучшему. Тут Фрейда бы не слушали, а холодными обливаниями лечили, вместе с его теориями. Ну и розгами, кстати, тоже. Пороли до выбивания глупости из организма.

Но все равно, не надо ребенку смотреть, как ссорятся родители. Мария подозревала, что ничего хорошего на этой встрече не будет, вот и ни к чему! Детство должно оставаться детством.

– Я уже взрослая!

– Я тебе все расскажу. Честно. Только ругательства опущу, подозреваю, что сразу мы с его величеством к согласию не придем. А еще – при тебе мне будет сложнее ругаться.

Это Анна поняла и кивнула.

– Я подожду, мама...

Мария кивнула.

– Договорились. Я не стану задерживаться надолго. Эрра Лизанда, осталось не так много времени, пойдемте, поможете мне собраться.

* * *

В храм Мария собиралась, как на войну.

Да в общем-то так оно и было. Сейчас состоится ее первое сражение за эту жизнь. Как оно пройдет, так дальше и покатится. А потому...

Мария понимала, что это храм. А он каменный. И вечером там холодно.

Потому теплое платье и теплый же плащ. Еще ей не хватало носом шмыгать или зубами стучать. И обувь тоже теплая.

С собой маленькая фляжка с водой. А вдруг?

Если предстоит долго разговаривать или на кого-то орать, лучше захватить с собой пару глотков воды, вдруг в горле пересохнет или кашель начнется?

Свечи?

Взять или не взять?

Мария задумалась, а потом все же сунула в поясной кошелек свечку и кремень с огнивом. Она уже научилась ими пользоваться, да и не так это сложно. Чай, не высшая математика. Храм вообще вечером освещают? Как-то она над этим не задумывалась, но вряд ли. Зачем?

Свечи сейчас дороги, особенно восковые, а не сальные... Так, лучше две взять. Иногда при разговоре лучше видеть лицо

собеседника, а вспоминая Иоанна, вряд ли он позаботится хоть о каком-то ее удобстве.

Что еще взять?

Пожалуй, оружие. Да, она не справится с сильным мужчиной. Да, оружие – это чисто психологический момент, и стоит ли его брать – неизвестно. Просто потому, что его еще применять надо уметь.

С другой стороны, если человеку угрожает опасность, оружие он применит автоматически. И с большим избытком.

Лучше пусть судят, а не оплакивают.

Эх, жаль, что тут нет огнестрела. Ну хотя бы нож.

Вот кинжал у Марии был. Кто ж его знает – откуда? Но оружие это было вполне достойное, острое, хорошо заточенное, с хищным синеватым лезвием и костяной рукоятью, которая совершенно не скользила в руке.

Ее величество им письма вскрывала! Хотя, по мнению Марии, это было как автомат вместо коромысла использовать. Но может, тут так и принято? Не пришло еще время закругленных ножичков, которыми и таракана не зарежешь?

Ну... что ж. Пригодится!

И Мария отправилась в святилище.

Эрра Лизанда шла за ней, держась в двух шагах позади.

После ужина монашек во дворе практически не было, они расходились по кельям и готовились ко сну. Кто-то молился, кто-то занимался другими делами, так что Марии никто навстречу и не попался. Да и пусть их.

Справиться бы с разговором!

Сумочку, которая представляла собой богато расшитый золотом мешочек, Мария повесила через плечо, как привыкла. Тут такие вещи носят на поясе, но женщине это было неудобно. А вот продеть вместо коротких шнурков длинный – вполне.

Нож тоже лежал в сумке.

Выхватить его оттуда будет сложнее, но... она ведь не планирует никого убивать. Правда?

Ну, правда же?

Вот и храм, эрра Лизанда вошла туда первой. Мария еще немного поколебалась, но...

– Кажется, мы пришли первыми.

– Да, ваше величество. Похоже на то.

Мария прошла по храму, подумала.

– Когда появится мой супруг, уходите, эрра. Обратно я дойду сама, а вам не стоит оставаться рядом. Мало ли что будет сказано.

– Да, ваше величество.

Сумерки быстро заполняли зал тенями, сгущались, но пока еще видимость была неплохая.

– Смотрите, ваше величество, какая тут интересная фреска.

Мария подошла к эрре.

– Где?

Чего она не ожидала, так это резкого отскока эрры в сторону.

– Здесь! Сдохни, тварь!

Плита подворачивается под ногами у Марии, и та летит вперед, в темноту.

* * *

Удар вышел болезненным. Мария приземлилась на ноги, всей тяжестью, кажется, даже кость хрустнула. Падала она вроде не слишком высоко? Может, метра три или четыре... тут как повезет, но ей повезло. И упала она на что-то мягкое.

В темноте не видно, на что.

А еще есть плащ, есть нижняя юбка... все это тоже смягчило удар. Но все равно, несколько минут Мария просто сидела, переводя дыхание.

Потом выдохнула – и выразилась так, что даже темнота на секунду побагровела.

– Ах ты ж... и...!

Видимо, встряска хорошо подействовала на мозги ее величества, потому что первое слово, которое ей пришло на язык после матерных:

– Подстава, б...?

Но похоже на то. Да и как это можно трактовать?

Письмо?

Допустим, оно настоящее.

Мария сидела на куче неизвестно чего и пока не двигалась с места. Размышляла. Вслух больше не говорила, мало ли? Вокруг

темнота, ее не видно, но услышать-то можно? Что бы с ней ни собирались сделать, пусть думают, что она или без сознания, или умерла. Если ее придут добивать, сможет ли она себя защитить?

А фиг его знает. Смотря, кто придет.

Итак, возвращаясь к математике. У нее есть два варианта. Первый – письмо настоящее. Из этого следует, что ее супруг действительно рядом и придет в храм. Не найдет там ее величество, и что? Опять развилки. Если супруг сам приказал ее устранить таким образом – пока оставим рассуждения про выгодно-невыгодно, для них у Марии слишком мало информации – как он будет действовать? Прикажет ее искать. Поищет и забудет. Была королева – и нет ее. Прапала, савсэм прапала...

Может, еще и сам придет ее добивать. Посылать кого-то невыгодно, чего шантажистов плодить на свою голову. А может, и добивать не придет. Решит, что супруга окажет ему еще одну любезность и сдохнет сама.

Если супруг ее устранять не приказывал, он тоже будет ее искать. Но какая вероятность, что ее тут найдут? Да ничтожная. Хорошо еще, если настоятельница про эту ловушку знает, а если нет?

Допустим, является ничего не знающий Иоанн-Ванька-дурак в монастырь и гневается. А ну, подать сюда супругу во всех позах?

Там ему показывают письмо, эрра заявляет, что она королеву проводила, а внутрь не заходила. Или что королева ее отослала, решив дожидаться мужа в одиночестве.

А что дальше – не знаю, не ведаю. Простите великодушно, ваше величество, не виноватая я. При таких раскладах ее даже не накажут – за что? Она свой долг исполняла, слушалась, вот и все. А что там с королевой?

Да фиг ее знает, еще и легенда возникнет. А лет через пятьсот тушку откопают и торжественно раскроют страшную тайну. Очень жизнеутверждающе звучит.

Захотелось поплакать, но Мария загнала слезы подальше, усилием воли.

Слезы – вода. Она нужна в организме, нечего ее тратить вот так, по глупости. Успеем нарыдаться.

Пока ей надо подумать дальше.

Это был вариант с настоящим письмом, при котором ей ничего особенно хорошего не светит.

Рассматриваем развилку с подложным письмом. На которой все еще хуже и паршивее. Искать Марию и в этом случае нормально не будут, а вот Иоанна подставляют, как Георг Пятый Николая Второго^[22].

Более того, рассчитывать, что монахини организуют поиски, вообще в этом случае не приходится, Мария тут три раза помереть успеет, пока ее хоть кто-то найдет.

Анна?

Она, конечно, умненькая и серьезная девочка, но с настоятельницей точно не справится. А если будет закатывать истерики и требовать...

Твою мать!!!

Рядом с ней будет эта сучка, Лизанда! И что она с ребенком сделает, кто ж ее знает?! Вот тут Мария и взбесилась. Ее ребенок?! Рядом с убийцей?

Такая волна злости поднялась, что ей-ей, окажись рядом Лизанда, добавки бы ей не понадобилось. Руками бы в горло вцепилась, удавила паскуду!

Мария потрясла головой, злобно шипя ругательства. Что, мы оказываемся в той же ситуации?

Спасение утопающих дело рук самих утопающих?

Ну и... сами виноваты, граждане. Когда она отсюда выйдет, впереди все будет разбегаться, а позади – пылать и рыдать. Впрочем, она не слишком привередлива. Могут рыдать и впереди, она не настаивает на соблюдении всех формальностей.

Мария потянулась к сумке.

Темнота окружала ее, давила, пыталась словно растворить в себе... ну-ну. И не такое бывало в ее жизни... не работали вы в бухгалтерии в девяностых. Случалось Марии и с «братками» разговаривать. Не хотелось ей о том опыте вспоминать, да из песни слова не выкинешь. Было... и не знала она тогда, вернется к вечеру домой или детей сиротами оставит. Это уж сейчас вспоминается анекдотом, а как она себя тогда повела...

Кто-то в стрессовой ситуации срывается в истерику, а Мария, наоборот, в агрессию. Братки посмотрели, да и развернулись, столько

бешеной неукротимой злости почуяли они от женщины, что проще было не связываться. Даже тупое «мясо» бояться умеет.

Вот и сейчас она плюнула на все и полезла в сумку. Может, и уцелели свечи? Чего тут думать? Оглядеться надо, куда ее занесло, а потом уж решать, что дальше будет.

Одна свеча уцелела. Вторая увы, переломилась пополам, ну да ладно. Это не сотовый телефон, гореть свечка все равно будет. А пока...

Твою мать!

Да сработаешь ты когда-нибудь, сволочь средневековая?!

Крепкое слово подействовало и на огниво. Мария кое-как разожгла свечку и принялась оглядываться. Сначала – вверх.

– Б...!

Вверху ее ничего не порадовало. Глухо, как в танке. Кстати, если вспомнить, она и шагов не слышала, а наверняка же эта сволочь там ходила? Значит, капитально сделано и достаточно высоко. Просто так не долезть.

Есть ли возможность открыть плиту изнутри?

Ну... наверное. Но для этого надо оглядеться по сторонам. Тут лестница есть вообще? Свечка – это вам не галогеновая лампа, у нее радиус весьма ограниченный, так что для начала Мария посветила себе под ноги.

– Б...!

Кажется, это слово у нее станет любимым и тотемным! И есть отчего!

Ей не просто повезло, ей ПОВЕЗЛО так, что впору не отходя от кассы молиться начинать. Дня три, без отдыха и продыха.

Есть такая штука – ублиет. Подземная яма, куда скидывали людей, и они там помирали. Яму делали глубокую, метров десять-пятнадцать, и мостили камнем, так что у жертвы был хороший шанс разбиться сразу. Или напороться на колья, которыми добрые люди мостили дно ямы. Третий вариант? И он есть, для хорошего человека не жалко. Сиди и помирай долго и печально.

Вот это бы Марию и ждало. Но – местный ублиет (кстати, а откуда у Лизанды такие познания? Надо ей будет дать исповедаться перед смертью!) за давностью просто пришел в негодность. То есть копали-то его тщательно, и стены камнем выложили, и может, даже

колья навтыкали. Не учли только монастырь и натуральное хозяйство. И грунтовые воды.

Может, тысячу лет назад тут этих вод и не было, дело житейское. Но за такое время сколько чего поменяется? Где холмы были, там равнина будет, и лес вырасти успеет. А где воды не было, там она протекла, прокопалась, да и тектонические подвижки, наверное, какие-то есть. Это ж все-таки полуостров, типа «итальянского сапожка», тут всякое быть может.

Если ту же Италию вспомнить... когда Мария Ивановна туда ездила отдыхать, им гид рассказывал, что в среднем, раз в четыре года в Италии случается землетрясение силой до пяти баллов. А по мелочи так и вовсе регулярно. Народ привык, живет себе, жизни радуется.

Итак, была это яма. Большая, круглая, может, и с кольями на дне. А стала...

Время прошло, одна из стен ямы попросту обрушилась и завалила всю средневековую архитектуру. Получилась большая куча земли, на которой Мария и сидела.

И дыра в стене. Большая, не то что кроту – слону пройти хватит.

Мария кое-как попробовала подняться на ноги.

Ну что?

Терпимо, братцы-акробатцы. Ноги держат, не подгибаются. Шаг? Еще шаг?

Нет, ничего не сломано. Ушибы наверняка есть, но это потом проявится. А пара часов у нее есть, пока в теле адреналин гуляет. Мария Ивановна помнила, как она руку ломала.

Упала зимой, встала да и пошла. Успела донести до дома сумки, приготовить ужин, и только ночью ее накрыло так, что пришлось наутро в травмпункт ехать. Там уж ей и сообщили, перелом у вас. Хорошо еще, закрытый^[23].

Мария еще раз поглядела вверх.

Нет, лестницы тут не предусмотрено, дотянуться у нее до крышки люка не получится, да и... нужен ли здесь поворотный механизм?

Понятно, из храма его открыть могут. Должны и стопор предусмотреть, чтобы, допустим, кто-то спустился и тушку вытащил. А изнутри – зачем? Лестницы нет, так что простите, не предусмотрено.

Даже если...

ЕСЛИ!

Если случится чудо, если человек не расшибется, если окажется альпинистом и сможет в полной темноте вскарабкаться по стенам и нащупать поворотный механизм?

Простите, чушь!

Марии просто повезло, но вряд ли так везло кому-то еще. Вот она, отлично видит и стену, и осыпь чувствуется, и провал за ее спиной...

Лезем или ползем?

Мария подумала еще пару минут.

Нет, не долезет она, нереально. Остается только ползти в дыру и надеяться, что куда-то она да приведет. Ну-ка, проверим на свечке?

Пламя свечи едва заметно подрагивало, а это уже радовало. Значит, какой-то источник воздуха там впереди есть. Кстати, бедняги могли и просто задыхаться тут под землей, вряд ли в ублиете была предусмотрена вентиляция. А надолго ли хватит тут воздуха?

Если Мария сидит и размышляет о жизни вот уже минут пятнадцать, значит – он есть. И еще, заметим, свеча не гаснет, то есть концентрация углекислого газа не сильно повышена...

Ползем, Маня, ползем. Только у нас, только для вас – подземельная белка. Вам не нравится? Поверьте, ей – тоже.

И для начала...

Проклиная все на свете, в том числе долбаную юбку и отсутствие трусов, Мария решительно сделала из своего макси – миди. Сняла нижнюю юбку и порезала на ленты, обмотала руки, а остаток намотала на талию. Сняла верхнюю юбку, порезала кое-как и намотала на ноги. Ей тут еще ползать, чего руки-ноги то обдирать? Чай, родные, не займы взятые. Хотя... хм.

И поползла.

Тот еще квест, ползти по дыре на четвереньках, а если так, то вообще на трех конечностях, а четвертой перед собой еще свечу переставлять. Надо же видеть, куда она ползет?

Надо...

Мария так прикидывала, что ПОД храм. Если эта ловушка была у наружной стены храма... ну да, так вспомнить, они на фреску смотрели, которая была на стене, и падала Мария лицом к стене. И не поворачивалась... вроде бы. Значит – под храм.

Странно как-то.

Теоретически Мария бы не удивилась разрушениям, направленным наружу. Если деревья проросли, если подмыло фундамент, если еще какие-то обстоятельства, скажем, рядом строили коровник или колодец...

Ой, бывает.

Но у нее другой случай. Если так подумать, больше всего похоже, что, когда строили, соединяли коридорами несколько помещений. Или... минуточку?

Тьфу, дура она гольная! О самом простом не подумать!

Если надо достать тело из ублиета... или это тело добить... чего его на веревках-то таскать? Намного проще прийти и сделать. Скажем, была раньше потайная – или не особенно потайная дверь, по которой можно было прийти, полюбоваться или добить врага, и коридор был, а потом тряхануло, ну и обрушилась туда часть земли. Туда-оттуда...

А это что значит?

Что под храмом не одно помещение. Колодец только часть его внутренней системы, а так есть и еще что-то. Интересно, что именно?

И Мария упорно ползла, пока не уткнулась в стену.

– Б...!

Нет, надо это дело прекращать. Вряд ли народ оценит все богатство русского матерного, который она может принести в новый мир. Но стена же?

Но...

Мария уселась на попу, благо размер тоннеля позволял, и принялась вести свечкой вдоль стены.

– Ага...

От стены ощутимо сквозило, теперь даже она почувствовала. То есть...

Эх, ломик бы! Два! А у нее ничего под рукой толкового нет.

Мария принялась исследовать камни, внимательно осматривая целостность строительного раствора. Ну... если так подумать, вот этот камень ей нравится. Для начала. Он и не слишком крупный, и выдается из общей кладки, хотя и не очень сильно. Так что...

Мария достала кинжал и принялась за работу.

Медленно, очень медленно и аккуратно, погасив свечку, она на ощупь вычищала строительный раствор вокруг камня. Благо нож оказался хорошим, спасибо тебе, кузнец. А строительный раствор не

очень хорошим, спасибо тебе, неизвестный строитель. Вот сколько их Мария знала, и чтобы прораб чего не сэкономил? Такого и в наше время нет, и тогда не бывало! Вот и крошится оно... а может, и от возраста, и от сырости, и от землетрясений... Воздух в тоннеле тоже радовал сквозняком. Мария методично и упорно работала. Почистить тут, там, пошатать... и не слишком удивилась, когда после очередного расшатывания камень просто выпал ей на руки.

Отлично, теперь зажечь свечку и определить самый перспективный из соседних камней^[24].

Второй камень выцарапать было легче, третий... и сквозняк был вполне отчетливый.

Мария работала как одержимая. Четвертый камень поддавался хуже, но она его все-таки расшатала, еще раз порадовавшись, что на ней столько тряпок. Давно бы ладони в кровь ссадила.

Пятый.

Показалось ей – или через щели проникает тусклый свет? Красноватый?

Мария закрыла глаза, прислонилась к стене, выдохнула и еще раз открыла глаза.

Нет, она не ошиблась.

Ну-ка...

Мария подняла один из камней, поудобнее – и грохнула им в стену. Раз, и еще раз, и еще...

И даже не сильно удивилась, когда один из кирпичей выпал из стены наружу. В небольшую комнату, действительно освещенную тусклым красным светом.

Напролом Мария не полезла. Прижала лицо к дыре, вгляделась... нет, не понять. Небольшая комната, посреди что-то вроде стола и на нем что-то красноватое слегка светится.

Людей нет?

Мария зажгла свечку, просунула руку в дыру и еще раз осветила комнату. Яснее не стало, разве что убедились в отсутствии людей. Ну а если так...

Эх, раззудись, плечо, размахнись, рука...

И порадуйся. Если бы не время, не тектонические подвижки, не выбраться бы ей. Никогда. Но основную работу за нее сделали время и природа.

Бока Мария ободрала знатно, радуясь, что объемы у нее не прежние. Раньше она бы вдвое дольше возилась, а сейчас пролезла, выдохнула и принялась оглядываться. Зажгла свечку и осмотрелась уже более предметно.

Комната.

Небольшая, самого обычного вида. Посреди комнаты... нет, не стол, как ей сначала показалось. Два камня. Один квадратный, обтесанный под его ножку, второй сверху, как плита. Размер?

Метр на метр, не больше. А что там красноватое на столе?

Руками Мария тянуться сразу не стала. Какие-то нехорошие у нее ассоциации возникли с криптонитом [\[25\]](#).

Медленно обошла вокруг, приглядываясь.

Ну, камень. Размером, наверное, с ее ладонь, красный. Светится. Хотя слабо и паршивенько, словно радиоактивности там на два дня осталось.

Форма похожа на глаз. Овальный, так и огранен кабошоном, то есть без граней. Раньше так камни и гранили, сейчас... вот чего Мария не знала, так это как их сейчас гранят. На муже и дамах вроде тоже кабошоны были.

Да и пусть их, этих дам. Посмотрим, что с комнатой? Есть ли выход?

Мария медленно пошла уже по периметру комнаты. Минута, две, три...

Есть выход!

Обычная деревянная дверь, старая и рассохшаяся. Даже замка нет, да и от кого тут запираяться?

Или?!

Мария посмотрела на петли, потом потянула дверь на себя.

Тяжело...

И еще потянуть? И еще...

И – поддается!

Оно НЕ ЗАПЕРТО!!! Мария осела на пол рядом с дверью, выдохнула, опять вдохнула. Так...

Тянем-потянем. И вытянем, потому что иначе никак нельзя.

Женщина сделала пару глотков воды, порадовавшись, что взяла с собой флягу, и принялась расшатывать дверь, как больной зуб. Та подчинялась, чуть ли не крошась под пальцами. Ну, тоже понятно.

Когда-то она была толстой и надежной, но время прошло, а в подzemелье атмосфера нездоровая. Темнота, сырость, плесень, может, и еще что. Там протекло, тут подгнило, вот и результат. И не так, чтобы хороший для дерева.

Дверь удалось победить достаточно быстро, и Мария оглянулась на камень. И что? Его вот тут так и оставить? А жаба?!

Родная, любимая, трепетно выпестованная? Которая сейчас сидит и квакает, что камушек надо затрофеить? И значить поглубже. А вдруг и правда убегать придется? А камешек такого размера дешевым по определению не будет. Не может он... Даже если это гранат какой или что там красное? Шпинель? В драгоценностях Мария разбиралась откровенно слабо, не пришлось научиться. Но где-то она даже истории слышала, мол, большие камни в средние века стоили дорого. Просто из-за размера.

Мария посмотрела на дверь, за которой начинался коридор.

На стол с камнем.

Плюнула, подошла и сгребла его со стола. Пусть будет! Вот!

А в следующий миг упала навзничь, словно ее ударили в сердце. Боль была такой мощной и невероятной, что мгновенно погасила сознание.

* * *

Мария лежала на полу.

Она поняла это очень быстро, стоило только приподнять голову и оглядеться. Кажется, она в той же комнате. Только видит она ее как-то иначе.

Четче, что ли?

Что поменялось?

Мария не знала, но откуда-то приходила мысль – все нормально. Она жива, она цела... что было последним?

Она взяла камень с алтаря.

И... и что?..

Где он вообще?

Мария попробовала шевельнуть кистью. Но... не получилось?!

Женщину пробил ужас.

Она что?! Ее парализовало?

Но голову же она поднимает? Что с ее руками?

Маша повернула голову, мимоходом отметив, что шея изгибается свободно. И...

ЭТО ЧТО?!

Слов у Марии не осталось, только шипение. На земляном полу комнаты лежало тело крупной змеи. И... судя по всему, это было ЕЁ тело!

Она что – ЗМЕЯ?!

Кажется, да.

Лениво шевельнулся хвост, задрожало туловище, Мария поняла, что может двигаться в этом теле. Да, не так, как человек, но у змей вообще другая моторика, и ощущают они себя совершенно иначе.

Мощное тело коричневого цвета с серыми пятнами скользило по комнате.

Почему-то Мария не чувствовала страха или отчаяния, скорее, наоборот, ее переполняло любопытство и жажда действия. Женщина даже не удивлялась. Все чувства словно атрофировались. Она понимала, что это не слишком нормально, но... разве? Ну, змея. И что?

Хорошая зверушка, мощная, судя по тому, как она обвивается вокруг стола, в ней метр точно есть. Из крупных, значит. Интересно, из ядовитых ли она?

Жаль, что зеркала здесь нет.

А рубин?

Рубин тут есть?

Мария внимательно оглядывала комнату. Нет, рубина нет. Ну и чего тут задерживаться? Поползла она наверх! Даже и сомнений не было. Может, ей это кажется, тогда она доползет во сне. Может, она потом очнется у алтаря. Но ощущения были на редкость реальными. Запахи, которые она ловила, то и дело высывая язык изо рта, ночные звуки, ставшие неожиданно громкими и четкими, она слышала, как свистит ветер, ловила воздушные потоки, чуяла сквозняки – слишком много всего для галлюцинации. Слишком все ясно и ярко.

Может, и не сон?

Но и отторжения эта мысль не вызвала. Ну, не сон! Тем более действовать надо! Чего здесь-то лежать? Даже змее наверху лучше будет, а уж человеку – всяко! И вообще... там Лизанда рядом с ее

ребенком, а она тут рефлексy рефлексирует? Подняла хвост и поползла! Опять же, врагину покусать можно или удавить на худой конец! И хвост не дрогнет!

Гибкое тело скользнуло за дверь и поползло наверх. Туда, где была ночь. И жизнь. И... и ей туда очень надо и побыстрее!

Может, человеком она бы преодолевала этот путь намного дольше, но змее было проще.

Гибкое тело скользило по всем поверхностям, включая вертикальные, легко преодолевало трещины, видело все окружающее... к тому моменту, как Мария опять оказалась в здании храма, она не просто смирилась с новым телом, она от него и удовольствие получать начала.

Змея?

Не худший выбор в ее ситуации, человеком она бы там еще сутки промаялась, пока выбралась. Да и выбралась ли? Змея-то и гибче, и легче, и в темноте она видит, и малейшей дыры ей хватает, а вот человек мог бы и застрять или в трещине пола, или перед очередной перекосившейся дверью – двумя дверями. Одну перекосило так, что осталась только небольшая щель между дверью и косяком, остальное просто заклинило. Змея проползла без особых затруднений, а вот как бы ее Мария выковыривала? Выбивала чем придется? Расковыривала по щепочке? Поджечь-то нельзя, и гореть не будет, и от дыма под землей подохнешь.

И перед каменной кладкой человек бы спасовал, или провозился до утра, а змея протиснулась в щель от выкрошившегося булыжника. Красота, да и только!

И рычаг Мария бы сутки искала, который выход открывает, а змея мигом его разглядела. В инфракрасном-то зрении! Повисла на нем всей тушкой, тот и сдвинулся.

Она – тяжелая змея. Наверное. Весов и ветеринаров тут еще лет пятьсот не предусмотрят. Но если рычаг сдвинулся, значит тяжелая. Вроде как оборотень должен был весить столько же, сколько и человек? Но вряд ли она гадина весом в пятьдесят килограммов, коротковата она для такой массы.

Храм был пуст.

Мария решительно выползла на улицу и огляделась по сторонам.

Ночь, звезды, луна, тишина... и никого!

Это что – супруг не явился?

Если бы кто-то оказался рядом со змеей, точно бы потом напился в хлам. Потому что видеть, как змея приподнимается в траве, подперев голову хвостом, задумчиво оглядывается, расправляется и кончиком хвоста чешет голову, а потом принимается обследовать территорию вокруг храма, явно кого-то разыскивая, – это было зрелище для сильных духом.

Или хотя бы пьяных вусмерть^[26].

Мария честно проползла вокруг храма, потом расширила ареал поиска. Змеи видят мир чуточку иначе, и Мария точно могла сказать, что сюда пришли двое.

Ушла одна.

Поздравляем, ваше величество, вы лохушка. Эрландская, с учетом обстоятельств, Чили в этом мире не обнаружено.

Значит, развела ее Лизанда, как вот то самое, чилийское. И письмо подложное. И никакого Иоанна тут нет. Ну, хоть это легче.

Или наоборот? Проблемы еще нарастут? Она подумает об этом потом, а вот что ей сейчас делать? А? Не ползти же ей в таком виде домой? В отведенные ей покои?

Что-то она сомневается, что в ней королеву признают... хоть знать бы, что она за змея такая.

О, кстати!

Мария, стараясь не производить шума, уже вполне по-змейски метнулась к колодцу. Взобраться на перекладину и повиснуть на ней было делом пары секунд. И в воде отразилась весьма знакомая ей жабя голова. Да-да, видела она такую башку в террариуме с грозными надписями.

Могла бы змея, точно бы ядом плюнула со злости или испуга. Только вот у гюрзы такой функции предусмотрено не было.

Vipera lebetina, она же гробовая гадюка, или почему-то левантская. Можно подумать, что гюрза только там и ползала, ха! И сразу уточнение, не просто так себе *vipera*, а *Macrovipera lebetina*! Мы не халывщики какие-то, а гигантские гадюки семейства гадюковых! И заслуженно.

Длина гюрзы может быть до двух метров, а вес до трех килограммов. Но Мария подозревала, что и отожраться может.

Еще она чертовски ядовита, мила и обаятельна. И скорость у нее потрясающая, кинется за долю секунды. И зубы ядовитые есть.

А еще есть один шикарный механизм, за который люди зверски завидуют змеям и акулам. У змей могут заново отрастать зубы. Если факир, к примеру, удалил сегодня змее клыки, это совершенно не значит, что через пару месяцев она его не цапнет.

Еще как цапнет! Когда клыки заново вырастут!

Ну почему у змей такой механизм есть, а у людей нет?

Мария сползла с колодца и отправилась обратно к храму. Свернулась клубком на пороге и задумалась.

Вот что ей сейчас делать?

Будь она человеком, тут проще. А она – змея. Пойти и перекусать всех? Идея хорошая, но в чем смысл такой бесцельной траты яда? И вообще, ей бы не всех, а конкретно Лизанду.

Интересно, что эта стерва наплела Ане?

Анна!!!

Именно сейчас, когда основная проблема – выбраться – была решена, мысль пробила, как молния.

Ее ребенок!

Ее дочь там одна, наедине с убийцей, а Мария тут уши хвостом чешет?!

Ей надо срочно перекидываться в человека – и домой!!!

НУ!!!

Мария и сама не поняла, как это получилось, но ее скорчило от сильной боли. Бросило на крыльцо так, что голова больно стукнулась о ступеньку... хорошо еще, сама себя ядовитым зубом не прокусила. Может ли змея самоотравиться? Вроде как сама себя – нет. А вот если другую змею укусит, то отравит. Или если Марию укусит другая змея... [\[27\]](#)

В глазах даже потемнело на долю секунды. А потом Мария и сообразила.

Это не в глазах. Это просто темнота кругом. Змея-то ночью прекрасно видит и ползает, где захочет. А у человека проблема.

Нет у него ночного зрения, не завезли... вот Мария и не видит ничего вокруг. Так, самые ближайшие окрестности. И свое родное тело.

И руки-ноги.

И... красный камень, зажатый в руке. Это она что – так удачно превращается? С учетом всего на ней надетого? Но вот же платье, сумка, даже обрывки, которыми она руки-ноги заматывала, все на месте. Значит, так и есть.

Мария подумала пару секунд, а потом сунула камень в свою сумочку, которая уцелела.

И медленно побрела к людям. Матушка Евгения как раз ей подойдет. Настоятельница жила в отдельном маленьком домике, вот к ней Мария и постучится. Орать на весь монастырь она не будет, не надо пугать раньше времени эрру Лизанду. А то еще сбежит или отравится, а у Марии на нее другие планы! Она эту стерву еще не допросила![\[28\]](#)

* * *

Матушка Евгения уже готовилась ко сну.

Возраст сказывается, спала она достаточно мало, ложилась уже после полуночи, глаза открывала на рассвете. Ей хватало.

Другим монахиням?

Пусть как хотят, так и крутятся. Их сон не ее забота, вот если ей кто-то понадобится в двенадцать ночи или в пять утра, пусть явится пред ее очи. Но сейчас она никого к себе не звала.

А стук в дверь повторился.

Матушка пожала плечами – мало ли что может случиться? Хозяйство же. Потому она и не живет вместе с остальными сестрами, ей так просто удобнее. Итак, кому она нужна?

Матушка-настоятельница распахнула дверь – и чуть сама в обморок не грохнулась.

Зрелище было неординарным.

Ее величество, вся чумакая, как будто ею камин чистили на палку намотав, в платье, которое словно собаки драли, с руками и ногами в каких-то тряпках... ээээ?

Другой реакции у настоятельницы не получилось, только какое-то бульканье.

Мария не стала дожидаться, пока изумление выльется наружу, и резким движением втокнула настоятельницу обратно в дом.

Ввалилась сама внутрь, захлопнула дверь – и опустилась, привалилась к ней. Из Марии словно все силы выпили.

– Уффф... жива!

– Ква... ва... ваше...

– Мое, мое, – согласилась Мария. – И меня только что пыталась убить эрра Лизанда. Выманила из покоев и спихнула в ловушку в старом храме. Я чудом выбралась.

– Ка... ка...

– Моя дочь. Ко мне, – Мария даже не пыталась что-то объяснять. Сил просто не было, все ушли, без остатка. Осознание, что она человек и в безопасности, ее просто подкосило. – И никому. Ничего...

– Д-да...

– Надеюсь на ваше благоразумие, – пробормотала Мария. Голова кружилась, глаза закрывались... она уплывала в мягкую благодатную темноту.

Спать!

И еще раз – спать!!!

* * *

Мать-настоятельница зажала рот рукой. Крик бесконтрольно рвался наружу, и приходилось давить его, запихивать в себя, не ко времени сейчас-то орать!

Королева у нее на полу была реальна. Она лежала и... кажется... не дышала?! Матушка стремительно опустилась на колени, коснулась шеи ее величества. Нет, дышит! Теплая! Вот, и жилка на шее бьется!

Слава Богине!!!

Но... на нее и правда было совершено покушение?!

Евгения медленно опустилась прямо на пол, плотно уселась на мягкое место, какие уж тут колени? Голова закружилась, и женщина вцепилась хоть в какую-то твердую поверхность. Тут и помрешь от ужаса... как подумаешь, что могло бы случиться.

Если бы королева тут померла...

Да его величество бы всех колесовал, монастырь сровнял с землей и землю солью посыпал! Любит он там жену, не любит – какая

разница?! Дело принципа! Даже за одно подозрение с нее бы шкуру спустили и на ковер пустили! И ковер тот в нужнике постелили...

Не дура она ни разу.

А сейчас-то ей что делать?

Королева спала. Это не обморок, нет, это Евгения могла отличить, в монастыре всякого насмотришься, ее просто от перенапряжения свалило, бывает такое... и что дальше?

Идиотский вопрос.

Позвать к себе нескольких доверенных монахинь. Потихоньку, чтобы никто ничего не заподозрил. И – действовать.

Королеву в кровать, пока не очнется, Анну к ней, чтобы принцесса была под присмотром, как и ее мать за остальными – строгое наблюдение, чтобы и чихнуть не могли без пригляда!

Быстро и тихо.

* * *

Эрра Лизанда не могла уснуть.

В душе ее бушевали отголоски недавнего торжества. Она справилась!

Мария сдохла, сдохла, СДОХЛА!!!

Теперь Лизанда будет очень богата! Она будет блистать при дворе, она удачно выйдет замуж, она будет жить долго и счастливо! И все, что для этого требовалось – такой пустяк!

Подумаешь, столкнуть одну дуру в яму!

Да тьфу на нее, она сама во всем виновата! И не жалко даже!

Поспать бы, конечно, надо, но... может, так и лучше? Лизанда скажет, что всю ночь не спала, волновалась, как прошел разговор ее величества и его величества... она что – не вернулась?!

Святая Триада! Скорее, идемте искать ее величество!!!

Лизанда первая и искать будет, и волноваться, весь монастырь обыщет, а то как же?! Иначе никак!

Размышления женщины прервал стук в дверь.

Эрра подскочила, дернулась... королеву ищут?! Так рано?!

Странно... но надо открыть. Она волнуется, она ничего не знает, что ее величество? С ней что-то случилось? О, боги!

Впрочем, на пороге оказалась вовсе даже не принцесса Анна и не кто-то из служанок. На пороге стояла одна из монахинь, и в руках у нее был поднос, на котором стоял кубок с горячим... вином с пряностями?! Лизанда почуяла запах за метр!

Руки аж в кулаки сжались!

Это же монастырь, тут и так-то вина не допросишься, да еще и королева приказала – никакого вина в Божьем доме! Кипяченая вода, край – с ягодами или с травами. А хотелось... вот сейчас выпить бы, успокоить нервы...

– Эрра, сегодня сыро и холодно, матушка-настоятельница распорядилась принести всем горячего вина, – монашка приветливо улыбнулась. – Чтобы вы не заболели.

Второй раз уговаривать не пришлось. Лизанда, наплевав на все приличия, схватила кубок прямо с подноса.

– Бла... годарю вас!

Горячее вино пролилось в горло благодатным дождем.

Вкусное, сладкое, ароматное, мгновенно разбежавшееся теплом по жилочкам.

– Не стоит благодарности, эрра.

А почему эта монашка так смотрит?

Но больше Лизанда ничего сообразить и не успела. Лошадиная доза сонного зелья в вине свалила ее мгновенно, словно удар кулаком по голове. Монашка насмешливо посмотрела на тело, лежащее у ее ног. Так тебя, идиотку!

И поманила свою товарку.

Дальше все было быстро и четко.

Из разных мест приходят в монастырь женщины, и прошлое у них разное. И навыки... Дита была женой палача, к примеру. Лива – проституткой. Так что раздета Лизанда была четко и быстро, догола. И так же быстро увязана, словно колбаса.

Проверили рот, заплели в тугую косу волосы и убрали под веревку. Теперь не отравится, и с собой не покончит. И... полежит немного, только уже в другой келье. Чтобы никто не нашел раньше времени, ее снаружи закроют. А для эрры возьмут теплое одеяло.

Уморить ее голодом и холодом всегда успеют. А пока... пока пусть полежит.

Матушка-настоятельница позвала монахинь к себе, только она не просто приказывала, она объяснила ситуацию. И показала лежащую на полу королеву.

Конечно, и Дита, и Лива тут же взялись помогать. Что ж они, вовсе дуры, не понимают, чем им такое грозит? Но если королева была раздета со всем почтением, и вещи ее никто не тронул, так и сложили на табурете у кровати, и уложили ее величество в спальню матери-настоятельница, то Лизанде такой роскоши не достанется.

Сейчас перенесут ее – и устроят обыск. По всем правилам. Потом все, что найдут, отдадут матери-настоятельнице. А уж она с утра посоветуется с королевой.

Пусть ее величество распоряжается.

То, что королева не стала поднимать шум, монахини тоже оценили. Стоило бы ее величеству просто закричать, позвать на помощь... ее бы услышали. И началась бы суматоха, тут и ее охрана бы обо всем узнала, вон они, неподалеку лагерем стоят, и до короля бы дошло.

И – все.

Гнев его величества был бы страшен. И это только Иоанна, а есть ведь еще и Саймон...

Ох, жуть какая, лучше о таком на ночь и не думать. И все это из-за одной идиотки... да чтоб ее разорвало! А то они ее сами разорвут!

* * *

Принцесса Анна не спала.

Не спалось девочке, холодно ей было, неудобно, беспокойно. Вот если бы мама была рядом, Анна бы к ней прибежала, улеглась рядом и уснула. Крепко-крепко...

Странный у Анны выдался последний год.

Раньше все было просто и понятно.

Папа – король, мама – королева, брат – наследник престола, она будущая принцесса. Все расписано на годы и годы вперед. А потом... все словно с цепи сорвалось, и мир девочки опасно зашатался и накренился. Смерть брата, скандалы родителей, потом эта рыжая гадина, которая кричала на маму.

И мама упала.

Как же Анна тогда испугалась, что мама умрет, даже решила, если и правда...

Если такое случится, она эту рыжую дрянь зарежет! Возьмет нож, подойдет поближе и ударит ее в живот! Чтобы точно сдохла!

Только вот мама не умерла, а очнулась совсем-совсем другой. И Анна ужасно боялась, что мама изменится обратно. Раньше мама была именно, что королевой, недостижимой и вечно занятой, она редко видела дочку, а при встрече просто целовала ее – и отпускала к нянькам. Потом, когда все посыпалось, мама тоже изменилась. Теперь Анна видела ее намного чаще, но мама стала злой и скандальной, она часто кричала, а потом плакала... девочке никто не объяснил, что это от беспомощности и отчаяния.

Мария – та, настоящая, понимала, к чему все идет, но не могла ничего сделать. И боялась, и злилась, и сдержаться уже сил не было...

Диана Эрсон оказалась просто последней каплей в громадную чашу яда.

А потом... сейчас мама казалась Анне – чудом.

Мама не кричала и не ругалась больше, и в монастырь они поехали в путешествие, и мама всю дорогу играла с Анной в слова, рассказывала смешные истории и слушала Анну, целовала ее и тискала, и Анне это нравилось. Ласки-то ребенку особенно и не доставалось!

Почет, уважение, согласно титулу, забота, это было. Но тепла и любви Анне жизнь и не дала. А вот сейчас... девочка привязалась к маме. И ждала ее, и тревожилась, и...

Тихий стук в дверь заставил Анну взметнуться с кровати.

– Мама?!

На пороге стояла мать-настоятельница Евгения. И лицо у нее было бледное... Анна как-то сразу все поняла. Когда любишь, всегда за любимых боишься, судьба такая.

– Мама?!!

– Нет-нет, ваше высочество, она жива. Вы не могли бы пойти сейчас со мной, только тихо?

Анна закивала.

Могла бы?!

Да, конечно! Что с мамой!? Девочка едва не сорвалась в расспросы, но Евгения качнула головой.

– Умоляю, не надо шума. Я все объясню, но не здесь.

Анна накинула теплый плащ прямо на ночную рубашку, сунула ноги в сапожки.

– Идемте, матушка^[29].

Евгения склонила голову, прикрыла за Анной дверь и показала рукой направление.

– Ее величество в моем доме. Она спит...

Анна выдохнула.

Главное – мама жива, а остальное все ерунда. Мама сама так говорила, были бы живы, а остальное приложится. Вот!

* * *

Мать-настоятельница перевела дух, только когда принцесса тоже оказалась в ее доме. Так спокойнее.

Кто их знает, этих придворных, если там одна предательница, может, и все остальные не лучше? Просто молчат до поры? А потом как выползут, да как решат принцессу отравить, например? Если с королевой не получилось!

Нельзя так рисковать, это слишком опасно!

По дороге они не разговаривали, а в доме принцесса тут же потребовала провести ее к матери и, увидев королеву на кровати, кинулась к ней.

– МАМА!!!

Ее величество глаз не открывала.

Сквозь сон поднялась рука, ласково прошла по волосам Анны, упала девочке на плечо. Анна сбросила плащ, разулась – и скользнула к матери под одеяло. И мать-настоятельница невольно улыбнулась. Ей Богиня детей не дала. Евгения сама сделала такой выбор и не жалела, но вот что-то в ее душе эта картина затронула. Что-то такое... может, Мария и королева. Но дочь она любит, и заботится, и девочка свою мать любит...

И от этого становится теплее.

Евгении такое тоже досталось, была в ее жизни и материнская любовь, и забота, и ласка. И отцовская тоже, и любовь, и выучка, потому она и настоятельницей стала. Монашескую стезю она сама выбрала. Но иногда, когда вот такое видела... жаль, что детей у нее нет.

Жаль...

— Ваше высочество, умоляю меня выслушать. Сегодня ночью ее величество постучала в мой дом. Она была в ужасном состоянии, платье порвано, вся в синяках... она сказала, что ее пыталась убить эрра Лизанда.

— Они с мамой ушли вместе. Эрра сказала, что у нее письмо от отца.

Евгения поежилась.

Вот только в семейные разборки королей ей влезть не хватало! Но может, это еще и не оно? Просто заговор? Мало ли кто и что скажет?

— Об этом ее величество ничего не сказала. Сказала про эрру и упала в обморок. Или уснула, вы видите, она просто измотана. Ей надо отдохнуть. Эрру мы взяли под стражу, и я умоляю ваше высочество пока никому и ничего не рассказывать.

— Пусть мама придет в себя, тогда и решит, — согласилась Анна.

— Да, ваше высочество.

— Но я останусь с ней.

— Я потому вас и позвала. Ваше высочество, вы понимаете, что эрра может быть не единственной заговорщицей? И что могут покушаться и на вас?

Анна помрачнела. А вот об этом она не подумала. А ведь и такое может быть...

— И что тогда делать?

— Дождемся, пока ее величество проснется. И примем ее решение.

Анна кивнула.

Она, конечно, умная, и смелая, и вообще почти взрослая, но это как-то слишком сложно для нее. Хотя одно Анна знает.

Если мама... если с мамой...

Страшные слова Анна даже произнести не могла. Но если что — она будет стоять рядом с палачом. До последнего вздоха убийцы!

Мальчишки — они мальчишки везде. Особенно если им по пятнадцать-шестнадцать лет. И вот эти трое...

Что такое служба?

Да прислуга в храме «за все». Подай — помой — протри — пошел вон — не мешайся...

Все равны пред лицом Многоликого, но некоторые равнее других^[30].

В храм служить приходят разными путями. И мы сейчас не о монастырях говорим, а именно о храмах. В монастыре человек пропадает для мирской жизни. А вот в храме...

Кто-то скажет, что личный духовник короля, к примеру, пропал для мира? И мир его тщетно пытался отыскать? Или наставник их высочеств?

А ведь тоже лицо духовное.

Да-да, и за этим тоже приходят служить в храм.

Есть светская карьера, и в ней громадную роль играют деньги, связи, титул... да много чего! А есть церковная.

Вот что делать парню из бедной семьи? Если он умен, хитер, желает пробиться выше, мечтает о власти... а родители, к примеру, обычные иссы? Ладно, это не так страшно, что иссы, они тоже разные бывают, к иным и короли прислушиваются. Но если родители бедны, как крысы?

Если у них своих семеро по лавкам?

Если единственная судьба, которая тебя ждет — это подмастерье в гильдии, и еще какой тебе попадется мастер? И сможешь ли стать мастером ты сам? Кто-то и по сорок лет в подмастерьях, испытания пройти не может. В гильдии свои заморочки, знаете ли...

И что ты будешь тогда делать, Бертран Тук?

Нет, не так. Что ты можешь сделать?

Ты грамотен и неглуп, ты хочешь власти и денег, ты их заслуживаешь! Да еще как заслуживаешь! Неужели ты хуже того жирного и спесивого эррского сынка, который проезжает мимо на лошади, оглядывая мир с таким видом, словно тот ему по гроб жизни должен, а долги не отдает? И почему?

Просто потому, что его родители из благородных, и у них есть деньги, а твой папаша-сапожник в промежутках между пьянками

наплодил нищеты... мастер-то он хороший, да поди, прокорми такую ораву! Да обуи, да одень, да на вино еще денег найди...

Но разве это повод считать, что Бертран хуже того жирдяя?

И повод ни к чему не стремиться, жить, как отец? Тоже пить, работать и делать детей? И так всю жизнь до самой смерти? Может, потому отец и пьет, что ему эта жизнь тоже не нравится? Не видит он из нее выхода, вообще не видит, вот и захлебывает тоску вином, а мог бы что-то изменить... да что тут изменишь? Когда и жена, и дети, и делать-то ничего другого не умеешь?

Для себя Берт такого не хотел. Отец уж уговаривался устроить смышленного мальчишку подмастерьем к старому приятелю, когда Берт сам решил свою судьбу. И сбежал в храм.

Понимал, что нигде больше он не пробьется. А там... там был шанс стать кем-то бо́льшим, чем запойный сапожник, и Берт вцепился в него руками и зубами.

Нельзя сказать, что жизнь у храмовых служек очень легкая и приятная. И бегать им приходится постоянно, и достается им за всех, и не платят им в храме ни медяка. Дают одежду и кормят – и довольно с них. Ночевать они все одно домой приходят. Но родители Берта и тому рады были. Хоть об одном ребенке голова не болит. Хочет он Богу служить? Да и пусть его, вон еще шестеро осталось. Второго в ученики пристроим, все легче будет.

Так и получилось.

И двое братьев жили совершенно по-разному. Алик сидел в мастерской у учителя, смотрел пока за его работой, ну и по хозяйству помогал, по городу бегал, по его поручениям, такое подай-принеси-вон отсюда! Ему пока и того было достаточно.

А Берт не просто бегал. Он учился.

И не только молитвы учил смышленный парень. Любая книга, попавшая ему в руки, мгновенно прочитывалась, да не просто так. Мальчишка смотрел, наблюдал, впитывал...

А еще – заводил друзей.

Рано или поздно он добьется своей цели. Ему нужна власть – и у него будет власть. Только вот одиночка на троне не усидит. И это Берт тоже вычитал в одной из умных книг.

Нельзя быть одному.

Понятно, что правитель всегда одинок. Но это говорилось о другом.

Правитель никому и никогда не открывает свои мысли, свою душу и свою спину. И это правильно. Но у правителя должны быть единомышленники. Должны быть те, кому он сможет доверять – достаточно, чтобы не проверять постоянно. Так, регулярно, не чаще раза в год... ладно, раз в полгода.

К примеру, сесть на трон можно.

Но у тебя должна быть команда: свой казначей, свой главнокомандующий, свой главный сборщик налогов, свой... да много кто! Один ты с государством не управишься, это нереально. А значит – свои люди.

Люди, которых ты давно и хорошо знаешь, знаешь, где можно их применить, какие у них сильные и слабые стороны, чем можно их держать, на каком крючке... Цинично?

Да вот как-то так.

И подбирать их надо уже сейчас.

Так попал в команду Бертрана туповатый, но сильный Ром. Сам Берт был достаточно щуплым, и от пинков за пакостность характера его спасала только помощь Рома.

Так попал в приближенные Берта и Эрк Гридас. Эрк силой не отличался, зато денег у него хватало. Гридасы не бедствовали, папаша Эрка торговал полотном и сыночку денег на расходы не жалел. Он бы его и к семейному делу пристроил, да сам Эрк к торговле не был способен.

Не дано.

Такое тоже бывает, нельзя человеку лавку доверять. А вот где подслушать, где подсмотреть – это Эрк мог. И как он обо всех новостях узнавал? Льстивый, услужливый, в меру подлый... Бертрана он пока устраивал. Лучше держать такого, как Эрк, рядом с собой. И приглядывать, и деньгами пользоваться, которых Эрк особенно не считал, покупая то пирожки на всех, то эль.

А там еще посмотрим, кто кому служить будет.

Ром инициативностью не отличался, а вот Берт и Эрк... чуточку они все же между собой соперничали. Вот и в этот раз...

С чего все началось?

Да с обычного разговора.

– А отец Мишо в храме любовницу принимает. – Эрк развалился на траве и лениво обрывал пушистую метелочку с травинки. Тепло, хорошо... пара минут покоя – что надо служкам?

– Да ты что?

– Сам слышал. Говорят, сисястая такая, из вдовых...

– Ну, слышал – не видел. Мало ли что болтают, – поддел Берт приятеля.

– Ну так сходи, да посмотри, – Эрку тоже спорить было лень.

– Куда – в храм? – не понял Ром.

– А хоть бы и в храм, – загорелось Берту. – Когда они встречаются-то?

Эрк задумался, посчитал что-то на пальцах.

– Да вроде и сегодня ночью.

– Вот и можем сходить.

– И где мы там спрячемся?

Уступать другу Берт не собирался. Лидерство – штука такая, его подтверждать надо, регулярно и делами. Не то спихнут. Пока еще не привыкли, что он главный, приучать надо, повторять постоянно, чтобы дошло и закрепилось.

– А в нише, у камня Многоликого. Там все равно постоянно все задернуто, и не смотрит там никто. А мы не слишком крупные, разве что Ром, но поместимся...

План начинал обретать детали и краски.

После вечерней молитвы, когда все служки разбежались по домам, Берт, Эрк и Ром задержались у храма. Они честь по чести дождались, пока ночной сторож закроет все, проверит замки... замки!

Ха!

Да каждый мальчишка знает, как незаметно в храм пролезть! Конечно, каждый, который в нем служит. И где потайная дверь, и какой кирпичик нажать надо, и куда идти...

Так и проверяют, кто посмышленнее. Дураки-то о таком и не разужнают.

Берт все знал. Так что...

В храме было темно и тихо.

Мальчишки прокрались в нишу, в которой стоял камень Многоликого. Стоял себе и стоял, удобно так. Отдельная ниша,

прочный постамент, сам камень, размером с половину Берта – есть, где спрятаться и чем загордиться.

Камень Многоликого был завешен занавесью, да и постамент накрыт расшитым покровом – прихожанки стараются, вышивают. Трое мальчишек в нише поместились, правда, потесниться пришлось, но это все Ром виноват. Ишь, разъелся!

И – тишина.

Час.

Полтора.

Берт уже злиться начал. Ну точно, наврал все Эрк...

А потом...

Что-то начало меняться в мире.

Первым дернулся, отскочил от камня Ром.

– Ой... жжется.

Он-то сидел вообще вплотную к камню, притиснулся...

– Жжется?

Берт протянул руку, коснулся камня Многоликого – и тут же отдернул пальцы. Словно кошка их ударила, когтистой лапкой. Только вот ран не видно.

Эрк даже и трогать камень не стал. Смотрел на него во все глаза.

– Ребята... это чего?

Камень... нет, нельзя сказать, чтобы он светился, или пульсировал, или искра была яркой.

Нет.

Совсем короткая вспышка. Острая, красная – и тут же она затихла. А в глубине камня, далеко-далеко, появилась крохотная красная точка.

Мальчишки переглянулись, на четвереньках выбираясь из ниши.

– Это... чего?

– А... его знает, – Ром был прямолинеен, он же и вспомнил сразу, что им говорили. Ума у парня хватало только на то, чтобы затвердить уроки, но зато намертво. – Он же светился, пока были двуликие? А потом погас навсегда?

Мальчишки переглянулись.

Логика была проста.

Если камень светился, пока живы были двуликие, а потом погас... и сейчас он опять загорелся?

В мире опять есть двуипостасные? Те, кто может превращаться по воле Многоликого?

Серьезно?

Этот вопрос требовал тщательного обдумывания. А потому Берт поторопился с распоряжениями.

– Так... занавеску поправить. Ром, вот так... Эрк, отойди, посмотри, ничего не заметно?

Мальчишки подошли поближе. Потом отошли подальше... нет, не заметно.

Камень же не сияет, как раньше, говорят, он весь переливался сотнями и тысячами искр, освещая весь храм, чудесное было зрелище, а сейчас в нем всего одна искра зажглась.

Крохотная такая...

Ее и ночью-то не заметно.

А если днем, наверное, и рядом стой – не увидишь. Всего одна искра. Если бы мальчишки вплотную к камню не находились в тот самый момент, они бы тоже ничего не заметили, хоть ты рядом пробегай.

– Уходим.

Берт не заметил, как зло глянул на него Эрк. Ишь ты, распоряжается... хотя и сам Эрк сказал бы то же самое. Надо уйти из храма и обдумать происходящее. А завтра уж они смогут поговорить нормально, подальше от людей.

Чего шум-то поднимать, не разобравшись?

Сначала они точно определяют, что случилось, еще раз посмотрят в книгах и подумают – нельзя ли получить что-то хорошее и полезное для себя? А вдруг?

А уж потом...

Потом и будет видно.

И что говорить, и кому говорить, и как...

Бертран это хорошо понимал. Осталось еще друзьям объяснить.

* * *

Когда дрогнуло что-то тяжелое, мать Евгения аж на кресле подскочила, словно ее в седалище иголкой ткнули.

ЧТО?!

КАК?!

Куда бежать, кого хватать?!

По-настоящему испугаться она не успела, буквально через пару минут к ней в дом вбежала сестра Августа. Библиотекарь. Та частенько засиживалась до ночи в своем библиотечном флигеле, сидела с рукописями, что-то переписывала, обновляла, прошивала – да на ней вся библиотека была! Много, очень много работы!

– Матушка!

– Что случилось?

– Храм просел!

– К-какой?! – аж дурно стало настоятельнице.

– Старый храм Многоликого!

Уфффффф...

Из Евгении словно воздух выпустили. Это еще не так страшно... наверное.

– Там никого не было?

– Да откуда бы? Я и то просто воздухом дышала...

Евгения погрозила монахине пальцем.

– Опять за полночь засиживаешься! А потом и уснуть не можешь!

И такое бывало у сестры Августы. И засиживалась, и уснуть не могла, и приходилось ей потом прогуливаться потихоньку, чтобы хоть как-то расслабиться. Бывало.

Пару раз она так людей напугала, потому и стала выбирать для прогулок места потише, где никого не бывало. Вот, рядом с храмом...

Августа только глаза опустила.

Ну да. Но не клясться же, что она исправится? Этого точно не будет, какие тут исправления?

– Значит, храм просел.

– Да. Словно под землю ушел.

Мать Евгения подумала, что надо будет завтра посмотреть на него самой. А пока...

– Если все живы, то и нечего там! Иди спать, завтра будет день и будем разбираться.

А у нее сейчас заботы поважнее, ей королевы одной с лихвой...

Мария плыла в теплой воде.

Ей было хорошо и приятно. Потом вода куда-то исчезла, и под хвостом зашуршали горячие пески. Такие удобные, такие правильные... слева что-то зашуршало. Мария кинулась туда – и челюсти гюрзы сомкнулись на чем-то маленьком, в шерсти... кажется, это была мышь. Или крыса?

Сейчас Мария не удивлялась ничему, она просто втянула в себя подарок судьбы и заскользила дальше. Ее телу не хватит одной крысы, надо бы две-три.

Потом она уляжется на солнышко, подставив ему брюхо, и будет переваривать добычу. А потом поползет дальше.

Песок, тепло, солнце и уют.

Что еще надо?

– Вспомнить себя, – прошепел чей-то голос. – Ты не просто змея, ты человек. Ты – двуликая.

Двуликая...

Мария медленно, очень медленно подняла голову, посмотрела на солнце.

Оно стояло в зените. Оно протягивало к ней свои ласковые теплые руки. И так легко было отдаться этому ощущению... счастья? Да, в чем-то это действительно счастье.

Не думать, не переживать, ни о чем не волноваться, а просто жить. Жить, сколько тебе отмерено, греться на мягком песке, охотиться и убивать добычу, сплетать хвосты с подходящим самцом, порождая новых змеенышей, а когда придет ее срок, уползти за очередной добычей по радуге.

Хорошая жизнь.

И славная охота...

И, словно из дальнего далека, долетело до нее: это будет славная охота...

Эти слова сказал громадный питон... и сказал он их человеческому детенышу. Маугли...

Его звали Маугли. А она – Манька. Белкина. И это тоже не изменить, она рождена человеческим детенышем...

Мария в раздражении шлепнула хвостом по бархану.

Память возвращалась, медленно, но неотвратно. Вспомнилась и ее первая жизнь, и вторая, и Иоанн, и Лизанда, и самое главное!

Анна!

Это что же получается? Она сейчас покроется чешуей, а ребенок останется совсем один?! Это дело не пойдет! Это ее дочь! Даже если Маша в этом теле не так давно... она и Марии должна как минимум заботу о ее дочери, и... она тоже успела полюбить Анну!

Никаких шипучек и ползучек! Перебьются все!

Пора домой, в родное тело!

Ответом Марии был тихий смех.

– Первая двуликая, за столько лет... что ж. Я дам тебе обещанный подарок. Ты никогда не потеряешь мое око, оно всегда будет при тебе. До самой смерти оно тебя не покинет...

– Вот спасибо-то, – проворчала Мария. – Всю жизнь мечтала.

– Ты хочешь попросить о чем-то еще?

Мария задумалась. Даже морду хвостом подперла.

А о чем ей и правда просить? Для этого надо хоть как-то разбираться в ситуации, а то такого понавыпрашиваешь... и вообще, с этими божественными подарками лучше поосторожнее, потом не расхлебашь.

Не верите?

Мидаса вспоминаем и грустим, грустим и вспоминаем^[31].

Ответом Марии был тот же смех.

– Ты забавная, смертная. Что ж. Еще один подарок тебе я дам. А вот какой – не скажу. Но тебе понравится.

Мария подумала, не пора ли копать окоп. Нору, с учетом хвоста и чешуи.

– Не бойся. Я буду осторожен. И если ты себя вспомнила, можешь возвращаться, – прозвучал тот же шепот.

Можешь возвращаться.

А если бы не вспомнила? Не захотела вспоминать?

– Ты бы стала змеей. И на рассвете выскользнула бы из кровати, чтобы навеки уползти по своим змеиным делам, – прозвучал тихий ответ.

Или ей это просто показалось?

Да сон все это. Просто сон...

Мария медленно открыла глаза.

И тут же наткнулась взглядом на мать-настоятельницу, которая сидела рядом с кроватью. Дремала в кресле, чтобы не пропустить, вдруг ее величество проснется – или загнется?

Под боком сопело что-то теплое.

Анна...

Мария осторожно пошевелилась. Боги там, змеи тут, а простите, природа требует. Женщина чувствовала, что если она не встанет, то просто разольется рекой. Но совсем тихо не получилось.

Анна-то не проснулась, а вот мать-настоятельница глаза открыла.

– Ваше величество!

Мария приложила палец к губам и скосила взгляд на девочку. Мол, не разбуди! А потом принялась выползать из кровати.

Тело болело.

Ощущение было такое, что ее палками избили... и кажется, не зря. Синяки были такие, что кожи под ними видно не было. Синяки, ссадины, кровоподтёки...

– Уборная, – обозначила Мария одними губами.

Настоятельница поняла, подхватила Марию под руку и потянула наружу. Туда, где в небольшом закутке притаилась ночная ваза. И вышла, мол, снаружи подожду.

Мария проводила ее почти влюбленным взглядом. И чего она решила, что они с настоятельницей не подружатся? Да замечательная ж баба! Понимающая!

Через пять минут мир казался женщине уже куда как более радужным. И к матушке Евгении она вернулась уже спокойнее.

– Надо поговорить.

– Прошу вас, ваше величество.

Кабинет у матери-настоятельницы был вполне себе удобным. Не слишком большим, но места хватало и для документов, и для пары удобных кресел, и для маленького столика, на который монахиня средних лет поставила поднос с исходящими паром мисками.

– Бульон и пирожки. Вам сейчас нужно, ваше величество.

Мария кивнула.

Нужно, она и не спорила. Мышцы болели, вообще она себя так чувствовала, словно на ней неделю пахали без продыху. И кушать хотелось. ЖРАТЬ!!!

Еще немного, и она задумалась бы о людоедстве.

Бульон в монастыре был без добавок, которые тут приняты и любимы. В него ни сливки не добавляли, ни кучу пряностей, ни пиво, и Мария выпила его с удовольствием. И даже пирожок с мясом съела.

А потом заговорила.

– Вчера эрра Лизанда выманила меня из дома...

Мать-настоятельница внимательно слушала. Потом кивнула.

– Вам очень повезло, ваше величество.

Мария вспомнила и ублиет, и сияние красного камня, и согласно кивнула.

– Безусловно.

– Ваше величество, вчера старый храм провалился под землю.

– Б... – коротко высказалась Мария. Не матершинница она, вовсе даже нет! Но что бы вы сказали на такие новости? Вот и у нее других слов не было. – Это я, когда выбиралась, что-то повредила?

Мать-настоятельница позволила себе тонкую усмешку.

– Ваше величество, при всем уважении, не думаю, что вы сможете разрушить храм.

– А часовню? – машинально пробормотала Мария.

Про «Кавказскую пленницу» монахиня точно не знала, а потому опять покачала головой.

– И часовню тоже, ваше величество.

А что? Не спорить же с королевой? Ей и так досталось, спасибо еще, не воеет – не кусается!

Мария подумала, что камень...

А вот правда, если он – магический? Мог он как-то поддерживать этот храм? Магия, к примеру? Или никакой магии, просто она там вчера доковырялась?

Может ли дом рухнуть из-за подкопа?[\[32\]](#)

Может. А там не просто подкоп, там целые ходы понарыты, может, и Мария еще что-то там сделала. Кладку разворотила, еще что-то...

Тут и магии никакой не надо, в ее мире недобросовестные строители и так справляются.

– Ну и пес с ним, – твердо решила королева. – Без него проблем хватает! Или вы, преподобная мать, его восстанавливать будете?

Мать-настоятельница явственно расслабилась.

– Не буду. Ваше величество, что вы теперь хотите сделать?

Мария уже тоже об этом думала.

– Вам нужен шум? Евгения, давайте говорить откровенно?

– Да, ва...

– Мария. Здесь и сейчас – Мария. Вам нужен шум вокруг монастыря?

– Нет, – качнула головой мать-настоятельница, принимая вызов.

– А мне сейчас тоже не нужен шум. Я не знаю пока, кто подбил эту гадину на покушение, но... подозреваю, что муж мне не поверит. В любом случае.

– У него новая... симпатия.

– Скажите – б...

А ведь хотела не тащить в средние века непарламентские выражения. Нет, не хотела.

– Скажу, – кивнула Евгения. – Значит, надо будет допросить эту дрянь. Здесь. А потом...

– А потом помолиться, чтобы Богиня приняла свое решение, – жестко сказала Мария. – Потом будет видно, а пока – допрос. Найдутся у вас люди, которые смогут это сделать?

Евгения вздохнула.

– Ваше величество, когда вы появились у меня на крыльце, я распорядилась переместить эрру Лизанду в место, в котором ей будет более удобно. И там она будет вас ждать, сколько понадобится.

– Замечательно, – порадовалась Мария. – Она не покончит с собой? Не сбежит?

– Нет. Я позаботилась об этом.

– Просто великолепно.

– Одна из моих монахинь раньше была женой палача. И кое-что помнит.

– Думаю, после завтрака нам понадобятся ее навыки, – вздохнула Мария. – А может, и нет. Эрра Лизанда не похожа на человека, который будет мужественно терпеть боль. Скажите, нельзя ли распорядиться о моей одежде?

– Конечно, ваше величество.

– Те ошметки, которые остались... подозреваю, они годны только на тряпки.

– Я прикажу.

Несколько минут Евгения колебалась, а потом выложила на стол письмо.

– Посмотрите, ваше величество.

Мария и посмотрела, что ж отказываться? Скрипнула зубами, почувствовала что-то неправильное, но не до того было. Зубы целы, ну и ладно!

– Тварrrrrь!

Кардинал Исайя Рентский, личный духовник его величества, скромно так намекал эрре Евгении... то есть матушке-настоятельнице, что если ее величество останется в монастыре, он будет очень, **ОЧЕНЬ** благодарен.

На время ли, навсегда... второе – лучше.

А уж он тоже потом в долгу не останется, и поможет, и поддержит, и веточке на монастырь упасть не даст.

– Почему сейчас?

На лишние слова Мария время тратить не стала. Настоятельница и так поняла – почему она не показала это письмо раньше?

– Потому что едва не случилось непоправимое. И с меня бы голову сняли, – так же коротко ответила Евгения.

Ну да. И покушение почти удалось, и монастырь бы... на ноль помножили. Никакой кардинал не прикрыл бы.

Что-то отразилось на лице Марии, потому что Евгения тоже опустила ресницы.

– А еще – это ведь бессмысленно, да?

– Полностью, – согласилась Мария.

Еще она своего мужа всякой пакости не дарила. Даже если ей этот муж ни к чему, слишком дорогой подарок будет. Мужа отдай, а корону, жизнь и голову мы сами возьмем. Перебьются!

– Мама?

Анна проснулась, не нашла маму рядом с собой и закономерно отправилась на поиски.

Мария распахнула объятия.

– Иди сюда, пушистик мой любимый! Как ты?

– Мамочка...

Анна кинулась на шею матери, уткнулась лицом – и захлюпала.

– Детка...

– Мама, мамочка, я так испугалась...

– Я тоже, – созналась Маша, глядя по голове свое чадушко и одними глазами улыбаясь Евгении. Они еще поговорят, но точно не сейчас. Ни к чему такое ребенку слушать. Ни к чему.

– Мама, а что...

– Для начала у нас будет завтрак. А потом я обещаю тебе все рассказать, – честно сказала Мария.

– Вообще все?

– Кое-чего я и сама не знаю. Но узнаю, и тогда кому-то будет весело, – пообещала Мария.

– Да, мама.

– Ты сможешь сходить, взять мою одежду? Только не тащи сюда эрру Розабеллу, я с ней с ума сойду!

Анна фыркнула.

– Да, мама. Конечно.

Монастырь же! Тут особо слуг не водится, так что Анна и не удивилась.

– Ребенку не надо присутствовать при пытках, и вообще о них знать, – пояснила Мария. – А кто и что, я ей на всякий случай расскажу, преподобная мать. Чтобы не приняла гадюку за ужа.

– Да, ваше величество.

Момент откровенности кончился. Но кто сказал, что не будет второго?

* * *

Искупаться.

Переодеться.

Позавтракать.

Очень простые и несложные действия, но Мария получала от них искреннее удовольствие. Подумать только, вчера... уже вчера она могла бы умереть. Интересно, это какая смерть мимо прошла? Вторая или третья? Первая у себя дома, вторая тут, когда умерла королева, вот эта, наверное, третья. Можно ли на этом остановиться? И так уж с лихвой!

Мария подозревала, что нет. Кто там ее будет спрашивать, если Эрсоны на трон нацелились? Но и она сопротивляться будет, это уж

точно! Мария и сама по себе ангелом не была, а уж сейчас, когда к ней еще гюрза добавилась... интересно, сможет ли она превращаться по своему желанию, и больно ли это? Надо пробовать, надо работать, а это дело знакомое. Без труда – никуда! Этот девиз Марию и в той жизни не подводил, и в этой сбоя не даст!

А для начала стоит кое на кого посмотреть.

Анна отправилась отвлекать оставшихся дам от королевы, а Мария отправилась вслед за матерью-настоятельницей в холодную комнату.

Да, в монастыре есть темница. Такой небольшой ее аналог. Мало ли что? Мало ли кто? Разные люди в монастыре бывают, вот и оборудованы в его стенах несколько камер. Толстые стены, крепкие двери, холодный каменный пол, лежащая на нем в луже собственных испражнений голая и связанная Лизанда... а как смотрит! С какой ненавистью!

Убила бы!

Нет, тут явно и что-то личное. Надо бы выяснить, а то может, там целый клан таких обиженных? А она и не знает, а ей и воду возить не на ком? Мария резко выдернула у бабы изо рта кляп.

– Поднимать не будем, пусть лежит. Она так хорошо в дерьме смотрится!

Кажется, Лизанда пыталась что-то сказать, но где уж там! Когда челюсть затекла, не поругаешься, даже во врага как следует не плюнешь, только минут через пять у нее получилось злое шипение.

– Чтоб ты сдохла...

Мария насмешливо улыбнулась.

– Мечты, мечты, дорогуша. Я не сдохла и не собираюсь. А вот ты... как ты думаешь, что я с тобой сделаю?

Лизанда сверкнула глазами.

– Ничего!

– Да неужели? А я вот так не думаю. Хотя... преподобная мать с удовольствием пойдет мне навстречу. Ничего – так ничего. Без воды человек может прожить три дня, и говорят, это достаточно мучительная смерть. Три дня ты прекрасно тут полежишь, а я с тобой и правда ничего делать не буду. Буду приходить, есть и пить на твоих глазах. Тебе как раз хватит. И помучиться успеешь как следует. А то прикажу тебя поить – раз в три дня, не чаще. И не кормить. Тоже

приятно будет. Ничего – так ничего! – Мария с милейшей улыбкой развела руками.

Лизанда побледнела.

– Ты... ты не посмеешь!

– И кто меня остановит?

Женщина бросила взгляд на Марию. На мать-настоятельницу, которая благочестиво сложила руки на груди и смотрела сейчас на Лизанду с абсолютным равнодушием, словно и не голая баба перед ней, а, к примеру, цветок вырос. Или картину какую положили... очень так себе, но не выкидывать же?

– Матушка! Заступитесь!

Евгения не подкачала. Спокойствие трансформировалось в оскал.

– Чадо, а что я должна сделать с человеком, который чуть не подвел под казнь и меня и всех монахинь? Да не простую казнь, а с дознанием? Три дня, говорите, ваше величество?

– Ну, может, четыре. Я опытов не проводила, – задумалась Мария. – Все зависит от стойкости человека. Без еды она месяц прожить сможет, а вот без воды – нет.

– Ваше величество, а у нас тут очень удобное кладбище. Там ее отродясь никто не найдет.

– Яма, в которую она меня сбросила, тоже подойдет. Еще не хватало вот ЭТО в освященной земле хоронить. Может, еще и молитву прочитать прикажете, чтобы у нее посмертие было? Нет-нет, – поморщилась Мария. – Ни похорон, ни отпевания, закопать, как собаку, когда сдохнет. А я потом расскажу супругу, что эрра Лизанда сошла с ума и на моих глазах кинулась в колодец.

Эрра побелела.

Вот сейчас дошло.

А кто и что о ней узнает?

Королеву она хотела убить? И непойманной остаться? Так это и в две стороны работает преотлично. Так и с самой эррой поступить можно, никто и ничего не узнает.

– Я... мы... Розабелла...

– Она тоже в этом замешана? Замечательно. Матушка, место для еще одной заговорщицы найдется?

– Конечно, ваше величество. Пытать прикажете?

– Конечно, – улыбнулась Мария. – И поприсутствую. Если ваш палач позволит, еще и поучаствую. Ты не переживай, Лизанда, до смерти не запытаем... для тебя оно, может, и хорошо будет. Тебя ж во время пытки водой отливать будут, попьешь вволю, на один день дольше проживешь. Или может, ее вообще водой пытать? Воронку в горло и заливать побольше? Пока не лопнет?

Мать-настоятельница кивнула.

– Да, пожалуй. Приказать, ваше величество, подать воронку побольше?

– У вас есть?

– Да, кожаная, большая такая, мы ей лошадей промываем, думаю, и для этой сойдет?

– Н-не надо...

Лизанда сломалась.

Поняла, что это действительно конец, и сопли потоком хлынули. Винилась она со вкусом...

Кто виноват? Так вестимо, Валент Эрсон, Дианин родственник. Кажется, двоюродный дядя. Вот он Лизанду и совратил, душу голубиную. Подучил, что делать...

– Врешь, – ровно сказала Мария. – Откуда он про тайну храма знает?

– Не сказал, – вильнула хвостом Лизанда.

– Пойдемте, преподобная мать, – Мария развернулась и покинула камеру.

Евгения вышла вслед за ней.

– Приглашать палача?

– Ни к чему. Пусть полежит до завтра. Подумает о своей жизни, проголодается... ах да! Распорядитесь ей кляп вставить, и до завтра ничего не давать.

– А не сдохнет?

– Нет. Кобыла здоровая, такую и об стену не расшибешь. С чего ей помирать?

– А вот про три дня...

– Так ведь еще и суток не прошло, – пожала плечами королева. – Сердце у нее здоровое, да и все остальное – тоже. Точно не помрет.

Откуда-то Мария отлично знала про сердце.

Вот у матушки Евгении оно не так, чтобы очень здоровое, и запах у нее не слишком правильный. А Лизанда здорова. Может, небольшие проблемы и есть, но именно небольшие.

Слышала?

Чувствовала запах?

Мария пока сама не понимала, чем одарило ее слияние со змеей, это надо будет выяснять постепенно. Но и не слишком удивлялась. Вспомнить только пушистых домашних тиранов, которые приходят морлыкать и ложатся на пораженные органы. Ведь чуют?

Или видят? Слышат, обоняют... у людей не такое тонкое восприятие. У животных все намного интереснее.

– Все в воле Предматери, – благочестиво сотворила знак Триады мать-настоятельница. – Что вы прикажете теперь, ваше величество?

– Что вы, настоятельница, – Мария мило улыбалась. – Я не хочу приказывать. Я прошу. Сейчас я хотела бы обыскать вещи Лизанды. Мы сможем это сделать?

– Да, ваше величество. Вы хотите присутствовать?

– Благодарю вас. Буду очень признательна.

Чем хотелось заняться Марии, так это остаться одной.

Красный камень был на месте, она видела его в сумочке. Дотрагиваться не спешила. И думала, думала...

Это точно была не галлюцинация. Человеком она бы из той ловушки не выбралась. А вот змеей... именно змейство, или как оно правильно называется, помогло ей вылезти из ловушки. И потом, ночью... она была змеей! Потом уже был сон, но до того-то реальность! И если она все правильно помнит, она превратилась, когда дотронулась до камня. Хороший такой криптонит оказался, только вот проверять это сейчас ей не хотелось. Еще превратится среди всего народа... не надо! Потерпит она, сколько понадобится.

Но неужели она правда стала змеей?

Хотя характер позволял. Вполне-вполне... уж сколько ей шеф говорил, мол, гадина вы, Мария Ивановна. Фамилия у вас хоть и Белкина, а по характеру могли бы и гадюковой окрестить. Или кобровой.

Оказалась – гюрза.

Мария Ивановна Гюрза, разве плохо звучит? Ласково так, почти нежно! Мария это воспринимала как комплимент. И тогда, и сейчас,

хороший бухгалтер по определению не может быть белым и пушистым. Только черным и чешуйчатым!

Так что все потом, а вот обыск – сейчас.

* * *

Перетряхивание вещей привело к интересному результату. В руках у Марии и настоятельницы оказались несколько склянок с разными ядами, и еще два письма, с личной королевской печатью.

Более того, с личной королевской подписью, но вот написать там ничего не успели.

– Подделка, – резюмировала Мария. – Печать настоящая, а вот все остальное...

И то сказать, король же не сам документы пишет, у него на то три секретаря есть, и меняет он их время от времени. Так что почерк тут не аргумент. Подпись, печать – дело другое. И ведь нашёлся кто-то, продал или отдал, или по доброте душевной помочь решил... подсуетились, гадины! Ух, Мария б этих паразитов! Хлорочкой бы их! И дустом!

– Надо полагать, она решила воспользоваться моментом. Не знала, где ей удастся до вас добраться, ваше величество.

– По дороге у нее это не получилось, – Мария задумчиво разглядывала яд. – Не думаю, что ее бы остановили чужие смерти, но нас просто не подпускали к пище. Приносили нам все, эрр Торган как-то организовал. И как тут яд подбросить? За общим столом подсыпать? Или на тарелки из трактира кидаться? Тут навыки нужны, которые не у каждого воришки есть, а это все ж придворная дама, эрра... нет, не было у нее раньше шансов.

– Полагаюсь на ваши слова, ваше величество.

– Тут в храме мы все присутствуем на общей трапезе, и опять же, не она подает-разносит-раскладывает. Как незаметно подсунуть яд? И сидим мы не рядом.

Все верно, Мария сидела среди монахинь, демонстративно показывая, что она в монастыре, ей тут лишнего уважения и почестей не надо. Тут у вас настоятельница есть, ей и во главе стола сидеть, и молитву начинать, ей и кланяться надо!

– Ваша набожность вызывает уважение, ваше величество. Я видела много эрр, которые стремились показать всем свою скромность, но ни одна из них не вела себя так, как вы, склоняясь пред лицом Предвечной Матери.

Мария только рукой махнула, обрывая ненужные славословия.

Скромность!

Да ей просто было интересно. И опять же, чего у себя в покоях сидеть?

– Там она отравить ничего не могла. А вот это покушение... у меня возникает вопрос. Откуда такое знание секретов храма? Понимая, что яд она мне дать незаметно не сможет, она решила рискнуть. Но надо же знать, и куда нажимать, и что будет результат? Откуда знания?

Теперь задумалась и Евгения.

– Завтра узнаем, ваше величество. Я надеюсь, вы мне позволите тоже присутствовать при допросе?

– Да.

* * *

С утра мальчишкам поговорить не удалось. Только к вечеру смогли они собраться на своем любимом месте, за сараем для дров. И настроены они были совершенно по-разному.

Первым начал Эрк.

– Я сегодня думал... надо сказать тейну. Он о таком знать должен.

А подтекстом: и мне за это что-то хорошее перепадет! Наверняка! Сам Эрк с такой новостью ничего не сделает, не по его она зубам. А вот если рассказать кому-то вышестоящему... а кто у нас в храме выше тейна? Никто.

– И что тейн сделает? – Бертран был настроен скептически, хоть и не знал такого слова. Только вот его опыт говорил, что взрослым лучше ничего лишнего не знать. От них одни проблемы.

– Ну...

– Думаешь, наградит?

Ром хоть и был тугодумом, но случались у него озарения.

Эрк плечами пожал.

– Ну... авось, не заругает. Все равно долго такое в тайне не останется, кто-то да заметит, лучше мы скажем, чем другие.

– Не знаю, – с сомнением протянул Бертран. – Нам бы сначала узнать, что и как.

– Я сегодня в библиотеке убирал.

– Вот. Камень раз в месяц протирают, дней пятнадцать у нас в запасе есть, – кивнул Ром.

Парни переглянулись.

А ведь и верно.

Прежде чем бежать и кричать, постарайся узнать побольше о том, что увидел. Кто, что, как и самое главное! Сколько с этого можешь поиметь лично ты и чего? А то пинки с подзатыльниками нынче дешевы, да никому и даром не нужны.

– Ты там чего нашел? В библиотеке?

– Ты хоть представляешь, сколько там искать надо? – удивился Ром. – Там много книг!

– А нам, может, и не книга нужна, а пара строчек, – Бертран ковырял пальцем близлежащее полено. – Давайте подумаем вместе. Я читал, что этот камень даровал Многоликий. Зачем?

– Вроде как чтобы можно было найти каждого из двуипостасных, – отозвался Эрк. – Я читал. Раньше тейн тоже был из... этих, перевертней, он мог воззвать к камню и узнать, кто и где находится.

– Ага. А сейчас сможет?

Эрк насупился.

– Наверное... он же тейн?

– Но он не перевертень. А вдруг это важно?

Мальчишки переглянулись.

– Если появился кто-то из этих... и что? – пожал плечами Ром. – Надо знать, что с этим делать. А пока не знаем, можем и колотушек огрести.

И с этим спорить никто не стал.

– Надо проситься в библиотеку. Хоть для уборки, хоть для переписки, – подвел итог Бертран. – А там уж искать... дней десять у нас еще есть, потом решим, что и как.

И с этим согласились все трое.

Во сне Мария опять была змеей.

Ловкой и гибкой, скользящей с бархана на бархан. Она легко преодолевала большие расстояния, с удовольствием купалась в теплой реке, почти ручье, слопала несколько зверушек, похожих на крупных мышей.

Она понимала, что это сон. Но...

Все было очень реально. Более чем реально. И Марии казалось, что она так обучается.

Змея ведь и двигается чуточку иначе, и видит мир иначе, и охотиться ей надо, и яд свой применять... вот она и видит этот сон. Потому что превратиться, выползти и поразвлечься пока не может.

Глубоко за полночь Мария открыла глаза.

Дочь спала, тихонько посапывая.

Мария прошла к своей сумочке, брошенной на кресло, запустила внутрь руку и достала из кучи тряпок большой рубин.

Положила на ладонь, вгляделась в искристую глубину камня. Странно, так странно. Обычно красные камни она не любила, они казались ей кровавыми и неприятными. А вот этот – нет. Он напоминал лежащий на ладони лепесток большой розы. Уютный и бархатистый. Не ядрено-красный, а с бордовыми отблесками, как пионы, и махровый, теплый... хороший такой оттенок, так и хочется пальцем погладить!

– Это тебя даровал людям Многоликий? Так странно...

Рубин молчал. Да Мария и не ждала ответа. Она вела пальцем по острой грани, до овального угла. Камень загадочно вспыхивал в ее ладони алыми отблесками.

Магия...

Да, магия. Настоящая, может, в чем-то предвечная и изначальная. Не огненные шары и не ледяные вихри, не академии и не драконы, нет. Второй облик.

То существо, которое живет внутри нас.

Живет, радуется жизни, помахивает небрежно хвостиком или там клыки скалит...

Клыки?!

Мария почувствовала во рту какое-то неудобство. Провела языком по небу, по десне...

И опять не сдержалась, вспомнив всю народно-татарскую терминологию. Было отчего!

В монастыре в окнах были стекла. Не везде, нет, часть окон была затянута пергаментом, но вот у королевы стекла были. И в темном неровном отражении Мария отчетливо видела главное.

Из-за первого ряда самых обычных человеческих зубов выдвигались два острых и длинных клыка. И Мария готова была поклясться своей чешуей, что они еще и ядовиты. В обычном состоянии они явно будут сложены и прижаты. А вот если ей захочется кого-то укусить – распрямятся.

И яд, надо полагать, гюрзы.

Это что с ней такое происходит?!

Она теперь зоомутант? Зооморф? Или как это вообще называется? Женщина-змея?

Ой, мамочки...

Подарочек?!

Да твою ж налево так!!!

Это и есть то самое, что ей обещал загадочный тихий голос? Подарок, который она получит?

Ну... спасибо! Ей-ей, не намного лучше золотого касания! Ядовитое кусание, чтоб его! Вот как ей теперь с кем-то целоваться? Сразу насмерть?

Слов у Марии не было. А клыки были. И шипение тоже.

С-сюрприсссссс! Радоссссссть! Ссссчасссссье!

Глава 5

Сколько от себя ни таись, а натуру не спрячешь. Вот и Диана так же...

Смотрела она сейчас на мужчину и вздохов не сдерживала, благо никто ее, кроме верной Эсси, и не слышал, и не видел.

Да и мужчина того стоил.

Эрр Расмус Вейнард!

Темные волосы, голубые глаза, и весь он такой... вот такой... просто – ах!

Диана так навалилась на подоконник, что тот жалобно хрупнул под объемистым бюстом.

– Кто там? – Эсси подошла, встала рядом.

– Эрр Вейнард!

Эсмеральда, как девушка практичная, пожала плечами.

– Зачем он тебе, у него за душой ветер свищет, пыль разносит? У него ни денег, ни поместья толком, один титул... пустой человек.

– Красивый!

– Это дело, да, – согласилась Эсмеральда. – Что хорош, то безусловно, эти способности у него, говорят, выдающиеся.

Диана вздохнула.

Бюст послушно колыхнулся.

– Ты так королю вздыхай, – строго напомнила Эсси. – Сама знаешь, измена его величеству приравнивается к измене государству и карается смертью.

– Ну, я же пока не королева...

– А с такими мыслями можешь и вообще не стать. Думаешь, Иоанн – полный дурак?

Как-то так Диана и думала. С малолетства усвоив, что мужчины или дураки сами по себе, или становятся дураками, когда поглядят на ее выдающиеся... достоинства. Она их и выпячивала, и подчеркивала, и вырез делала поглубже, и мушки клеила, а что? Если действует?

Если стоит ей показаться вот так и подышать поглубже, как у мужчин гильфики расти начинали сами по себе. И шевелиться так... отчетливо. Диане это льстило.

Вот и Иоанн... а что он – железный? Только и успевай его по рукам бить, чтобы не вовсе уж распускал их!

Но ведь и Диана не железная.

Что ей – не хочется, что ли? Чтобы молодой и сильный мужчина, чтобы они рядом, кожа к коже, тело к телу... Эсси – это совсем другое! А вот с мужчиной...

Эсмеральда только головой покачала и решительно утащила кузину от окна.

– Не надо, Ди.

– Ты мне еще указывать будешь?

– Я – нет. А вот дядя расстроится.

Виталис Эрсон был извечным страхом Дианы. Та сглотнула и послушно отправилась к вышивке.

Ну его... но ведь хорош же!

Но дядя...

– Приказать воды горячей принести? Искупаешься? – предложила Эсси, понимая, что Диану надо на что-то переключить.

– Да.

– И масло? Розовое?

– Давай.

К вечеру Диана пахла так, что рядом стоять было сложно. Но Иоанну нравилось, а это главное. Виталису Эрсону Эсси так ничего и не сказала, кстати. Зачем? Ей же в результате и достанется за недогляд. А в чем она-то виновата?

В том, что Диана, как та сучка, хочет на случку? Так ей не девяносто лет, ее понять можно. Ей бы роту гвардейцев, чтобы ее с утра до вечера в казарме, а справится ли с ней король? Это Виталису власть дороже воздуха, а вот Диане...

Ох, не кончится это добром.

Как выйдет Диана замуж, так надо будет сразу бежать из столицы, да побыстрее, да подальше. Авось, целее будет!

* * *

К утру Маша уже успокоилась и чувствовала себя вполне-вполне прилично. А что такого?

Ну, клыки. Ну, ядовитые.

И что?

Это ж шикарная возможность! Пришла, укусила, никто ничего и не понял. А если нельзя прийти и укусить, можно приползти и цапнуть. Вспоминая классика, никто и не поймет, что случилось^[33].

Одна беда.

Всех – не перекусаешь. Допустим, сведет она мужа в могилу. А дальше что? Если кто помнит, что началось в истории после смерти Ивана Грозного, называлось это одним словом.

Звиздец.

И королеву вдовую на ноль помножат, никакой яд не поможет. И принцессу выдадут замуж, за кого сами пожелают. Кому родная история не близка, вспоминаем, какой гадюшник творился в Англии после смерти Генриха Восьмого. Тоже помер мужик, не оставив наследника. То есть наследник считай сразу после папаши и помер. И тоже – началось. То одна на троне посидела, то вторая, то третья, и все законные, и все за свой зад боялись так, что чуть островок не выморили.

А Марии еще жить хочется. И для Анны нормальной жизни хочется. Так что кусаться – не наш метод, разве что сильно доведут. Но при дворе и не кусаться не получится. Она не белая и пушистая, она теперь на полном серьезе черная и чешуйчатая. И если с цветом еще можно поиграть, то с принципом – нет.

Сама по себе змея кусаться не будет. И на человека не кинется просто так. Ей тот человек триста лет не надобен, не ее это кормовая база. Но попробуйте к ней полезть! Вот тогда и получите полный заряд яда из всех клыков^[34].

Но при дворе ее в покое не оставят. Ее будут провоцировать, а она, согласно змейской натуре, будет кусаться в ответ. Пока хватит яда.

А что с ней сделают, когда яд закончится? Согласно терверу, сволочей в мире бесконечное множество, а змея – одна, всех не перекушает, раньше от натуги помрет. Вот то-то и оно.

На место отравленных придут новые, и получится у нее дубль два. Не дадут ей пожить спокойно, просто не дадут!

И что ей сделать?

А, несколько вариантов. Первый – она умудряется как-то сбежать из Эрланда вместе с дочерью. Да так, чтобы их потом не нашли.

Сможет?

Сейчас уже сможет. Но вопрос, куда бежать и как там жить, все равно остается открытым.

Второй – помириться с мужем. И вместе с ним строить коммунизм. То есть растить дочь, выдавать замуж... Мария вспомнила фигуру супруга и передернулась. Нет, вы лучше сами вот с этим. Мария на такой героизм не способна.

Третий – отравить мужа и править самостоятельно. Увы, нереально. Чтобы править, нужны деньги, нужны войска, а у Марии уже здоровье не то. Ежели Екатерину Вторую вспомнить, Мария тоже не потянет такой ценой лояльность гвардейцев покупать. Тогда уж лучше Иоанн, одна штука. Расслабиться и думать об Эрланде... нет, столько она не выпьет!

Так что вывод был прост. Возвращаться надо ко двору, а там уж действовать по ситуации. За документы – спасибо, Мария их себе оставит. Понадобится, напишет какой-нибудь пропуск, или подорожную, или классическое: «Все, что сделано предьявителем сего, сделано от моего имени и во благо Эрланда. Иоанн»^[35].

А второй облик... а что с ним не так? Лежит себе, кушать не просит, надо еще почитать о его особенностях, но вроде как желания обернуться и всех перекусать у Марии нет, полнолуние тоже не наступило? Если и наступит, может она не утратит разум? Здесь как-то превращение иначе происходит, это точно. И одежда при ней, и мозги тоже. А все остальное...

Перефразируя старый анекдот про носорога, у гюрзы не слишком приятный внешний вид, чешуя и вредный характер, но с ее ядом – это не ее проблемы!

В крайнем случае Мария попросту укусит Диану. И пусть Иоанн подбирает себе новую бабу на роль супруги. Спасибо за оружие, спасибо за второй облик и яд, просто здесь и сейчас это не решает ни одной из ее проблем. Вот и весь сказ.

Надо возвращаться, надо разбираться по ситуации... кстати, почитать в местной библиотеке, что есть про двуипостасных.

Надо для начала разобраться с Лизандой. Так что в обед Мария и мать-настоятельница отправились в ту же камеру.

Лизанда лежала на полу. Правда, количество фекалий под ней не сильно увеличилось, оно и понятно. Нечем. Глаза ввалились, губы

запеклись.

Мария покрутила в руках кубок с водой, демонстративно отпила глоток и выдернула у Лизанды кляп. И влила ей несколько капель воды в рот.

Прошло не менее двадцати минут, прежде чем Лизанда смогла выговорить несколько слов.

– Ваше величество. Умоляю...

– О чем? – невинно поинтересовалась Мария. – Поговорить? Пожалуйста. Но при первом же вранье я уйду отсюда и приду только завтра. Доживешь ли ты? Вот вопрос?

Лизанду ошутимо затрясло. Кажется, она представила себе перспективу и уже всерьез взвыла.

– Ваше величество!!! УМОЛЯЮ!!!

– Тогда я слушаю. Внимательно.

Эрра Лизанда принялась рассказывать, хлюпая носом.

Лизанде в жизни не повезло, как она считала. Вышла она замуж, семь лет прожила с мужем, а детей не было. Они хоть и старались, но Богиня детей не послала. Моли, не моли...

Потом муж умер, а титул отошел его младшему брату. А тому Лизанда без надобности, у него уже супруга есть. Лизанда попробовала его соблазнить, но мужчина оказался стойким. Выкинул веселую вдовушку из поместья, правда, денег дал. А к родителям-то и неохота.

Ко двору?

Туда Лизанда и отправилась. Старые связи помогли, получила она место придворной дамы. Ее величество оказалась не из вредных, работой сильно не нагружала, просто так не ругалась, жить можно. Деньги платят, опять же, можно попробовать личную жизнь устроить. Только вот...

Имею желание купить машину – нет возможности. Имею возможность купить козу – нет желания. В том и беда, желаний у Лизанды было много, а вот возможностей и не было.

Хотелось богатства, хотелось достойного жениха, да и блистать при дворе тоже, а тут жестокая судьба, понимаешь ли.

Внешность у Лизанды была вполне пристойная. Не красавица, вроде той же Дианы, но есть и зад и перед, которые так ценятся

мужчинами, есть светлые волосы, по последней моде подбритые над лбом, есть красивые серые глаза. Вполне сойдет, если с приданым.

А вот приданого и не было. И вообще, вдова, что снижало ценность Лизанды на брачном рынке. И с семьей ей не очень повезло, нет такого влияния, и было бы – Лизанде не помогут. Она уже отрезанный ломоть.

И тут ей повернулся Валент Эрсон.

Не слишком молодой, на пятнадцать лет старше Лизанды, но это же ерунда! Эрсон, достаточно богатый, жена родами умерла, трое детей есть, ну так что же? Лизанда ему и еще шестерых родит!

И Валент проявил к ней интерес, и снюхались два одиночества.

И стала Лизанда регулярно рассказывать Валенту о своем житье-бытье. То есть о королевском, она ж придворная дама королевы. А Валент и слушал, интересно ему, гаду! Слушал, расспрашивал, еще и темы для разговоров подкидывал. Так что состоялся при Марии самый натуральный патентованный шпион Эрсонов. Шпионка.

Дряннь такая.

Не понимала она, для чего спрашивается?

Все она отлично понимала, по морде видно. И понимала, и делала с охотой, в надежде на будущее замужество. А Валент не торопился ее замуж звать, упирал на то, что Лизанде придется тогда от двора уехать, в поместье сидеть, детей рожать. А ему бы еще хоть какую пользу для семьи. Чтобы ее полезность перевесила ее минусы! Вот Лизанда и старалась, не за страх, а за совесть, шпионила, стучала так, как не каждый дятел сумеет.

Замуж Лизанде хотелось. Да еще и за Эрсона, вообще красота!

Ежели Диана Эрсон королевой станет, то как оно хорошо-то будет! Считай, Лизанда тоже в правящую семью войдет, родственницей короля будет. А Мария?

Какая Мария, когда тут любовь?

Потом началась эпопея с разводом, и Лизанда затосковала. Королева на развод не соглашалась, а Валент не соглашался на брак. Все тянул и тянул... и просил Лизанду не покидать ее величество.

А потом случился скандал с Дианой.

И королева решила поехать в монастырь. И как тут было не воспользоваться случаем?

Пока она во дворце, там понятно, за все отвечает король. Но тут-то? На природе? Конечно, надо устранять Марию. А на кого и что спишется... видно будет!

Лизанде вручили свитки с королевскими печатями. Где добыли?

Да кто ж знает... Валент постарался. Он перед Лизандой не отчитывался. Может, и еще кто был, этого Лизанда тоже не знала. Кто-то из гвардейцев, наверное. А может, и не был. Гвардия... они, конечно, служат королю, но и себе тоже, и своему роду. А уж кто и там с кем роднился, и какими интересами связан?

Лизанда действительно не знала.

Мария повторила вопрос несколько раз и махнула рукой. Видимо, и правда... да и кто ж ей что доверит? Разменяли бабу, как шестерку в картах, на большее она и не нужна. Одноразовый шпион, исполнитель, любовница – или, правильнее сказать, подстилка. Мария ни на секунду не поверила, что этот Эрсон женился бы на Лизанде.

Глупо же!

Странно даже, что ей яд выдали и бумаги. Странно и глупо.

Но... и Диана эта не слишком умна, может, и ее родня такая же? В семье не без урода?

Может быть...

Лизанда действительно хотела отравить королеву, но у нее все не получалось с ядом, а увидев старый храм, она придумала план получше.

Откуда она знала про ловушку?

Так ее первый муж, эрр Селий Шаран историей увлекался. В том числе и храмами.

Да-да, в старые времена такие ловушки делали во всех храмах. Лизанда знала. Оставалось только проверить, есть ли она тут, ну и пригласить королеву.

Мария поглядела на Евгению.

– Делали?

Мать-настоятельница кивнула.

– Да, и даже сейчас это есть... своего рода последний шанс. Мало ли что случится?

Мария пожала плечами.

– Что угодно. Понимаю, даже одобряю. Просто странно, что вы об этом забыли.

Евгения пожала плечами.

– Это старый храм. Мы туда ходим только убираться, потому что опасно. Там часть подвалов засыпало, туда просто опасно спускаться. Я думала, что и ловушка пришла в негодность, даже ее не проверяла. К чему оно сейчас? Я никого убивать не собиралась.

Мария кивнула.

Да, когда она уползала, она тоже кое-что видела. И опасно, и действительно, много чего разрушилось. Не то она бы не уцелела. Даже змеиное обличье не спасет, если тебя плитой придавит, или камнями засыплет. Одну такую осыпь она гадиной и миновала.

И ненависть Лизанды понятна. Получается, что Мария стояла между ней и мечтой.

ТЬфу, дура.

А делать-то с ней что?

Мария подумала.

– Преподобная мать, я пока не знаю, что с ней делать. Давайте ее развяжем, так, чтобы не покончила с собой. Она грамотна, так что перо ей в руки, чернила и пергамент. Пусть пишет своей рукой чистосердечное признание. С кем спала, чего хотела, зачем меня убивала и как. Подробно пишет. А завтра я подумаю, что с ней делать.

Синяки болели. И ссадины тоже. И что делать с негодяйкой, Мария знала. Но...

Зачем об этом говорить настоятельнице?

Мать Евгения и так обрадовалась, кивнула... В ее монастыре проблем не будет. Это же хорошо, правда?

* * *

Эрк Гридс перелистывал страницы.

Время шло. Время уходило, а они так и не пришли ни к какому решению насчет камня.

Может, Берт и прав?

Или нет?

Эрк просто не знал. Вот как тут лучше сделать? Что придумать?

И не найти ж ничего про этот камень... Многоликий его хоть и подарил, а только такие знания не для простых мальчишек. Хотя себя

Эрк простым не считал.

Жизнь тому весьма и весьма помогала. Любящие родители, хорошие условия, деньги и игрушки – у него было многое, но понять, что это не его заслуга, а простое везение, он пока не мог.

Чего не было у Эрка...

Эрр!

Ах, как же простому иссу Гридсу хотелось титул!

Эрр!

И сразу распахиваются запертые для тебя двери.

Эрр! И вместо опостылевшего серебра можно носить золото. Ах, как оно мягко сверкает на одежде и в украшениях.

Эрр!

И у тебя есть власть!

Власть, да, и доступ к уху короля... неужели кто-то думает, что его величество будет беседовать с простым иссом?

Эрр...

Эрк достоин титула, достоин всего того, что он дает, достоин... это признают все, кто его знает. Но как получить титул?

Во времена оны все было просто. Если ты двуипостасный, ты уже эрр. А если нет, то хоть ты из шкуры мясом вывернись, пользы не будет. Но... так давно не было...

Не было?

Есть!

Эрк тому свидетель! А значит, что нужно сделать? Нужно просто найти этого самого... нового эрра и вытряхнуть из него, и что, и как, и почему. Только вот...

Эрк его найти не сможет. А значит, искать этого эрра должен кто-то... к примеру, тейн.

Очень даже правильно получается. Эрк скажет тейну о случившемся, и тот прикажет вознаградить принесшего добрую весть. А уж Эрк попросит себе в награду беседу с двуипостасным. Пусть тот расскажет, как ему это удалось? Впервые, за столько лет...

И всем будет хорошо!

Хорошо тейну. Хорошо Эрку. Хорошо... двуипостасному? А ему-то чем плохо? Кто его знает, какая у него там жизнь, а теперь он будет спокоен и защищен. Эрром станет...

Надо рассказать все тейну. Только самому извернуться, чтобы никто другой не слышал, чтобы не перехватил... но как получить доступ к уху верховного служителя Многоликого?

А просто.

Служки... они и ему прислуживают. Подать, принести, вина налить... да мало ли что бывает по надобности? Вот Эрк и напросится в прислужки, хотя бы ненадолго. Поговорит, ему пары минут хватит. А уж как ему тейн благодарен, небось, будет?

Эрк мечтательно заулыбался.

В его мечтах он уже был эрром. А еще чтобы два раза не ходить, драконом. Или львом... нет, лев летать не умеет, ему лучше бы драконом, чтобы обернулся – и тебя все боятся, все уважают, все от твоего вида дрожат и прячутся...

Мысль о том, что он может и слизняком стать, а не драконом, или может вообще никем не стать, Эрку и в голову не пришла. Да вы вообще о чем?

Он?!

Он обязательно станет! И драконом, и эрром, и на королевской дочери женится. В этом кто-то сомневается?

Ну и дураки! А вот он точно все знает. Осталось попасть к тейну и доложить ему об этой важной новости так, чтобы никто не опередил. А то Берт... точно, хочет все себе захватить...

Разузнать, почитать, подумать... чего тут думать?! Тут бежать надо! И побыстрее!

Эрк украдкой посмотрелся на себя в маленькое зеркальце, которое носил с собой, пригладил вихры. А то вдруг чего... вид у будущего эрра всегда должен быть аккуратным и благолепным.

Решено!

Как только представится возможность, он обо всем доложит тейну, и побыстрее!

* * *

Мария проснулась поздно ночью. Рядом заворочалась Анна, но женщина погладила ее по волосам.

– Спи. Я в нужник.

Анна перевернулась на другой бок и опять уснула. А Мария выскользнула за дверь. Легко-легко. Почти неслышно.

Маленький кабинет, приоткрытое окно.

Вечером они с настоятельницей еще раз навестили предательницу. И забрали у нее первый свиток. Мария прочитала и распорядилась сделать копии. А Лизанде приказала написать все, что она знает про отношения среди Эрсонов. Авось, да пригодится. Мария встала посреди кабинета, сосредоточилась. Как это происходило? В храме?

Эммм... никак! Вот она человек, а потом руку протянула, и уже змея. И хвост чешуйчатый.

А здесь что надо? Об пол удариться? Перекувырнуться? Просто пожелать? Попросить Многоликого? Пошипеть и клыки выпустить?

Мария решила начать с самого простого.

– Пожалуйста... я хочу стать змеей.

Щас там! Именно щас, и даже щазззз! Если Бог и слышал, то отозваться не мог. Может, даже и по уважительной причине – помирал со смеху.

Мария честно попробовала последний пункт. Пошипела тихонько, выпустила клыки. Посмотрела на свое отражение в стекле, облизнула их языком. Невольно вспомнила, как скользила по барханам.

Как извивалось гибкое чешуйчатое тело, купаясь в потоках солнечного света, стекающих с неба, словно расплавленный мед. Как гибко и стремительно оно несло к цели, как вылетало из засады, бросаясь на добычу, как...

Колени подогнулись. И Мария обнаружила себя на ковре. И в чешуйчатом виде.

Красота!

Значит, просто почувствуйте себя гадиной – и вперед? Ползи, куда захочешь?

Благо окно приоткрыто. Туда Мария и поползла. Да, с ее размерами подтянуться, перевалиться через подоконник и только хвостом махнуть труда не составило. И вперед.

Туда, где сидела эрра Лизанда.

Мария точно знала, что она собирается сделать.

Должна сделать.

Эрра ее предала. И предаст впредь, и подставит, и отрицать все будет в надежде на выгодное замужество. Наказание тут может быть

только одно – смерть. Только вот Мария никого еще не убивала. Никогда.

Своими руками Мария и сейчас не справится. А если мерзавку змея укусит? На это Мария способна, наверное. Она еще вечером проверила все, посмотрела, куда выходят окна кельи, в которую перевели Лизанду...

Вот и дом. Вот и дерево, с которого так удобно переползти на подоконник. Бумага?

Да разве это препятствие для гюрзы?

И Лизанда одна, Мария ее чуяла.

Бросок – и тупорылая голова змеи просто проламывает плотную бумагу. И приземляется почти у ног эрры.

Та даже вскочить и заорать не успела, только дернулась. Рефлексы сработали быстрее разума, и Мария цапнула первое, что оказалось рядом. Ногу Лизанды.

Прокусить тонкую ткань?

Лег-ко!

На это даже обыкновенная гадюка способна, а уж почти двухметровая гюрза-то! У нее ведь и челюсти соответствуют...

Яд впрыснулся автоматически.

Мария развернулась – и кинулась к окну. Только хвост мелькнул. И уже вылетая головой вперед на дерево, слышала, как заорала Лизанда.

Пусть орет.

Жить ей осталось не более получаса.

* * *

Путь обратно Мария проделала еще быстрее. Грохнулась на пол змеей и встала с него человеком. Отряхнулась, оглядела себя.

Да, местных богов есть за что уважать. У них тут, скорее, не оборотни, а правда двуликие. И разум на месте, и кровожадности нет, и с голой задницей бегать не приходится. Все учтено могучим ураганом. Все, что на тебе – с тобой и останется, хоть обувь, хоть сумка. Вот это – правильная магия.

Мария хмыкнула и отправилась обратно в кровать.

У нее алиби. Даже два.

Во-первых, она спала. Во-вторых, она совершенно не похожа на змею.

Правда, уснуть не удалось, не прошло и десяти минут, как в дверь заскреблись.

– Ваше величество!!!

Мария зевнула и пошла неторопливо открывать.

– Пожар? Потоп?

– Эрра Лизанда умирает!

– Ее загрызла совесть? – лениво поинтересовалась Мария у монахини. – Нельзя ли до утра подождать? Пусть потерпит до завтрака?

Монахиня хмыкнула. Кажется, это как раз была бывшая супруга палача, так что шутку она оценила.

– Ее укусила змея.

Мария открыла рот. Закрыла.

– Че-го?

– Да, ваше величество. Эта дура орет, что ее укусила змея.

Мария молча обулась, взяла плащ и кивнула на комнату, в которой оставалась дочь.

– Приглядите за принцессой, чтобы она не волновалась.

– Сестра Лидия приглядит, – кивнула монахиня. – Я провожу.

– Спасибо, сестра, – кивнула Мария. И последовала за женщиной. Не удержалась, правда. – Что за змея? Ее нашли?

– Нет, ваше величество. Вроде как эта дура сидела, писала, а в окно влетела змея и ее укусила. И улетела обратно.

– Крылатая змея?

Монахиня пожала плечами. Кажется, она тоже понимала несуразность ситуации, но укус-то есть! И баба помирает! Дешевле привести королеву, чем потом оправдываться. Она даже к настоятельнице еще сбегать не успела, некогда.

А Мария шла и жалела, что она не тайпан, не пеламида, наконец... после укуса гюрзы в организме начинает разрушаться кровь. Понятно, что помереть дура помрет, но не сразу, где-то от получаса до нескольких часов. Успеет еще мозг вынести.

Плохая она гюрза, недоядовитая. Вот если б как в «Пестрой ленте», один укус – и вам песец! Сразу же! В три секунды, чтобы

жертва только и успела, что про ленту вякнуть! Вот это – да, а она что...

Недоработка!

* * *

Эрра Лизанда лежала на кровати, бледная и страдающая. Нога была поднята на подушки и кажется, ее разрезали и прижигали. Мария хмыкнула про себя.

Ну-ну...

Будем надеяться, никто здесь больше не отравится. Отек на ноге и кровоподтеки было отлично видно, яд начал свою работу. Глупо это – прижигать рану. Огонь может разрушить яд, но в том-то и дело, что зубы гюрзы вошли достаточно глубоко. Яд – внутри. Надо разрезать ногу, надо отсосать яд, но это стоит делать в первые минуты после укуса. Может, минута и есть на все про все, а то и меньше. Потом только сыворотка, и лучше – в первый час. Или можешь не выжить.

Если повезет, Лизанда помрет в течение получаса. Если нет...

Значит, нет^[36].

– Что случилось?

– Ваше величество, я так наказана за свое предательство! – Эрра Лизанда смотрела трагично. – Меня укусила змея.

– Где вы ее нашли?

– Она влетела ко мне в окно, впилась мне в ногу, захохотала нечеловеческим голосом и улетела обратно.

– На крыльях?

– Да, у нее были крылья. Такие... большие.

Мария промолчала.

Конечно-конечно, и крылья, и хохотала она нечеловеческим голосом. А какой еще голос должен быть у змеи? Гюрза – не человек.

Кстати, а если человек идентифицирует себя, как гюрза? Есть ли такой гендер? Или до этого извращенцы еще не додумались? Это вам не котик симпатичные, тут ползать и шипеть надо!

Мария едва не хихикнула, но сдержалась и с подобающим сочувствием посмотрела на несчастную.

– Что тебе нужно, Лизанда?

– Ваше величество, я умоляю вас о прощении.

Мария пожала плечами.

– Свиток где?

Монахиня протянула ей свиток.

Мария бегло его проглядела, кивнула. Подпись есть, еще его настоятельница заверит и, наверное, капитан стражи?

– Ты прощена, Лизанда. Умри с миром.

А если не умрешь, то прощение отменяется. Но этого она вслух не скажет, не комильфо такое говорить. Интересно, сработает ли?

* * *

Через сорок минут после прихода Марии эрра Лизанда отправилась в иной мир. Мария прислушалась к себе, но никаких трепетаний или угрызений совести не почувствовала.

Ее хотели убить. А она прощать должна?

Не дождетесь.

В свои покои она вернулась полностью спокойная, и чего не хотелось, в коридоре наткнулась на эрру Розабеллу.

– Ваше величество!

Последние два дня эрру к королеве не подпускали. То она с монахинями ходит, то под охраной отдыхает... а эрре интересно! Что происходит-то?!

– Да, эрра?

– Ваше величество! Умоляю... что с Лизандой? Я ничего не понимаю!

Мария печально вздохнула.

– Эрра Розабелла, эрра Лизанда умерла.

– КАК?!

– Ее укусила змея. По ее собственным словам.

– А?!

– Меня можете не спрашивать. Я не знаю, где она взяла эту змею и что с ней хотела сделать. Я знаю, что к ней в окно влетела змея, укусила ее и улетела обратно.

– Ох! За что ж ее так Богиня покарала?

– Эрра Розабелла, – Мария понимала, что сказать придется. Хотя бы намекнуть. – Эрра Лизанда участвовала... способствовала Диане Эрсон. А Богиня уважает святость клятв.

Все.

Остальное пусть сами додумывают. И эрра Розабелла не подвела. Схватила за щеки, выпучила глупые круглые глаза.

– Ох! А мы-то и верно на святой земле!

– И Богиня здесь читает в наших сердцах и наших душах, – подтвердила Мария.

Розабелла закивала еще активнее. Но – не удержалась.

– Ваше величество. А вы... То есть вот это...

Синяки и ссадины еще не сошли. На лице их не было, но вот на руках – полно, и Розабелла их тоже видела. Не слепая ж она, хоть и дура.

Мария похлопала ресничками.

– Эрра, я просто упала.

– Упали, ваше величество?

– Да, эрра. Я задумалась, подвернула ногу и скатилась в яму. Вот руки чуточку и пострадали.

Остальное тело, которому еще и похлеще досталось, эрра не видела. Да и не надо ей. Рук хватит...

– Ваше величество, это так плохо...

– Да, это очень неприятно, – согласилась Мария. – Я схватила за дерево и руку ободрала, и потом еще... но что поделать! Это маленькая плата за пришедшую в голову умную мысль.

– Да, ваше величество.

Эрра явно ничего не поняла, но это было уже неважно. Она потом сама придумает, что ей рассказать. Мария еще и послушает, и удивится.

А Лизанду все равно жалко не было.

Вот ни капельки.

На следующий день эрру похоронили на местном кладбище.

* * *

Феликс собирался в путь.

– Милый...

Матушка подошла, коснулась ладонью его волос. Мужчина, как некогда, в детстве, замер на минуту, а потом прижался головой к теплой ладони.

Ласковой, родной...

Никогда он не забудет день, в который умер сам. Да, именно умер.

Тот Феликс, добрый, домашний, ласковый, который воспринимал рассказы деда как забавные страшные сказки, погиб, глядя на тело отца. И второй раз умер, когда понял, что мать – пропала.

И третий раз, когда подслушал разговор.

Его и сестричек собирались отвезти к тому же эрру. А что?

И мать сговорчивее будет, и когда девчонки подрастут, их тоже можно... вдруг какая из них сговорчивее будет, да хозяину по душе придется? Услужливые твари оказались. И договаривались они об этом не абы с кем, с управляющим! С дядей Мэтью, которому доверял Феликс, доверяли отец и мать... может, он их и предал?

Кто знает...

Феликс тогда ни о чем не задумывался, у него мысль была одна.

Бежать!

Спасать сестричек, пробиваться к деду... поверенный про деда не знал, это точно. Это мать и отец держали в секрете, слишком уж сложное родство.

Пират, трактирщик... может, и еще кто. А она – эрра... теперь стала.

Ладно еще в гости съездить, чтобы отец за дочку порадовался, да на внука-внучек полюбовался. Но тишком и молчком.

Феликс на деда смотрел снизу вверх, с восторгом, рассказы его впитывал, а оказалось, вот, что и не зря? Ой как не зря.

Первым делом Феликс кинулся к тому, кому сам доверял. К конюху Висту. Повезло, в тот день не он родителей возил, а то б и его убили.

Вист на месте оказался, мальчишку выслушал, выругался – и приказал быстрее одеваться в домашнее, да и удирать из дому. А уж он телегу со двора сведет, не задумается.

Феликс так и сделал. Взял деньги, что у отца нашлись, все бумаги, которые сгрести смог, себе кинжал, девчонкам теплое платье и плащи

– и вытащил всех через кухню, пока слуги рыдали и туда-сюда бегали. А Вист их ждал уже с телегой.

Никто его и не остановил.

И из города они выехали спокойно, а вот потом с дороги съехали и пробирались лесами, полями... кто ж его знает? Пустят погоню – и все. Вист и за едой сам ходил, где покупал, где воровал, детей прятал, не показывал, уж больно они приметные. Все в мать пошли, хорошенькие донельзя.

Повезло им просто, что поверенному денег мало предложили, он торговаться начал, что Феликс услышал...

Повезло.

Ох, как же тогда дед разъярился! Феликс и слов-то таких не слышал... Висту, конечно, дед и денег дал, но конюх при них остался. И помог кое-что узнать...

Выбор у Феликса был.

Он мог не ходить сам. Могли найти кого-нибудь, но это дольше. И мама там... кому-то другому она могла не поверить, а Феликса узнает! Обязательно!

Так что...

Мальчишка понимал, что рискует. Но – пошел. Потому что перестал быть мальчишкой. Тогда кончилось его детство, и началась взрослая жизнь. Жестокая и кровавая.

И убивал он с радостью, и не только подонка, который разрушил его семью. Счет был открыт слугой, который решил прижать в уголке симпатичного мальчишку. Феликс к такому относился с омерзением и поддаваться гадкой твари не собирался, вот еще не хватало! Царапины с ядом хватило, чтобы извращенец отправился в новое перерождение, а Феликс ждал. И дождался.

Как же на него мама смотрела!

Какими глазами... сияющими, восторженными... и испуганными!

Не за себя она переживала, за сына. Только за него, самой ей и жить уже не хотелось, ей же говорили, что ее дети в подземелье, и если она не будет ласковой...

Как ее Феликс к деду тащил – отдельная история. Жить матери не хотелось, только присутствие сына помешало руки на себя наложить. А там уж и дочки помогли, и дед на мать ругался долго... кое-как пришла она в себя. Но все равно, любой мужской интерес заставлял ее

дрожать и отворачиваться. Даже прислугу в доме она держала в основном женскую. Или стариков, которые не были для нее опасны. Единственным мужчиной, которого она любила без меры, которого всегда была рада видеть, оставался ее сын.

– Ты опять уезжаешь, малыш.

– Да, матушка.

– Возвращайся поскорее, сынок.

– Обещаю.

– А если ты мне еще невестку привезешь, я счастлива буду.

Феликс только вздохнул.

– Матушка, ты самая прекрасная женщина на земле. Другую такую мне не найти, так что... разве мало у тебя уже внуков?

– Конечно, мало, – рассмеялась мать. – Внуков всегда мало, их и десяти не наберется. И мне бы хотелось еще твоих детей на руках подержать. Обещаю, я приму любую женщину, которая придется тебе по душе.

– Я такой еще не видел, матушка.

– Но вдруг она живет себе в Эрланде? Присмотришь к тамошним красоткам, сынок?

– Обещаю.

Феликс и правда собирался внимательно приглядывать за королевой Марией. А красотки... мало ли кто ему подвернется? Монахом мужчина не был, женщин любил, часто и со вкусом, но больше, чем на две-три ночи ни с кем не задерживался. Так проще.

А может, он боялся, что не сумеет защитить свою семью?

Феликс не собирался об этом думать. Так что он с чистым сердцем пообещал матери приглядеться – и закрыл эту тему.

* * *

Мария сидела в библиотеке монастыря и внимательно читала книгу о двуипостасных.

Сестра Августа была пока занята, и Мария кое-как разбиралась сама.

Итак, что можно сказать о двуипостасных? Или, как Мария для себя назвала их, перевертышах?

Они были. Их было много.

В храме Многоликого даже был целый камень, в котором горели звезды их жизней. Сейчас он бесполезен, а тогда... положив на него руку, тейн мог позвать каждого из детей Многоликого.

Правда, тейн тогда тоже был двуипостасным. Сможет ли это сделать обычный человек?

Наверное, нет. Там упоминалось что-то, связанное с кровью, может, ДНК-тест? Мария биологию помнила плоховато, не на то она упор в школе делала, но смутно догадывалась, что особенности быть должны. Какая-нибудь лишняя или левая хромосома, может, какой-то участок активированных генов? Вроде бы ученые говорили, что в человеческой хромосоме много лишних участков, которые неясно, для чего прицеплены. Как аппендикс, как биологический мусор?^[37]

Может быть, этот камень активировал какие-то из «дремлющих» участков, и те активизировались? И принялись шипеть и кусаться? Ну или спровоцировали превращение?

Теоретически... допустим, это рецессивный ген, рецессивный участок хромосомы, который проявляется далеко не у всех, и со временем уходит в тень. Но эрры старались жениться только на своих, а уж короли и королевские фамилии в этом отношении те еще снобы! У них эта хромосома должна быть активной, или как там правильно ее назвать?

Должна быть эта особенность.

Просто некому было ее включить, а вот Мария вляпалась. Цапнула один из тех самых трех камней Многоликого, которые он даровал людям. И тут все совпало сразу.

И ее стрессовое состояние. И желание жить. И кристалл, который как выполнял свою функцию, так и продолжал выполнять. И...

Ладно!

Про подарок ей просто приснилось. А клыки и сами по себе могли отрасти. Здесь же нет патологоанатомов, здесь некому было препарировать тушки эрров, вскрыть их, проверить, чем перевертыши от нормальных людей отличаются, клыками там, когтями... а ведь могли!

Как сюда попал кристалл? Да кто ж его теперь узнает? Могли и сами жрецы спрятать куда поглубже, когда началась вся эта катавасия. Стало ясно, что перевертышей в покое не оставят, и надо было прятать

все добро. Может, потом и монастырь-то женский здесь сделали, чтобы замаскировать сокровищницу. А может, и иначе было.

Данакт пока в силе был, много чего натворить успел. Один гаденыш сколько всего испакостил!^[38]

Сейчас уже не узнать, что и как. Кто и зачем спрятал кристалл.

Зато можно почитать про себе подобных.

Оказывается, перевертыши и правда ближе к русским сказкам, чем к европейским. Если брать родной мир.

В Европе как? Оборотень – темная демоническая тварь, нередко лишенная разума, проклятая и ненавидимая всеми. Создание Дьявола. Охотится на людей, кушает их, боится церкви, креста, святой воды, серебра... ну, этот фольклор Мария знала.

На Руси... перевертыши не теряли разума, обращались вместе с одеждой, не смущая никого голым задом или передом, делали это по собственной воле и прекрасно себя чувствовали. А кушать людей?

Фу! Как негигиенично!

Здесь было нечто похожее.

Маша не находила ни единого свидетельства о том, что перевертыши кого-то съели. Убили?

О, это всегда пожалуйста! В жизни всякое случается, если ее попробуют убить, защищаться она будет в обеих формах. А вот чтобы кушать человека?

Без нее!

А как насчет прав-обязанностей перевертышей?

Хотя... это и сейчас осталось. Эрры должны служить своей стране. Все. Причем служить могут и мужчины, и женщины. Просто женщины должны еще и детей рожать, так что у них по службе обязанностей меньше, по деторождению и детовоспитанию больше. И всю информацию про обороты тоже чаще хранили женщины. Тоже логично и разумно.

Если отец уехал по делам, или путешествует, или на войне, это ж средние века, тут за полчаса на машине не долетишь от Эрланда до Картена, а у ребеночка оборот начинается? Вот пора пришла, созревание закончилось, и чадушко к обороту готово? Мать ему и объясняла все тонкости.

И в монастыре Предматери об этом тоже знали.

Хम्म...

Может, когда начались гонения и преследования перевертышей, они нарочно оставили это святилище? И даже передали его женскому монастырю?

– Сестра Августа, я подумала... скажите, а как основали монастырь святой Варвары? Это было ведь не так давно?

– Достаточно давно, ваше величество. Может, лет триста назад.

– Да... как раз, когда начали охотиться на двуипостасных, и они стали погибать. Да?

– Скорее, в конце того периода, – педантично поправила монахиня. – Данакт Фарданский правил примерно триста восемьдесят лет назад, а монастырь основан триста сорок два года назад, это я точно знаю.

– И Данакт был еще жив, да?

– Да.

Мария поставила себе галочку. Угадала.

И отметила еще, что Данакт-то был Фарданский.

– А в Фардании с тех пор же династия у нас так и не менялась?

– Не менялась, ваше величество. Там правят прямые потомки Данакта.

Монахиня так была рада говорить с кем-то об истории и мироустройстве, что даже не удивилась вопросу. Да, королева должна это знать. Но мы же часто задаем вопросы, чтобы помочь структурировать какие-то свои мысли. Даже знаем ответ, но произносим некоторые вещи вслух. Вот и Мария...

– Данакт заканчивал свое правление, но надо полагать, его дети полностью поддерживали отца. И слуги Многоликого решили оставить это святилище.

Монастырь-то был достаточно близко к границе с Фарданием. Учитывая, что Эрланд был таким «сапогом», его короли подумали, да и решили на морском берегу столицу не строить. Оно красиво, но там же пираты водятся, шторма случаются, бури всякие. И стройматериалы далеко возить, тут-то каменоломни неподалеку от столицы. Так что Рент был расположен почти в центре страны, а монастырь в сторону границы с Фарданием.

Почему не увезли отсюда реликвию?

Да мало ли что случилось? Причин может быть легион, тут историю знать надо, а Мария, увы, не специалист.

– Вообще, интересно. Неужели, чтобы стать двуипостасным, надо было только родиться эрром?

– Ваше величество, там была целая система...

Монахиня рассказывала, Мария слушала. Внимательно, вдумчиво, задавала вопросы.

Нет, там было не просто так себе, там все было продумано.

Вторая ипостась могла проявиться у человека в любом возрасте, равно как у мужчины, так и у женщины. Ее появление автоматически даровало титул.

Не землю. А вот именно – титул эрра или эрры.

Землю мог потом за служение даровать человеку его король, и часто даровалась она по второй ипостаси. Волку – лес. Птице – горы, рыбам – прибрежная полоса, как-то так. Хотя жили там чаще потомки эрров.

– Почему Данакту так легко было их уничтожить? Это же не так сложно получилось?

– Лились реки крови, ваше величество. И умерло много и взрослых, и детей... Получилось так легко еще и потому, что обычные люди никогда не любили двуипостасных. А ведь они появлялись и в семьях эрров, хотя бы по одному-два человека в поколение.

– Завидовали.

– И ненавидели. Легко ли – смотреть и знать, что этот человек сильнее тебя, что он проживет дольше, что красавица, в которую ты влюблен, никогда на тебя не посмотрит, просто потому, что ты – человек.

– Наверняка ведь и смотрели, и семьи были разные.

– Конечно. Просто злость, и зависть, и что-то такое... эрр – это трудный путь, это путь служения своей стране, а ведь так не хочется. Если есть дорожка полегче, и на нее можно свернуть – мне ли вам рассказывать, государыня, сколько сейчас синекуры для эрров?

Мария медленно кивнула.

И подумала, что страшное это искушение – путь полегче.

Во времена оны, еще Машкой Белкиной, поссорилась она с подругой. Точнее, с ней поссорилась подруга. Сильно, грязно, с криком и возмущением, хотя Маша и виновата не была. Они тогда отдыхали вместе с детьми, вот и зашел разговор, куда поступать, где учиться, и Маша сказала жестко, что репетиторов любых оплатит. Но институт –

никогда. Не хватит у тебя ума взять все знания, которые можешь, не потянешь ты поступить – прости. Не твое. Ищи другую дорогу. И квартиру она не сможет снимать, то есть общежитие гарантировано.

Машины дети к такому привыкли, а вот подруга начала так возмущаться ее бесчувственностью... да нельзя же так, да что ты, да как можно, да без денег сейчас никуда не пройти и ничего не сделать, и без связей тоже! Маша тогда ее быстро заткнула, мол, у каждого своя дорога, так оно и вышло.

Ее дети без денег поступили, правда, не совсем куда хотели, в вузы попроще, потом уж перевелись после второго-третьего курса, смогли прорваться на бюджет. А вот сын подруги отучился за деньги, работу ему нашли по блату, только кончилось все плохо. Бухгалтер, он же не только деньги гребет лопатой, он и отвечать должен. Вот и получилось неладно... попал парень в тюрьму, и связи не спасли. Выучить-то за деньги можно, только вот получится ли хорошо? Если человек привык, что все купить можно?

– Простая дорога.

– Да, ваше величество. Простая дорога. Вот и получилось... вроде бы так просто, а в то же время сначала там гладко, словно маслом смазано, а потом – огонь. И масло занимается, и человек сгорает, как свечка.

Мария посмотрела на библиотекарку. И – промолчала. Из милосердия, наверное. Очень ей хотелось спросить – вы ведь тоже выбрали дорогу полегче, правда? И не спросила. Промолчала.

Только вот... если ей столько дано, теперь с нее и спросится?

Второй облик давался, чтобы служить своей стране, своему сюзеру. А над Марией и нет никого. И задания у нее такого нет, чтобы пойти туда, не знаю куда и найти то самое загадочное нечто, после которого все станут счастливы и здоровы.

Ничего нет.

И никого над ней нет.

А что ей теперь со всем этим делать? Если не бежать и не искать путь полегче?

Ответа у нее тоже нет. Увы.

– Мария скоро вернется, – Иоанн вертел в руках кубок из драгоценного цветного стекла. Синий плавно переходил в алый, потом в зеленый, и вино в нем казалось тоже разноцветным. Его величество лениво смотрел через стекло на ближайшую свечу, наслаждался переливами цветов, лениво отпивал по глотку.

– Да, ваше величество, – почтительно согласился эрр Виталис.

Компания была не слишком большая, но достаточно респектабельная. Два Эрсона, Виталис и Валент, личный духовник его величества, эрр Бустон, и до кучи, казначей. Эрр Алесис Ихорас.

Чисто мужская компания.

А, да. Еще личный шут его величества. Даже не эрр – исс. Исс Колючка. Имени его никто уже и не помнил, столько лет исс ошивался при дворе. Служил еще отцу Иоанна, знал короля совсем маленьким и постоянно шутил. Зло, ядовито, метко, но все равно оставаясь в фаворе и выигрыше.

Насколько для этого надо быть умным – догадывался весь двор, так что исса старались не злить. Хочет он быть Колючкой? Да Триады ради, только чтобы не на моей шкуре!

Увы, в данной компании шкур было не так уж много, так что эрр Виталис мгновенно пожалел о своей фразе. Колючка пошел в атаку.

– А чего это переживает наш славный эрр? Боится, что Дианочке волосы выдерут? С молитвой и благословением? Не бойся, эрр, королева у нас воспитанная. Но упрямая.

Эрр скрипнул зубами. И что тут ответишь? Гаденыш... обезьянье личико приглашающе скалилось из-под традиционного колпака. Скажи, скажи мне хоть одно словечко! Ужо я тебя!

Не пришлось, за Диану вступился король.

– Мои королевы – не повод для шуток.

– И их количество – тоже.

– Колючка, дождешься!

– Что делать бедному дураку. Тут правду скажешь – бьют, там – убивают. За правду страдаю, ваше величество!

Король небрежно махнул рукой.

– Дим, я хочу развода.

– Ваше величество, я готов служить вам, как прикажете. Но что поделать, если ее величество развода не желает?

– А уж как его не желает Саймон Картенский, – опять вмешался Колючка. – И наши купцы! Считай, половина торговли с Картеном! Ну да ладно, будут торговать с Эрсоном... если такое королевство на карте найдут.

Димас благодарно поглядел на Колючку.

Ну да, это сейчас Саймон друг, а если его сестру обидят, да и племянницу тоже... ой, не обрадуются и Эрланд, и Иоанн.

– Молчи, дурак, – рыкнул Иоанн. – Дим, мне нужно обоснование развода. И чтобы никто не подкопался.

– Ваше величество, – медовым тоном встрял Исая, – я тут немножко... сделал проект. Не соизволите ли посмотреть?

– Словами скажи, – отмахнулся Иоанн. Настроения читать не было. И печень болела под вечер... не часто это случалось, но в такие дни у короля все настроение пропадало.

– Это в Конклав. Для обеспечения престолонаследия, неразрывного и крепкого, поскольку Бог не одобрил союз, наказав его отсутствием наследников...

– Так-так?

– Если бы Предотец благословил этот союз, он бы оставил в живых наследника. Не бабу, через которую не надо передавать трон, это ведь уже не по прямой линии, а именно наследника, принца. Но при отсутствии наследника союз не может считаться полноценным. А поскольку ее величество уже не может родить, то должна выполнить свой долг до конца и уступить место женщине, которая сможет подарить Эрланду принца.

– Оставь, завтра почитаю.

– Пусть завтра принесет, – хохотнул Колючка. – И еще допишет, что разведенной королеве надо удалиться в обитель и молиться за свою замену. Чтобы та побыстрее понесла и родила.

Кардинал сверкнул глазами. Но ответил вполне в духе церковников.

– Именно это и подобает хорошей супруге. Ставить интересы своего мужа и своего государства превыше всего, разве нет?

Колючка ухмыльнулся. И не таких видали, а и тех кололи.

– А как быть, если интересы мужа гласят одно, а государства – другое? Поддерживать кого будем?

– Счастливый король – довольное государство, – изрек Иоанн.

Колючка пожал плечами.

– Казни дурака, государь, а только для счастья тебе б не в Конклав писать. Пусть Диана Эрсон тебе наследника родит, а королева его за своего сыночка и выдаст? И тебе счастье будет, и стране? Королева, конечно, не обрадуется, да чует мое сердце, согласится, она ж тебя любит.

– Моя племянница не девка! – огрызнулся Виталис.

– И королевский двор не бордель, – тут же согласился с ним Колючка. – Или нет?

– Идите отсюда, – надоело Иоанну. – Дим, возьми проект, почитай его и подработай. Чтобы утром он был у меня на столе. Я сказал! Развод не обсуждается!

И только дверь хлопнула.

За порогом Виталис впился злыми глазами в Колючку.

– Ты...

– Дурак я, вот и все, – парировал Колючка.

Плюнул эрр, да и пошел себе.

Одного-то дурака всяко хватит. Еще с шутком он не ругался и собак не облаивал. За ним и второй Эрсон, и Исаяя утянулись.

Колючка посмотрел на Димаса. И так посмотрел, что эрра Бустона аж морозом по спине пробрало.

– Я-то дурак, а ты, эрр, кто? Или думаешь – помилуют?

– Его величество благородный человек, – отрезал Димас. – Я уверен, он никогда так не поступит.

– Королева тоже была в нем уверена, – коротко ответил шут. Развернулся, да и пошел.

Димас вздохнул.

Так-то дураками в канцлеры не выходят. И предупреждения шута он принял близко к душе, но... он уже лет двадцать рядом с королем. С мальчика на побегушках поднялся, считай, сам себя сделал, и не только себя. Он весь аппарат под себя выстроил, каждый ход знает, каждый выход, всю канцелярию, каждого человека... без него ж все вразнос пойдет! Неужели его величество этого не понимает?

Эрсон неглуп, безусловно, но спеси и самодовольства у него много. А еще неглуп он, безусловно, но в свой карман и свою семью. Вот Димас не воровал, а все для государства тянул, все для короля и Эрланда. А Виталис так делать не будет, он за Эрсонов радуется.

Ему дай волю, он везде свойственников да родственников понатыкает, а кому работать? Кому дела делать? Неужели его величество этого не поймет?

Ну глупо же! Глупо!

А Иоанн далеко не дурак! Он умный и сильный, и его временное увлечение Дианой Эрсон... ну так что же? Рано или поздно она просто даст королю, только на самых выгодных для себя условиях, и все это успокоится. А насчет ребенка, может, и правда с королевой поговорить? Да, не будет в нем крови Марии. Но ее величество женщина умная и благородная, она сможет воспитать малыша как родного.

Наверное.

Хорошо еще, шут этих размышлений не слышал, иначе бы диагноз подтвердил. И печатью заверил. По эррскому твердому лбу.

Но Колючка сейчас был занят. Он общался с человеком, про которого все забыли, с казначеем. Если у Колючки был талант шутить, язвить и смешить, то у эрра Алесио был немного другой талант. Незаметность.

Эрра Алесио можно было оставить посреди людной площади, можно было посадить в тронном зале, можно... да хоть вы его куда поставьте, а через десять минут о нем все просто забудут. Вот так у него получалось, он словно растворялся в любом окружении. И вроде не урод, хотя и не красавец.

Так, что-то среднее.

Высокий, чуточку сутулый, волосы светлые, глаза серые, лицо умное и спокойное. Не урод, но и ни одной яркой черты в нем нет. Словно размыто все, словно плеснули на рисунок водой, и потекла она, унося яркие краски.

И голос у него тихий, спокойный, и характер такой же. Вот мозги при этом невероятные.

Колючка им даже завидовал иногда. Что мог эрр Алесио, так это просчитать все возможные варианты. Потом продумать действия для каждого, а уж в мире чисел он вообще чувствовал себя, как рыба в воде. С людьми ему было чуточку сложновато.

Цифры – там понятно, они удобные. А вот почему люди всегда выбирают САМЫЙ неудобный для себя вариант? Этого эрр Алесио просто не понимал. Если он смог организовать свою жизнь так, чтобы

ему было комфортно и удобно, его семья была довольна и счастлива, а работа приносила только радость, почему этого не могут остальные? Просто – почему?

Кто им мешает?

Зачем связываться с людьми, которые могут принести тебе только проблемы, давать в долг, понимая, что не отдадут, заключать заведомо невыгодные союзы и вообще лезть в чужие неурядицы? Зачем?

Тебе просто так жить скучно?

А почему? Вокруг же столько всего интересного! Вот приходи работать в казначейство, и у тебя ни одного дня не пройдет без развлечений! Один только отчет королю чего стоит! А бюджет? А непредвиденные расходы?

– Эрр Алесио, я вас слушаю?

– Как вы думаете, эрр Демьен, Бустона просто убьют, или с конфискацией имущества?

Колючка даже сразу не нашелся, что ответить. Аж закашлялся, потом продышался.

– Эрр... гха... думаю, от денег король не откажется.

– У Бустона не так уж много, но королю хватит. И дом у него под столицей, и несколько поместий, и неплохие накопления.

– А у вас все задокументировано.

Алесио даже и не смутился. Он – казначей! У него работа такая, считать чужие деньги!

– Я не знаю, на что рассчитывает Бустон, – наконец произнес Колючка. – Но он недооценивает решимость Эрсонов. Всех. Диана очень честолюбива.

– Если ничего не предпринять, то скоро его величество окажется женатым на милейшей особе, – согласился Алесио. – Только вот сначала сожрут Бустона, потом меня, а там и до вас, эрр Рене, очередь дойдет.

Колючка печально вздохнул. Алесио, кстати, был одним из немногих, которые помнили его настоящее имя. Не то, чтобы они дружили, разница в возрасте у них лет в двадцать, но уважать друг друга – уважали.

– Будь я Бустоном, я бы сейчас сказал, что его величество такого не допустит.

– А будь я петухом, я бы сейчас на заборе кукарекал, – согласился Алесио.

– Что вы предлагаете, эрр? – не стал ходить вокруг да около Рене. – Вы бы не завели этот разговор, не будь у вас варианта действий.

Алесио мило улыбнулся. Только вот эрру Демьену показалось, что рядом с ним оскалилась кобра.

Приподнялась так мило на хвосте, капюшон раздула...

– Деньги, эрр, дают возможности. И связи, и знания. За деньги можно купить многое... в том числе и любовь.

– Любовь?

– Сейчас эрра Диана любит, – Алесио жестом предложил собеседнику прогуляться, и мужчины честь по чести направилась в сад. Разговаривали они при этом вполголоса. Это дворец. Правда, в этой части народу поменьше, королевы сейчас нет, но... все равно надо бы поосторожнее. – Не короля, нет. Королем она увлечена, а любит она, как и ее дядюшка, только власть.

– Власть? Хм, пожалуй, – согласился Рене. – Это у них семейная страсть. Но что вы хотите предложить в связи с этим?

– Король любит Диану. Диана любит власть. Но... она была помолвлена? У нее был жених? Любимый? Увлечение? Я наблюдал за ней, когда она разговаривает с королем. Нельзя сказать, что она ведет себя, как робкая и невинная девушка, скорее, она пытается, но время от времени наружу прорывается истинная натура.

Рене с интересом посмотрел на казначея.

– Из вас получился бы хороший шут, Алесио.

– Вы видите то же самое?

– Да. Хотя я посчитал, что Диану... натаскали на эти дерзости. Чтобы повыгоднее продать.

– Мне кажется, что наиграна там скорее девичья скромность, – пожал плечами Алесио. – Уверен, что в прошлом эрры найдется что-то интересное. Если начать копать.

Мужчины переглянулись.

То, что хотел сказать Рене, повисло в воздухе.

Не найдем? Назначим и придумаем.

Чего никогда и никому не простит Иоанн, так это измены. Если окажется, что его чистая и невинная лилия не так уж бела и нежна, он

будет рвать и метать. И первым делом порвет Эрсонов.

За всё.

А чего они тут посмели? Ему развратную девку подсовывать? Да еще чтобы от нее принц родился? Иоанн выйдет из себя, и тут уж мало никому не покажется.

И самое лучшее, что могут сделать сейчас мужчины, это чуточку, ну вот самую капелюшку покопаться в прошлом Дианы. Безусловно, Виталис не дурак. Он эту рыжуху выбрал, он ее под короля подложил, то есть собирается, он обязан был замести все следы.

Но – сможет ли?

А вот тут большой вопрос.

Есть слуги, учителя, подруги, куча разного народа, который никогда не принимается никем в расчет. А он существует, и у него есть глаза – уши – языки, и за определенную сумму с человеком всегда можно договориться. Хотя мужчины не верили, что в прошлом Дианы Эрсон нет ничего компрометирующего. Слишком уж горячая штучка.

Вот и надо ее убрать от короля. Ему еще детей делать, а с ожогом на нежном месте это проблематично будет.

* * *

Бертран сидел в библиотеке.

Не так, чтобы это приветствовалось у служек и прочей мелочи, но и не возбранялось. Почти как в сказке «Золушка».

Перемой-ка всю посуду и натри полы повсюду... вот тебе сорок два задания, а как закончишь, так и приходи. Так Берт и поступил. Побыстрее где сам что сделал, где договорился, и в обед уже был в библиотеке.

Брат Николас, который заведовал библиотекой, неодобрительно посмотрел на мальчишку, но гнать не стал.

Ладно уж!

Этого парня он знал, Берт приходил достаточно часто, книги читал внимательно, сидел тихо, листал страницы аккуратно, руки у него всегда чистые...

Ладно уж!

Хоть и беднота, а если к знаниям тянется, толк из него будет. Авось, потом кому и пригодится смысленый секретарь или помощник. Да и в храме служитель из него может получиться. Священник это же не просто так, там много чего знать и уметь надо, а когда еще начинать учиться? Пусть, если парень тянется к знаниям, то пусть.

– О чем ты хочешь почитать сегодня?

– О двуипостасных. Можно? Как они такими становились, как осознавали себя? Пожалуйста!!!

Брат Николас улыбнулся.

А, эта тема неизбывна и вечна. Рано или поздно каждый мальчишка тянется к этим знаниям. И воображает себя могучим львом или там летящим драконом. Хотя в реальности из него и червяк-то получится сомнительный.

– Держи.

Толстый том лег на стол перед Бертом.

– О людях, которые волей Многоликого тело свое сменили, их первых шагах, и о том, как они душу свою сохраняли, – прочитал название Берт. – Спасибо огромное!

И принялся читать.

Правда, разочаровался он достаточно быстро. Книга-то была хорошая, но слишком однообразная и монотонная.

Жил человек, потом милостью Многоликого обрел свои способности и начал их применять во имя Веры. Контролировал себя с молитвой, засыпал и просыпался с любовью к Богу.

Этого было слишком мало для Берта. Ему нужны были совсем другие ответы, но как их узнать?

В книге рассказывалось о том времени, когда Многоликих было много, а сейчас-то их нет! Один есть, но где именно, и как он обрел свою силу, как это возможно, и как его найти...

Только вот сказать об этом библиотекарю нельзя, а что делать?

Бертран принялся внимательнее читать книгу. Может, хоть что-то он тут найдет?

Или...

Придется пролезть в библиотеку самостоятельно. Только боязно...

Но пробовать надо. Знания ему нужны... то есть еще надо свечек хотя бы парочку, чтобы ночью читать. Берт дочитал книгу, потом

отпросился у библиотекаря ненадолго, перекусить, потом вернулся и попросил что-нибудь еще по той же теме.

Брат Николас не стал препятствовать, а мальчишка хорошо запомнил сундук, из которого ему достали драгоценный источник знаний.

Да-да, драгоценный.

Переплет у книги был отделан мелкими кусочками серебра и бирюзы. Красиво...

Жаль только, что внутри опять было мало полезного. Там рассказывалось про двуипостасного, который стал драконом. Описывалось, как он учился летать, как переносил грузы, как пугал людей, как... что?

Несколько полезных вещей парень все же почерпнул из этой книги.

Двуипостасные могли опознавать друг друга. По запаху, или как-то еще, но могли. Могли общаться между собой, когда были в зверином облике. Непонятно как, но если сказано, что могли, то могли.

Предпочитали выбирать себе пару из таких же двуипостасных, просто потому, что жили в два раза дольше обычных людей. Ух ты! При этом выглядели они достаточно молодыми и сильными, даже в глубокой старости, просто, когда приходило время, двуипостасный начинал стремительно стареть и дней за десять умирал. Что ж, было время подготовиться, попрощаться и написать завещание.

Еще двуипостасные предпочитали сами проводить молодняк через посвящения.

Упоминалось, что если рядом есть старший и более опытный зверь той же породы, то молодежь легче воспринимает превращение. Сразу подчиняется более старому и опытному, быстрее возвращается в разум...

Еще помогали камни Многоликого, три штуки, но где они сейчас? Неизвестно.

Но это и все. А этого было мало, слишком мало! Как бы остаться в библиотеке?

Может, и не получилось бы у Берта ничего, но к брату Николасу прибежал служка и шепнул что-то на ухо. Видимо, важное, потому что брат Николас посмотрел на небо, на Берта...

— Я отойду ненадолго. Ты подождешь?

– Если можно, брат Николас.

– Тогда я тебя закрою снаружи. Ты понимаешь...

Конечно, Берт понимал. Инкунабулы нельзя было оставлять без присмотра, и с открытыми дверями тоже, иные столько стоили – корабль снарядить хватит! Про БERTA брат Николас знал, тот книги любит и ценит, обращается осторожно, да и оставлял он уже несколько раз так мальчишку, все было хорошо.

– Конечно, брат.

В замке снаружи повернулся ключ.

Оставшись один, Берт развил бурную деятельность. Сначала он убедился, что сундуки не заперты, потом нашел два, в которых было про двупостасных.

Потом еще раз осмотрел библиотеку...

Можно спрятаться вот тут, за сундуком... Берт запыхтел, отодвигая его от стены... и когда в замке повернулся ключ, а следом послышался чей-то незнакомый голос, невольно юркнул в подготовленную щель. Сработало крысиное чутье на опасность.

– Библиотекарь не вернется?

– Нет. Брат Николас отошел ненадолго.

– Отлично.

– Какая книга тебе нужна?

– Вот эта...

Мужчина прошел куда-то вдаль от сундука... кто бы устоял на месте БERTA? Не высунуть голову? Не посмотреть?

Нереально!

Как открывается тайник в стене, Берт не понял, но место запомнил. Мужчина взял рукопись, проглядел ее, достал из кармана свиток, записал себе несколько символов.

– Ох уж мне это иератическое письмо! Не могли они что попроще выдумать, а тут... шесть значений, в зависимости от сочетаний!

– Радуйся тому, что есть. Записал, все?

– Да. И хранить можно бы в лаборатории...

– Чтобы их кто-то из твоих подопечных уничтожил?

Берт опознал обоих говорящих. Брат Винс и брат Тома, он их регулярно видел в храме. Правда, реже, чем других служителей...

Подопечных?

Уничтожил?

– Ладно-ладно, – брат Тома вернул на место свиток и сунул свои записи в карман рясы. – Пойдем, сегодня еще много дел.

Мужчины развернулись и вышли. И только минут через десять Берт осмелился вылезти из-за сундука.

Только вот место тайника он запомнил. А как его открыть, так и не понял. Разве что ломиком, но... тогда скрыть ничего не удастся. Надо почаще приходить в библиотеку, может, он и поймет что-то?

Тайник!

И секретные дела!

Как тут устоять мальчишке?

* * *

Через четыре дня после покушения, когда синяки и ссадины начали подживать, Мария решила отправляться обратно, во дворец.

Она понимала, что покоя ей там не будет, что ее там ждут и супруг, и Эрсоны, но...

Еще там ее ждет королевская библиотека.

В монастыре она нашла не слишком много о Многоликом. Так, огрызки, обрывки, сказки, а ей нужно было кое-что еще. Важное.

Вот она может стать гюрзой. А Анна?

Марии предстояло решить очень сложный вопрос. Посвящать ли дочку в свою тайну. Попробовать дать ей второй облик или нет? И если да, то это делается ДО или после совершеннолетия? Сейчас можно или лучше позднее? Лет в восемнадцать?

Но если Мария не доживет?

Желающих ее убрать будет много. Второй облик может дать Анне шанс выжить, а Мария промолчит?

Как же лучше?

Женщина пока не знала. Ей нужна была информация, и она ее получит. А муж, его любовница и прочие интриганы...

Мария злилась.

Она сама не понимала, но гюрза... это ведь не просто змея. Это в чем-то и образ мыслей, и действий. Она не замечала, что ее движения стали более плавными и грациозными, не видела, что становится более

гибкой и быстрой. За собой вообще не замечаешь, а другие... если эрры что-то и подмечали, то списывали это на отдых.

Уехала ее величество, вот и расслабилась. Во дворце-то надо с осанкой, медленно, и не ходить, а выступать. Вот и незаметно.

Опять же, во дворце платья какие пышные, а в монастыре так нельзя, тут скромнее надо, ну а меньше тряпок – легче движения. Все закономерно.

Мария еще не знала, что вторая ипостась сильно меняет своего хозяина. Ей предстояло это еще выяснить. А пока – домой! Во дворец!

* * *

Диана лежала в ванне.

Да, ей это безумно нравилось.

Горячая вода, благовония, растекающиеся пленкой по поверхности, служанка с намыленной тряпочкой, готовая мыть свою хозяйку – чего еще надо?

Лежать так и ни о чем не думать. Вообще ни о чем.

Смотреть на огни свечек, представлять себя королевой. Вот она, в зеленом платье, на троне, в короне, с высокой прической... и рядом – Иоанн!

Картинка мигом потеряла половину своей привлекательности. Да что там, почти всю!

Диана, увы, не любила короля. Алесио правильно определил ее характер. Власть ей нравилась, и положение при дворе, и мысль, что она может, и она будет, и она...

Королева!

Ах, КАК это звучит!

Ее величество Диана!

Восхитительно!

И между ней и тронem стоит только одна вредная и занудная баба! Ее величество Мария!

Вот не могла она умереть пораньше! Надо бы вообще принять закон, который запрещает старым и противным женам удерживать возле себя мужей! Не можешь ты больше родить? Ну и уступи место тем, кто может!

Диана точно может! Она... так, об этом не надо. И вспоминать не надо, и думать не надо.

Она осталась невинна, слава Триаде, и невинность эту потеряет только с законным супругом. Повезло. Просто повезло.

С Иоанном.

Так себе радость. Но – власть. И сколько ему еще жить осталось? Лет пять? Десять? Больше вряд ли, а потом у Дианы будет всё! Свобода! Регентство! Ну и мужчины, конечно, надо просто немножко подождать.

Дверь хлопнула, и в комнату вошла кузина Эсси. Так-то Эсмеральда, но кто и когда ее так называл. Невысокая, кругленькая...

– Ди? Купаешься?

– Да.

– Давай я тебе помогу. Отошли эту дуру!

Диана перевела ленивый взгляд на служанку и сделала жест рукой, словно выбрасывала что-то за порог.

– Пойди прочь.

Служанка вылетела за дверь, словно ее пнули. Диана медленно поднялась из воды, блестящая, вся в капельках воды, вся розовая...

– Помогай, – лениво сказала она.

Эсси послушно намылила тряпочку и принялась оттирать кузину. Медленно, неспешно, будто лаская распаренное тело.

Или – и правда лаская?

Служанку удалили очень вовремя, потому что спустя полчаса из-за двери спальни Дианы Эрсон слышались вполне недвусмысленные звуки. Да-да, Диана была и оставалась очень страстной натурой, тут эрры угадали точно. И сдерживать свои порывы ей было все сложнее и сложнее, с каждым днем. И кузина, у которой тоже хватало темперамента, и были такие же противоестественные наклонности, помогала ей. Даже с радостью помогала.

Они ведь...

Ладно, если о таких развлечениях узнают, наказанием им станет церковное покаяние. И монастырь. Ибо сказано Великой Тριάдой, что для мужчины создана женщина. А кто посягнет на человека одного с собой пола, тот есть грязный развратник, и молиться ему до скончания убогой жизни, чтобы Предотец его – или ее – простил.

Но это ж надо еще поймать, застать, привести свидетелей, да чтобы потом они в суде свои слова подтвердили, перед церковным трибуналом... и кто решится спорить с Эрсонами? Кому тут надоела жизнь?

Диана и не беспокоилась за себя, и не переживала. А что такого? Девушкой она была, девушкой и останется, так-то девственности не лишишься. А вот удовольствие... ну, надо же ей как-то отвлекаться? Думаете, так легко и просто играть очаровательную невинность, соблазнять и не подпускать к себе, быть все время настороже? Да поневоле тут нервы вразнос пойдут!

А еще добавьте молодую и горячую натуру, которой нужен, даже **НУЖЕН** мужчина! И получается... да хоть как-то! Кузина Эсси, конечно, плохая замена... так, об этом даже не думать. Но хорошо, что хоть так ей развлекаться разрешают. Да-да, эрр Виталис не просто был в курсе, он считай и свел воедино двоих избыточно горячих девиц, рассудив, что в борделях и не такое бывает, и никто от этого не умер. Не могут они сдержаться? Пусть пока так...

А что будет потом?

Потом Диана станет королевой, а эрра Эсмеральда Эрсон будет выгодно выдана замуж, он уже пообещал это женщине и собирался сдержать свое обещание. И замуж он ее выдаст, и в деревню она уедет с мужем, и мужа даже уже подобрали. Неглупого, симпатичного, достаточно богатого и молодого, который только рад породниться с Эрсонами. Знатности у него не хватает, но это уж дело десятое.

Он не из давних эрров, а из пожалованных в последние лет пятьдесят, второе поколение, так что связь с семьей Эрсон оценил по достоинству.

И Эсси уедет.

Или останется на какое-то время, если его величество не справится с темпераментом супруги. Это надо будет обдумать.

Виталис и обдумывал. Безусловно, нельзя, чтобы Диана попалась на измене, а она может. Слишком уж... не голова ей иногда правит, ой нет. Вовсе даже противоположное место.

Значит, придется оставлять при дворе Эсмеральду или искать кого-то еще с такими же извращенными склонностями. Но это еще пойдешь, найди! Да такую, чтобы молчала и делала, что прикажут.

Сложно...

Зато пока эрр Виталис был спокоен за племянницу. Эсси старалась на совесть и сама получала удовольствие, так что утром Диана опять была довольна жизнью, счастлива и ослепительно хороша. Его величество глаз отвести не мог.

Да, развод и только развод!

* * *

Эрр Леонидас был безупречен.

И в монастырь он королеву привез, и из монастыря. И выполнял он свои обязанности идеально. Только в этот раз бродячий сказитель Марии не повстречался. А жаль.

С удовольствием она бы спросила у исса Деона, что дальше-то было с двуликими?

Что было, чего ждать, на что надеяться – или наоборот, чего бояться? В монастыре толком ничего и не было.

Мария подозревала, что может найти какие-нибудь сведения в старом храме, но вернуться туда просто не могла. Вот даже подойти – никак.

Нельзя сказать, что она обзавелась фобией, что стала бояться подземелий или замкнутых пространств, что невзлюбила храмы. Помилуйте, какие у змей фобии?

Герпетологи, конечно, будут уверять, что это нежные и трепетные создания, которые каким-то чудом выжили без заботы человека и дожили до наших дней. Ага, каких-то сто двадцать восемь миллионов лет прожили, и ничего, а за последние лет сто загнуться собираются. Для сравнения – человек на земле только три миллиона лет живет. Впрочем, кто их будет слушать, герпетологов?

Мария и задумываться о них не собиралась. Ей и так проблем хватало.

Сходила, вот, на храм посмотрела, решила, что ей зрелище не нравится. Фу оно.

Вот не хотелось туда даже подходить близко. И не надо бы. Земля там пока еще неустойчива, гуляет, провалиться можно. Вот, пара лет пройдет, обязательно какая-нибудь зараза туда ползет. Но это дело

будущего, а Марии надо о своем будущем думать. Чтобы оно у нее было.

Придворный гадюшник ждет. И ползают там такие твари, что гюрза рядом с ними – бантик праздничный. И ведь общаться придется, терпеть... хорошо еще, нервная система у нее крепкая.

Ладно-ладно, эрру Розабеллу оставим вне сравнений и конкуренции, эту заразу долго никто не выдержит. Мария терпела с трудом, уговаривая себя, что за идиотизм не убивают.

Наверное.

Правда же? А может, можно?

И старалась осваиваться со своими способностями.

Пока у нее было две формы: человека и здоровущей гюрзы. И переход получался все проще и легче. За ночь Мария перекидывалась по три-четыре раза, потом, правда, на завтрак накидывалась, как гюрза на гнездовье крыс. Жрать хотелось. Просто – жрать, все подряд, напихаться и переваривать, лежа на солнышке. Не растолстеть бы от такой жизни!

Клыки тоже оказались вполне управляемыми. Вот как Мария не злилась на эрру Розабеллу, они не выдвигались. Даже когда женщина устроила над собой зверский эксперимент и выслушивала услужливую дуру целых четыре часа. Убила бы...

Но сами по себе в человеческом облике клыки не вылезали. Даже не чувствовались, так, появились на нёбе два бугорка, но кто там что ощупывать будет? Мария так прикидывала, что даже если с кем-то целоваться... нет, почувствовать никто и ничего не должен. Уж как там это анатомически получилось, Многоликий их знает, но клыки были спрятаны надежно.

А вот когда она осознанно пожелала их выпустить – не от бешенства, а просто посмотреть в зеркале, они появились мгновенно. И даже капелька яда на одном из них блеснула.

Блеск.

Теперь мы имеем ядовитого бухгалтера.

Или – ядовитую королеву?

Мария решила, что в обеих профессиях яд ей очень пригодится, и успокоилась. Даже порадовалась.

Пусть будет. Ей в хозяйстве все пригодится.

Королевский караван медленно двигался к столице.

– Здесь мы должны жить?

Судя по ужасу в голосе Бекки, Марк завез ее в жерло действующего вулкана и злобно бросил прямо в лавовый поток.

Или, к примеру, предложил ей пожить в гнезде шершней или в волчьей стае...

Хотя ей-ей, ну что такого страшного в обычном поместье? В меру ухоженное, конечно, дом запущен, но не сильно. Просто в нем никто не жил.

У управляющего свой домик, а в главном доме хорошо, если раз в год убирались. Марк-то сюда почти и не приезжал, а когда являлся, останавливался у управляющего.

Вот и он, кстати.

– Исс Шент! Рад вас видеть!

Теос Шент просиял при виде хозяина. Потом посмотрел на хозяйку, на детей, сглотнул...

По его меркам эрр Стоун был идеальным хозяином. Хотя бы потому, что совершенно не вмешивался в управление поместьем. Понятно, наезжал и проверял, и контролировал, ну так это и нормально! Кто ж на его месте иначе-то поступит? Чтобы в наше сложное время людям доверять, идиотом быть надо. Но так-то в поместье было спокойно и тихо. А вот глядя на супругу эрра, становилось ясно, что с ней покоя не будет.

Никогда.

Она будет ныть, изводить людей, требовать всего, побольше и еще вчера, она будет выгрызать мозг и выедать печень... как Марк Стоун мог жениться на такой пакости? Ей-ей, слов не хватает! А тут еще и дети!

Прощай, спокойная жизнь.

Маркус догадывался, о чем думал управляющий, но ухмыляться не стал. Над таким горем смеяться грех. Насколько он знал Бекки, она способна замучить своими придирками кого угодно. Слуги в их столичном доме не страдали только потому, что хозяйка была слишком занята. То поиск любовника, то безумия страсти, то расставание с любовником, и все заново. На корабле Бекки не сожрала всех просто

потому, что страдала от морской болезни. А вот на суше, да в поместье...

Ой и развернется же она.

Ну и пусть, главное, чтобы к соседям не лезла. Трех лакеев ей Марк нанял, причем все трое были молодыми, смазливými и раньше работали в публичном доме. Как говорится, люби – не хочу. Бриллианты дарить не будут, ну так Ребекку и раньше безумно дорогими подарками не баловали, а на цветы-ленты Марк деньги управляющему оставит. И ситуацию объяснит.

Пусть уж...

Пару дней он тут пробудет, и обратно, в столицу. Будем надеяться, он сумеет помочь Димасу.

Бекки сморщила нос.

– Марк! Но так жить нельзя! Здесь все-все надо переделать!

– Дорогая, тогда тебе придется расстаться с прислугой, – Марк вполне отчетливо покосился на лакеев. – Ты понимаешь, что я далеко не лорд-канцлер, чтобы тратить неограниченные суммы на твои желания.

Бекки сморщила нос.

– Но ты понимаешь, что серые тона сейчас совершенно не в моде? Стены комнат должны быть затянуты шелками пшеничных оттенков, может быть, экрю или палевый...

– Безусловно, дорогая. Только боюсь, через полгода, когда сюда доставят шелк, мода опять успеет поменяться, – благодушно согласился Марк.

Бекки топнула ножкой.

– Марк, ты невыносим!

– Пап, а у меня своя лошадь будет? – подергал отца за рукав Тим.

– Выберешь, – кивнул Марк. Поглядел на управляющего, исс кивнул. Да-да, выберет.

– И у меня? – Клара не собиралась уступать брату. Да и что ей – целый день сидеть в доме?

– И у тебя. Может, вы с мамой нанесете визиты соседям, подарки я привез, исс Шент подскажет, что и кому дарить.

Ребекка кивнула, чуточку смягчаясь. Наносить визиты она любила.

– Обязательно, Марк. Но при первой же возможности ты должен забрать нас отсюда! Ты понимаешь?

– Даю слово, – не соврал Марк. – Помнишь наши договоренности?

Бекки скривилась, но кивнула.

– Да, я все помню.

– Вот и отлично, дорогая, – мурлыкнул Марк. – Вот и отлично...

* * *

Поздно вечером Марк сидел с иссом Шентом. Попивал вино, закусывал отличным козым сыром, совершенно не вонючим. Надо с собой взять немного, на корабль.

– Вы меня хорошо поняли, исс Шент?

– Да, эрр Стоун. Но если...

– Если я не вернусь в течение полугода, прошу вас, отправьте мою супругу с детьми в Картен. У меня там есть кое-что... больше вам знать не надо.

– Хорошо, эрр. Я сделаю.

Марк почти не врал.

Он честно сказал, что канцлер Бустон может оказаться в немилости у короля, а Марк все же его родственник. Так что...

Король у нас, конечно, милостив, но случай бывает разный. Разумный человек обязан позаботиться о своей семье, даже если жена вот такая досталась... ну что ж теперь?

Исс Шент сочувственно кивал.

Ребекка, то ли желая отомстить, то ли просто истомившись за время плавания, приказала одному из лакеев спать в своей спальне. И судя по звукам, которые доносились из открытого окна, спали они там весьма и весьма бурно. Наверное, им снились кошмары, иначе с чего взрослым людям так стонать?

Марк молчал.

Бекки, конечно, шлюха, но поди, найди другую, которая будет его ждать, и любить, и верной сможет быть... ох, не верит он в чудеса. А менять одну проститутку на другую? А в чем смысл?

Исс Шент тоже не говорил того, что на язык просилось. А кроме нехороших выражений, которые при женщинах и не применять бы, чесалось сказать, что эрра с жиру бесится. Ей такой муж достался, а она! Да другой бы ее давно придавил, а соседи б еще и засвидетельствовали, что она сама шесть раз мордой на лопату упала. Вот ведь бабе неймется!

Когда у нее шестеро по лавкам, да хозяйство на ней, да земля, а муж-то и занят, бабе и хвостом крутить некогда. А ежели муж золотой, все обеспечивает...

Вот и результат.

Эх, правильно предки говорили, бить бабу надо! Бить!

Не каждую, но некоторым это прямо-таки показано, раз в два дня. Или каждый день, чтобы помнила, чтобы задница чесалась не от задранного хвоста, а от розог.

Но то ж у нормальных людей, а эти... благородные!

Э-эх...

* * *

В саду было хорошо. Мужчина невольно расслабился. Тишина, покой, птички поют, вино вкусное, заедки, опять же, приготовлены замечательно.

Пара минут тишины и покоя много это или мало?

Смотря для кого. Но мужчина, который вел за собой всю паству Многоликого, привык ценить такие моменты. Отдыхать, когда можно, успокаиваться, ни о чем не думать.

И с новыми силами кидаться в бой.

Только вот в этот раз ему не дали отдохнуть. Прислужник сначала диковато косился на тейна, а потом вдруг ляпнул, как камень в купель кинул:

– Тейн, камень в храме засветился^[39].

Мужчина, лицо которого было скрыто маской, поднял брови. Правда, чисто по привычке. Под своей маской он мог корчить рожи, все равно никто бы ничего не понял. И иногда это было очень и очень удобно.

Предотец и Предмать своих лиц не прятали, их узнавали все. А вот верховный служитель Многоликого был вынужден носить маску.

Говорят, раньше, когда Многоликий еще даровал людям вторую ипостась, Его служители просто меняли себе лицо, выходя к людям. Тело оставалось человеческим, а голова на нем была волчья. Или лисья, или чья-то еще... какой зверь доставался служителю во втором обличье, тот и был.

Сейчас эти времена ушли в небытие. Сейчас служитель был вынужден носить маску животного. И выбрал он для себя – зайца.

Да-да, не стоит удивляться. Именно серого и косого зайца, и преследовал он при этом несколько разных целей.

Заяц зверюга не опасная, так что его будут недооценивать. А точнее...

Длинноухий, косой, трусливый, беззащитный – именно эти слова поневоле приходят в голову при мысли о зайце. И кто бы сказал, что заяц весьма и весьма хитер? Что следы он путает так, что не только охотники – дикие звери в них разобраться не могут? Что беззащитный и робкий заяц одним ударом своих задних лап может вспороть волку брюхо?

А он может, да еще как!

Опытные охотники об этом знают, и рисковать без нужды не будут. А глупцы...

Тейн совершенно не собирался никого предупреждать. Его будут недооценивать? Вот и отлично.

Пусть никто не думает, что он опасен, пусть на него смотрят с улыбкой. Придет момент, и он заставит всех заплатить за свои заблуждения.

Многие уже заплатили.

– Ты уверен?

А что еще спросить? Если стоит дурачок, глаза свои глупые пучит, а тейн еще и не знает, о чем речь идет? Что за камень, где мальчишка его нашел, зачем с этим вопросом полез? Ему на голову камень упал, что ли?

– Да, тейн. Тот самый камень Многоликого светится уже почти десять дней.

Тейн, который лишился имени, когда стал верховным служителем Многоликого, еще раз порадовался своей маске. Так хотя бы не видно,

что у него челюсть отвисла.

– И я узнаю об этом только сейчас?

Паренек затрясся, как медуза.

– Тейн... вы же знаете, что этот камень задвинут в самый дальний угол, и на нем покров...

Тейн передумал гневаться.

И то правда, чего ругаться? Поди, он и сам, когда заходит в храм, провести службу, даже по привычке не кидает взгляда в дальний угол. Стоит там что-то и стоит себе в нише, задернутое богато расшитым покровом. И все.

И забылось уже большинством людей, что это за камень и откуда он.

Тейн помнит и знает.

Это алтарь Многоликого. По преданию, когда-то давно Многоликий даровал своим последователям этот камень, чтобы те могли найти друг друга. Бывает ведь разное... кто-то ранен, кому-то нужна помощь, случилась беда...

Бывает.

Только вот когда в мире не осталось двуипостасных, и камень раз и навсегда потух. Говорят, раньше он напоминал звезду, так ярко он сиял, освещая и храм, и всю площадь. А сейчас...

– Проводи меня, – решил тейн, вставая с кресла.

Сам посмотрит. Не переломится.

* * *

Камень, который больше всего напоминал алый наконечник копья, просто очень большой, размером тейну по пояс, так и стоял в нише. Разве что пыль с него стерли.

И... нет, он не то чтобы светился. Тейн даже ругаться на дурачье передумал, он бы и сам задумался, светится камень – или нет?

На одной из его граней, острых, словно лезвия мечей, то появлялся, то пропадал крохотный огонек. Такой и заметить-то сложно.

Если ночью, да вблизи – тогда да. А днем...

Вот он сейчас смотрит на камень – и то не поймешь сразу. Но что и как – тейн знал. Значит, где-то наконец появился двуликий. Один, но появился.

А вот что теперь с этим делать?

С одной стороны, можно и ничего не делать. Пусть себе живет человек. Люди вообще смертны, так что спустя какое-то время камень снова потухнет. Естественным путем.

С другой стороны...

Тейн был честолюбив. В любой религии к власти приходят только очень честолюбивые люди, и сейчас он думал, какую выгоду можно получить от двуипостасного. Молодого, наивного, который ничего не знает о свалившейся на него силе, но наверняка опьянен ей. И может, даже не умеет с ней обращаться?

Все возможно.

А вот если взять его в храм? Обучить, наставить, быть рядом? Убить-то никогда не поздно, даже и в храме, но ведь какая может быть польза! Это ж подумать только, и голова кружиться начинает! Это... это не просто один подчиненный ему двуипостасный, это может быть... почему нет? Целая армия! Если он сможет показать, как обрел вторую ипостась, если сможет научить, подсказать... говорят, раньше, когда детей Многоликого было много, старшие могли проводить через посвящение младших. И те обретали второй облик.

И это такие перспективы!

Тейн облизнул тонкие губы под маской.

– Кто еще об этом знает? – тон его был ласковым и добрым. Даже отеческим.

– Я знаю, тейн. Еще Бертран и Ром, мы вместе были в храме ночью, и вместе это заметили.

Что мальчишкам было нужно в храме именно ночью, тейн уточнять не стал. Это вообще неинтересно. Там, где есть мальчишки-прислужники, всегда будут и какие-то происшествия. Обычно это кончается трепкой и нотациями, но сейчас... сейчас

Тейн принял решение мгновенно.

– Эрк, ты умный юноша, поэтому выслушай меня внимательно.

– Да, тейн.

– Многоликий вернул свою милость людям, но ты должен сам понимать, лучше о некоторых вещах помалкивать.

– Да, тейн!

Эрк и сам так думал, потому слова мужчины и не вызвали отторжения.

– Вот. Молчи, и друзьям скажи молчать. А на завтра – приходите ко мне.

– Куда, тейн?

– Я прикажу накрыть для нас завтрак, в саду. Без награды я вас не оставлю, но вам придется молчать. И о причине награды, и о ее величине... понимаешь?

– Да, тейн!

Эрк даже и не засомневался ни на секунду, такое открытие! Конечно, их НАДО наградить! Другое дело, что рассказывать никому нельзя будет... это неудобно. Но намекнуть всегда можно. К примеру, красивой девушке. Это за тайное и важное дело... да-да, очень тайное и очень важное!

На благо Престола!

Эрка даже ранили... придумает он, что и как говорить! А шрам на боку у него с детства есть, с соседской яблони упал, когда фрукты воровал, бок о сучок распорол...

Тейн смотрел на парня с легкой насмешкой. Вот кто бы сомневался в его мыслишках! Ха!

– Завтра. К восьми склянкам приходите в мой личный сад, я прикажу вас пустить.

– ДА, ТЕЙН!!!

Если бы восторг в глазах Эрка стал огнем, половина города занялась бы. Тейн похлопал его по плечу и милостиво удалился, а Эрк еще несколько секунд стоял. Как столб. Потом уж побежал к приятелям!

Правильно он все сделал! Вот! И награду ему дадут!!! Большую и вкусную!!!

Поскорее бы... так похвастаться хочется, что аж свербит!

Глава 6

– Мой император!

Мужчина, сидящий на троне, перевел взгляд на распластавшегося перед ним слугу.

Да, слугу. И плевать, что это главный жрец Многоликого, для императора любой шагренец просто слуга. А должность... император может в любую секунду казнить своего подданного. Просто ткнуть пальцем, и человека казнят. Так что...

Жрец там, не жрец – какая разница?

Сейчас император соблаговолил слушать.

Императору Мушаши было откровенно скучно. Император он! И что – не человек, что ли?

Государственные дела текли ровно и спокойно, на то целый штат министров, советников, слуг и прочей сволочи есть, да и что там того Шагрена? То ли страна, то ли на карту голубь нагадил.

Крестьяне не бунтуют, благородные собой заняты и интригами, соседи пока успокоились, Картен этот... жалко им, что ли?

Они вообще должны быть счастливы, что живут рядом с Шагренем! А они своего счастья не понимают! Шагрен создан Многоликим, чтобы показывать варварам с круглыми глазами истинное совершенство, а они еще чего-то сопротивляются. Нет бы упасть на колени и милостиво молить о величайшем счастье служить единственным истинным потомкам Многоликого, эти недоумки смеют даже нападать на Шагрен.

Но сейчас все тихо

Так что же случилось?

Ответ не заставил себя ждать.

– Мой император, сегодня в главном святилище засиял священный камень!

– Что?!

Вот теперь Мушаши и рот открыл, и едва с трона не вскочил. Может, и великий он, и величайший, и потомок, но ему же всего тридцать лет! Конечно, ему любопытно!

Да-да, второй из камней, дарованных людям Многоликим, находился в Шагрене. Лежал себе в святилище, каждый император проводил там ночь после коронации, правда зачем – непонятно. Мушаши тоже честно просидел там ночь в позе сааза, но ничего не высидел. Даже уснул под утро, хотя никому и не признавался.

Камень – и камень, лежит себе, есть не просит... и пусть его, лежит^[40].

– Как долго он сиял?

– Буквально пару минут, мой император.

Мушаши долго не думал. Чего уж там, эти вещи знает каждый император Шагрена, да и каждый его житель! Камень Многоликого сияет, если в мире появляется новое дитя Многоликого! То есть кто-то и где-то воспринял Его силу.

Впервые за несколько веков!

Это континентальные варвары могут не помнить таких важных вещей, а в Шагрене их отлично помнят. И...

– Что ты предпринял, жрец?

– Мой император, я до рассвета наблюдал за камнем, чтобы убедиться. На рассвете он погас, и я сразу же побежал в библиотеку.

Император милостиво склонил голову.

Вот умный и хороший слуга. Не несется сразу к императору с воплем, понимает, что сначала надо разобраться, а потом уж доложить. И теперь докладывает, но по делу.

– Что нашли для тебя в библиотеке?

– Мой император, все верно. В мире появился новый потомок Многоликого, впервые за столько лет Многоликий соизволил даровать человеку свою милость. Полагая, что моего императора заинтересует этот человек, я распорядился начать поиски.

– Вот как?

– Согласно записям предков, камень Многоликого был закреплен в специальной оправе и подвешен над картой мира. И он начал пульсировать над Эрландом.

– Эрланд, – поморщился император.

Неудобная страна. И далеко, и никаких с ней отношений нет, ни торговых, ни дружеских. Зато Эрланд дружит с Картенем, а уж Саймон позаботился, чтобы шагренцев в Эрланде не любили. Проклятый дикарь!

Но разве отступят храбрые шагренцы?

– Можно ли узнать точнее, где сейчас этот человек?

– В Эрланде можно будет провести ритуал, описанный нашими предками, и воззвать к Многоликому. И Он укажет своим потомкам дорогу.

– Что ж, тогда надо отправить команду чернозубых в Эрланд [\[41\]](#).

– Мой император?

– Я непонятно изъясняюсь?

– Мой император, они будут заметны в Эрланде...

Император только возвел очи к небу.

Многоликий! С какими идиотами приходится иметь дело! Может, все-таки казнить этого тупого жреца? Или подождать чуточку?

В конце концов, военные операции это и не его дело, свое он сделал. Не упустил появление потомка, нашел все необходимое в библиотеке, доложил императору. А планы строить лучше с тем, кто поумнее.

– Иди, жрец. Я доволен тобой. И позови мне главнокомандующего Ишуро.

– Да, мой император!

– И принеси мне все, что ты нашел в библиотеке...

– Мой император, я приказал сделать выписки, если ты позволишь...

– Позволю. Давай их сюда.

Жрец с почтительным поклоном протянул императору свиток и, после милостивого кивка, почти вылетел за дверь.

Мушаши пробежал глазами по ровным строчкам иероглифов.

Все то же самое, что он и предполагал. Все то же самое...

Так что главнокомандующему Ишуро он приказ отдавал уже намного жестче. Но главнокомандующий и не растерялся.

– Мой император, я прошу разрешения на ложь.

– Ложь круглоглазым, утратившим веру, и так не может считаться ложью.

– Это так, мой император. Но нашим людям, возможно, придется сказать, что они бежали из Шагрена, спасаясь от твоего гнева.

Мушаши обдумал этот вопрос.

– Пусть так. Я заранее прошу им любую ложь, если они привезут мне дитя Многоликого.

– Я понял, мой император. Если ты позволишь, я пойду отдавать приказы. И дам отчет, когда все будет готово.

– Иди, Ишуро. Иди и помни, второго шанса у нас не будет.

– Я помню, мой император. И готов отвечать своей жизнью и душой.

– Жизнью своего рода, Ишуро.

– Да, мой император.

Ишуро отдал честь, развернулся и вышел. А Мушаши приказал никого не пускать, прыгнул с трона и заходил по комнате.

Свиток он теребил в руках.

Были вещи, о которых знали только император и храм. Были.

Одну из этих вещей тщательно скрывали от обычных шагренцев, потому что она могла пошатнуть их мировоззрение. Вся суть Шагрена строилась на повиновении. Младший повиновался старшему, нижестоящий – вышестоящему. И первым был император Шагрена.

Это был порядок, благословенный Многоликим, Им дарованный и утвержденный.

Но...

В храмах молчали о том, что народ Шагрена долгое время был лишен благословения Многоликого! Был лишен, сейчас лишен, и это продолжается.

По преданиям, во времена оны император Шагрена сделал что-то такое, за что его покарал Многоликий. Явился к императору и отнял свое благословение.

Ладно-ладно, император Мушаши знал, и что было сделано, и зачем, и искренне считал, что цель оправдывает средства. Все для величия Шагрена.

Видимо, Многоликий считал иначе.

С тех пор поля Шагрена неплодородны, воды вокруг Шагрена бедны рыбой, а люди...

Император знал, что происходит. Народ Шагрена вымирает. Просто – вымирает. Из года в год у них рождается все меньше детей, из года в год население Шагрена сокращается.

Это проклятье Многоликого.

Но есть способ и его снять.

Только для этого нужно Дитя Многоликого. Первый за столько времени человек с Его благословением! Он должен быть принесен в

жертву совершенно особым образом, и тогда проклятье можно будет снять, а Шагрен воспрянет и возродится. И займет, наконец, подобающее ему место.

Об этом знали все императоры.

Только вот повезло Мушаши. Если все сделать правильно, именно при нем Шагрен начнет возрождаться! А он войдет в историю как Мушаши Возрождающий! Или Мушаши Обновитель!

Впрочем, это уже потомки придумают.

А он, как император, позаботится, чтобы они были. И для этого принесет в жертву кого угодно. Сколько угодно!

Хоть сто человек!

Неважно, ребенок это, женщина, мужчина – этот человек стоит между Шагреном и его величием. Значит, у него только одна судьба...

Мушаши смотрел в окно и думал о своем грядущем величии. Или о величии Шагрена. Впрочем, для императора это было одно и то же.

* * *

Кто бы сомневался, не успела Мария в свои покои зайти, а кто-то уже сказал королю. И тот прислал слугу.

– Ваше величество, его величество приказывает вам явиться к нему.

– Когда?

– Сейчас, ваше величество. Незамедлительно.

Мария осмотрела себя.

Какая она умница!

Можно сидеть и гордиться собой, потому что Мария настояла на ма-аленькой такой задержке. На два часа, в таверне под самыми стенами Рента. Чтобы все поели спокойно, а она еще и искупалась, и волосы уложила, и платье поменяла. Они же по столице поедут, и по дворцу пойдут, и по закону подлости кто-то их увидит... это ж классика жизни!

Идешь ты чучундрой похмельной, мусорное ведро с утра выкидывать – тут тебе и бывший любовник на «мерседесе» встретится. Или прекрасный принц рядом проползет! Обязательно.

А вот когда ты в норковой шубке, покрашенная и хорошенькая донельзя – куда только этих гадов мимо проносит? Нет ответа...

А потому Мария выглядела хорошо. За полчаса проезда по столице с ней ничего страшного не случилось, и алое платье не запыхтелось, и белое нижнее платье ни единого пятнышка не получило.

Из зеркала на нее смотрела красотка... Мария себе дала бы лет тридцать. Может, и поменьше. Вот что значит отдых, прическа и одежда!

Какая уж там была прежняя Мария, неизвестно, но вот со вкусом у нее было... сложно.

Мария поняла это, когда просмотрела унаследованный от предшественницы гардероб. С такой внешностью а-ля Кармен надо было носить сочные и яркие цвета, а не бледные и нежные пастельные оттенки, которые делали ее кожу печально желтой и тусклой. Нашлось только два платья, которые ей по-настоящему были к лицу. Вот это, цвета густой пьяной вишни, и второе, темно-лиловое, расшитое золотом. Ну, золото было лишним, но платье Марии шло. И алый цвет тоже.

Мария подошла к зеркалу, покусала губы, чтобы те были поярче, и поправила маленькую золотую корону, закрепленную в волосах.

Хороша?

Восхитительна!

Как говорила Мэри Поппинс – само совершенство! А кому не нравится – обращайтесь, яда у совершенства на всех хватит.

А теперь грудь вперед... простите, груди у этого тела почти нет! Ну, тогда нахальство – и вперед. Тоже подойдет! Нахальство у Марии полноценного десятого размера!

Женщина подмигнула дочке, сунула в маленькую сумочку ценные бумаги и направилась к выходу из комнаты.

Свита?

Придворные дамы?

Мария об этом не подумала, а вот эрра Розабелла шатнулась наперерез.

– Ваше величество, одна?..

– Мой супруг больше никого не приглашал, – остановила ее Мария.

И поплыла по коридору. Змеи, если что, отлично плавают!

Штирлиц идет по коридору...

Дави, не дави в себе «Семнадцать мгновений весны», они прорастают. И заставляют улыбаться.

И где ж у нас Мюллер? Или Борман?

Мария даже не удостоивала взглядом придворных, которые попадались ей навстречу, а было их подозрительно много. Интересно, что это такое их разобрало?

Хотя нет, неинтересно. И так все ясно, великое Любопытство обуяло. Именно так, с большой буквы.

А то ж! Жила-была королева, потом поссорилась с милейшей Дианочкой, а потом и вовсе в монастырь уехала. А может, не уехала, а ее король пристукнул по-тихому и в саду закопал?

А может, навсегда уехала и больше не вернется?

Варианты возможны. Это Мария так скромно предполагает, а уж сколько и чего народная-то молва придумала, там королеве и не снилось. Даже в кошмарах.

Вот и любопытно всем.

Мария шла и улыбалась. Отвечать на приветствия? Вот еще не хватало! Вы, товарищи-граждане, мне вообще не товарищи, а гнилая аристократия. Король тут ее величество танком давил, и кто где был? За свои шкуры и попы дрожали?

Не стесняйтесь, дрожите дальше.

Так что Мария себе даже пресловутого «милостивого наклона головы» не позволила. Мало ли кто и что... всех на фиг! Или по фиг! Да хоть и в... идите, граждане, идите. С миром, но именно туда.

Мария не знала, что придворные-то видели совсем иное.

Если еще месяц назад по коридору дворца ее величество скользила, словно тень, опустив голову и передвигаясь перебежками, с видом преданной собаки, которую пнул любимый хозяин. А так, по сути, и было.

Преданная, проданная, брошенная, как подстреленная и подбитая.

А сейчас по коридорам шла очаровательная и уверенная в себе женщина. Шла, улыбалась своим мыслям, шуршал вишневый бархат верхнего платья, играл на щеках естественный румянец, пунцовели губы. Может, еще не победительница. Но точно – королева.

И придворным казалось, что монастырь... да тут как бы его величество не увлекся королевой заново!

И кто бы чего ни хотел...

Диана Эрсон просто не могла такое пропустить!

Попастся сейчас на глаза королеве! Пусть она занервничает, смутится, пусть она перед встречей с королем чувствует себя выбитой из колеи, пусть хоть разозлится... чего Иоанн на дух не переносит, так это истерик. И если Мария сорвется...

Увы...

Диану ждал сокрушительный удар.

Королева Мария, может, и знала ее в лицо. Может, и был бы результат. А вот Маша Белкина даже не сразу поняла, что это такое рыжее. Мазнула взглядом, словно мимо таракана прошла – и все. Даже улыбка с губ не исчезла.

Диана и не сразу поняла, что ее... ее просто не заметили? Или заметили, но не обратили внимания?

Это... это что!? Что вообще эта тварь себе позволяет?!

Только вот орать, рваться следом за королевой и что... ее за подол хватать, что ли? И кто тут себя душой и истеричкой выставит?

Диана едва не завизжала от ярости, но Эсси вовремя ухватила ее под локоть и уволокла в отведенные королевской фаворитке покои. Пусть там бесится.

А Мария даже ничего и не заметила.

Рыжая? И что? Мало ли их тут бегают? Ей не до того было, ей сейчас с мужем надо разобраться.

* * *

Король полулежал в здоровущем кресле и на Машу смотрел без всякого одобрения. Раньше она бы смутилась от такого взгляда, а может, и расплакалась бы.

Сейчас же...

Мария прошла взглядом от домашних туфель до сдвинутой набок короны и так же равнодушно улыбнулась. И чуточку наклонила голову.

Это она посмотрела.

Он – король, но она королева, да и по рождению не ниже супруга. Можно особо не пресмыкаться. Реверансы по желанию.

Пауза затягивалась. Мария стояла и равнодушно смотрела. Не переминалась с ноги на ногу, не суежилась, не дергала руками. Просто стояла, и чувствовалось, что так она и еще постоит. А что такого? За пятки не кусают, нотаций не читают... стой да в окно смотри.

Иоанну надоело первому.

– Вы вернулись, ваше величество.

– Я вернулась, ваше величество.

На «супруга» Мария смотрела с чисто исследовательским интересом. Бегают тут такое, чего-то хочет, кого-то хочет, голосом братья пробует... ха!

Дражайший король, тьфу вы и мелочь жалкая супротив нашей налоговой инспекции. Тебя бы туда на десять минут, потом бы никто не вылечил ни энурез, ни заикание, так бы всю жизнь и ходил, мокрый и ошпаренный.

– Вы приняли решение, ваше величество?

И как грозно смотрит. Как возмущенно!

Мария улыбнулась.

– Ваше величество, давайте поговорим, как серьезные взрослые люди. Допустим – только допустим, я соглашусь на развод. Что я получу?

– Эээээ?

Его величество завис, как первый «пентиум». Постановка вопроса была уж очень необычной.

Что получит королева?

А что ей вообще нужно?

Поскольку полным дураком король не был (должность такая), об этом он и спросил.

– А чего вы хотите, ваше величество?

Мария усмехнулась.

– Ваше величество, вы так любите Диану Эрсон? Скажите же ей, что отрекаетесь от трона в пользу Анны и уезжаете с любимой в деревню, пасти овец на лоне природы?!

– ЧТО?!

Король аж с кресла взлетел и навис над Марией. Всей тушей. Килограммов так сто пятьдесят...

– Вы что несете, любезная супруга?!

Мария прикинула, что если он сейчас поскользнется, надо отступать назад-налево. Направо столик, вот, пусть туда Иоанн и падает. А она обойдется, еще не хватало эту тушу ловить!

А Иоанн замер, удивленный непривычной реакцией.

Страху не было!

Он – король, он властен над своими подданными, имеет право казнить и миловать, да он любого может на кол посадить! Марию... нет, не может. Проблем будет слишком много. Но Мария его и так раньше боялась. А что изменилось сейчас?

Почему она не боится?

Смотрит холодно, равнодушно, и не чувствуется от нее того же, что раньше. До поездки в монастырь на нее хватало только прикрикнуть, только голос повесить, и она начинала плакать. И боялась, да...

А сейчас не боится. Ни капельки. Но почему?

Причиной тому были ядовитые клыки. И возможность перекинуться в змею. Мария могла себя защитить не то что от Иоанна – от десяти таких мужей. Кого-то другого здоровущий амбал, который нависает над тобой и плюется слюной так, что хоть ты зонтик бери, мог и напугать. Только вот...

Мария отлично знала, что ей хватит одного укуса.

Вообще одного.

Секунда – и этого типа уже никто и никогда не откачает. Так чего дергаться?

– Нет? Вот и я думаю, что вам это не нравится, дражайший супруг. Но мне вы именно это предлагаете, не так ли?

А глаза у Марии были насмешливые. И уверенные. И...

Его величество Иоанн и сам не понял, как опустился обратно в кресло, потер лоб.

– Мария, изволь объясниться.

Уже не ваше величество. Дистанцию между ними Мария сломала с треском и грохотом. И то... что матерому бухгалтеру еще советской закалки та дистанция? Вот если бы вы налоговый кодекс показали... и то еще подрыгаемся.

Мария огляделась, подошла к столику, на котором стояло вино, налила супругу кубок и поднесла, как положено.

– Прошу.

Иоанн отказываться не стал. Ей-ей, с этими бабами насухую и не поговоришь! Все они стервы!

В два глотка пол-литра вылакал!

Мария понаблюдала за процессом, а потом улыбнулась.

– Иоанн, мы прожили вместе двадцать лет, и это были хорошие годы. Не так ли?

– Да.

Его величество вспомнил, как некогда увидел свою супругу, только что прибывшую из Картена. Ах, какой она была тогда!

Хрупкая, юная, испуганная... казалось, ветер подует, и она улетит в небо, словно пух одуванчика! И только корона как-то удерживает ее на этой грешной земле. Она тяжелая, золотая...

Мария ответила ему улыбкой на улыбку.

У нее воспоминаний не сохранилось, но двадцать лет вместе! Что – за эти годы ничего хорошего вспомнить не найдется? Так не бывает!

– У нас были дети, и не наша вина, что боги забрали у нас всех, кроме Анны.

– О, да...

– Это несправедливо и неправильно, тем более по отношению к такому человеку, как ты.

– Да!

А это вообще беспрониимная постановка вопроса! Даже если человек сам во всем виноват, никогда он это не признает! Дешевле списать все на судьбу, ей-то больше делать нечего, только дураков преследовать!

– Только вот теперь получается, что я должна умереть, чтобы вы могли жить дальше. Думаете, это справедливо?

– Да...

Иоанн сообразил, что сказал, и аж икнул.

А Мария ничего такого с ним и не делала. Правило трех согласий в незапамятные времена придумали, его вся коуч-братия использует. А что его величество попался... и поумнее него люди попадались.

– То есть... Мария, я не это хотел сказать!

– Да неужели? – Мария прищурилась. Она не знала, как разговаривала с супругом та Мария, но подозревала, что мигот начинались попреки, истерики, слезы... если уж бабу смогла довести

до инсульта какая-то проститутка? Всего одним скандалом? – А может, сейчас ты и сказал мне правду? Тебе ведь было бы так удобно, жена умерла, и безутешный вдовец немедля женится. Красота, да и только!

Нет, одной Дианы было бы мало, значит, там и до нее все было весело и интересно. Если вспомнить королевские родословные на земле... Там сложно было выбрать из больных, слабоумных и припадочных. Отклонение на отклонении ехало и психозом погоняло^[42].

Иоанн потрянул головой, возвращаясь к продуманной теме разговора. Получалось откровенно плохо, но...

– Я... Мария, мне нужен наследник!

– Иоанн, предлагаю поговорить серьезно. Я не буду сейчас даже упоминать, что я не какая-то девка, я принцесса Картена! Не буду говорить о моем брате, о нашей жизни, о позоре, которым ты хочешь меня покрыть... Я скажу о другом. Ты, дорогой мой супруг, будешь наслаждаться жизнью с новой женой. А я?

У Иоанна отвисла челюсть.

– ТЫ?!

– Мне можно будет еще раз выйти замуж?

– Ааааа...

Отвисшая челюсть его величества была прекрасным ответом на вопрос. Адекватным таким.

– Понимаю. Ты можешь жениться, а я должна страдать всю оставшуюся жизнь. И это подводит нас ко второму вопросу. А сколько жизни мне останется? Или ты считаешь, что я долго проживу после развода? Даже в монастыре? Сомневаюсь...

– Мария, я никогда...

– Ты не подумал об этом, мой дражайший супруг, – криво улыбнулась кончиками губ королева. – Прошу. Это копия, а оригинал я отослала брату. Сейчас он уже должен быть в море... неважно. Это мы пока еще не развелись, и я королева. Кто меня будет защищать, когда я стану обычной женщиной?

И перед его величеством развернулся свиток, который написала эрра Лизанда.

– Это – что?!

– Читай, Иоанн, внимательно читай.

Его величество и прочитал. И нахмурился.

– Диана не...

– При чем тут Диана Эрсон? Нет, мой дорогой супруг, даже если Лизанда лгала...

– Наверняка!

– Вопрос все равно тот же. Кто меня защитит?

Иоанн задумался.

Никогда Мария с ним так не разговаривала. Никогда...

– Ты изменилась.

– Я едва не умерла. Меня столкнули в ублиет, и только осыпавшаяся стена колодца спасла меня от гибели. Иначе я не выбралась бы живой.

Иоанн закивал.

А, ну если так... тут поменяешься! Если едва не померла!

– Я... подумаю.

– Я готова ждать итога размышлений, – кивнула Мария. – Гарантии безопасности и спокойной жизни для меня и моей дочери. Да-да, именно моей. Диана тебе нарожает шестерых сыновей, и живите счастливо. Но я не хочу, чтобы Анна стала разменной монетой в ее играх.

Иоанн сдвинул брови.

– Это моя дочь!

Хотя при мысли о шести мальчишках его величество невольно заулыбался во всю ширь фантазии.

Мария заметила у него отсутствие нескольких зубов и поморщилась. Фу...

Все она понимает, и про сладости, и про средневековых стоматологов, но душу греют белые и острые собственные зубки. У нее они все на месте. Вот как первый раз обернулась, так и на месте. И надо полагать, все остальное у нее тоже хорошо. Печень, почки, сердце, сосуды: до превращения она себя чувствовала хоть и неплохо, но это в сравнении с оставленным телом, которое на двадцать лет старше и на сорок килограммов больше. А после превращения она вообще летает. А еще душу греет тот факт, что у змей зубы отрастают. Всю жизнь.

Красота!

– Безусловно. И я буду рада, если ты устроишь ее жизнь. Но если сама Анна будет счастлива твоему выбору.

– Вот даже как?

– Я знаю, любовь приносит боль, – опустила бесстыжие глазки долу Мария. – Я теперь хорошо это знаю. И все же я хочу, чтобы Анна узнала, что такое счастье. Пусть не так долго, как я... пусть еще дольше! Пусть ей никогда не будет так больно, как мне!

И руку к сердцу... главное не перепутать – куда. А то печень щупать в такой момент как-то не комильфо.

Иоанн даже расчувствовался.

– Мария, я бы хотел, чтобы наши дети были живы. Я не желал себе лучшей супруги...

– Я не смогу больше родить, и я понимаю твое желание дать наследника Эрланду. Но и умирать не хочу. Хочу Анну замуж выдать, хочу внуков понянчить, – похлопала ресничками Мария.

Иоанн даже содрогнулся от такого ужаса.

Ему – внуки?!

Да он еще детей наплодить может! Шестерых! И чтобы все сыновья! Какой из него дед?!

Но если Марии хочется, что ж, пусть будет.

– Я... подумаю.

Мария кивнула.

– Я не прошу большего, Иоанн. И готова согласиться с хорошим предложением, но именно с хорошим. А не так... чтобы меня просто убили. Я не хочу!

И слезы брызнули.

У кого хочешь брызнут, если так язык прикусить!

Что оставалось делать его величеству?

Только обнять супругу и погладить по плечу.

– Тихо, Мария, тихо...

– Я не хочу умирать, – рыдала на его плече женщина. – Я не хочу... за что?!

Иоанн прижимал к себе гибкое тонкое тело, гладил ее по волосам и вдруг обнаружил, что шевельнулось...

Он уж и не воспринимал свою супругу как женщину. Но... то ли запах какой-то от ее волос новый, незнакомый, дурманящий, то ли движение ее, гибкое и изящное, то ли просто оголодал...

Руки сами собой притиснули Марию поближе, но женщина и не сопротивлялась.

Подняла голову – и смотрела, смотрела своими колдовскими глазами... почему он раньше не замечал, какие у нее глаза? Как рассыпаются по плечам густые черные локоны, как пунцовеют такие соблазнительные губы... и как тут было устоять?

– Мария...

Женщина шарахнулась от него, как черт от ладана.

– Иоанн!

– Мы муж и жена!

– Ненадолго, – отрезала Мария. – И по твоему желанию! Так что... вот не надо! Просто – не надо!

Иоанн как раз думал о том, что надо. А что?

Дианочка еще когда будет, и свадьба, и все остальное, а он ведь не железный! У него уж полгода никого не было, не считая редких приключений, у него... охота!

И Мария так соблазнительно извивается... точно, пытается его распалить еще больше! Вот бабы...

Иоанн перехватил жену поудобнее и наклонился к ее губам. А что? Пока они женаты? Вот и нечего ему отказывать!

* * *

Мария боролась с желанием пустить в ход все сразу. Каблуки, кулаки, ногти, зубы и самое страшное оружие – Боевой Бабский Визг. Последнее при правильном применении влетает в одно ухо и вылетает из другого, производя кошмарные разрушения по всей траектории полета.

Туша его величества наклонялась к ней, истошно воняя спиртным и чесноком. Да, еще и потом.

Помылся бы хоть перед тем, как к приличной женщине лезть!

И вот с этим в кровать?

Да никогда!!!

Мария извернулась и шепнула мужу прямо в ухо.

– Не дам развода раньше, чем через полгода. А вдруг я забеременею?

Подействовало не хуже, чем визг. Его величество аж шарахнулся, выпустил из загребущих лапищ королеву, и не будь у Марии змеиных

навыков, точно бы шлепнуться ей попой об пол.

А так и ничего, нормально, извернулась и стоит!

– Я...

– Беременность может и не сразу проявиться. Я знаю о таких случаях, – хмыкнула Мария.

Иоанн сверкнул глазами.

– Стерва!

– Дорогой пока еще супруг, скоро у тебя будет очаровательная и управляемая Дианочка. А меня трогать не надо. И руками тоже. Развод – так развод, только подумай, что ты мне предложишь. Жизнь в каком-нибудь тихом и скромном замке на отшибе меня вполне устроит. При условии, что я там буду полной хозяйкой, и никто на меня не будет покушаться. А вот как это сделать – решай. Ты здесь король.

Иоанн посмотрел на жену без всякой симпатии.

Как есть – стерва! Вот что ей стоило... убыло бы от нее, да? Стерлось?!

– Я могу идти?

– Иди...

Мария развернулась и вышла. А Иоанн еще раз проводил ее взглядом, уселся в кресло и задумался. Только вот не о разводе. А о том, как соблазнительно двигаются бедра под алым шелком, как сверкают темно-карие глаза, какие у нее сладкие губки, как вкусно пахнет от его супруги...

Да, пока супруги.

А жена и муж суть единая плоть. И церковники это говорят, причем все... и вообще, ей бы понравилось! Всегда нравилось, вот и сейчас бы порадовалась напоследок! А она! Развода она не даст!!!

Зараза!

* * *

Мария кипела от ярости, да так, что чайник рядом с ней не имел бы никаких шансов. Сто градусов?

Тьфу!

У нее сейчас все пять тысяч были. А то и десять... хорошо еще мрамор под каблуками не крошился и не плавился. А ядом так тянуло

плеваться! Безумно!

Диана Эрсон этого не поняла, а то не стала бы рисковать, вылетая навстречу королеве и делая издевательский реверанс.

Тут-то у Марии и сработало.

Рыжая?

Сиськи наружу?

А не Дианочка ли это?!

– Ссссстоять!

И такое выразительное шипение получилось, что Диана как была раскорякой, на полуподъеме, так и замерла.

– Совершенно эти девки свою работу не выполняют, – пожаловалась в пространство Мария. – Король нервничает, а они тут ходят, подолами пол метут! – Подцепила Диану под подбородок, помогая подняться. Злость брала – не отгрести. Еще эта туша коронованная к ней будет с поцелуями лезть?! Ему фаворитка не дает, что ли?! Ну так послать ее... и пусть идет во всех позах! – Идешь сейчас к королю и делаешь все, что он пожелает. Поняла?!

Диана как стояла, так и закивала головой.

Мария отпустила ее подбородок, демонстративно вытерла руку платочком и уронила его под ноги. И даже не поняла, что Диана... Идет?

Туда?

Неинтересно даже. Пусть идет, авось король спокойнее будет!

Сейчас бы еще самой Марии успокоиться, а то злая она, как черт с рогами. И кусаться хочет.

Интересно, а медитации помогают?

Мария махнула на все рукой и развернулась в сад. Там зелень, тепло, уютно, посидит она на солнышке, может, ей и легче будет?

Надо попробовать.

* * *

Диана шла, как сомнамбула. Может, и дошла бы она до его величества, и сделала бы все, что ей Мария сказала, но – не повезло.

Виталис Эрсон преградил дорогу племяннице.

– Диана?

Девушка подняла на него глаза.

– Мне надо к королю...

Виталис схватил ее за руку. Что-то такое было в ее голосе, что заставило напрячься.

– Куда?

– К королю...

– Зачем?

– Я должна сделать все, что он пожелает.

Виталис перехватил племянницу за плечи – и встряхнул.

– Ой.

Пощечину бы ей вlepить, но синяки на лице – нехорошо... потому Виталис впился пальцами в плечо девушки.

– Ай!!!

Но глаза у Дианы прояснились.

– Дядя?

– Начала соображать?

– Ой, дядя...

– Ну? Куда тебя нечисть несла?!

– Дядя, это было ТАК страшно... и странно... я ничего сама не поняла.

– А теперь подробнее? – насторожился Виталис.

– Королева приехала. И Иоанн ее позвал к себе... Зачем-то. Я хотела...

Виталис кивнул.

Хотела она. И так понятно, чего она хотела.

– Когда королева шла туда, она меня словно и не заметила. Представляешь? МЕНЯ! Не заметила!

Виталис оглядел племянницу.

Не заметить ее было весьма и весьма сложно. Рыжие волосы пламенели костром, лимонно-желтое платье облегло стройную фигуру так, словно под ним ничего не было, а вырез...

Такое не заметить – постараться надо. Но Диана, при всех ее достоинствах и недостатках, чует людей. И если она что-то говорит, это правда. Вот один талант у бабы, но какой! Знать, что сказать, как, когда и кому... ерунда? Э, нет! С таким всю жизнь прожить можно, долго и счастливо. И никакого ума не надо, да и зачем бабе ум? Ей Предмать другое место дала, им и живы бабы во веки веков!

– А отсюда?

– Там что-то странное было, дядя. Я не понимаю...

Виталис перехватил племянницу поудобнее, а то под его рукой уже наливались некрасивые синие пятна.

– Пойдем, поговорим!

Диана послушно проследовала за дядей в укромный уголок. И во дворце таких хватает, только знать их надо. Тупичок такой, главное, там никто не подслушает, не подойдешь незамеченным.

– Что тебе показалось странным?

Диана задумалась.

– Дядя, я просто делала все, как раньше... ты помнишь?

Виталис кивнул.

Стерва, конечно. Но...

Диана обожала расстраивать королеву и выводить ее из себя. А что?

Поприветствовать почтительно, а на деле – нагло улыбнуться, продемонстрировать себя, и вообще... слова могут быть правильными, но это только слова. А есть еще язык жестов, и голос, и улыбка, и интонация... Мария мгновенно срывалась. Отлично действовало!

Или королева начинала жаловаться королю, и тот еще больше прилипал взглядом к Диане. Или она сама начинала ругаться, и Дианочка оказывалась в пострадавших – несть числа таким пакостям. Прodelывала она это не раз и не два, и всегда с отличным результатом. Что могло пойти не так?

– Помню. И?

– А в этот раз королева на меня смотрит, а я и выдохнуть не могу. Она говорит, а я... я как птица перед змеей, понимаешь? Мне так страшно стало! И руки словно не мои, и ноги...

– Так...

– А потом королева сказала идти, и я пошла. Словно так и надо. Она сказала идти к королю и делать все, что он прикажет. И я бы сделала. Все было так правильно...

– Ты это серьезно?

Виталис отлично мог оценить опасность. Ценность Дианы в ее неприкосновенности, а если бы она с таким предложением пришла к королю? Иоанн мигом уложил бы ее на спину, и что делать дальше? Как ему прикажете продавать бабу, которая не сберегла себя до

свадьбы? Неважно, что с ним же, Иоанн так устроен! Можно одному – можно всем. А королева приказала.

И Диана пошла... просто так?

– Да...

– Колдовство? – задумался Виталис.

– Нет, дядя. Нет. Это все при людях было, она со мной ничего не делала. Просто за подбородок держала и говорила. А мне было так страшно...

Диана не лгала. Еще бы минут пять, и под ней в коридоре случилась бы лужа.

– Не колдовство. А что тогда?

– Дядя, я не знаю. Дядя, что делать?

Виталис задумчиво покрутил на пальце кольцо с громадным изумрудом.

– Пока держись от королевы подальше. Сейчас тебя никуда не тянет?

– Нет, дядя. Когда ты меня позвал, за руку взял, потом еще плечо... – Диана невольно потеряла рукой плечо, на котором наливались синяки. – Можно бы и аккуратнее, теперь синяки сводить.

– Вот и иди, приложи к ним чего. И держись подальше от королевы, пока я не разберусь, что происходит.

– Да, дядя.

Диана ушла, а Виталис задумался.

А правда, что это было? У кого бы поискать ответы?

Лизанда, конечно... о том, что ее больше нет, Виталис пока был не в курсе. Да, пусть расскажет, что случилось! И почему она не убила эту старую дрянь? Неужели за всю поездку ни одного случая не представилось? В это Виталис поверить никак не мог.

Итак, Лизанда!

* * *

Солнечное утро.

Завтрак.

За небольшим столиком сидят четверо. Тейн ради такого случая даже снял маску, и мальчишки смотрели на него во все глаза. Эрк и

Ром.

Бертран посмотрел один раз и опустил глаза в тарелку. Он больше занимался омлетом с грибами, а потом еще тушеной птицей, и не принимал участия в разговоре.

Зато Эрк блистал!

Или ему так казалось?

Он говорил и говорил, рассказывал, как ему – ЕМУ – пришла в голову идея залезть в храм ночью, как они увидели вот то самое, на камне, как он решил рассказать обо всем тейну...

Тейн кивал и слушал. И даже поощрял Эрка.

– Ваша сообразительность не останется без награды. Такие умные ребята... Вам самое место в наших рядах.

С Эрка можно было мед собирать. Столько счастья, столько радости.

И Ром тоже улыбается. Все хорошо, их не нарутали, им не сказали ничего плохого, они могут быть довольны и счастливы. Правда же? Правда?

Их хвалят и обещают большие перспективы.

– Что вы хотите в качестве награды? Ты, юный Эрк?

– Тейн, служить вам, моя самая сильная мечта! И если позволите, я... мне интересно! Первый двуипостасный за столько лет! Я надеюсь, когда вы его найдете, вы позволите мне узнать, что и как?

– О, это несложно. Что ж, я лично буду присматривать за твоей карьерой, юный Гридас. Не сомневаюсь, она будет яркой и стремительной! А ты, Ром?

– Я тоже... эта... как Эрк. – Роману сложно было выражать свои мысли, но выгоду он чуял. Денег просить? Это глупо. А вот перспективы под присмотром самого тейна точно будут. Наверное.

– Хорошо. Я рад, что вы так дружны. Настоящие друзья, это сокровище, – согласился Тейн. – А ты, Бертран?

– Я уже обласкан свыше всякой меры, тейн. Но если вы позволите высказать одно заветное желание?

– Уже позволил.

– Тейн, а можно мне будет чаще посещать библиотеку? Не для работы, а просто... Почитать? Пожалуйста?

– Тебе нравится читать? – расплылся в улыбке мужчина. – Это так замечательно! Что ты предпочитаешь?

– Ну это... жития святых!

– О, в библиотеке ты найдешь для себя много интересного.

Тейн покровительственно улыбался. Бертран сложил руки.

– А можно... вы бы хоть пару слов написали, чтобы я мог туда попадать? А то брат библиотекарь меня обещал метлой побить, если еще раз увидит. Умоляю, тейн?

Бертран даже руки сложил.

Ром хмыкнул, Эрк посмотрел на друга с насмешкой. Вот дурак-то? Мог бы и получше что попросить, а он... кни-иги! Старье это!

Тьфу, баран!

Но тейн щелкнул пальцами, потребовал у слуги пергамент и быстро написал пару строк. И даже подпись поставил и личную печать приложил. И протянул Берту.

– Можешь посещать библиотеку в любое время. Тебя пропустят.

– ТЕЙН!!! Я... благодарю вас!!! Вы... вы самый лучший! Вы...

Сияние, исходящее от Бертрана, легко затмило бы солнце. А славословия, стань они золотом, потянули бы на небольшую гору.

Тейн отечески улыбнулся мальчишке.

– Все в порядке.

– Тейн, а вы позволите? Я сразу после завтрака туда пойду... я так хотел почитать про святую Радегунду, а мне не давали, а она, говорят, могла подчинять себе зверей...

Тейн только рукой махнул.

Иди себе.

Иди, мальчик...

Завтрак продолжался.

* * *

Мария сидела в саду.

Она бы с удовольствием уселась прямо на клумбу, а лучше улеглась, и повалялась под жаркими лучами весеннего солнышка.

Нельзя.

Платье испортится, да и просто не подобает королеве. Вот что за жизнь?

Такой титул, а делать что пожелаешь ты не можешь. Где в мире справедливость?

Поэтому Мария нашла себе подходящую скамеечку, залитую щедрым солнцем, и откинулась на ней, прикрыла глаза.

Раньше так не было. Но после ее путешествия по барханам ей стало нравиться тепло. Тепло, уют...

Тишина...

А вот скрип сапог по гравии явно лишний.

– Ваше величество...

Да твою налево рыбой так! Помрешь – и то прицепятся!

Мария недовольно открыла глаза.

Перед ней стоял эрр, другие тут не ходят, а если и случаются, то королеву они точно беспокоить не станут. Высокий, волосы светлые, глаза светлые... какой-то он весь неопределенный, словно его сначала нарисовали, а потом стереть попытались. А она даже не знает, кто это.

Очень неудачно получается.

– Что вам угодно, эрр?

– Выразить вам свое почтение, ваше величество.

Мария замаялась. Раньше она бы ответила: «выразил – свободен». Но королеве же так не подобает? Но и делиться теплом и солнышком ей совершенно не хочется, потому она выбрала третий вариант.

– Эрр, прошу меня понять. У меня так сильно болит голова... я благодарна вам за внимание, и надеюсь, что вы не обидитесь.

И руку поднести к виску.

Вежливо и доходчиво. Попробуй, не уйди!

Алесио Ихорас посмотрел на королеву. Что ж, отослали его вполне внятно. Но...

Уходить не хотелось. Сцену в коридоре он видел и искренне восхитился королевой. А она... чего удивляться, что она видит в нем врага? Он же казначей, он по определению на стороне короля. О чем ей с ним говорить?

Мария смотрела на него, приподняв тонкие брови.

И что тебе надо? Чего ты ждешь?

Пришлось поклониться и развернуться. Он еще наворачстает... потом. О, кстати! Есть человек, которого можно попросить об услуге. Незначительной для самого Колючки, но важной для Алесио.

Королева его заинтриговала, и мужчина не собирался отступать, не удовлетворив свое любопытство. Интересно же, эрры! Интересно!

* * *

Эрр Виталис в королевские покои стучаться не стал, просто послал служанку, попросив ее вызвать к нему эрру Лизанду.

Девчонка вернулась к нему крайне растерянная, уже через пару минут.

– Эрр... сказали, что эрра мертва!

– ЧТО?!

Да плевать Виталису было на Лизанду. Но... КАК?! И кто? И это ведь может на его планах сказаться?

Виталис бы не засомневался, и эрру Розабеллу позвал, и с ней побеседовал. Но...

– Эрр Эрсон, его величество приказал вас срочно к нему!

Что в таких случаях делает верный подданный его величества? Идет и немедленно, других вариантов нет.

Что случилось? И не связано ли это со смертью Лизанды?

* * *

Бертран огляделся по сторонам.

Так, он достаточно далеко ушел... отлично!

А теперь... Парень распахнул рубаху.

Из-под нее был вытащен небольшой кожаный мешок, а из этого мешка на землю посыпались объедки.

Изначально это было омлетом с грибами, волованами, птицей в желе... а потом оно было крошено и аккуратно переправлено с тарелки в мешок. Не в рот, ни в коем случае.

Когда Эрк начал говорить, что все рассказал тейну, что тот принял его слова благосклонно, что приглашает ребят к себе, чтобы узнать, кому что надо, у Бертрана мороз по коже пошел.

Тейн!

Да их уровень – обычный служитель! Большого они пока не заслуживают, а тут – ТЕЙН! И к себе? И поговорить?

Бертран сердцем почуял неладное. А поскольку он был неглуп и начитан, то и мысли у него появились нехорошие. Если подумать... что может подумать тейн о трех мальчишках, которые влезли с ногами в важную государственную тайну? А ведь это тайна.

Нужны они ему будут?

Нет.

Их просто убьют, чтобы они не создавали проблем. А как убьют: отравят, или зарежут, или еще что... это уже мелочи жизни. Тейну это неважно. Скорее всего, их отравят, как читал Бертран в книгах, это было бы понятно. Тейн пригласил их, попросил соблюдать тайну, пообещал много чего хорошего, а потом... нет человека, нет и обещаний. Может такое быть?

Ой, может.

Бертрану не хотелось об этом думать, но это было проще всего. Собрать их в одном месте, еще раз расспросить, чтобы узнать все точно – и убить. Всех.

И за столом Бертран убедился в своей правоте.

Это они трое ели. А тейн просто пил воду с лимоном, отговорившись, мол, желудок болит. Он ничего не ел. Вообще ничего. Так, лежало у него на тарелке что-то, он это перемешивал ложкой, но и только. Не ел же!

А парни наворачивали за обе щеки.

Может, Бертран просто дурак? Ему бы этого хотелось. Но есть он ничего не стал, а чтобы не заподозрили, потихоньку убирал кусочки в кожаный мешочек. Наловчился в свое время.

Когда у родителей семеро по лавкам, а папаша пьет и всех лупит... бывало и так, что и до белой горячки допивался, чуть мать пару раз не убил. Дома появляться иногда было просто опасно, они в сарае жили, а как там чего приготовишь? Чем мелких накормить? Как быть?

Мать старалась хоть как извернуться, вот и придумала, или посоветовал кто. В трактирах можно платить двумя способами. Или сразу, тогда ешь от пуза, еще и добавки попросить можно. Или перед уходом, но тогда уж каждый кусок идет в счет.

Бертран, как самый ловкий, ходил с ней. Они выходили из города и шли к таверне. Садились за стол, заказывали кашу и эль, мама сразу отдавала деньги, и им приносили еду.

Не всегда свежую или горячую, но ее было много! И можно было попросить добавку... мама кормила сына, а когда никто на них не смотрел, каша отправлялась вот в этот самый мешок. Когда он наполнялся, мама прятала его под юбку, они уходили. Хватало всем.

Правда, за такое могли и побить, если заметят, но Бертран быстро наловчился. И сам уже все делал, и не попадались они, и по два мешка домой приносили иногда.

Каша дешева, даже если она с мясом, а вот семья Бертрана часто себе и этого позволить не могла.

Вот и сейчас он все сложил в мешочек, а как двигаться, чтобы ничего не было заметно, он с пяти лет знал.

Дурак он?

Вот и ему пропуск в библиотеку выписали, а он на хорошего человека напраслину возводит?

Дурак?

Бертран сидел неподалеку от ошметков пищи и смотрел на них. И видел, как слетаются птицы, как клюют кусочки и крошки, как не улетают от богатой добычи... только вот птица намного меньше человека. И яд на нее действует быстрее.

И получаса не прошло...

Одна из птиц сдохла на глазах у Берта.

Напраслина?

Других доказательств ему и нужно не было. Бежать! Сегодня же ночью бежать!!!

Только вот куда он убежит с пустыми руками? А надо бы далеко, надо бы быстро... корабль? А там за проезд надо отдать. И что делать?

Впрочем, одна идея у Бертрана появилась. И он собирался воплотить ее в жизнь.

* * *

— Ваше величество, я счастлив!

Отец Роман смотрел глазами преданного спаниеля. Мария милостиво пожаловала ему целовать ручку.

– У вас хорошие новости, святой отец?

– Да, ваше величество. Если позволите...

Мария огляделась вокруг, но никому до них особенно дела не было.

– Говорите, святой отец, только как можно тише, я услышу.

После превращения в змею слух у нее стал кратно лучше. Она даже шепот слышала с другого конца комнаты, а уж рядом...

Отец Роман кивнул и едва зашевелил губами.

– Его величество обещает помощь и поддержку. Просил передать, что от него приедет человек.

– Когда?

– Уже скоро, ваше величество.

Мария кивнула.

– Вот и отлично, – и тут же поменяла тему, заметив, как к ним направляется эрра Розабелла. – Что нового при дворе? Мы отсутствовали, и хотелось бы узнать последние новости.

– Ваше величество, – святой отец позволил себе вежливую улыбку. – Самая последняя и важная новость, это ваш приезд и беседа с королем. К тому же придворные расстроены. Они решили, что впали в немилость у вашего величества...

Мария подняла брови.

– Вот как?

– Вы не соизволили никого поприветствовать, ваше величество.

Мария вспомнила, как шла по дворцу... кажется, кто-то ей кланялся или растопыривался? Подробностей она так и не вспомнила, да и Диану тоже, она так была нацелена на разговор с супругом, что не до местной шушеры было. Да и...

– Отец Роман, а где они были, когда мой супруг сослал меня в эти покои?

Падре замялся.

– Эммм... ваше величество?

– Верность либо есть, либо ее нет. Верными мне остались несколько человек, их я и буду любить, уважать и жаловать своими милостями. Остальные придворные явственно показали свое

отношение ко мне, и они мне больше не друзья, – Мария выглядела, словно сама невинность.

– Ваше величество, разве можно так...

– Пусть и дальше пресмыкаются перед Дианой Эрсон, – равнодушно отозвалась Мария. – Или перед ее дядей, мне безразлично. На мою защиту и милости эти люди больше рассчитывать не могут.

Эрра Розабелла выпятила грудь, словно голубь на свадьбе. Вот она какая! Сама королева оценила!

– Это жестоко, ваше величество.

– Зато справедливо, – отрезала Мария. – Это все, святой отец? Я устала и хотела бы отдохнуть после сложного разговора. Просто посидеть, подышать свежим воздухом.

Отец Роман не обиделся. Главное было сказано, а остальное...

Пусть сплетничают. Авось, когда и польза будет.

* * *

Виталис мог бы собой гордиться, он угадал. Не успел он поклониться, как пришлось ловить свиток, запущенный ему в лицо мощной королевской рукой.

– Твоя работа?

– Ваше величество...

– Ты читай, читай...

Виталис и повиновался. Прочитал, сглотнул.

– Ваше величество, как бы я мог?

– Как ты мог? Да как угодно! – Иоанн сверкнул глазами. – Скажешь, неправда?

– Конечно, ваше величество! Лизанда действительно охотилась за моим братом, но Валент отверг эрру Шаран, вот она и затаила злобу. И оговорила его!

– Даже так?

– Ваше величество, умоляю вас это проверить!

– Проверю, – скрипнул зубами Иоанн. – Еще как проверю!

Виталис развел руками.

– Ваше величество, большей глупости нельзя себе даже и представить. Какая-то сумасшедшая баба что-то ляпнула... да что она

вообще могла себе придумать? Ее надо было хватать и пытаться, уж ваши палачи разобрались бы! А это... какой-то монастырь! Кто и что там может сделать?

Иоанн задумался.

Так-то да. И место выбрано неудачно, и исполнитель... придворная дама! Еще бы болонку натравили, пусть загрызет человека! С тем же результатом!

– Ваше величество, неужели у меня не хватило бы денег на отряд наемников, к примеру, или на хорошего умного убийцу? Уж не поскупился бы! И сделали бы все быстро, и никто бы никогда не узнал ничего?

Его величество хмыкнул.

Так-то да. Виталис не дурак и понимает, что если бы вскрылось... Иоанн с него бы из принципа шкуру снял. Не стал бы он так рисковать, это попросту глупо. И нашел бы кого, и поумнее, и тем более... глупо как-то это. Могло не представиться случая. Могло – да что угодно могло быть! Нет, это и правда глупо.

– Тогда думай, что не так с этой бабой, почему она решила вас оговорить. Но учти, я проверю.

– Конечно, ваше величество. Я даже умоляю вас проверить, и если что-то... я смиренно приму любое наказание.

– Примет, примет, – поддержал Колючка, который сидел в углу. – К примеру, литр прочистительного. Ваше величество, прав он полностью, чтобы такую глупость сделать, последние мозги пропить нужно.

Виталис с благодарностью поглядел на шута. Не любят они друг друга. Но и от этого гаденыша польза бывает... надо ему потом спасибо сказать, что ли?

Иоанн расслабился окончательно.

Колючка знал, король ничего не забыл. Просто сейчас ему не слишком хочется ругаться с Эрсоном. Тут все один к одному, и надоевшая жена, и Диана, и Бустон... тоже надоевший. Но также Колючка знал, что свиток ляжет на свою удобненькую полочку. И когда Эрсона потребуется притянуть... за что?

За хвост!

И то ему припомнят, и это, и что-нибудь сверху. Иоанн не задумается.

А пока пусть бегает, жирок нагуливает. Бустон вот догулялся.
Э-эх...

* * *

Вот не успела Мария прийти из сада, довольная и счастливая, как ребенок тут же опустил ее с небес на землю.

– Мама, а мы тут обедать будем?

– Эээээ? – озадачилась Мария.

– Мы раньше с папой обедали... а потом ты туда ходить перестала.

Твою отчетность!

Мария и ругаться не стала! Понятно же. Пока все было хорошо между венценосными супругами, надо полагать, они обедали вместе. А вот когда начало все разлаживаться, Мария и не стала присутствовать на королевской трапезе. И сдала еще одну позицию.

Вопрос в другом.

А Маше-то ее возвращать?

Или ну на фиг? Нужен ей тот король, тот двор и те трапезы? Она и колбаску на подоконнике погрызет, еще и приятнее будет?

Пару минут женщина размышляла над этим вопросом. А потом поманила к себе эрру Розабеллу.

– Эрра, прошу вас отправиться к моему супругу и узнать, угодно ли ему мое присутствие на трапезе?

Эрра закивала и умчалась.

Мария понадеялась, что обойдется. А вдруг? Совершенно ей не хочется никуда идти, ей и так жить хорошо.

* * *

– Рэн, ты вернулся?

Брата главнокомандующий Ишуро любил. Как мог, конечно.

Даром, что Рэн сын наложницы, а Ишуро от первой и законной супруги, а все ж таки...

Ишуро отца любил, а отец любил мать Рэна. Только вот так был устроен главнокомандующий, что не озлился на это, а порадовался за отца.

Когда он любит, когда его искренне любят, это счастье. Это и мать Ишуро понимала, потому и осталась и первой, и главной, и тоже любимой. Поди, любовь – не репка, чтобы ее поделить на маленькие кусочки, любовь иначе устроена. Ты ее отдаешь, а ее все прибавляется да прибавляется.

– Вернулся, Иро, – Рэн назвал брата старым прозвищем, и главнокомандующий улыбнулся.

– Рэн, у меня для тебя дело. Пожалуй, другому я его и не доверю. Ты возьмешь свой десяток и отправишься на материк.

– На материк?

– В Эрланд. Вот, возьми.

Разговор происходил в покоях Ишуро Тори, так что мужчина спокойно вытащил из ящика стола и алый камень, и старую, еще на шелке вышитую карту.

– Зачем? – Рэн был искренне удивлен происходящим.

– Сядь, брат, послушай. Со мной разговаривал император. Он узнал, что Многоликий явил людям свою милость, и в мире появилось новое чадо Многоликого.

Рэн где стоял, там и сел.

– Новое чадо?! Н-но...

– Ваше дело отыскать этого человека и привезти на Шагрен.

– На Шагрен? Но... зачем?!

Ишуро опустил глаза.

– Приказ императора.

Знает. Или догадывается. Но видимо, это что-то не слишком хорошее?

– Брат?

– Больше я сказать не могу. Не спрашивай, Рэн. Так надо.

Рэн спросил бы. Только вот зазвучал в его голове голос деда.

Надо, что тут поделаешь, надо... не потому, что это приказ императора, хотя это тоже важно. Еще и потому, что надо это для Шагрена.

И сам собой рот закрылся.

– Сделаю, брат. Или умру.

– Не умрешь. Нет у тебя такого права, Рэн, потому что второго такого камня на Шагрене нет. Смотри, если я держу его над картой, он показывает, куда идти. А когда вы окажетесь рядом с двуйпостасным, камень нагреется, и вы сразу его узнаете. Уговаривайте, умоляйте, свяжите, силой увезите – что хотите делайте, но этот человек должен быть здесь! Ты понял?

– Да, брат.

– Во славу императора.

– Да погибнут его враги.

– Камень я отдам тебе перед отъездом. И карту тоже. Иди, собирайся, вы отправитесь завтра, на рассвете.

– Слушаюсь, брат.

Рэн ушел, а Ишуро долго думал, правильно он поступил или нет.

Брат...

Брата он любил, и возможность подняться в глазах императора он брату дал. Только вот...

Справится ли Рэн?

Сможет ли?

Себя Ишуро знал, он как клинок, и не согнешь, и не сломаешь, а вот Рэн – он более мягкий, более добрый. Не в том дело, что похитить или привезти человека надо. Но ведь... на смерть считай.

Если Рэн про то узнает... его это не сломает?

Но ведь приказ императора...

Но брат?

Ишуро оставалось только вздохнуть. И пойти молиться. Авось, и поможет Многоликий, когда в душе покоя нет? Ну, хоть как вразумит?

Ага, дождешься от богов! Молчат, как рыбы! Им что, они мир создали, а ты тут мучайся, переживай, мечись вправо и влево...

Многоликий, ну помоги ты! Или хоть успокоиться дай...

Нет! Лучше пойти и напиться. Хоть душа уляжется.

Ишуро терзало предчувствие беды. И откуда она придет, главнокомандующему было неизвестно. Мучило, терзало, давило... точно – напиться. Лучше пусть похмелье, чем вот это самое...

Нет, не хорошо.

Замечательно. И чего она, дура, не ценила того, что у нее есть?

Так Мария и рассуждала, скользя по коридорам дворца в направлении трапезной. Анна держалась рядом. Мария подумала, да и взяла дочку за руку, сжала холодную ладошку. Не переживай, маленькая, мама тут всех по чисту полю разметет, если надо! Эрра Розабелла и эрра Виола следовали за ней. Меньше двух фрейлин никак нельзя.

Придворные кланялись.

Мария снова всех игнорировала. Фрейлины, кажется, что-то отвечали.

Неважно.

А вот трапезная зала порадовала. И здоровущим столом, который пять минут обходить надо по периметру, и Иоанном, который вальяжно сидел в своем кресле, и стулом, который оставлен для Марии – четко напротив, не доорешься, и рыжей дурехой, которая сидела рядом с королем и липла к нему, как репей.

Анна было зашипела, но Мария чуть сильнее сжала ее ладонь.

Не время ругаться! Надо немножко подождать, совсем чуть-чуть... так что Мария царственно опустила на свое место, посадила рядом дочку, оглядела столовые приборы.

Средневековье тут было достаточно продвинутое. То есть и вилки, и ложки, и прочие поварешки тут были. И никто не считал вилы «дьявольским орудием». Классически. Нож справа, ложка справа, вилка слева. Салфетки тоже есть, из белой ткани, несколько бокалов стоит...

Мария поморщилась.

Еще алкоголя ей не хватало!

С недавних пор она его вообще не переносила, ни в каком виде! Воняло ей, неприятно, и вообще... гадость!^[43]

Пришлось позвать слугу.

– Холодной колодезной воды.

– Да, ваше величество.

Рыжая девица подалась к Иоанну, что-то сказала, тот рассмеялся, благосклонно поглядывая на свою пассию и с интересом на Марию.

Ах ты... юный натуралист! Посмотреть решил? Что жена сделает?

Мария милейшим образом улыбнулась и положила себе на тарелку какое-то мясо.

– Мама?

Анна явно спрашивала про Диану. Мария погладила ее по руке.

– Детка, твой папа завел себе собачку. Немного невоспитанную, но ты же не будешь сердиться на несчастное животное?

Анна хихикнула.

– Мама, ты права.

Мария подметила, как заинтересованно слушают придворные. Диана явно обо всем узнает. Ну... не все ж ей доводить Марию было? Мы еще за тот инсульт не разочлись.

Ладно-ладно, то, что Мария благодарна за новую жизнь, еще не значит, что Диане не повыдергивают все рыжие волосенки. Впрочем, можно и обрить. Непринципиально.

– Ешь, зайка. Нас еще ждут великие дела.

Анна фыркнула и принялась есть.

Мария дождалась, пока ей принесут воду, потом попробовала мясо. Свежее, вкусное, приготовлено как-то, вроде на углях... И соус ничего себе. Узнать рецепт?

Потом видно будет. А пока как учили.

Отрезать кусочек мяса, обмакнуть в соус и в рот. А вот овощи не хочется. Еще мяса. И воды...

Мария откровенно наслаждалась трапезой и даже не замечала мужа. А Иоанн смотрел.

Ему действительно было интересно, что сделает жена. Раньше, видя, как откровенно льнет к нему Диана, она страдала. У нее становилось такое лицо... слезливо-плаксивое. А сейчас смотрит... да она вообще на них не смотрит!

Диана тем временем старалась, как могла.

Совершенно случайно (ага-ага, верим!) капнула себе соусом на грудь, подцепила капельку пальцем, слизнула... Иоанна это подзадорило.

Ну и старалась Дианочка, очень старалась.

Иоанн перехватил ее руку, поцеловал тонкий пальчик, Диана покраснела.

Мария?

Вообще безразлично. Мясо ее занимало намного больше, и в тарелку она смотрела с интересом. А на Иоанна – безразлично, как на постороннего человека. Мало ли кто тут бегают? Иоанн нарочно провел рукой по обнаженному плечу Дианы.

– Моя эрра...

Мария подняла голову и посмотрела на них. Удачный момент получился. Только вот...

Лицо у женщины было абсолютно равнодушным. Анна что-то сказала, Мария повернулась к ней и улыбнулась. Ответила, мать и дочь засмеялись, как две подружки.

– Ваше величество! – окликнул Иоанн.

Мария откровенно разозлилась. Вот еще!

Орать через весь стол! Она тут в трубы иерихонские нанялась? А отвечать надо... но голос не подвел. Не сорвался на писк или шипение, а вместо этого разнесся над столом мягкой и звучной волной. Эры и эрры покосились на королеву, и Мария со странным чувством заметила среди них того эрра, который подходил к ней в саду.

Странно.

Но приятно, когда не все вокруг твои враги. Или все?

– Мой король?

Диану аж перекосило! А вот так тебя, паразитку! И даже улыбнуться краешком губ, чтобы получилось достаточно интимно.

– Как прошло ваше путешествие?

– Великолепно. Эрр Торган сделал все, чтобы обеспечить мне удобство и безопасность.

– Да, эрр Леонидас хороший слуга.

Мария промолчала. Только отпила глоток воды.

– А я, ваше величество? Я хороший слуга?

Вывернулось из-под стола что-то такое, яркое и раскрашенное во все цвета, запрыгало, звеня колокольчиками. Мария пригляделась.

Шут?

Карлик?

Да, похоже, и возраст у него уже не юный. Лицо он раскрасил во все цвета радуги, а вот шею не озаботился. Она и выдает. Шея, руки...

– Хороший. Уйди, Колючка, – отмахнулся его величество.

– Гонит король? – карлик демонстративно заломил руки. – Пойду к королеве! О, моя королева!

Проскакал через половину зала и упал на колени перед Марией.

– Умоляю о милости!

– Умоляйте, – согласилась Мария. – Что будем делать для большей успешности?

– А что вы хотите, моя королева?

– В зависимости от размера милости. Битье головой об пол будет? Слезы, крики, стоны? Попытка рвать на себе или на мне волосы и одежду? Попытка поцеловать мне руку или ногу?

Колючка даже опешил на секунду. Но нашелся быстро.

– Если я смогу поцеловать прекрасной королеве ногу – зачем мне еще другие милости? А как далеко я могу зайти? Или лучше спросить, как высоко?

– Зависит от его величества. Но я думаю, он разрешит. И вы сможете поцеловать даже его ногу, – Мария откровенно развлекалась.

Она понимала, что задача шута – развлекать общество, и понимала, что такая пикировка не слишком достойна королевы. Но лучше посмеется она, чем над ней. Ясно же, шут – это вроде палочки, чтобы в нее потыкать.

Сначала приглашение на обед, потом эта рыжая шлюха, теперь шут. По нарастающей идем?

Но что-то в глазах шута было такое... словно он не только от короля, но и сам по себе приглядывается, о чем-то думает... попробовать пообщаться?

– Ваше величество, ну какое удовольствие целовать волосатые мужские ноги? – удивился шут. – То ли дело дамы...

Мария от души улыбнулась.

– Как вас зовут, эрр Колючка?

– Зачем прекрасной королеве мое имя?

– Как, неужели мою ногу будет целовать незнакомец? О, это ужасно!

Анна фыркнула.

Она понимала, что мама шутит, и это было... да здорово это было! Мама, которая шутит, смеется, мама, которая улыбается так, что на щеках появились зазорные ямочки, и она наслаждается этим спором.

– Раньше прекрасную королеву не интересовало мое имя.

– Эрр Колючка, раньше вас не интересовали мои ноги.

– Справедливо. Тогда начнем с рук?

– И проследуем выше – или ниже?

Придворные сидели молча.

Многие из них попадали на язык к шуту, многие об этом горько сожалели. Убить бы поганца, да король не одобрит.

– Зависит от вашего слова, прекрасная королева.

– Зависит от вашего слова, эрр...?

– Эрр Демьен.

Мария царственно протянула ему руку, к которой тут же и припал шут.

– Рене Демьен.

И удостоился второй руки. Причем проделано все было так, что не заревнуешь. Ясно же, что и королева и шут наслаждаются спором.

– Ваше величество, а что я должен сказать, чтобы поцеловать вашу ножку?

– Нет, эрр Демьен, вы неправильно ставите вопрос. Что вы должны сказать королю, чтобы поцеловать мою ножку?

– Король разрешит. У него теперь новые ножки для поцелуев.

Мария захохотала. Причем в голос и звонко. Но... что поделать?

Вспомнилось старое, сакральное, айболитовское: я пришью ему новые ножки, будет он у тебя осьминожка^[44].

– Ваше величество?

Шут откровенно растерялся. Мария состроила заговорщическое лицо.

– Все четыре ноги?

Растерянность стала еще виднее. Даже под краской.

– Посади свинью за стол, она и ноги на стол, – намекнула Мария. – Или сись... то есть бюст!

Впервые за несколько лет Колючка выглядел настолько озадаченным. Правда, по рядам придворных пошел тихий-тихий, словно шелест ветра в лесу, смешок. Дианочку второй раз засунули под плинтус. Тем более что ее объемный бюст и правда покоился на столе, хорошо хоть не в тарелке.

Ревность?

Да помилуйте! Какая тут может быть ревность? Может, еще собак гонять? А заодно кошек, кур, коров и коз? И к лошадям тоже подходить не надо, чего они там смотрят и ресницами хлопают? Соблазняют?

– Ваше величество, вы безжалостны, – притворно покачал головой Колючка. То есть эрр Демьен.

– Неправда! – возмутилась Мария. – Я вам не отказала, а за его величество я не в ответе^[45].

– Ваше величество! – шут, недолго думая, кинулся на колени перед королем. – Вы позволите поцеловать туфельку прекрасной королевы? Или хотя бы вашу туфельку?

Мария едва не завывала за столом.

Ну... ну кто не смотрел мультик про поросенка Фунтика?

Пинчер-старший: Хозяйка... Хозя-я-йика-а! Я знаю, это не в ваших правилах, но, в порядке исключения, вы могли бы подать мне руку?

Добер-младший: Или хотя бы ручку... вот этой сумочки...

Ей-ей, интонации у шута были один в один, как у знаменитых сыщиков. Может, рассказать ему эту сказку?

– Мама?

– Солнышко, напомни, чтобы я тебе рассказала сказку про поросенка Фунтика, – кивнула Мария. А что? Ее даже править не придется! Циркачи – они всегда циркачи, а про воздушный шар... ладно! Заменим на дракона. Многоликий есть? Сойдет!

– Напомню, – мордаха у Анны была довольная. Кажется, она поняла, что маму позвали не просто так, поняла, что мама выигрывает с разгромным счетом, и приободрилась. Это же всегда приятно, когда наши бьют не наших! – Это тот, который ноги на стол?

– Нет. Это тот, который очень вежливый и воспитанный. Маленький поросенок, но очень большой обманщик.

– Хочу!!! – Анна едва не подскочила на месте. Мамины сказки ей нравились.

А что тут делать-то?

Средние века на дворе, книгопечатание пока в зародыше, да и стоят книжечки, как корова, не укупишь. И не все еще грамотны. Вот и остается рукодельничать да языками трепать.

Сплетня, возведенная в ранг высокого искусства.

Сказки, песни, истории – Мария по дороге принялась рассказывать дамам «Дикую Розу». Кто ж ее не помнит из девяностых-то годов? И ведь как слушали! Со священным восторгом и трепетом!

– А мне можно будет послушать?

Мария посмотрела на Колючку, который нарисовался рядом. И ведь не сотрешь.

– Пожалуйста.

– Дражайшая супруга, я и не подозревал в вас талант сказительницы, – громогласно заметил Иоанн. – Что ж, рассказывайте тогда для всех?

Мария вздохнула.

Для всех? Вот в этой столовой? Акустика тут, конечно, хорошая, но горло все же болеть будет... и ведь не отвяжется. На морде написано, что жену надо довести. Вот НАДО!

Чешется у него!

Помыть, что ли? Скинуть в колодец, и пусть порадует... если пролезет?

Ну и ладно! Поступим с вами цинично!

– Я не посмею оскорбить ваш слух рассказами о свинье, ваше величество. Поэтому позвольте поведать вам иную сказку. Совсем небольшую.

Крохотную такую.

Что Мария любила в той жизни, это басни Михалкова. Вроде и недлинные, и почитать перед сном можно, и дергаться потом не будешь, чтобы главу дочитать, и смысл есть. Мало кто знал, что Сергей Михалков – это не только «Дядя Степа», это еще и множество забавных и ядовитых басен.

Что там у нас?

«Кот Тимофей»? «Медвежий зарок»?^[46]

Самая подходящая, и даже с намеком на Эрсонов. «Большая кость»!

Мягкий голос разливался по столовой, завораживал, морочил...

– *Одна из первых мер предосторожности: / Соразмерять желание и возможности.*

Выразительные глаза Марии остановились на Диане, а потом и на Виталисе Эрсоне. И как-то все поняли, кто и о чем. Кроме Дианы, конечно, та так и хлопала глазами.

Ты сам это посеял. Сам будешь и расхлебывать последствия.

Иоанн сдвинул брови.

– Мне не понравилась ваша сказка, ваше величество.

– Мне очень жаль, ваше величество.

Сожаления в голосе Марии не чувствовалось. Вот ни капельки. Не нравится? Других сказок у меня для вас нет.

– Возможно, вам и не стоило ее рассказывать.

Мария пожала плечами.

– Сказка – ложь, да в ней намек. Добрым молодцам урок. А мне позвольте откланяться, ваше величество. С вашего позволения.

Анна чинно вышла из-за стола и отправилась вслед за матерью.

А как хотелось развернуться, да и показать всем язык! А вот вам!

Съели, ГАДЫ!!!

Гады печально переглядывались и чего-то не понимали. Вот как это так? А?

* * *

Эрк пришел домой довольный и счастливый. До вечера он еще успел порадоваться за себя, успел пообедать и поужинать, успел отправиться гулять с друзьями и вернуться домой, там ему плохо и стало. И ему, и Рому. Рому, правда, ближе к утру, он был крупнее, яд на него подействовал медленнее. А может, съел меньше, кто уж теперь узнает?

Но к утру не стало Эрка. К обеду Рома.

А Бертран...

Бертран был ночью занят по уши.

Бертран понимал, что ему надо бежать. Быстро и далеко. Но также он понимал, и что ему не убежать так просто.

Самое главное, надо сделать так, чтобы все поверили в его смерть. То есть...

– Мама, я пойду рыбку половлю.

– Рыбку?

– Да, мне Ром обещал лодку дать. Может, и наловлю чего?

– Ну, иди, сынок. Ты у меня что-то бледненький?

– Желудок крутит. Боюсь, не съел ли я чего?

– Может, дома останешься?

– Неохота, мам. Чего сидеть-то попусту? А так, с удочкой, с лодочки, может, и поймаю чего? Я уж и червей накопал.

– Ну, иди.

– Можно мне с тобой?

В другой ситуации Бертран бы взял с собой брата, но сейчас Тиму пришлось отказать.

– Извини. Лодка маленькая.

– Я бы на берегу посидел.

– А я потом к тебе греби? Если течением снесет? Не хочу...

Отделаться от брата удалось, и Бертран отправился якобы на рыбалку.

Первое, что он сделал, обежал дома своих приятелей. Возле дома Гридасов было шумно и суетно. Эрку было плохо.

Ром?

Надо полагать, ему тоже... будет. Птицы подошли, так что...

Бертран не хотел оказаться на месте птиц. А потому...

Лодку Рома отвязать и отпустить. Удочку в ней бросить.

Когда лодку найдут, подумают, что Бертрану просто стало плохо, он перевалился через борт и утонул. Ирга – река капризная и вредная, не слишком широкая, но глубокая и с водоворотами. Так что тело в ней не найдут. А и найдут кого другого... его уже через десять дней не опознаешь, утопленник там – и все. Склизкий, раздутый и рыбами объеденный.

А вот самому Бертрану надо бежать. Но не просто так, нет! Мальчишке жутко хотелось мести! Ну хоть какой!

А что он может сделать?

Эммм... идея у Бертрана была. Только такая, что его аж всего перекашивало от одной мысли. Но чего не сделаешь, чтобы напакостить врагу?

Тейн... доступ в библиотеку он ему дал! Но Бертрану он был не особенно нужен. Чтобы мальчишка и не придумал, как туда пролезть?

Давно уж!

И окно он знал подходящее, и вентиляционную отдушину. Пока еще протискивался, но через год уже вряд ли пролезет, вырастет... не будет его тут через год.

Если вообще он живой будет.

Страшно...

И уходить в неизвестность страшно, и оставаться – смерть.

Надо уходить. Но не с пустыми руками. Так что – библиотека!

С ужина Мария ушла спокойно, но вот дойти до комнаты не смогла. Виталис Эрсон попался ей по дороге.

– Ваше величество! Умоляю о милости!

– Какой именно? – уточнила Мария.

– Вы не могли бы мне уделить пару минут для разговора?

– Слушаю, – холодно сказала женщина.

Придворные сплетни она уже послушала и отлично понимала, в чем интрига. Ха, тоже еще, *антреганты* нашлись! Смеяться надо начинать после слова: нашлись! Бараны! Болваны!!!

Тожe новость в мировой истории! Нашли подходящую бабу и показали королю. А баба согласна на все, но после замужества! Дальнейшее – даже смешно. Баба будет продвигать интересы своей семьи ночью, а Виталис Эрсон – днем. Канцлером станет, кое-какие денежные потоки в свой карман направит.

Вроде все хорошо шло, а тут королева. Что-то ее не устраивает, и разводиться она не желает, и в монастырь уехала. А как вернулась, так бедной Дианочке и достается! То слева, то справа, то со всех сторон сразу...

Оно и понятно, одно дело третировать тихую и скромную бабочку или там гусеничку, другое дело периодически отплясывать на хвосте у весьма недовольной гюрзы.

Можете попробовать. Но сыворотку с собой захватите.

Виталис решил составить о королеве свое мнение и пошел напрямую. А что?

Ее величество ж дура, она ничего не видит и не слышит, и историческую роль Эрсонов в упор не просекает, и как Виталис племяншку под короля пихает – тоже.

Ха!

Все Мария видела. Более того, на данном этапе ее все устраивало. Она решила пока потянуть время и посмотреть, что будет. Пока ни один из вариантов ее не устраивал. Она бы развелась, да и уехала жить себе спокойно, где-нибудь в глуши, но подозревала, что не дадут.

А остальное?

Ни монастырь, ни развод с последующей быстрой смертью, ни должность королевы ее не устраивали. Никак.

Особенно последняя.

Какой уж там Иоанн был в молодости – неясно, но сейчас это коронованная зажавшаяся скотина, у которой ни совести нет, ни порядочности. Да-да!

Сводить жену с любовницей, давить на жену и травить ее... небось, Мария еще и поэтому загнулась. Дети почти все умерли, Анна не наследница трона, сына год назад похоронила, а тут еще любимый супруг такие подлянки подкидывает!

Нет бы поддержать, сопли-слезы вытереть, так ведь взвалил на бабу весь придворный гадюшник, а сам по чужим кроватям пошел! Хорошо еще, не приволок супруге ничего кожно-венерического.

С другой стороны, может, тут сифилиса и нет? Испании нет, и разносить его некому?^[47]

А может, и плохо. Сифилиса нет, так других болячек хватает, а когда ТАМ болит, поневоле страдать начинаешь по реальному предлогу, а не по воображаемому.

Нет, с мужем Мария не хотела иметь ничего общего. Анны хватит, а все остальное пусть при себе оставит. Ей такое не надо!

– Ваше величество! – Виталис Эрсон отвлек Марию от печальных размышлений о бренном. К примеру, можно спихнуть еще-не-канцлера в нужник. А перед этим укусить.

Помрет как миленький, и не найдут, пока не завоняет!

– Я понимаю, ваше величество, что Диана ведет себя непозволительно дерзко, но она еще молода и глупа. И вы имеете полное право на нее гневаться.

Мария молча слушала.

Змеи вообще любят выжидать. Лежать и выжидать, думать о своем, копить яд... чего дергаться-то? Добыча все равно не уйдет, а ничего нового эрр Эрсон не сообщает. Такой ходульный набор общих фраз, который рассчитан на благочестивую идиотку.

Молодость – глупость, понять – простить, пожалеть – обогреть...

Скучно. Право слово, скучно.

Так что Мария разглядывала самого Виталиса и пыталась составить о нем свое мнение. Понятно, что сволочь. Но дьявол кроется в деталях!

Стоит такой типус... лет пятьдесят пять – шестьдесят ему. Выглядит он старше, этаким полустарцем, но именно выглядит. Не

является.

Хотя маскировка хорошая. Типаж а-ля Дамблдор, если кто помнит это звездатое чучелко. Седая борода, правда, тут в нее ничего не вплели, наоборот, подстригли так, чтобы она аккуратно заканчивалась чуть пониже шеи. Седые волосы, которые благородными белоснежными локонами падают на плечи. Морщинистое лицо, седые брови (Мария невольно усмехнулась, вспоминая про черные брови и седые волосы), а глаза яркие, темно-серые. Глаза умного и опасного хищника^[48].

Одежда... тоже пошита так, словно человек похудел от старости. И заодно лишняя материя скрывает четкие и сильные движения.

Хм. Мария сказала бы, что это гадюка, которая пытается притвориться скромным ужиком.

Она молчала и молчала, пока эрр Виталис не начал повторяться, а потом и сам замолчал. А потом повернулась и пошла.

– Ваше величество!

Виталис возмущался вполне законно. Это что? Он тут распинается полчаса, на все голоса, врага прощупывает, а получается совсем наоборот? Это его тут оглядывали, как колбасу на ярмарке? Позвольте! Мы так не договаривались!

Мария посмотрела на Виталиса, как на полного недоумка.

– Я вас выслушала, эрр. Что еще?

– Ваше величество, вы ничего не сказали!

Мария ухмыльнулась.

– Эрр, вы такой умный! Придумайте что-нибудь сами!

Развернулась и удалилась окончательно.

Виталис стоял и осмысливал. Получалось откровенно плохо.

Он-то сказал многое, но ни о чем. А королева не сказала ничего вообще. Разве что поиздевалась. И это было так не похоже на скромную и тихую женщину... Впрочем, кто их знает, этих баб? Вот, приятеля эрра Виталиса жена и убила. И за что?!

Подумаешь, любовницу человек завел! Имеет право! Ну и поселил в своем доме, а где ж еще? Так удобнее, далеко ходить не надо! А жена молчала-молчала, а потом ночи дождалась, да и полоснула ножом! И полетела душа в небо! Поди, пойми этих баб...

Или надо действовать, а там посмотрим?

Может, так оно и лучше будет. Сделает эрр Эрсон, что планировал, а уж там посмотрим, как сложится. Б-бабы!!!

* * *

Книги – это не просто сборник мудрости человеческой. Это еще и переплет фолиантов, частенько украшенный полудрагоценными, а то и драгоценными камнями. Настоящее произведение искусства.

Вот на эти камни и собирался покушаться Бертран. А что?

Небольшие, унести можно много, чего-то они да стоят...

Кошунство?

Определенно. Но жить-то хочется!

Так что Бертран достал свой нож и принялся выковыривать камни из их гнезд. Небольшой мешочек набрался очень быстро.

Настало время приступать ко второй части плана.

Бертран огляделся вокруг.

Библиотека.

Здесь он провел столько счастливых ночей, столько часов... сидел, читал, не думал ни о чем. И вот сейчас...

Но знания – это важно. Это Бертран понял. А если тейн его враг, то единственное, что остается мальчишке, это нанести ему удар туда, куда возможно.

Лишить его доступа к знаниям.

А еще...

В каждой библиотеке есть то, что ценится больше всего остального. К примеру, вот эта инкунабула.

И эта...

Так-то они хранились под замком, и брать их могли только библиотекарь и тейн... сколько раз Бертран смотрел на эти книги! Старые, такие старые...

И что?

Бросить их здесь?

Ладно, камни уже отправились в заплечный мешок, а потом – потом Бертран принялся ломать тайник. А что?

Если там наверняка что-то ценное!

Получилось не сразу, но мальчишка был упорен, а тайник не рассчитан на небольшой ломик, которым его и поддели. Не прошло и часа, как Бертран отломил панель, которая прикрывала нишу в стене, и с недоумением уставился на пергаменты.

Немного, штук десять свитков. Старые, явно лет сто им есть, а может, и больше, тогда так писали. И... минутку, это не пергамент?

Точно. Это шелк. И на нем не написано, а вышито.

Бертран аж задохнулся!

Это ж... это...

Для тех, кто понимает, это огромная ценность!!! Так раньше самое важное хранили, чтобы случись что, не размокли буквы, не поменялся смысл...

Сможет он свитки упихать в мешок?

Удавится, но упихает! Они и не особенно длинные, две палки длиной в локоть, на них накручены не слишком толстые полосы шелка.

Лучше он кое-что из одежды здесь оставит. Да чтобы он ТАКОЕ бросил!?

Никогда!!!

Свитки перекичевали в мешок, а старые штаны Бертрана из мешка. Жаль, но все не влезало.

Бертран выдохнул. Огляделся по сторонам... библиотека выглядела ужасно. Растерзанные книги, изуродованные переплеты, да и тайник взломанный...

Как же ему претило то, что он собирался сделать. Как же было тошно и тоскливо, и руки дрожали, словно у отца после недельного запоя. А выбора нет...

Кремень, огниво, искра... старый пергамент занимался неохотно. Но Бертран был в себе уверен. Что он – костров не разжигал, что ли?

Дождался момента, когда пламя разгорится как следует, когда его жадные язычки поползут к полкам, к другим книгам, бросил на библиотеку прощальный взгляд.

– Простите. Я бы никогда... так жизнь повернулась.

И рыбкой скользнул в вентиляционное отверстие.

Он успел удрать до того, как стража почуяла запах дыма, до того, как прибежали тушить... успел. И не узнал, что месть его свершилась примерно наполовину.

Вся библиотека не выгорела. Но и той половины, которую сжег мальчишка, хватило, чтобы тейн долго бесился. Погибли рукописи, которые нельзя было восстановить.

Погибли знания.

Не о святых, хотя и их жалко. О Многоликом. О двуипостасных и их обрядах. И это было невосполнимо. А еще необратимо сгорела та часть, в которой был тайник. Тейн даже не понял, что кто-то его предварительно ограбил – обшивка стен тоже выгорела начисто, Бертран же поджигал все рядом с тайником. Оставалось только локти себе кусать.

Лучше бы он отдал свитки брату Винсу или Томе в лабораторию! Лучше бы...

А сейчас остались обрывки знаний, которыми он так не хотел делиться. Он-то помнит, но ведь не все! Ах, какое невезение! Какое ужасное невезение!!!

* * *

Мария сидела перед зеркалом и расчесывала волосы. Щетка чуть ли не со свистом проходила по черным кудрям, Мария бесилась и ярилась.

Дворrrrrrrr!

Дворrrrрец!

Бесило всё. И условности, и придворные, которые смотрели на нее так, словно у нее рога и хвост отросли, и не слишком расторопные слуги, впрочем, последние особенно не нарывались. Слуги отлично умеют слушать и слышать, они уже знали, что король и королева... нет, они не помирились, но лучше лишний раз и не нарываться. Король в растерянности, а королева, кажется, отрастила себе когти и зубы. И получить оплеух нерадивый холоп может с обеих сторон.

Но это-то ладно, переживет она и слуг, и придворных. Может, и в прямом смысле этого слова – переживет, если не убьют раньше. Но...

Но кто сказал тем же Эрсонам, что им все сойдет с рук? Склизкая гадина!!!

Может, сползать, да и укусить его? Два раза?

Останавливало одно соображение. Эрр Эрсон жил не во дворце. Свои покои у него были, но это скорее вопрос престижа, или остаться, когда уже сил нет, падаешь, где стоял и засыпаешь. Дворец не резиновый, а тут еще и придворные... в итоге комнатуха размером со спичечный коробок – уже невероятный знак милости короля, и весьма ценится. Там можно переодеться, поспать, да просто – на ночном горшке посидеть без соседей! А то башенки тут есть, куда ж без них?
[\[49\]](#)

А по столице ползти и искать Эрсона, оно того не стоит. Припоминая быт и нравы средних веков, Мария решительно не готова была ползать вот *по этому* – пузом! Змею тоже стошнить может! Запросто!

А еще... местные маргиналы к мимо проползающей змее отнесутся очень положительно. Как к закуске, их и яд не остановит! Защищаться будет бесполезно. Пятерых перекусала? Подошли? Да и пусть их, нам больше достанется!

Придется подождать.

Рано или поздно Виталис получит все, что заслужил, но не сегодня. Хотя и жаль.

Эрра Розабелла заглянула в спальню.

– Ваше величество, к вам его величество!

– Не поняла?

Кто, простите? И на кой?

Расческа глухо стукнула о стол.

Мария и сама не понимала, какое она производит сногшибательное впечатление. В одной нижней рубашке из темно-зеленого шелка, с распущенными волосами, тоненькая и изящная, совсем юная в свете свечей... Иоанн даже рот открыл.

Он тут стоит, весь такой, внушительный, в ночной рубашке и колпаке, и Мария перед ним... последние годы он в ее кровать и не приходил, считай. Так, пару раз в неделю, надо же ему где-то выспаться?

Но чтобы вот так, стоять и разглядывать свою супругу? Смотреть на изгибы ее тела под тонкой тканью и откровенно облизываться?

Иоанн почувствовал, как у него все напряглось, запульсировало...

– Мария...

– Слушаю?

– Я надеюсь, что эту ночь мы проведем вместе? В знак примирения?

Мария открыла рот. Закрыла. Как-то приличных слов у нее не было, а неприличные при всех дамах произносить не хотелось.

Иоанн решил, что дело «на мази», шагнул вперед и протянул руку.

– Идем, дорогая. Эрры, все свободны...

И так недвусмысленно повернулся в сторону спальни.

Мария, словно в дурном сне, смотрела, как выходят все эрры. Как Иоанн берет ее за руку своими пальцами, напоминающими свиные сардельки, и тянет к спальне... и тут терпение у женщины закончилось.

– Ах ты ж...!!!

Последующая тирада была незнакома Иоанну. Откуда приличному королю такие слова-то узнать? А вот Мария Ивановна в налоговой и не такое выслушивала!

– Да я тебя... и... через... и в...!!! Значит, как любовь, так это Диана, ... и...!!! А пар спустить, ... и... так и я сойду?! – Морской загиб Петра Первого, конечно, был изящнее, но Мария брала экспрессией.

Иоанн так ошалел, что даже не успел дернуться. Мария просто развернула его к входной двери в покои и что есть сил толкнула в спину. А сил там хватало.

Иоанн сделал несколько шагов к входной двери, получил еще один сильный толчок и вывалился в коридор. И дверь захлопнулась, крепко приложив его по спине.

– Эээээ?

Придворные эрры смотрели абсолютно бараньими глазами.

В дверь изнутри ударилось что-то тяжелое.

– Осчастливить он меня решил, ... и...!!! – раздалось из покоев королевы. Видимо, у Марии накопело, потому что голос прорвался сквозь дубовую дверь: – Б...!!!

Половину слов Иоанн не понял. Но мудро решил сегодня попытку не повторять. Это ему еще повезло, в дверь что-то тяжелое прилетело, не в него. А могло и в него.

Лучше не рисковать.

Он король! Он нужен своему государству!

Колотить тарелочки...

Фи, это не наш метод!

Мария честно своротила три тяжелых кресла, добавила к ним четыре вазы и комод, и только на последнем опомнилась. Когда поняла, что от него вот прямо сейчас щепки останутся.

– Б...!!!

Нехорошо, но иногда только русский мат может выразить всю полноту ситуации.

Вот вам счастье-то привалило, ваше величество? Разводимся, но ты все равно это, давай, ага? Пока мы еще женаты! А то мне не с кем, Диана заревнует, а ты вроде как и законная супруга... гrrrrr!

Комод жалобно сказал «тресь».

Мария посмотрела на дело рук своих.

Ага... ощущение такое, что тут медведю клизму делать пытались. Белому, тому, который тонна дружелюбного характера, обаяния и скромности.

Интересно, это никак не связано с ее второй ипостасью? Может, она сильнее становится, вообще, было же! Что оборотни сильнее, быстрее, выздоравливают легче... а ее не потянет в полнолуние обернуться и всех перекусать?

Ладно, если что, она начнет с мужа. Туша там большая, на него весь яд и уйдет, на остальных только вдохновение останется! Ничего! Будем поражать обаянием и душить хвостом!!!

Мария подошла к двери и распахнула ее.

– Слуг сюда и живо все убрать. Я сегодня буду ночевать у Анны.

И прошла мимо придворных, как мимо стенки.

За ее спиной несколько человек заглянули в королевские покои... и поежились. Это как же надо довести тихую и скромную королеву, чтобы она... Ладно!

Женщины прикидывали, что бы они сделали на месте королевы, и потихоньку начинали ее уважать. Это ж...

Кто-то бы уступил и потом плакал. Кто-то сначала бы орал, а потом плакал. А тут... а что – так тоже можно?

Мужчины тоже задумывались об уважении. Прикинув вес комода и очень уважительно глядя на разнесенное в щепки кресло. Заметим,

не о короля оно было сломано. Но королева – она мужа любила... может, еще и любит, раз не о его голову все это поломалось? А ведь могло.

А так вот доведешь ты женщину, а она об тебя и комод, и кресла, и, наверное, шкаф: как-то он подозрительно скрипнул дверцей. Мария случайно об нее креслом задела... раз двенадцать.

Одним словом – женщины!

И как-то задумываешься, может, и не стоит их обижать? А то ведь и лекари не помогут...

Глава 7

– Вот видишь! Ты не прав!

Димас смотрел на Марка с улыбкой. Кузен качал головой и выглядел весьма недоверчивым.

– Да неужели?

– Его величество поручил мне подготовить проект соглашения с королевой. Чтобы она ушла спокойно.

– На тот свет?

– Нет, что ты! Марк, только это секрет...

– Дим, когда я выдавал твои секреты?

– Никогда. Но это не мой, это королевский, – почти хихикнул канцлер. С кузеном можно было расслабиться и не выглядеть строгим и неприступным, вершителем судеб и хранителем законов. Можно даже выпить и рассказывать неприличные истории. Или слушать.

– Ну, рассказывай, что там у вас с королем за секреты, – поддел его Марк.

– Меня сегодня вызвал его величество и приказал проработать все для развода с женой.

– Так...

– Ее величество вроде как согласилась, но просто так не уступит, ей нужен свой дом, содержание и прочее... я должен все подобрать и представить его величеству. А он уж потом переговорит с королевой.

Марк едва пальцем у виска не повертел.

– Ты серьезно?

– А что тебя удивляет?

– Что королева решила покончить жизнь самоубийством. Ведь чуть что... это и повод для бунта, и для смуты, и иностранные шпионы там стадами пастись будут. И эти... что там за баба у короля – Эрсон? Думаешь, они все примут с восторгом?

– Им придется. Главное, это мнение его величества.

– Дим, вот ты вроде и умный, а иногда та-акой дурак!

– Марк, ты просто ничего не понимаешь, – сдвинул брови Димас. – Если все правильно сделать, все будут довольны. Опять же, ее величество будет рядом. Я надеюсь все же, что король останется с

ней в хороших отношениях. Надо будет сходить и спросить, чего она желает.

Марк все же повертел пальцем у виска.

– Дим, так не бывает.

– Но есть же?

– Это наверняка у королевы или любовник, или кто-то есть... советчик?

Димас покачал головой.

– Я бы знал. Никого у нее нет, она просто в монастырь съездила, вот и поумнела, видать.

– Я в это не верю.

– Можешь не верить, но это чистая правда. Пару месяцев, и король будет свободен, и Картену жаловаться не на что, ее величество лично напишет брату... разве не красота? И торговля не пострадает!

Марку захотелось выразиться последними боцманскими словечками. Он бы и поругался, но тут уже добавил Димас:

– Кстати, вот тебе рекомендательное письмо от меня.

– Зачем?

– Марк, меня эрр Тамаш Барна попросил о любезности. Ему нужен доверенный человек, перевезти груз, а подробности он тебе сам расскажет.

– Контрабанда?

– Нет, просто нужен доверенный человек. Вроде как там ценный груз, который абы кому не доверишь. Тебе же нужны деньги?

– Деньги мне нужны всегда. Но ты уверен?

– Я не стал бы тебе советовать плохого, Марк.

В это кузен верил.

– Ладно, Дим. Схожу к твоему Тамашу. Узнаю, чего ему от меня надо, глядишь, и сговоримся. А ты меня тоже держи в курсе, ладно? Я болтать языком не буду, сам знаешь.

Димас кивнул.

У него была своя радость, королева перестала трепать королю нервы, значит, все будет хорошо. Договорятся как-нибудь, а Димас им поможет.

А Эрсоны...

Что ж, придется перетерпеть на троне Диану Эрсон. И не такое на нем сиживало, бывало. Э-эх...

– ДЯДЯ!!! Иоанн мне изменяет!!!

Виталис посмотрел на Диану.

Вот вроде и красивая, и умная, но такая ДУРА!!!

– Диана, милая, ну как *тебе* может изменять его величество? Который, заметим, женат на другой женщине. Пока еще женат. То есть если с супругой – это вообще законно. Если он спит с любой другой бабой, он изменяет *супруге*. А ты тут при каком интересе?

Диану такие мелочи не волновали. Вообще.

С некоторых пор короля она рассматривала, как свою личную и неотъемлемую собственность, вроде стула или табуретки. И никакие посторонние мысли и доводы в ее разум не залетали.

Король – ее. Точка.

– И с кем же?

– С этой старухой! С королевой!!!

– Да неужели?

Иронию Дианочка не уловила, надулась еще больше, став похожа на обиженного хомяка. У маленького Виталиса такой жил, тоже рыжий...

– Дядя, с этим надо что-то делать! Может, отравить эту старуху?!

– Сиди смирно, дура, и строй глазки королю. Что надо – поумнее тебя люди сделают!

– Дядя!!!

– И не такая уж Мария и старуха. Лучше даже слова этого к ней не применяй, потому что она младше короля. Поняла?

– Она тебе что – понравилась?!

Эрр Виталис вспомнил свой разговор с королевой.

Вспомнил ее взгляд, походку, поворот головы, слова, даже взгляд. Как темно-карие глаза могут быть такими ледяными? Словно королева смотрела на что-то ну очень отвратительное?

А вот могут!

– Да, Диана. Она умная женщина, а с такой лучше или вообще не связываться, или дружить.

– Раньше ты так не говорил.

– Раньше я так не думал.

– Тем более! Дядя, она опасна! Ты сам это понимаешь... ее надо убрать! А Иоанн простит, посердится, да и простит.

Виталис не стал спорить с дурой. Вместо этого он уцепил Дианочку за роскошную рыжую прядь и подтащил к себе. Девушка вскрикнула от боли, но эрра это не остановило. Прядь была безжалостно намотана на кулак, и глаза Дианы оказалась в паре сантиметров от дядиных глаз.

Жестоких.

Безжалостных.

Девушка пискнула и обмякла в сильных недобрых руках. Когда надо, эрр Виталис мигом отставлял в сторону все свои немощи и проблемы. Благо половину из них он придумал себе сам и заставил поверить остальных.

– Если ты. Дура безмозглая. Что-то сделаешь. Я тебе голову сам оторву. Поняла?

Сказано было так увесисто, что Диана залилась громадными крокодильими слезами. Впрочем, дядю и они не тронули.

– Ты – поняла?!

Бить ее не надо бы, и следов оставлять тоже, а волосы – это больно. И даже если он у Дианы прядь волос вырвет, все равно никто ничего не заметит. У нее этих волос еще много останется.

– Д-да...

– Вот и отлично.

От толчка дяди Диана отлетела в угол, крепко стукнулась о стол и разрыдалась уже по-настоящему. Впрочем, Виталис ее утешать не собирался. Развернулся, да и дверью хлопнул.

Пусть ее... на то Эсси есть! И он ей более чем достаточно платит!

* * *

Ребекка с тоской смотрела на море.

Море...

Мерно шумят и накатывают на берег волны, и кажутся они совсем разными, синими, зелеными, с гребешками и без, и шипят они по-разному, и все равно это одно и то же море. Жуткая, не рассуждающая стихия. Сила, которой нечего противопоставить... кричат чайки, почти

ныряя, зарываясь в воду, выхватывая мелкую рыбешку и снова взлетая вверх.

Опять море, снова море... как же она его ненавидела! Море отнимало у нее мужа, море отнимет у нее сына! Что она – не видит? Совсем слепая?

Вот и мальчик ее смотрит на море, тянется туда, вслед за отцом, вот и он тоже уйдет в эту ненавистную синь.

Море когда-то отняло у Ребекки брата.

Море, это море...

– Эрра, дозвоьте...

Ребекка с отвращением поглядела на управляющего!

Вот еще... пакость мелкая! То ему шумно, то денежно, то хозяин не велел...

– Чего тебе?

– Эрра, вам письмо пришло.

– Письмо?

Ребекка на пергамент кинулась, как чайка на дохлую рыбешку. Распечатала...

И с руганью отбросила в сторону.

Исс Шент потихоньку поднял его, сунул в карман, а Ребекка уже поднималась со скамейки, на которой сидела. Куталась в шаль.

– Прикажи в мои покои горячего вина. Пусть Мист подаст!

И развернулась, только подол на ветру хлопнул.

Исс Шент бежать и спешить не стал, подождет, шлюха противная, вместо этого достал пергамент, пробежал глазами по строчкам.

Супруг эрры писал, что уходит в плавание, если не вернется, завещание находится у его поверенного. А в столицу Ребекке пока ехать не след, король и королева сцепятся, беда быть может.

А хочется ей!

Чешется!

Тут, хоть и привезла она с собой троих парней, все одно скучно бабе, маотно. И то, когда баба делом не занята, у нее другое место чесаться начинает, не удержишь...

Вот ведь – беда у мужика в семье!

Не жена досталась, а сушая холера! Сын у эрра хороший, постоянно с рыбаками на берегу и в море ходил уж несколько раз,

правда, с оглядкой, и рядом с берегом, но отзываются о нем хорошо. Правильный парень, море понимает.

Дочь у эрра хорошая. Двух дней не прошло, подошла к иссу, попросила показать ей, что и как по хозяйству делается, и теперь учится. Кому-то хорошая жена будет.

То она в саду, то на кухне, то с иссом книги расходные проверяет, Теосу и не жалко ей иные хитрости объяснить. Чай, не все управляющие честными бывают, иные так в свой карман накрутят, что на хозяйский уж и не останется. А девочка хорошая, глазки у нее умненькие...

А вот жена, м-да...

Ладно, пойти, найти ее любовничков, да сказать, кому идти да чего нести.

Вот ведь...

Притопить бы их скопом на неглыбком месте, а поди ж ты, терпеть весь этот срам приходится! А и ничего, Бог милостив, потихоньку и хозяин вернется, и баба его уймется...

А наше дело работать.

* * *

Кто-то другой на месте Бертрана не выжил бы.

Куда бежать?

Как бежать?

У парня таких вопросов не возникло. Река есть?

Отлично, лодки по ней плавают. И баржи. И лес сплавляют.

Вот к такому плоту лесогонов он и прицепился потихоньку. Да-да, к плоту.

Лесогоны действительно плывут по рекам, плывут на плотах и сопровождают бревна. Есть несколько типов лесосплава, вот в данном случае бревна были увязаны в пучки, а из этих пучков составлено несколько плотов. Лесогоны плыли на первом и последнем плотах^[50].

Берт потихоньку подплыл к среднему плоту, сначала зацепился, а потом и залез на бревна. Вытащил из мешка подмокшую одежду, развесил ее на ветках.

Сейчас он плывет к морю. Авось, его какое-то время не заметят, и он сможет убраться от родных мест достаточно далеко. А там...

А что – там?

Бертран собирался уплыть еще дальше, к примеру, в Картен. Наймется он, пожалуй, юнгой на корабль, да и послужит пару лет, а там будет видно. И кто, и куда...

Может, еще и семье помогать удастся, хоть иногда. Но оставаться уж точно было нельзя. Если тейн не пожалел для них яда, кто ему мешает попросту распорядиться придавить наглого мальчишку? Да никто! Отдаст он приказ, и все. И придушат Берта, как куренка, и никто его не найдет. А жить хочется.

Лучше уж неизвестность.

Кое-что у него есть, устроится помаленьку. И свитки он с собой забрал, их бы почитать при случае. Не сейчас, конечно, а как возможность будет. Преимущество таких вот, вышитых свитков, в том, что их можно читать даже ночью. Вообще без света, пальцами. Просто прослеживать пальцем букву или символ, а потом... да, символ. Эти... говорили, что там иератическое письмо.

Бертран горестно вздохнул.

Вот это он пока читать не умел. Присматривался, думал, но не учился пока, слишком уж сложно. Так, с десятка два основных значений выучил, но этого мало. Слишком мало...

Ничего. Будет он жив-здоров, и все остальное как-то да устроится. Край, можно эти свитки продать будет, за них, небось, по весу золотом дадут! Тогда и Берт устроиться сумеет!

А пока – вперед. И пусть тейна перекорежит от собственного яда.

* * *

– Вот дура невероятная!

– Ты мне скажи, вас никто не видел? Не сможет связать?

Валент Эрсон подумал немного, потом качнул головой.

– Нет. Я к ней не приходил, она ко мне тоже. Мы встречались там, где нас никто не мог видеть.

– К примеру?

– В доме матушки Ирты.

Виталис застонал.

– Так... понятно. Надо ехать к этой старой гадине!

Валент воззрился на брата невинными голубыми глазами. Глядя на этих двоих, стоящих рядом, мало кто подумал бы, что они и правда братья. Виталис прилагал все усилия, чтобы выглядеть старше своего возраста, этакая благородная и возвышенная древность. Напротив, Валент старался сохранить молодость. Тут были и яркие наряды, и притирания, и постоянные физические упражнения; будучи сорока пяти лет от роду, Валент выглядел лет на тридцать.

– Зачем? Я ей хорошо платил, она не станет про меня ничего говорить. И она мне поклялась.

Виталис только покачал головой. А что делать с идиотом, который говорит о честном слове, данном хозяйкой борделя?

Лечить обливаниями ледяной водой?

Тоже хорошая идея. Но убить еще лучше будет, хотя бы не мучиться дураку перед смертью.

Виталис преотлично знал, кому носит списки матушка Ирта. И кого она в них вносит, тоже знал.

Игра такая.

Мы знаем, что вы знаете, что они знают... и все до поры. И отлично знал Виталис, что списков старая шлюха ведет два или три. Скорее даже три.

Один для себя, один для начальника королевской тайной стражи, еще один для тех, кто ей хорошо платит.

Валента она могла не включить в два списка из трех, но в одном-то он точно был. И с этим надо было что-то делать.

– Ладно. Я разберусь. Но ты мне скажи, как тебе в голову пришла такая идиотская идея? Убивать королеву?

Валент pokrutil пальцем у виска. Вполне себе междумировой жест оказался.

– Вит, ты о чем? Если бы я решил убить королеву, я бы нанял наемников. И уж точно не стал бы этого делать руками Лизанды. Она же дура! Ее только иметь приятно было, а ума у нее отродясь не было.

Виталис молча протянул ему копию свитка. Кажется, король тоже в эту глупость не верил, иначе бы не отдал, да и разговор велся бы по-другому.

– Читай.

Валент честно и прочитал.

И покачал головой.

– Идиотизм.

– Понимаю. Но тогда кто мог нас подставить? Кого могла так прикрывать Лизанда, чтобы оболгать – тебя? Вы не ссорились?

– Нет. К чему?

– Мало ли...

– Нет, даже и мысли такой не было.

– Тогда объясни мне, зачем ей это?

– Не знаю.

– Поеду я к этой старой твари, пусть она мне попробует объяснить, – Виталис потер лоб. – Если все так, как ты говоришь... у нас появился противник. И это кто-то достаточно близкий и к нам, и к королю. А мы даже не можем и предположить, кто это такой.

Валент мгновенно посерьезнел.

Фигура, лицо... это уже дело десятое. А вот ВЛАСТЬ!

Власть, к которой тянулись ВСЕ Эрсоны, от мала до велика, которую могли получить... и тут какая-то зараза протягивает к ней руки? Не просто ж так этот загадочный некто интригует?

Вот.

Найти и срочно обезвредить!

* * *

Примерно так же думала и сама Диана.

Вот как она, как... как эта королева смеет ТАК поступать?! Иоанн – ЕЁ!

А она тут! Мало того, что ей уж помирать пора, она уже старая, так она и на развод не соглашается! Хотя чем ей монастырь не подойдет – непонятно!

И теперь эта старуха взялась соблазнять её Иоанна! И тот собрался с ней провести ночь!

Диана с утра рыдала так, что самой страшно стало. Но она относилась к тем женщинам, которые могут рыдать, не теряя своей красоты.

Кто бы удивился, что явившийся в ее покои король долго успокаивал несчастную красавицу и заверял, что не собирается возвращаться к жене. Не нужна она ему!

А вчера...

А это он решил устроить, чтобы подтолкнуть Марию к разводу. И получилось же! Они же не провели ночь вместе!

Правда-правда!

Диана кивала... и не верила. Рыдала и все равно не верила!

Ага, не провели! Только вот Эсси рассказала, почему так получилось. И про мебель, которую в гневе переломала королева, тоже рассказала.

Шкаф, две кровати, стулья, стол, комоды... пусть теперь живет в обломках!

Вот дура-то!

Но ладно, пусть королева дура, но Иоанна она могла опять затянуть к себе. Он же дурак сентиментальный, он поддастся – и все! И поведется! И тогда уж Дианочке точно ловить будет нечего. Если супруги помирятся и договорятся, будет ей только роль королевской любовницы. А она хочет стать королевой!

Ах, как ей пойдет корона! Только не чисто золотая, как у той же Марии, а с изумрудами! Да! Под цвет ее очаровательных глаз.

А пока...

Может, пойти еще поругаться с королевой?

Диана уже забыла свой страх или убедила себя, что забыла. И ей хотелось что-то сделать с наглой бабой, которая вздумала отбивать ее Иоанна!

Вот сейчас ей Диана волосы-то повыдергивает... или спровоцирует, чтобы Иоанн разозлился на эту старуху! Или что-то еще придумает!

Если бы рядом оказалась Эсси, она бы удержала кузину от глупости, но наперсница где-то гуляла, а Диана оказалась ненадолго предоставлена сама себе. И пошла на подвиги.

* * *

– Мама, а почему ты не стала спать с папой?

Вот что тут ответишь, когда на тебя смотрят громадными и чистыми детскими глазами? И задают такие вопросы?

Марии захотелось застонать и побиться головой об дерево. Но – дерево жалко. Чего природу-то калечить? Мало на нее в родном мире шизофреников напало, под видом защиты и помощи, так еще и тут Мария будет издеваться? Нет-нет, ни к чему.

Так что женщина улыбнулась дочери и ответила, как можно искренней:

– Потому что папа не хотел со мной спать. Он хотел самоутвердиться.

Анна наморщила лоб.

– Это как?

И что тут объяснишь ребенку? Но Мария попробовала.

– Зайка, люди делятся на две категории. Первые – те, кто себя уважают. Вторые – те, кто себя не уважает. Первые стоят насмерть в любых обстоятельствах. Это не значит, что они негибкие, что они не умеют лавировать или врать, нет. Но для них есть вещи, которые сделать просто нельзя. Вот невозможно, иначе ты сломаешься, и будешь уже не ты, а что-то очень гадкое и неприятное.

– Ага. Это как котят топить?

– Кто тебе предлагал топить котят? – уточнила Мария. Клыки едва не выдвинулись сами собой. Ее ребенку – такое предлагать? И кому тут жизнь надоела? Ладно еще – человека убить, там частенько не просто есть за что, а надо за все хорошее, но новорожденные котята чем провинились? А?

– Эрр Винк, он сказал, что на конюшне кошка родила, и предложил котят утопить.

– А ты?

– А я попросила, и их забрали на кухню. Там они нужны, они мышей ловят, и кухарки их любят... я тогда еще свою золотую булавку отдала, а тебе сказала, что потеряла. Прости, мам...

Мария поцеловала дочку в макушку, запомнила имя и притянула Анну к себе.

– Ты молодец. И я не сержусь. В следующий раз говори мне, я этого Винка сама притоплю в нужнике. А булавку я тебе свою отдам, ага?

– Да, мам.

– Ты поступила, как настоящий человек. А есть такие людишки, которые готовы на все. Они украдут, убьют, лягут с кем угодно в постель, солгут... просто ради личной выгоды. А то и чтобы поиздеваться над кем-то. Они извиваются во все стороны и гнутся, как им захочется. Они вообще не уважают никого. Ни себя, ни других, наоборот, чужие принципы вызывают у них ярость. Как собака хочет укунить луну, потому что та недоступна, и светит, и посмеивается сверху.

– Ага.

– Вот, я себя уважаю. Твой папа меня очень обидел, он предлагает мне... это не отношения, малыш. И это даже не близость. Это поиграть и выкинуть меня на помойку, а мне это обидно и больно. Я его любила, я родила ему замечательных детей, в том числе и красивую умную доченьку, которая может стать великой королевой, – Мария ласково прижала пальцем кончик носа Анны, и та засмеялась. – А он поставил меня в один ряд со своими девками. Такими, как эта Диана. Думаешь, она любит папу?

– Она никого не любит. Она гадина.

– Вот. Она не любит папу, она просто продает ему себя, продает повыгоднее, по-подлому, чтобы нас с тобой не осталось в его жизни. Уважать ее за это не стоит, я и не уважаю.

– Она из вторых, да, мам?

– Да. Она не уважает себя, поступая вот так. А я себя уважаю и не готова делить своего любимого мужчину с такой... глистой.

– Ах ты... старуха!!!

Когда разговариваешь в саду, да еще не опасаясь никого, во весь голос, сложно остаться не услышанной. Мария на что-то такое и рассчитывала. Что ее услышат, что донесут супругу – пусть!

Иоанн уцелел чудом, и повторять такое еще раз просто опасно! Она же его... она просто убьет. Может, даже и не желая того, просто сопротивляясь без учета своих способностей. А если она чего-то не рассчитает? А ведь это запросто!

Но вот принесло ж сюда Диану!

Прежде чем Мария успела ответить, Анна спрыгнула со скамеечки, на которой сидела рядом с мамой, и уперла руки в бока.

– Ты! А ну, вон отсюда!

Диана вздернула нос.

– Ваше высочество, вам не пора на уроки?

Одно дело, орать на бывшую... почти бывшую жену, второе – на дочь Иоанна. Потом-то понятно, она эту соплячку в порошок сотрет, но это будет потом, а сейчас Иоанн может и обидеться!

– Не твое дело! – Анна помнила мамин обморок, и свой страх помнила, и оставлять эту дрянь рядом с мамой не собиралась. – Убирайся!

Как же сложно в десять лет стоять, заслоня собой близкого человека! Но на плечо Анны легла узкая мамина ладонь.

– Любезнейшая, вы смеее не повиноваться ее высочеству?

Вопрос был задан насмешливым тоном. Действительно, Мария – там еще вопрос, хотя она и сама по рождению принцесса, и до свадьбы Дианы с Иоанном всяко будет стоять выше наглой выскочки. А вот Анна – без разговоров.

Пока Диана не коронована, Анна выше ее по положению. И даже после коронации Диане придется быть с Анной вежливой и милой. Особенно если девочку помолвят, как и собирались, с сыном короля Фардании.

– Это еще надо посмотреть, высочество там – или конюх какой покопался, – прошипела Диана.

Мария улыбнулась. Может, прежнюю королеву и можно было пронять такими гадостями. Но не ее.

– Я обязательно сообщу Иоанну о твоих познаниях. А пока – вон отсюда. Ты пока еще никто, и не смей открывать свой грязный рот рядом с моей дочерью!

Анна невольно прижалась к матери.

Раньше мама только плакала. А вот сейчас... Анна хотела защитить маму, но получается все наоборот? И мама защищает – ее?

И это было так приятно! Знать, что ты по-настоящему в безопасности...

– Ты пожалеешь!

– Я уже очень жалею своего мужа.

– Ты...

– Милочка, когда вы краснеете, вы становитесь похожи на большого рыжего хомяка, – припечатала Мария. – Такого, туповатого.

– А... а...

– Точно тупая, мам, – Анна говорила с такими знакомыми интонациями, что Мария себе чуть подзатыльник не дала. Научила!

Была приличная средневековая принцесса, а сейчас что? Осталось еще добавить: ну, чисто в натуре, блин, конкретно! И плюнуть Диане на подол. Это оказалось последней каплей.

Уж что там Диана хотела, неизвестно, но про вспыльчивость рыжих говорили не зря. Она завизжала и кинулась царапать Марии лицо.

Наверное.

Мария этого так и не узнала, потому что уклонилась, подставила Диане ножку и толкнула в спину.

Сильно.

Чего она не рассчитала, так это своей силы. Диана пролетела метра четыре и с визгом упокоилась в кусте роз. Мария вздохнула.

Нет, выпутывать она ЭТО не будет.

А Диана, осознав, что сейчас ей придет абзац, визжала все громче. А как быть? Самой выдираться? Тогда прощай платье. И царапины будут, и долго не заживут. Королева ее вряд ли выпутывать будет, разве что упихает поглубже, надо звать на помощь.

Мария посмотрела на это, да и рукой махнула.

– Идем, Анечка.

– А... это?

– Розы, конечно, жалко. Ничего, может, куст еще и оправится. Посмотрим...

* * *

Эрр Тамаш Барна Марку понравился. Что называется – рыбака рыбака.

Эрр явно не в кресле всю жизнь сидел, и лицо у него обветренное, и прищур характерный, и... Марк сделал один из жестов контрабандистов, наблюдая за реакцией Тамаша.

Долго ответа ждать не пришлось.

Еще несколько жестов, и мужчины взглянули друг на друга уже более дружелюбно.

– Выпьешь?

– После разговора, – отказался Марк.

Дружелюбия прибавилось.

– У меня вода с лимоном.

– Это с удовольствием, – Марк посмаковал ароматный напиток и кивнул. Это ему нравилось. – Так что делать надо?

– Отбиться.

– Даже так?

– Я сижу на торговле с Шагренем. От них всякие полезности, к ним тоже... что-то покрывается долговыми расписками, что-то берем товаром, дело житейское. Но тут нам надо передать живые деньги.

– Серебро?

– Это три твоих корабля нагрузить хватит. Шагрен, сам знаешь, богат жемчугом.

– Да.

– Вот, они мне дают жемчуг, а я им – смотри.

Эрр Барна вышел из комнаты и примерно через пятнадцать минут вернулся с небольшой, не более локтя в высоту шкатулкой. Открыл крышку.

Марку осталось только присвистнуть.

– ...!!!

Шкатулка была наполнена драгоценными камнями. Четыре гнезда. Сапфиры, рубины, изумруды, бриллианты.

– У них это будет стоить втрое. А они мне партию жемчуга. Черного, розового, золотого... половину уже передали, вторую отправят, когда получат вот это.

– Хм... если я должен отбиться...?

– Не знаю пока, откуда протекло. Выясню – высушу. Но корабль с жемчугом дошел, а вот мой корабль, который я отправил, потопили. И точно знаю, искали ларец. Двое матросов спаслись, один за борт выпрыгнул, когда понял, что пираты побеждают, и уплыл, а второй в одной из бочек спрятался, ночью сбежал. Капитана запытали, помощника, штурмана... у всех про ларец спрашивали.

– Ага.

– С кем отправить, я найду. Не обессудь. А тебе на борт демонстративно погружу кое-какой товар, ну и слух пущу, что с тобой оно отправится. Понимаешь?

– Осознал.

Марк понял, на что его собираются подписать, и задумался.

С одной стороны, вызов, да еще какой! Его «Рыжая барракуда» уйдет от кого угодно. И «Зеленую барракуду» взять можно, они справятся. Есть у него еще один капитан «от Предотца».

С другой стороны – риск. Поймают, так ведь не поверят и запытают.

И что, он не рисковал?

Да не единожды!

Марк усмехнулся.

– На моих условиях, эрр.

– Тамаш. Что за условия?

– Два корабля. Оба мои, ну а ваш – сами решите, что и когда пойдет.

– Мои. Я несколько кораблей отправлю, чтобы окончательно всех запутать.

Марк промолчал. Хотя фраза «Сам бы не запутался» так и просилась на язык. Но это не его дело! Море – его, а купеческие лисьи хитрости не к нему.

– Откуда твои корабли пойдут?

– Из Иргланда.

Марк кивнул.

Река Ирга протекала через всю Фарданию, через Эрланд и впадала в море. Речка была коварная, и с омутами, и с водоворотами, и с озерами... да много чего на ней было. Стоял на ней и город Иргланд. Хорошо стоял, не шатался, богател день ото дня. Тут и торговля, и вниз по реке, к морю, много кто идет, и вверх по ней же люди поднимаются, благо река позволяет. Не все корабли пройдут, но «барракуды» Марка проскользнуть могли, их и для этого нанимали.

Хороший порт, и градоправитель там хороший, грамотный.

– Мои корабли сейчас там. А твои, эрр?

– И мои тоже. Там сейчас четыре «барракуды».

– Может, тогда ты их все и отправишь? Ей-ей, лишними не окажутся!

Марк качнул головой.

– Я в себе уверен и в Щербатом. Мой капитан, Адриан Пинтер. Я справлюсь, он точно справится, а вот остальные... они храбрые ребята, они будут сражаться до последнего, но ТАК – не смогут. Не уйдут.

Может, еще один корабль, но он сражаться не будет, скорее, внимание на себя отвлекать.

– Вот оно как...

– Я своих людей зазря губить не буду. Я правильно понимаю, там же не один пират?

– Нет.

– Тамаш, – как-то незаметно мужчины перешли «на ты», да и чего тут крутить? Дело-то о жизни и смерти! Не о деньгах уже, хотя и о них тоже, Марк собирался жизнью рисковать, а это стоит откровенности. – Кто? Не просто ж так ты всполошился?

– Я и тебя нанял не просто так. Дерек Черный, тебе о чем-то говорит это имя?

Марк невольно коснулся рукой плеча.

– Говорит. Еще как говорит.

– Знаю. Потому и решил тебя нанять, что у вас личные счета.

Марк отвел глаза в сторону.

Личные, еще какие личные. Когда-то они с Дерекком и друзьями были, и жизнь ему Дерек спас.

Только вот... не бывало так, чтобы мужик на бабском подоле не поскользнулся. Вот ей-ей, не знал бы, что они с Дерекком не родные, так впору в матери засомневаться. Сначала Дерек женился. И ведь не думал не гадал, Ирма, жена его, стерва редкостная, выглядела, как лебедь белая. Светловолосая, пышная, вроде как безумно влюбленная в мужа.

Марк и подумать не мог, что эта зараза к нему в штаны ползет. На всех алтарях поклялся бы – не виноват! Выпил он тогда, ну и расслабился в доме друга, почти брата, чего б не отдохнуть? Ночью проснулся – рядом с ним баба. Голая. Ну и сработало оно само, кто б на его месте еще и головой думать стал, если все так хорошо?

Знать не знал, что это Ирма, а с утра, как глаза продрал, да такое к похмелью... ох, что ж он тогда не сдох? А эта зараза его еще и обрадовала, мол, люблю – жить не могу, умираю без тебя!

Как он ее уговаривал тогда!

Ведь не сам ее к себе звал, и спьяну все было, и... Дерекка он любил, как брата. Может, только их двоих и любил, Димаса и Дерекка. Димас его родной человек, да и близкий, вместе они все детство, а с

Дереком служили вместе, спины друг другу прикрывали, такое тоже из памяти не вычеркнешь...

Уговорил!

А через два месяца и случилось страшное.

Ирма умерла, пытаюсь вытравить плод. И перед смертью... чтоб ей было молча сдохнуть, гадине? Вот кто ее за язык тянул?

Ирма рассказала Дереку, что это не его ребенок, а Марка. А заодно Марк ее изнасиловал, принудил, издевался по-всякому, и она лучше умрет, чем будет носить ребенка от такого чудовища.

Чего не рассказала?

Так лучший друг мужа, почти что брат, как же эта стерва супругу да такую рану нанесет?

Никогда!

Вот только перед смертью надо из него всю печенку вытащить.

Дерек тогда чуть Марка не убил. Повезло, оглушили его, связали добрые люди, а Марку сказали уезжать. Ну и... рассказали кое-что.

Ирма, даром, что выглядела, как лилия непорочная, стервой была законченной и полной. Первого мужика еще в двенадцать завела, да и крутила всеми, как хотела. Семьи разбивала, людей с ума сводила, потому и за Дереку замуж вышла, что ей подальше уехать надо было. Останься она дома, ее б там на вилы рано или поздно подняли.

На новом месте она сначала осторожничала, да и Дерек мужчина не из последних, не было у нее причин жаловаться. А потом как муж начал в море ходить...

Вот и смешалось все в одну кучу.

И на мужа она обижалась сильно, что не у ног ее сидит целый день. И других мужчин провоцировала. И когда Дерек ее с Марком познакомил, тут еще и ревность вспыхнула. Да, тупая бабская ревность к мужской дружбе.

Вот откуда это берется в дурах?

Свято ведь уверены, что если у мужа есть друзья, так надо их разогнать, чтобы от нее, замечательной, супруга никто не отвлекал! Никогда!

Ирма и попробовала разогнать, надеялась, что мужчины поссорятся, а то, может, и уедет она с Марком, кто знает? У него канцлер в родственниках, там и ко двору попасть можно...

Не вышло. Еще больше озлилась гадина, ну и отомстила, как могла. А чего ребенка травила?

Так она просто не знала, от кого беременна, да и детей никогда не хотела. Носить, рожать, кормить, фигуру портить – зачем? Если можно жить легко и приятно?

Марк тогда волком был, но понимал, что Дерек его не послушает. А потом и слухи дошли.

Над гробом супруги поклялся Дерек, что из Марка кишки вынет, руку разрезал, землю кровью напоил. Но не поехал в Эрланд.

Правильно он рассуждал, у Марка есть Димас, а у того связи. Хватило бы!

Марк бы просто попросил Дерек схватить, заковать в цепи и держать в темнице. Недолго, может месяца два, чтобы предоставить ему любовников Ирмы и доказательства ее подлости. Не убивать же брата из-за гадины?

Так что Дерек ушел в пираты. Получил прозвище Черный Дерек и активно охотился на Марка. Пока – не получалось. Море – оно большое, а Марк на месте не сидел.

И вот чего не хотел Многоликий Насмешник...

Бекки была копией Ирмы. Разве что не такая подлая, но обе – шлюхи. Может, и правда – братья по несчастью?

А сейчас вот... окончательно брат пиратом стал.

Больно. От этого было больно глубоко внутри.

– Личные, Тамаш, ох какие личные. У него ко мне. Если он узнает, что я... обо всем забудет.

– А у меня корабль и проскользнет. Уж прости, Стоун, так надо.

Марк оскалился.

– Это да. Только не думай, что по такому случаю я тебе скидку сделаю.

В глазах Тамаша мелькнули веселые искры.

– Так-таки и не сделаешь?

– Ни за что! – уверенно сказал Марк.

– Тогда называй, сколько хочешь.

Марк и назвал. И всего через полчаса азартной торговли мужчины ударили по рукам. а мелочи, вроде «недостойного кровопийцы», «мироеда» и «барракуды бессовестной» можно и не упоминать. Мало ли что два хороших человека друг другу скажут? Бывает. Это бывает.

– Ирта, мы друг друга сколько лет знаем?

– Да уж поди и не живут столько, – проститутка выглядела в разы моложе собеседника, но она и все усилия прилагала, чтобы сохранить молодость.

– Вот. А ты моего брата подставила. Нехорошо это. Не по-дружески.

Улыбался эрр Виталис вполне мило и разговаривал ласково, но женщина чувствовала себя птицей, к которой подползает здоровущая злобная гадюка.

– Эрр Виталис, я ж не дура, чтобы с вами играть в такие игры. Вы мне скажите, что не так, а я уж расстараюсь?

– У тебя брат с эррой Лизандой Шаран встречался.

– Да. Он попросил, ну я и сделала так, чтобы его никто не видел, и ее тоже.

– А говорила ты об этом кому?

Ирта усмехнулась краешком губ.

– Вот не поверите, эрр, никому не говорила.

– Не поверю. Ты со мной играть вздумала?

– Нет, эрр. Я ж не в глухом лесу живу, понимание имею. Чтобы брат будущей королевы, да одна из верных фрейлин ее величества Марии... о таком лучше помолчать. Два раза, для верности.

Виталис смотрел внимательно. Но... не врала она. Вот не врала, и все тут. Он хоть и не двуипостасный, по запаху ложь определять, да, была у них и такая способность, но кое-что отлично видел. Человек соврет, а тело его выдаст хозяина.

– Не говорила. А может, видел их кто? Или догадался?

– Я им тайну обеспечила. Только вот...

– О чем думаешь, то и говори. Не разозлюсь.

И то, чего злиться на слова, когда ты можешь ответить на них делами?

– Валент Эрсон не из дураков. А сама Лизанда, она туповата. И замуж ей хотелось. Могла и проболтаться кому третьему, просто, чтобы показать свою важность. Или с подругой поделиться.

– Может быть. Но учти, если это ты...

– Нет, эрр. Я молчала и никому не говорила. Я еще жить хочу, а в такое встречать – себе смерти искать.

– Хорошо, что ты это понимаешь. Вот и дальше будь умницей.

Ирта кивнула. Эрр Виталис положил на стол несколько золотых и откланялся.

Нет, она не врала. Но кто тогда? Слуги?

Могли. И Лизанда как-то добиралась до этого дома, и похвастаться она могла... нет, не понять. Ладно, начнем со слуг Валента. И надо самому поговорить с этой... как ее там? Розабелла?

Вот, с ней тоже. Может, она что-то знала о подруге?

Виталиса не беспокоили обвинения настоящие. Хочет он власти? Виновен! Копают под Бустона, мечтает, чтобы исчезла королева, и после развода устроит ее смерть – тут виновен по всем пунктам. Но когда его обвиняют в том, чего он не делал, поневоле настораживаешься.

Кто?!

Сейчас король не поверил, но это – сейчас. А что будет потом?

Виталис собирался найти своего неведомого врага. В глаза посмотреть, за горло подержать недолго... такие твари опасны тем, что неизвестны.

Ничего! Он еще вытащит негодяя на свет божий.

* * *

– Ваше величество, вы не хотите сходить на службу?

Мария скрипнула зубами.

Чуть не попала! Вот... нет у нее этой религиозности, когда каждое воскресенье обязательно в храм, а каждый день еще и молитвы почитать. Не-ту!

Неоткуда ей взяться.

Мария воспитывалась, когда религия была опиумом для народа, так она ее и воспринимала.

Бог-то есть, это понятно, и церковь нужна, как инструмент управления государством. Если нет государственной религии, ее место займет какая-нибудь пакость. Это уж не на одной стране проверено.

Идеология должна быть.

Иначе начнется, сатанизм, ЛГБТ и прочая нечисть. И вот не надо о терпимости. Все должно быть очень сильно в меру и до какого-то предела. Сначала заднеприводные, потом педофилы, а потом и каннибалы пойдут? А что, на планете один черт перенаселение, сразу две проблемы и решится!

А сатанизм, если что, вреден для мозгов своей вседозволенностью. О религиях можно сказать много чего, и течения у них разные, но всегда четко расписано, что такое хорошо и что такое плохо.

Плевать – католик ты, протестант, православный, мусульманин, иудей, ты не найдешь ни одну религию, в которой будет одобряться воровство, убийство, предательство, и вот тебе вишенкой история Иуды и его нарицательное имя.

А в сатанизме?

Мария Ивановна в свое время полистала их и пришла к печальному выводу.

Рановато отменили святую инквизицию. Вот слишком рано. И вообще, что-то неладно и в Ватикане, если папа римский разрешает всю эту заднеприводную братию вопреки тому, что написано в Библии. После такого и в храм-то ходить побрезгуешь.

Маша и не ходила, а тут – надо.

– Святой отец, вы правы. Просто я сейчас так устала...

– Я понимаю, ваше величество. Но Предотец и Предмать никогда не устают для нас.

– Они – боги, а наши силы небезграничны, – с ходу парировала Мария. – Конечно, я хочу получить утешение от Предотца, Предматери и Многоликого, но не вот сию секунду. Завтра с утра я отправлюсь на службу, это будет правильно.

– Да, ваше величество. И умоляю вас задержаться, как обычно...

Это – то, о чем она думает?!

В любовника Мария не верила, не было у нее таких предпосылок. И в вещах предшественницы ничего такого не нашлось, и не до того было Марии. Один двор чего стоил...

Даже сейчас к ней подходили с какими-то вопросами, но Мария только взмахивала рукой.

Пока не определится ее статус, она ничем заниматься не будет. Не обязана.

Указания? Деньги? Участие в каких-то церемониях?

Она никому и ничего не должна. Не пока ее супруг таскается за юбкой смазливой девки. С кого хотите, с того и спрашивайте.

Мария подозревала, что ее точку зрения и до короля довели, но к чести Иоанна, он решил не связываться. Понимал, что другого ответа не будет, да и огрести от разъяренной женщины второй раз не хотел. Лучше уж правда побыстрее приставить и к месту и к делу Дианочку. И пусть тянет на себе весь этот воз.

А Мария преспокойно проводила время с дочерью.

Обязанности? Не ее! Все рухнет – рассыплется – развалится – разворуетсЯ?

А ей какое до этого дело? Хоть все соприте, хоть что соворите. Мария тут ни при чем.

Точка!

– Эрр Роман?

Ответом ей были опущенные длиннющие ресницы святого отца.

Мария выдохнула.

Письмо от брата!

Что ж, посмотрим, что ей может предложить Картен! В Эрланде не заладилось, ну так она в другом месте свою удачу поищет!

– Да, я с удовольствием схожу на службу. И на исповеди я давно не была.

Роман еще раз опустил ресницы.

Все правильно.

Все сделано правильно.

* * *

– Смотри, какая у нас крыса появилась!!!

Бертран и пискнуть не успел, когда его схватили за шиворот и вытащили на всеобщее обозрение. Только порадовался, что драгоценный мешок закопал поглубже! Что его не заметили!

Но как он так мог!!!

Проспал, как последний идиот! Уж очень сильно его свалило после всех переживаний и побега!!!

– А... э...

– Ты кто такой? А ну отвечай, не то в воду кину!

Бертран представил себе, что его сейчас выкинут, а его мешок останется, и его найдут... и заверещал, словно поросенок.

– Иссы!!! Умоляю о милосердии!!!

Плотогоны переглянулись.

Может, и полетел бы Бертран за борт, но время было уже после обеда, по чарочке они приняли, настроение было благодушное, река спокойная, ну так и чего его?

Выкинуть всегда можно, пусть мальчишка сначала расскажет, как его сюда занесло?

Тот плотогон, который держал Берта за шкурку, встряхнул его, как терьер – крысу.

– Ну?!

– Иссы... я из храмовых, – Бертран решил сильно не врать.

– Ишь ты. Молиться учишься?

– Учусь... – Берт обвисал в сильной руке, как нашкодивший кот.

– А чего сбежал?

Бертран хлюпнул носом. Никаких усилий для этого и прикладывать не пришлось, поди, поспи в мокрых штанах-то?

– Да я... это... у нас там монах был... брат Винс! – имя одного из тех двоих выскочило, словно само собой, мальчишку аж передернуло от воспоминаний.

Вот как, и ничего особенного те двое не сказали, а все равно... жутко. И страшно. И противно до ужаса...

– И чего тот брат?

Бертрану и изобретать особенно не надо было, случалось такое. Не с ним, он тогда вовсе мелкий был и невзрачный, а с одним из служек.

– Брат Винс... он мальчиков очень любит. А женщин не любит. Вот и начал... – Бертран попробовал прикрыть задницу.

– А ты, значит, не захотел зад подставлять.

– Я что – извращенец?

Плотогоны переглянулись.

Так-то... слышали они о таком. Кому и морду чистили, бывало.

– И пустился в бега?

– А чего – ждать было? Или задницу подставлять? Батка у меня пьет, пока поймет, в чем дело... еще и не поверит. Мамке не до меня, у

нее мал мала меньше... еще и порадуются, что одним ртом меньше стало.

– А чего к нам прицепился?

– Уйти подальше надо было, да так, чтобы не поняли, не заметили... как еще? Только водой.

Плотогоны переглянулись.

Звучало вполне здраво.

– У нас бездельников нет.

– Я кашеварить могу, миски мыть. Помогать могу... я постараюсь не быть обузой! – Берт даже руки перед собой сложил, отчего мужики рассмеялись. – Историй много знаю разных...

Может, требуй доброе дело от них побольше затрат, и выкинули бы они мальчишку за борт. Но... почему бы нет?

Денег от них не требуют, ложку каши не так уж жалко, плоты все равно идут вниз по течению, а любителей молодых мальчиков сильно не любили уже сами плотогоны. Кто ж их, извращенцев поганых, любит? Разве что такие же...

Поэтому через три часа Бертран вовсю крутился по плотам, помогал и тут, и там, и тихо радовался. Его пожитки так и были спрятаны между веток и сучьев, и никому до них дела не было. Надо будет потом просто исхитриться вечером, да и показать всем. Только свитки и камешки вытащить, а остальное пусть смотрят. Авось, не заберут? Кого его драные штаны интересуют?

* * *

Служба в храме оставила у Марии двойное впечатление.

Красиво, конечно. Певчие поют, ладаном пахнет, свет цветной через витражные стекла, опять же, в местных храмах принято сидеть со всеми удобствами, лавочки даже бархатом обиты. Для королевы кресло, для принцессы кресло, что ж не посидеть, не послушать, как поют?

Может, и богам местным приятно. Они точно есть, Мария знает. Теперь знает.

С другой стороны...

Змея в ее душе поднимала голову и шипела. Мария уже начала различать немного себя и своего внутреннего зверя. Понятно, что они – одно и то же. Но кое-что диктует и гюрза. Например, любовь к полусырому, непрожаренному мясу. Или рыбе. А вот овощи змее почему-то не нравятся.

Еще неподвижность. Мария с удовольствием провалялась бы на солнышке несколько часов, просто не двигаясь. И смотреть на солнце она могла теперь спокойно.

А вот скопления народа змее не нравятся. Раздражают они ее. Здесь слишком тесно, слишком... опасно?

А пожалуй, что и да. Люди близко, змея успеет уйти от атаки, а вот человек – вряд ли. И змея беспокоится.

Впрочем, вот прямо сейчас убивать Марию не будут. Пока это невыгодно... не пропустить бы ей тот момент, когда минусы перевесят плюсы.

После службы Мария послушно отправилась в исповедальню. Это ей тоже понравилось. Исповедь в православии какая-то... там не расслабишься. А вот тут – вполне. Закрытое помещение, двое человек... впрочем, помещение не такое уж и закрытое. Вот, открылась стена, которая разъединяла две кабинки, и отец Роман шагнул внутрь.

– Простите, ваше величество. Здесь нас точно не подслушают.

– Все в порядке, – Мария подняла руку. – Что написал мне брат?

– Ваше величество, потом я должен буду уничтожить письмо. При вас.

– Читать здесь, – кивнула Мария. Что ж, это разумно.

И с хрустом сломала печать на небольшом свитке. Что ж, Саймон, оказывается, неглуп...

Дорогая сестра!

Я рад, что ты решила блюсти свои интересы вместо супружеских. Если Иоанн тебя предал – это его вина. Ты хочешь жизнь для себя и престол для племянницы, я согласен с тобой.

Уехать в Картен – невозможно. Вас достанут в любой стране, ты королева, Анна – принцесса.

Вижу лишь один выход.

Если Иоанн случайно умирает, а Анна выйдет замуж за подходящего Эрланду и Картену человека, ты сможешь попробовать

удержаться. Если тебе это подходит, поговори с эрром Нейманом. Ему я доверяю, как себе. И отпиши мне, если согласна.
Любящий тебя Саймон.

Мария прочитала еще раз и посмотрела на священника.

– Огниво есть?

– Да, ваше величество. Вот, жаровня...

Мария сунула туда пергамент и подождала, пока он прогорит.

Ругаться не хотелось, но... твою бухгалтерию! Три раза об кодекс и налоговой сверху!!!

Саймон вконец оборзел? Вот не было у Марии другого слова! Это не безобидные пописушки Анны Австрийской, в которых та на Ришелье покушалась, за такое голову снимут к едрене вше! Это ж прямое предложение устранить мужа и править!

– Мой брат не понимал, что случится с вами, попади это письмо к Иоанну?

– Понимал, ваше величество. Но ваш брат полагает, что у него не так много времени, поэтому он решил слегка пренебречь безопасностью.

– Вот как? Почему у него нет времени?

– Ваше величество, все зависит от вашего... гхм... развода.

– А-а, – сообразила Мария.

Ну да, пока делу не дан ход, все еще можно переиграть. Сказать, что милые бранятся, только тешатся, что Диана это так, легкое увлечение, и вообще... бывает!

Мало ли кто там и кого там... вот она королева, вполне легитимная и коронованная, вот принцесса, вот ее супруг... что вас не устраивает?

Ох, чтоб тебе налоговая каждую ночь снилась!

Выдавать своего ребенка замуж абы за кого Мария не собиралась. Вообще.

Что за наглость?! Мало ли кто там и кому выгоден, это её дочь! Почти её! И для начала Мария будет учитывать ее интересы! А то ж...

Клод Французскую вспомним? Так, к примеру?

Шикарная жизнь была у девчонки! В пятнадцать лет замуж, в шестнадцать лет передает все свои владения в вечное пользование

мужу, в двадцать пять умирает. Семь детей! Нормально пожили только двое. Убиться счастьем!

И таких примеров по истории можно вагон накопать, а потом прицеп добавить! Мария почувствовала, как сами собой из пазух появляются клыки.

Пришлось спешно затолкать раздражение поглубже и улыбнуться.

– Пишите ответ, святой отец. Я сейчас запечатаю, и вы его отправите. У вас все есть при себе?

– Да, ваше величество, – отец Роман достал из складок рясы такой же свиток пергамента, но Мария отмахнулась.

– Сможете отправить письмо голубиной почтой?

– Да, ваше величество. Но...

Мария благочестиво сложила руки.

– Тогда напишите буквально пять слов.

– Ваше величество?

– Мой брат умен и благороден, а я буду молиться, чтобы Предотец смилостивился надо мной. Напишите так. *«Все в воле Божьей. Мария»*.

Несколько секунд святоша хлопал глазами, а потом дошло. И отец Роман поклонился.

– Я напишу, ваше величество.

– А когда приедет эрр Нейман, найдите способ представить его мне... я подумаю, что делать дальше.

– Эрр Нейман уже в пути. Ваше величество, вы...

Мария опустила ресницы.

Она. А что – она должна тут расписывать все и подставлять и себя, и дочь? Не-не-не, так мы не договаривались! Она будет молиться! Много! А что там боги решат – не ее забота!

И никакого компромата!

Вон, убийство Павла Первого или Петра Третьего прекрасно обошлось без письменного приказа, и это правильно! Нечего тут компромат раскидывать!

Если Анне еще сидеть на троне...

Мария прислушалась к себе – и никакого внутреннего протеста не ощутила. Сможет она прибить Иоанна, чтобы самой остаться в живых? Вполне! И ради Анны тоже. Но свидетелей и признаний все равно лучше не оставлять. Политика...

Самый обычный рыбацкий кораблик.

С такими сторожевые корабли Картена разбирались легко и просто. Сигналили, заставляли лечь в дрейф, потом обыскивали корабль и забирали все, что найдут. Давали экипажу время пересест в лодки и забирали кораблик.

А как еще?

Лезут и лезут эти шагренцы, простых слов не понимают! Это воды Кар-те-на!!!

Не Шагрена!

Ловите рыбку у себя, а нам своих людей кормить надо! Жестоко? А два века назад, когда вы на материке пытались высадиться, убивая всех, включая младенцев, – это было не жестоко?! Нет?!

Вам можно!

А потом вы начинаете спрашивать – за что?! А вот за то!

За Алую резню, за налеты, за несколько десятков тысяч погибших тогда, за обезлюдивший город, который тогдашний король приказал не восстанавливать. Посыпать землю пеплом и солью, и оставить. Для напоминания!

Человеческая память несовершенна, пройдут века – и забудется. А вот когда так... и стоит над морем черный обелиск.

Шагрены тогда никого не пощадили, два человека из всего города уцелели чудом, про деревни и поселки вообще молчим. С тех пор Картен их не принимает. И идут на дно лодки, и кораблики, и... всякое бывает, и с одной, и с другой стороны. Но если кто-то из Шагрена уходит в тот же Картен... вот в Картен как раз и не уходят. Не принимают их там. В других странах еще может быть, а в Картене любой шагронец – мишень на стене. И язык не поворачивается спорить. Слишком много между этими народами крови, горя и боли. И постоянно удлиняется список погибших – с обеих сторон.

В этот раз было похоже.

Так же картенский сторожевик заметил суденышко.

Так же в рупор заорали приказ – остановиться. И так же корабли встали бок о бок, для проведения досмотра. Хотя что там смотреть на рыбацьем суденышке?

А потом...

Они вылетели из трюма, словно молчаливые ночные тени.

Словно демоны бездны.

Словно руки самой Смерти.

Вылетели, с клинками наперевес, и палубы кораблей окрасились кровью. Один за другим, картенцы падали бездыханными на грязные просоленные доски. И кровь смывала рыбью чешую...

Десяти минут не прошло, как все было кончено.

Рэн Тори, главный в десятке Чернозубых, смотрел на трупы без малейшего сожаления или сомнения. Все просто.

Тела – раздеть и за борт. Одежду отстирать, она им еще пригодится. Ишуро Тори, командующий войсками Шагрена и его кузен, между прочим, выдал им деньги, но лучше сэкономить. Кто знает, сколько им еще искать этого потомка? И везти, и... мало ли будет расходов?

Жаль, что не попался хороший корабль, на этом можно дойти только в Картен. И там еще идти, по полям, перелескам, уединенным местам, стараясь не попасться на глаза картенцам. Не убьют. Но проблем они причинить могут много.

Десять Чернозубых – это не все войско Шагрена, сотню врагов они положат, но не две и не три... и краску с зубов придется стереть. Все ради Шагрена!

Им надо привезти туда первое за столько лет Дитя Многоликого! И если они справятся...

Никаких – если! Они обязательно справятся!

* * *

Мария как раз завтракала.

С недавних пор еда перестала ей приносить удовольствие. И так-то средневековая кухня – дело крайне своеобразное. Специи и пряности тут добавляют во все, причем иногда ориентируются на цену, а не на сочетание. К примеру, мясо с корицей – без проблем! Или рыба с шафраном и розмарином.

Часто еще думают, как забить легкий привкус тухлятины... увы! С продуктами мухлевали во все века, и не всегда это удавалось

распознать. На кухне-то понятно, вскрывается, но обратно уже продукт не отправишь, и надо его скормить людям.

Ладно.

Мария и сама себе готовила бы с удовольствием, но – нельзя. Королева-с. Не поймут! Не положено!

Хоть ты себе отдельную жаровню в покоях устанавливай и на ней кашеварь! Место позволит, а вот этикет – нет. Если она так поступит, ее муж спокойно в психушку сдаст.

Вот и приходится тщательно приноживаться к блюдам на столе.

С момента змейства Мария обнаружила, что обоняние у нее улучшилось, и всю этим пользовалась. А что? Если люди не чувствуют, что рыбка-то не слишком свежая, а она чувствует? Вот, она и сама не съест, и ребенку не даст. А остальные пусть кушают, ей еще придворных жалеть?

Перебьются!

Но специи-то полбеда, а вот придворные!

Муженек, который смотрит так, словно не знает, что с ней делать. Вот как с той рыбой. Съесть? А если лучше не надо? Или не съесть? Заинтересовала, на свою голову!

Красотка Дианочка, которая из кожи и платья вон лезет, абы король на нее смотрел. Он и смотрит, но и на Марию тоже. А у Дианы вырезы все больше, манеры все смелее... Интересно, когда она все-таки перейдет границу и вывалится из платья?

Весь остальной коллектив, который разделяет трапезу с королем. И смотрит то туда, то сюда. Тот же канцлер, тот же казначей... если бы не шут, Мария вообще бы взвыла и перекусала всех окружающих. Хоть эрр Демьен как-то ей жизнь скрашивает!

Тут шуточку отпустит, здесь съязвит...

Мария с ним шутила в свое удовольствие. Видно же, что шут – вот и шутит, работа у него такая, и ее он сильно поддеть не хочет. Иногда границу переходит, но осторожно, и тут же откатывается назад. Это можно простить.

Вот и сейчас они с Рене гадали, на что похожа поставленная на стол пышная оранжевая роза. Пришли к выводу про хомяка... Дианочке правда что-то не нравилось, но наверное, она просто не любит хомяков. Анна слушала, тихо хихикая в салфетку. Привыкнув к тому, что мама любого за нее распустит на клочья, она постепенно

оттаивала. Шуту это тоже нравилось, и он почти незаметно втягивал принцессу в беседу. Не издевался над ней, а делал так, чтобы Анна могла сама выбрать ответ на его вопрос. Да, высокое искусство беседы!

– Отец мой!!!

Трапеза была нарушена залетом (а как тут скажешь иначе, если он летит, словно на крыльях любви) в зал симпатичного парня лет семнадцати.

Иоанн невольно расплылся в улыбке, оно и понятно. Мальчишка – явно его копия. Те же светлые волосы, те же глаза, фигура... ладно, у супруга она скрыта под толстым слоем сала, этот еще столько нажрать не успел. Но фамильное сходство налицо.

– О, отец!!!

И парень отлично этим пользуется!

Вот, упал перед отцом на колени, поцеловал его руку, повернулся к королеве.

– Ваше величество!

Поклон по всей форме. И взгляд... таким на лютого врага смотреть. С презрением, злобой... но папаша-то этого не видит! Сыночек к нему тылом стоит! А Мария, наверное, нервничала!

Хорошо еще, чуточку успела местных сплетен нахвататься, так что кое-как сообразила. Это, наверное, побочный сын короля... так, ему родили двое. Эрра Ирена и эрра Маргарита.

Этот постарше, значит – от Ирены.

– Ваше высочество! – И такой же взгляд, только еще с нотками похоти, словно облизывающий фигурку девочки... ах ты ж ёж!

Анна напряглась. Мария мгновенно озверела.

Ее ребенка терроризировать?

Я тебе сейчас выпишу путевку в жизнь! Взгляд на Рене Демьена – и полученный ответный взгляд стал спусковым крючком. Мария улыбнулась и встала из-за стола.

– Мой дорогой эрр Флориан! То есть не-вполне-Флориан! Как я рада вас видеть! Ваш батюшка так тосковал, так грустил... я надеюсь, вы к нам надолго?

Эрр, который был не Флориан, а вовсе даже Фиц-Эрланд, подавился воздухом.

– Я... я... Фиц-Эрланд! Ваше величество!

Ну какой же предсказуемый мальчик! Зацепился за первое, что в голову пришло!

Каблучки Марии простучали по плиткам пола.

– Да-да, конечно! Ах, оставим эти грехи прошлому! Иоанн, милый, я так рада, что приехал ваш сынок! А где же ваша матушка?

– Она дома...

– Иоанн, вы просто обязаны пригласить милую эрру Ирену ко двору! Я скоро уеду, а вы будете жить одной чудесной дружной семьей... вот, мальчик, погляди. Это твой новая мамочка!

Мария ловко развернула мальчика, который не привык к такому напору, да так, что ему открылся вид на декольте Дианы. А что?

Снизу вверх не видно было, да и все внимание шло на короля. А сейчас-то...

Илес отчетливо сглотнул.

Мария его понимала. Лежит тут на столе такое богатство... мечта каннибала!

– М-мамочка?

– Да-да, эрра Диана! Не сомневаюсь, она отнесется к тебе с надлежащей любовью и заботой!

Иоанн грохнул кулаком по столу.

– Ваше величество!

– Ой, а я что-то не так сказала? – захлопала ресницами Мария. – Но Диана любит вас, мой дражайший пока-супруг, полюбит и вашего сыночка! Наверное. Опять же, они почти ровесники, легко найдут общие темы для беседы.

– Вы на что намекаете?! – взвилась Диана.

Эрр Виталис едва лбом об тарелку биться не начал. Почему, почему на завтрак не подают нугу? Она так восхитительно склеивает челюсти, и так помогает! Ясно же!

Теперь и Иоанну ясно...

Вон как у короля желваки на скулах заходили.

– Я прямо говорю, что будете вы жить-поживать одной большой счастливой семьей! – удивилась Мария.

Все понимающая Анна прикрылась букетом роз и откровенно посмеивалась за ним. Придворные сидели как мышки, боясь пропустить хоть кусочек спектакля.

– Я сыт! – рявкнул Иоанн, вылетая из-за стола.

– Вот и замечательно, – согласилась Мария. – Какие тут шикарные блюда подают... два кусочка съела и уже сыта по горло!

И так оглядела Диану и Илеса, что те аж поежились.

– Ваше величество, – подкатился шут. – Отравитесь!

Благо Иоанн вышел, а попадаться ему под горячую руку, бегать и умолять как-то никому не хотелось! Вон, и в коридоре что-то загремело!

– А если поварить подольше? – Мария с гастрономическим интересом оглядела Илеса. – Говорят, при длительном вываривании яд разрушается?

– Тогда лучше поджарить, моя королева.

Мария погрозила шуту пальцем. Вот это уже недопустимая фамильярность, но ругаться на него не хочется. Совсем не хочется. Она вообще человек не скандальный, просто нельзя же было позволять при всех вытереть о себя ноги?

– Эрр Рене, знаете историю? Подходит мальчик к маме и спрашивает: мама, а что за рыба такая – фрейлина? Мама говорит, нет такой рыбы. А мальчик и удивляется. Как так, папа говорил, всю ночь фрейлину жарил!

Выразительный взгляд на Диану показал, кто там и кого собирается жарить. Рене захохотал первым.

Ну да, анекдот конца двадцатого века здесь не просто новаторство – взрыв! Здесь до такого еще не додумались.

Первым не выдержал шут. За ним расхохотался и эрр Виталис, решив, что это самое лучшее. Пусть посмеются и забудут про скандал.

Мария легкомысленно подмигнула Диане, развернулась на каблучках и направилась к дочке.

– Идем, мой храбрый мелкий заяц?

– Мама, я уже большая!

– Идем, о мой большой пушистый серый волк?

– Идем!

На сводного братца Анна посмотрела с такой насмешкой, что Илес даже икнул. С другой стороны... сам нарвался. Сидел бы тихо – ушел бы на своих двоих и нестриженным. А так...

Кто к нам с мечом придет, от него и погибнет. Так предки сказали, и не Марии оспаривать их мудрость.

Глава 8

– Ваше величество, вы не желаете помолиться в одиночестве?

Мария медленно кивнула.

– Желаю.

Если святой отец пришел, это не просто так, ничего они просто так не делают. Так что Мария прошла за ним в часовню, но с молитвами не сложилось.

Святой отец решительно оставил свиту за дверью, задвинул засов... забавно, но к этому ее дамы относились с полным пониманием. Здесь вообще считалось, что разговаривающим с Богом мешать нельзя.

Чем-то иным в храме заниматься?

Можно. Только вот вся ответственность на тебя и ляжет. И когда кары Божьей дождешься, не плачься – сам накликал.

– Ваше величество, позвольте представить вам – эрр Феликс.

Мария только головой кивнула, глядя, как со скамьи поднимается...

Мамочки! Эльф же натуральный!

Если кто «Властелина Колец» смотрел... фигня там, а не эльфы! Позорище голливудское! Налепили уши, а морды у них никакие, только что высокомерные донельзя!

А вот сейчас перед ней натуральный эльф и стоит!

Лицо тонкое-тонкое, словно его кисточкой толщиной в волос рисовали, черты лица правильные настолько, что кажутся неземными, и улыбка...

Красота?

Это не то слово! И ко всему еще светлые волосы, зеленые глаза, и сам он весь хрупкий, как одуванчик...

Раньше Мария рядом с такими красавцами робела, казалась себе толстой и неуклюжей. А сейчас что? А сейчас она медленно протянула руку для поцелуя и благосклонно улыбнулась.

Разум-то отключился, а рефлексy остались, вот они и сработали.

– Эрр Феликс приехал из Картена для оказания вам, ваше величество, помощи. Любой, – со значением подчеркнул святой отец.

Мария кивнула уже более осмысленно. Феликс улыбнулся, даже чуточку печально, и эта улыбка вернула ее в реальность.

Знает он отлично, как на людей действует, знает! И его это раздражает, но научился парень терпеть и использовать свою красоту, вот и стоит, улыбается...

– Ваше величество, приказывайте.

– Я пока не знаю, что приказывать, эрр Нейман, – не стала лгать Мария. – Но я рада, что вы будете рядом. Где мне вас искать, случись что?

– Улица Лудильщиков, дом вдовы Лузон, с красной крышей. Я снял там комнату.

– Улица Лудильщиков, дом вдовы Лузон, с красной крышей, – медленно повторила Мария. – Я запомню.

– В любое время, ваше величество. Вдову я предупредил, – по губам «эльфа» снова проскользнула улыбка.

– Хорошо, эрр Феликс. У вас есть сейчас ко мне какое-то дело?

– Я просто жду ваших приказаний, ваше величество.

– Пока мне нечего приказывать, эрр Нейман. Святой отец, прошу, напишите моему брату, что я благодарна. За помощь и участие.

– Да, ваше величество.

Эрр Феликс понял, что других приказаний не будет, и откланялся, а Мария посмотрела на святого отца.

– Что может эрр Феликс?

– Всё, ваше величество.

– Всё?

– И рука у него не дрогнет, ваше величество.

Мария кивнула.

Сообразила, не дура.

К ней прислали элитного киллера? Или ниндзя? Хотя кто бы сомневался, с бабами этот эрр тоже управится не глядя, с такой-то улыбкой...

Попросить его соблазнить Диану?

А смысл?

Нет, пока ни в чем нет смысла, надо просто ждать. Сколько?

Она не знала. Рано или поздно, так или иначе, все будет ясно. Тогда и будем бить.

А сейчас...

Ждать. Просто – ждать.

* * *

– Ваши величества! Его высочество Вернер Фарданский!

Иоанн почему-то не обрадовался. Мария могла его понять. Считай... претендент на престол! При живом-то короле! Но заулыбался милейшим образом. А Мария подумала, что у фарданцев точно шпионы есть. Стопроцентно.

Она не каждый раз присутствует на утренних приемах, собственно, прогуливает каждый второй, а то и чаще. А что? Есть Диана?

Развлекайтесь!

Правда, Иоанн сердится, но... Мария даже не собиралась принимать во внимание его чувства. Хватит! Предшественницу до инсульта довел – за нее приняться решил? Перебьется!

Вот, фарданцы как раз выбрали момент, когда Мария присутствовала. Иоанн с вечера приказал ей быть, она и пришла. И преспокойно сидела рядом с мужем.

А что? Имеет право, как королева. И выглядит, кстати, не хуже Дианочки с ее декольте. Сегодня Мария выбрала темно-лиловый шелк с золотом и вплела в волосы золотые цепочки. Получилось очень неплохо.

Вернер, кстати, выглядел отлично! Мария подумала, что будь ей десять лет... надо с Анной поговорить! Чтобы не влюбилась по уши.

Подросток обещал в дальнейшем стать таким brutальным красавцем. Бывают такие парнишки, которые и в детстве уже обещают вырасти в сногшибательных мужчин. Высокий для своего возраста, каштановые волосы кольцами по плечам, громадные карие глаза с поволокой, правильные черты лица, не до слащавости, но красивые. Прямой тонкий нос, высокий лоб, четко очерченные скулы, твердый подбородок...

И оценивающий взгляд из-под длинных ресниц. Холодный, рассудительный... мальчишка уже примеряет к себе и этот дворец, и эту корону. Мария понимала это со всей четкостью.

А Иоанн?

Иоанну просто не нравится молодой самец на его территории. А вот Мария явственно ощущает опасность. Ей этот парнишка просто не нравится.

Хорошо, Анны нет рядом.

— Ваше величество, я решил приехать, чтобы заранее познакомиться с невестой...

Речь была тщательно выверена и так же тщательно выучена. Кажется, ее и перед зеркалом репетировали. Марии все время мерещились поп-звезды. Это вот оттуда, ножку влево, голову вправо, улыбнуться, похлопать ресницами, чтобы казаться наивнее... может, и от политиков.

Ей полагалось бы сидеть, млеть и таять. Вон у Дианы и глаза уже замаслились при взгляде на парнишку... да каждая тает!

А Мария напрягается...

И сильнее Вернера ей не нравятся его сопровождающие. Кто именно? Она пока не может понять, очень уж неудобно они стоят, этаким клином, половину лиц попросту не видно, но не просить же их разойтись? И если при взгляде на Вернера она чувствует неприязнь, то при взгляде на его сопровождающих у нее клыки выползают из пазух.

Почему?

Там есть враг? Непонятно... об этом она подумает потом. Сейчас главное упихать назад чертовы клыки! И не зашипеть бы... хорошо еще, она не очешуевает из-за эмоций. То есть чешуйками не покрывается, как это в фильмах показывали. Только клыки. А то бы и все остальные в зале тоже того... очешуели.

Наконец, его высочество закончил свою речь, но прежде, чем Иоанн успел ответить, на его руку легла ладонь Марии. И сжала.

Король так удивился, что подавился воздухом. И Мария мило улыбнулась в ответ на слова мальчика.

— Ваше высочество, я умоляю понять нас правильно, ее высочество Анна слегка приболела... нет-нет, обычная простуда. Поэтому она с вами встретится через несколько дней. Надеюсь, вы не обидитесь.

Его высочество кивнул и рассыпался в дипломатических кружевах. А Мария не верила, не верила, НЕ ВЕРИЛА!!! Внутри колоколом звучало: «ОПАСНОСТЬ!!!».

Не от этого парнишки, нет. Но и он что-то знает. И ей не хочется находиться с ними рядом – почему?! Почему такое мерзкое ощущение? Мария не знала. Но...

* * *

Чего не ждал его величество Иоанн, так это жесткого взгляда от Марии. Сразу после ухода фарданской делегации.

– Нам надо поговорить. Немедленно!

Иоанн посмотрел на жену. Внимательно, вдумчиво... Мария не играла и не притворялась. Она на самом деле была встревожена.

– Хорошо, – и поднялся с трона. Диана шатнулась к нему, но мужчина сделал рукой отстраняющий жест и предложил Марии локоть. – Пройдем в мой кабинет, дорогая.

Мария приняла предложенную руку и даже не оглянулась ни на кого. А вот глаза у всех были одинаково растерянные.

Виталис Эрсон, Димас Бустон, Алесио Ихорас, Рене Демьен... недоумевали все. Но Мария на них даже и не смотрела. Стоило закрыться дверям кабинета, как она тут же отпустила руку Иоанна, потерла лицо ладонями.

– Мы можем расторгнуть помолвку?

Иоанн как стоял, так и упал в кресло. То хрюкнуло под его весом, но выдержало. Хорошие сейчас кресла делают, основательные.

– Мария?!

– Не знаю, что происходит. Мне не нравится этот мальчишка, он... мне он НЕ НРАВИТСЯ!!!

Мария даже не могла сформулировать точнее. Вот бывает так – встречаешь человека, он и улыбается, и обаяния в нем хоть ты в пирог запекай, и все о нем хорошего мнения, а у тебя внутри словно колокол звучит.

Дрянь человек! ДРЯНЬ!!!

Иоанн хмыкнул.

Ладно, от баб он более внятной причины и не ждал. Но на этом основании расторгать помолвку? Глупо...

Мария кое-как собралась с мыслями.

– Дорогой супруг, что будет, если мы заключим помолвку, потом разведемся, а потом... Диана же может и не сразу забеременеть?

Вот теперь Иоанн напрягся.

Дарить кому-то право на свой престол? А правда... сколько ему понадобится времени, чтобы обзавестись законным наследником? Год? Два?

Диана молода, и он будет стараться, но все в руках божьих! Анна повзрослеет раньше... а браки можно заключать сразу после созревания девиц. И что получается? У него или еще нет ребенка, или младенец... и у Анны ребенок?

А дети хрупкие.

А фарданцы сволочи...

Эти мысли так явственно отразились на челе Иоанна, что Мария даже хмыкнула.

– Предлагаю сказать, что Анна не так сильна здоровьем, чтобы заключать брак раньше шестнадцати лет. Лучше – восемнадцати.

Иоанн потер лицо руками.

– Согласен. Это будет неплохо...

– С Анной я поговорю. Надеюсь, она согласится.

– Я ей прикажу, – рыкнул Иоанн. Мария посмотрела на него, как на идиота. Прикажет он! Лучший способ настроить подростка против себя, а фарданцы этим преотлично пользуются, даже не сомневайся.

– Ваше величество, я сейчас же поговорю с Анной. Пока не произошло непоправимого.

– К примеру?

– Еще не хватало, чтобы моя дочь влюбилась в этого...

Мария проглотила едкое словечко, но Иоанн и без того понял.

– Благодарю. Но почему?!

Мария и не подумала скрывать своих мотивов.

– Потому что это твоя дочь, – как-то само собой получилось это грустное «ты». – Ты можешь не любить Анну так, как я, но ты не желаешь ей смерти. А этому... мальчишке безразличны ее жизнь или смерть. Ему нужен только трон. Только власть. И в нем еще есть что-то плохое... гадкое. Не знаю. Не могу сказать точнее.

Иоанн кивнул.

– Хорошо, Мария. Я тебя услышал. Анна слаба здоровьем и не может выйти замуж до восемнадцати лет.

– Более того, придется продумать ее защиту. Эти люди не останутся перед похищением.

Иоанн опять кивнул.

А Мария подумала о другом.

Саймон... да, ее якобы брат из Картена. Интересно, кого он предложит для ее дочери? Самое забавное, что у Марии нет никаких чувств по отношению к Иоанну. Ее более чем устраивает вариант, предложенный братом.

Иоанн в могиле, Анна с мужем на троне, Мария рядом, советники и помощники за тронном. Саймону Эрланд нужен как союзник, он заинтересован в сильной династии... да, возможно, он подберет такого парня, который будет верен Картену, но это уже детали. Это неважно. Главное, чтобы Анна была жива и здорова. И сама Мария еще пожить не откажется, лет пятьдесят хотя бы. А может, и больше?

Многоликим обещали больше.

И тут уж вопрос стоит иначе. Она должна рассказать все Анне, просто обязана, и провести ее через посвящение – тоже. Только вот...

А когда в ее дочери проснется сила? И проснется ли? Мария не знала, как это можно проверить. Может быть, камнем?

Надо попробовать. Но сумеет ли ее ребенок сохранить тайну?

Все может быть. В это время дети взрослеют рано.

* * *

Его высочество Вернер не стал терпеть до посольства и на своего сопровождающего требовательно посмотрел уже в карете.

– Ну?!

Сам подросток пока еще не так хорошо разбирался в людях. А вот сопровождающий его секретарь...

Эрр Линок Саран был рекомендован его величеством Ханом ЛИЧНО, как весьма умелый и полезный человек. За время пути к нему и сам Вернер присмотрелся, и был согласен с дедом. Хотя...

Линок был умен, хитер, безукоризненно вежлив, его манерами можно было только восхищаться, но почему-то общаться с ним Вернеру и не хотелось. Было в нем что-то такое, неприятное...

Вот Вернер и старался разговаривать только по делу.

– Его величество Иоанн вас не одобрил. Он чует сильного соперника, он боится, – не стал врать Линок.

Вернер расплылся в улыбке от удовольствия.

– Королева?

Линок задумался.

– Я... я не знаю. Я не могу ее прочесть.

– Почему? – искренне удивился Вернер. За время поездки он регулярно спрашивал у эрра, что чувствует тот или иной человек, и эрр не ошибался ни разу. А тут – вдруг?

Но почему?!

– Я не могу сказать. Я знаю, что королева... она опасна. Она ощущается как нечто опасное и нечитаемое. Словно слепое пятно.

– С этим можно что-то сделать?

– Можно. Мне надо приглядеться к ней поближе.

– Это возможно. Я попрошу, чтобы мне разрешили навестить мою будущую супругу, и вы поговорите. А... то?

– Дайте немного времени, ваше высочество. Дайте немного времени, и все будет исполнено.

Вернер расплылся в улыбке.

– Я надеюсь, вы не подведете ни меня, ни деда, Линок.

– Я не подведу, ваше высочество.

* * *

Откладывать Мария не стала и в тот же вечер крепко заперла дверь.

– Иди сюда, зайка.

Анна пожалала плечами и нырнула под одеяло. А это не двадцать первый век, где через одеяло на солнышко смотреть можно, оно прозрачное. Тут и перины, и пух гусиный, и все плотное такое... в двух шагах стоять будешь – не услышишь ничего.

Мария-то в темноте уже неплохо видела. А вот Анна такими способностями похвастаться не могла. Но стоило достать камень из самого укромного места (гусары, молчать!), как он тут же засиял мягким алым светом.

– Мама? – ахнула Анна.

– Попробуй дотронуться, – попросила Мария.

Анна протянула пальчики к кристаллу, погладила его.

– Тепленький.

– И все?

Мария надеялась на такой же оборот, как у нее, но дочка покачала головой.

– Да. А что еще должно быть?

Мария покачала головой.

– Ничего, детка. Дай мне, пожалуйста, обещание?

– Какое, мама?

– Если со мной что-то случается... ты понимаешь, может быть всякое.

– Мама!

– Анна, милая, если со мной что-то случается, этот камень ты забираешь себе и носишь на шее. Никогда не снимая. А потом передашь его самому достойному из твоих детей. Дай мне слово.

– Обещаю.

– И никому о нем не рассказывай. Он... это родовое. И я не должна была его брать... неважно!

Остальное Анна додумала и сама.

Если родовое – то из Картена. Если не должна была брать – значит, Саймон Картенский обидится на маму. Надо молчать, чтобы до него не дошло. Молчать-молчать...

Анна словечка не скажет! Это же может повредить мамочке! А уж обещание... девочке даже думать о таком не хотелось, слишком сильно ей досталось, когда она думала, что потеряла маму. Слишком страшно тогда было.

Но если мама просит, она не только пообещает. Она – сделает.

А что это за камень, зачем он нужен... да Анне и в голову не пришло, что это тот самый, из подарков Многоликого. Так не бывает же!

Это вот как ожившее дерево или заговорившая белка, которая грызет золотые орехи... как мама рассказывала. Так – не бывает!

Анна уже взрослая, она в такие сказочки не верит!

Когда девочка уснула, Мария погладила ее волосы.

Жаль, конечно. Значит, имеется в виду все же половая зрелость, а не просто взросление. С точки зрения Марии, Анна была умнее и сильнее многих десятилеток из двадцать первого века, ей хоть сейчас за паспортом и вперед во взрослую жизнь. Она глупостей не наделает!

Но – против жизни не попрешь.

Может, и вредно как-то оборачиваться до полного созревания, кто его знает?

В библиотеках такие обрывки и огрызки, что ей-ей, убивать хочется! Сначала тех, по чьей вине информации нет, потом тех, кто ее не смог сберечь, а потом просто – всех сразу!

Гады!

Чтоб вам век интернета не видать... и ей тоже...

Мария подошла к окну.

Тоска накатила волной. Острая, лютая, беспощадная... свой мир она никогда не увидит. И детей не увидит, и внуков... да, здесь ей есть о ком заботиться, кого любить, здесь она нужна, но ведь и там все это было, БЫЛО!!!

И ее этого лишили!

А может, она правнуков хотела на руки взять! Лет пятнадцать подождать оставалось!

Тоска захлестывала, и Мария сделала единственное, что ей было доступно – упала на пол. Вот, как стояла, так и упала. И поднялась... если так можно о змее выразиться... ладно! Приподняла голову, оглядывая комнату.

Тихо.

Темно.

Никого она не разбудила своими слезами... да-да, и они тоже уже собирались, и пара слезинок выпрыгнула. А теперь – никаких слез! Не предусмотрены они у змей-с!

Зато любопытство с избытком.

Пойти, погулять пока по дворцу?

А что ей мешает? Авось, здесь не полные отморозки живут, не будут при виде змеи орать: «О, закусь приползла!!!» И палить в нее из шести пистолетов сразу.

Да-да, был в жизни у Марии и такой момент, пикничок в девяностые^[51].

А что? Люди тут культурно отдыхают, на природе, с водочкой, с девочками, а тут какая-то зараза мимо ползет, понимаешь! А кто-то слышал, что в Китае змей в водку запихивают. Или в Японии?

Неважно! Мария только порадовалась, что она крупновата для бутылки. И перевалилась через подоконник. Тут неподалеку такое дерево удобное... для змеи, конечно. Человек так не вытянется, а змея запросто, и на дерево переползет, и с него спустится.

И поползет по своим змейским делам.

Кто у нас тут чем занимается?

* * *

Через два часа Мария точно поняла одно.

Тут все – хиппи. И воевать Эрланд точно не собирается.

Вот такого борделя она не ожидала, хотя чего там? Каков поп, таков и приход. И если муж приходит Дианочку... или облизывается, то и остальные тут не отстают. Восемнадцать пар!

Во-сем-надцать!

И одна – чисто девочки.

Это она только тех считала, кого в коридорах видела. В основном, конечно, гвардейцы стараются. А вот чисто девочки ее заинтересовали, потому что одна из них была...

Ладно!

Проползла Мария поближе к покоем Дианочки! А чего, у нее там такое дерево удобное растет? Высокое, тонкое, правда, человек не заберется, а гюрзе в самый раз. Мария и сползала, посмотрела – вдруг там супруг? Вот она бы и пришла со сковородкой!

Увы, супруга не оказалось. А оказалась там сама Диана, да еще с одной девушкой. И такое они вытворяли, что Мария чуть с дерева не свалилась. А потом еще с минуту свою чешую оглядывала – не покраснела? Красная гюрза – это как-то не комильфо, еще бы розовенькую предложили.

Но это – да!

Интересно, а как себя поведет Иоанн, узнав о таком афронте? Прикажет отрубить прелюбодейкам головы – или присоединится? Что-

то подсказывало Марии, что второй вариант логичнее. Может, и не женится, но и не убьет. А жаль...

А что теперь с этим знанием делать?

А тоже ничего. Полежит до поры, кушать не попросит. Мария еще подумает, кого осчастливить этим прозрением. Может, надо и не Иоанна, а весь двор сразу? Чего скрываться-то? Только вот как туда придворных привести?

Или еще проще?

Дождаться момента «Икс», да и прыгнуть в окно? Змейская тушка тяжелая, влетит она внутрь, а бабы что сделают? Скорее всего, заорут и побегут. Голые.

Ладно, побережем до поры. Знание надо к месту употреблять, тогда и все хорошо будет.

* * *

Марк держал военный совет с капитаном, которому доверял, как себе. С Адрианом Пинтером. И плевать, что исс, а не эрр, моряк он от Предотца и Предматери, с таким и надо советоваться, а не нос драть. Эрров много, а вот таких, как Адриан – единицы!

– Рин, нас просто подставляют. И я хочу согласиться.

Адриан, который был в курсе дела, только плечами пожал.

– Думаешь, Черного выловишь?

– Хотелось бы.

– Ну а выловишь, так что? В цепи посадишь и будешь ему рассказывать, на какой стерве он женат был? Думаешь, послушает?

Марк только глаза опустил.

Все он понимал. И если за столько лет Дерек не прозрел, то ему это и не надо было, и ненависть теперь частью мужчины стала, и... будет ли он вообще слушать? Удастся ли план?

Или Дерек, как обещал, выпотрошит Марка над морем и бросит акулам?

– Ну...

Адриан промолчал.

А чего тут не понимать? Надо когда-никогда этот узел разрубить! Вот и пусть его.

– Ты что сделать-то хочешь?

– Эрр Барна скажет, что отправил камни со мной. Мы пустим слух, что он все соврал, и камни поехали с тобой. А на самом деле...

Мужчины сидели над картой.

Прикидывали ветра, течения, расстояния... шанс на выигрыш у них был, и неплохой. Но и на проигрыш тоже. И всяко получалось, что кто-то себя сильно подставит. Но они – барракуды. Им за то и платят. Надо справиться.

* * *

– Берт, конец подай!

Бертран рысью метнулся, подхватил веревку, протянул плотогону.

Скучать ему не приходилось. То одно, то второе, подай, принеси, брысь отсюда, да поскорее... на плотях ему нравилось, но Бертран понимал, что это ненадолго.

Может, просто спуститься вниз по реке и неплохо, а долго он так жить не сможет. Он культурный человек, образованный, а о чем ему с плотогонками говорить?

Обычные темные мужики... понятно, в своем деле они хороши, а так все разговоры у них про баб и про реку. Здесь мель, там омут, а на изгибе осторожнее надо, плавнее, как бабу за...

Кому-то это и нравится, а Бертрану скучно.

Стоит только подумать, что он тут на всю жизнь, как утопиться хочется! Но ненадолго – можно. А значит... куда ему надо? Бертран серьезно думал над своей дальнейшей жизнью. Из Фардании надо уходить. Сейчас они сплавятся до Эрланда, а потом – куда?

А понятно, в Картен. Или вообще в Шагрен!

Хотя нет. В Шагрене не любят тех, кто от них отличается. А вот Картен...

Храм?

Нет, в храме Бертрану делать нечего, там он слишком быстро себя проявит. Искать его, понятно, не будут, сдох мальчишка, да и пусть его, но если пойдет что-то... там слово, тут два... нет! Не надо ему в храм.

Лучшим выходом для него было бы место помощника секретаря или библиотекаря... Он сможет! Эта работа ему по силам, он

грамотный, языки изучает, почерк у него хороший, считает он отлично... дело за малым. Найти себе подходящего нанимателя^[52].

Но это будет уже в Картене. Так что...

Бертран носился по поручениям плотогонов и расспрашивал.

Кому можно довериться, к кому на борт попроситься, кто может ему помочь... мальчишка искал корабль, который довезет его до Картена. И лучше бы устроиться на него юнгой. Деньги экономить надо, сейчас он хоть бесплатно и доберется до Эррано, но потом пока проезд, пока на месте, пока найдешь, кому камешки пристроить...

Это не быстрое дело.

Ничего, Бертран умный. Он справится, он еще и не с таким справлялся! Вот от тейна он ушел! И правильно сделал! И от всех остальных уйдет!

* * *

Если бы сейчас Бертран увидел тейна, точно не стал бы его бояться.

Какая там маска?

Какая там вальяжность?

Впрочем, у короля и не такие ломались, как сухое печенье, только хрустели под каблуком. Ханс не разменивался на мелочи, вроде вопросов: «Как ты мог такое допустить?» или того смешнее: «Ты понимаешь, что наделал?!».

Он просто смотрел.

И под взглядом пожилого человека тейн словно бы съеживался.

Все он понимал, кроме одного. А живым-то он отсюда выйдет? Или лучше не рассчитывать на такое счастье и сразу позаботиться о завещании?

— Ва... ва...

— Сгорела библиотека. Утрачены уникальные рукописи. В мире появился человек, одаренный благословением Многоликого.

Тейн поежился.

— Ваше величество, я хотел сначала сам разобраться.

— И как — получилось?

Ирония в этих словах была откровенно жутковатая. Тейн дернулся, словно ему ежа в штаны сунули.

– Эмम्म... ваше величество, я виноват.

– Понятно, что ты виноват. Ты можешь найти этого человека?

– Не совсем, ваше величество.

– Это – как? Либо да, либо нет.

– Именно не совсем, ваше величество. Потому как... раньше тейн мог это делать, но тейн сам был из двуипостасных. А у меня не хватает... возможностей.

– Ага, – сообразил его величество. – А другой двуипостасный?

– У нас таких нет, ваше величество. Но брат Тома обещал, как только появится нечто... Подходящее, он сразу же и предоставит.

– И долго мне еще ждать?

– Брат Тома сказал, дней десять. Может, пятнадцать, идет перестройка тела...

Король нехотя кивнул.

Ладно, он дольше ждал, и еще чуток подождет.

– Хорошо же. А что с пожаром?

– Виноват, ваше величество. Библиотека и рукописи... я лично найду и накажу виновных!

– Виновных?

– Это был поджог, ваше величество!

– Кто?

– Я ищу. Хотел сразу представить виновника.

– Так...

– Рукописи... у брата Винса есть копии.

– Допустим. Хотя бы тут у тебя ума хватило подстраховаться. Виновника поджога мне представь, сам карать не смей. Что с благословенным?

Тейн поежился и принялся рассказывать о мальчишках.

Его величество внимательно слушал.

– Надеюсь, они уже мертвы?

– Все трое, ваше величество. Я выбрал хороший яд.

О том, что тело Бертрана не нашли, тейн и не подумал сказать. Мальчишка, да. Умер, утонул, наверное, когда яд подействовал. И что? И не такие помирали!

– Хотя что-то сделал правильно. Как можно найти этого человека?

– Ваше величество, я ищу способ. Брат Тома говорит, что есть возможность, но ему нужно время. Он занимался другим делом.

– И получилось?

– У него есть частичные успехи, ваше величество. Ряд свойств...

– Недоделки.

Ханс поморщился. Потом махнул рукой.

– Разберись. Даю три дня, чтобы потом сказал мне, как можно найти этого человека.

– Да, ваше величество. Повинуюсь, ваше величество.

– Свободен.

Когда тейн вышел, его величество подошел к окну. Посмотрел в синее небо.

Благословение Многоликого.

Мечта, которая стала для кого-то явью. Но почему именно этот человек?! Почему не его величество? А ведь хочется... Ханс уже не мальчик. И жить ему хочется.

Это когда ты нищий в канаве, когда ты золотарь или подвергаешься пыткам, тогда нечего цепляться за эту убогую жизнь. А когда ты правитель?

Когда у твоих ног богатое государство?

И жить бы да жить, но вот беда – не дают! Человеческий век так краток, так конечен, что даже не успеваешь им насладиться в полной мере! Выход был, когда были живы чада Многоликого, но это было так давно... его величество искал.

Искал, платил деньги ученым и наемникам, ждал... и дождался.

Неужели это ответ на его старания? Его мучения, его раздумья, его молитвы...

Его шанс?

Может быть, последний! И Ханс его не упустит! Зубами вырвет у судьбы из глотки... в эту минуту его величество был так похож на громадную и мрачную летучую мышь, что от окна в ужасе шарахнулся летящий мимо воробей. Показалось ему, неразумному...

Почудилось, что сейчас кинется вперед страшный хищник, да и сожрет! А жить и воробьям хочется. И не меньше, чем королям.

– Ваше величество. Ваше высочество.

Вернер отвесил поклон по всей форме и протянул заранее приготовленные подарки. Взял с подноса, который тащил за ним эрр Линок.

Ее величеству Марии золотое витое ожерелье с «кровью моря». Ее добывают в ледяных северных морях, рискуют жизнью, и стоит она дорого. Ее высочеству Анне – ожерелье из розового жемчуга.

И внимательно смотреть на женщин.

Ее высочество реагировала предсказуемо. Ахнула, захлопала в ладоши, смутилась под строгим взглядом матери и тут же горячо поблагодарила Вернера.

Анна была больна, а потому принимала гостей в своих покоях, полулежа в кровати.

Ее величество Мария ласково провела пальцами по куску янтаря, в котором утонула маленькая мошка.

– Так давно...

Вернер невольно поднял брови. Давно? Что именно?

Ее высочество Анна не стала сомневаться, она просто задала вопрос:

– Что – давно, матушка?

– Янтарь, детка, – Мария подняла ожерелье, демонстрируя его в равной мере Анне и всем присутствующим, – это окаменевшая смола...

Вернер слушал, открыв рот.

Динозавры?

Древние драконы?

Деревья, смола, животные, которые застывали в ней, янтарные шахты и пласты... Мария не открывала ничего нового, она это сама внукам читала, про периоды, про оледенения, про добычу янтаря, про динозавров... мягкий голос завораживал, убаюкивал.

Вернер словно воочию это видел.

Громадные деревья странного вида, с большими разлапистыми листьями, чудовищных ящеров, которые бродили между ними, громадных насекомых...

Анна слушала раскрыв рот. Может, и дольше послушали бы, волшебство нарушила не ко времени явившаяся эрра Розабелла.

– Ваше величество! Приказать подать вина?

От противного голоса дернулся даже невозмутимый эрр Линок Саран.

– Вон! – привычно рявкнул его высочество Вернер. И только потом опомнился, когда противная надоеда исчезла за дверью. – Ваше величество, простите...

Мария махнула рукой.

– Эрра Розабелла действительно бывает... немного не к месту. Но зато она мне предана.

А, тогда понятно. Мария лукаво улыбнулась мальчишке. Пусть ей Вернер и жутко не нравится, но зачем его против себя настраивать?

– Один древний государь говорил: нам умные не надобны, нам надобны верные^[53].

– Восхитительно! – согласился Вернер. – И так правдиво!

– Может, и вы когда-нибудь сядете на трон, ваше высочество. А тут и древняя мудрость наготове.

Мария улыбалась и была любезна, Анна кокетливо поглядывала на гостя, не забывая покашливать под строгим материнским взглядом, эрр Линок застыл, словно его и вовсе тут нет – визит проходил в обстановке полного взаимопонимания.

– Мне так жаль, я так надеялся танцевать с вами, ваше высочество...

– Думаю, на правах жениха вы можете называть мою дочь по имени, – у Марии аж скулы сводило от сиропности, но так надо.

Вернер улыбался в ответ, думая, что и мать, и дочь у него в кармане, и рассыпался в ответных комплиментах.

Наконец, договорились до того, что Мария пообещала ему танец на балу и прогулку с дочерью по саду, если Анна к тому времени выздоровеет, и Вернер откланялся. И в карете посмотрел на спутника.

– Видел, как я их?

– Видел, ваше высочество, – эрр Линок был откровенно задумчивым. – Вам лгали.

– Да неужели? Кто и в чем?

– Ее высочество Анна полностью здорова.

– Вот даже как... это хорошо. Она пока не готова к деторождению?

– Нет, пока она еще не созрела, ваше высочество.

– Это предсказуемо и не страшно. Я определенно ей понравился.
И ее матери тоже.

Эрр Линок выглядел смущенным.

– Ваше высочество, умоляю меня простить...

– Да?

– Если получится... я хотел бы танцевать с королевой на балу.

Вернер только присвистнул, совсем как тот же Бертран.

– С ума сошел, эрр? Я даже не уверен, что Иоанн даст позволение мне! А уж тебе-то!

Эрр Линок выглядел крайне смущенным.

– Ваше высочество, я понимаю. И все же... ее величество меня очень интригует.

– Чем?

– Я не могу ее прочесть.

– ТЫ?!

– Сегодня я пытался специально, ваше высочество. Но ее величество... я не могу понять, что происходит. И этот ее голос, и история... меня словно завораживает! А определить, что она думает и чувствует, я просто не могу!

– Колдовство?

– Не знаю, ваше высочество. И хочу проверить.

– Как ты можешь это проверить?

– Ваше величество, мне бы подойти поближе. И сегодня в комнате было слишком... благовонно. Вот чтобы на чистом воздухе, где рядом будет меньше людей...

Действительно, в комнате и палочки какие-то воняли, и что-то вроде свечей с розовым маслом, и ладан жгли. Вернеру и то неприятно стало, уж что про Сарана говорить. Значит, нужна беседа с глазу на глаз и там, где достаточно чистый воздух?

– Хорошо. Я не обещаю, но подумаю, что можно предпринять.

– Благодарю, ваше высочество.

– Мне тоже стало любопытно.

– А еще, мне кажется, что нас подслушивали. Два или три человека.

– Кто? Ты их знаешь?

– Они стояли за перегородкой. Если бы мне позволили подойти поближе, обнюхать, послушать...

Вернер только вздохнул.

– И как это должно было выглядеть?

Эрр Линок опустил глаза.

– Я понимаю. Но я не смогу сказать, кто это был. Может, и фрейлины, они любопытны по природе, как все женщины.

– Может быть. А может, и кто-то другой. Знать бы.

* * *

Мария о чужом любопытстве не думала. Она посмотрела на янтарное ожерелье – и с отвращением бросила его на столик.

– Скользкая гадина!

– Вернер? – Анна посмотрела на мать.

Мария не удержалась и поцеловала дочку в нос.

– Да.

– Жаль. Он мне понравился.

– Самое ядовитое зверье всегда привлекательно. Так и за добычей бегать не приходится.

– У вас интересные познания о животных, дорогая супруга. Жаль, что я раньше не знал о них.

Сказано это было негромко, но увесисто. Мария устало посмотрела на Иоанна.

– Диана, ваше величество, и только Диана. Вот пусть она вам и рассказывает про птичек и пчелок.

– Я и так знаю, – не понял Иоанн. Ну да, шуточки про размножение тут пока не в ходу. Здесь вообще сильно стесняться не принято, а процесс размножения можно за каждым углом увидеть. Животных тут хватает.

Мария вспомнила свое путешествие по дворцу и едва не покраснела. М-да, вот так век живи и все равно что-то новенькое узнаешь.

– Мама? – напомнила о себе Анна.

– Детка, а ты очень расстроишься, если мы с папой найдем тебе другого мужа?

Мы?! С папой?!

Да ради таких слов Анна бы на что угодно согласилась!!! Мама и папа вместе!!! Вот как в старые времена!!! Это же – счастье?

– Мам, а вы точно хорошего найдете?

– Самого лучшего, – согласился Иоанн, присаживаясь рядом на кровать. Та скрипнула, но выдержала, хорошие тут кровати делают. – Мама права, редкостно гадостный мальчишка. Раньше такого не было, а вот сейчас... словно сорняк лезет.

– Да, – кивнула Мария.

А то – нет? Он уже и корону примерил, и Анну похоронил, и Марию, и сам правит. Понятно, не сразу, лет десять-пятнадцать ему понадобится, чтобы укрепиться. А еще...

– Дорогой супруг, вы не хотите быть поосторожнее? Вдвойне?

Иоанну два раза намекать было не нужно. Доверчивые и лопоушистые короли на тронах не сидят. Они лежат, аккуратно и в уютных гробиках.

– Буду. А вы, дорогая супруга?

– А я при чем? Разве что Дианочку удавят, – фыркнула Мария. – Я уже интереса не представляю... вот не думала, что поблагодарить вас придется.

Иоанн помрачнел. Видимо, представил себе Дианочку, да не в кровати и не на троне, а вот просто... случись – что? И кто страной править будет?

Эрсоны. Виталис и его клан... так и династия сменится. Или Диана потерпит рядом с собой Анну?

Наоборот тоже не будет, Анна никогда не простит женщину, ставшую соперницей ее матери. Иоанн почувствовал себя идиотом и предсказуемо разозлился.

– Вот что, ваше величество! Помолвку я эту расторгну. Скажем, что Анна пока болеет...

– Нет, – холодно оборвала Мария.

– НЕТ?!

– Не надо говорить, что моя дочь больна. Судя по тому, как смотрел сегодня Вернер, он поймет, что это ложь. Лучше намекните, что есть другой жених.

Иоанн задумчиво кивнул. Может, так оно и правильно.

Сплетни – дело такое, и не докажешь потом, что так придумали, чтобы плохого человека отвадить. Так и будут болезни ждать да

попрекать.

А вот если сказать, что конкурент есть...

– И кто же?

Мария пожала плечами.

– Совершенно не интересно. Вы умный, дорогой супруг, придумайте что-нибудь сами... есть же семейства, которые вам не нравятся? Почему жених должен обязательно быть принцем? Скажите, что в связи со сложившейся ситуацией, хотите, чтобы мужем дочери стал эрландец, что передумали отпускать мою Анечку в другую страну – что такого? Спорить готова, дедушка Вернера подумает, что вы решили сами воспитать себе преемника, и начнется что-то приятное!

Оскал Марии не сошел бы за дружелюбную улыбку даже в темноте. Хорошо хоть клыки не полезли.

Иоанн оскалился в ответ не менее дружелюбно.

– Так и сделаем, дорогая жена. Так и сделаем...

– А когда у вас будет шесть деток от Дианочки, или там... восемь, переиграете потихоньку. Анна – принцесса от двух древних королевских домов, она не останется без предложений.

Намек Иоанн тоже понял.

Мария – породистая, и ее дети тоже. А он подобрал... даже не дворяну, те-то и умные бывают, и красивые, а так... вот и пусть теперь мучится.

Хлопнул дверью, да и вышел.

Мария подмигнула дочери.

– Ну что, зайка? Справились?

– Мама, – Анна решила ковать железо, пока горячо. – А папа точно...

– Разведется? – Мария дождалась кивка от дочери и вздохнула. Да, видела она то же самое в своем мире. Видела... ненавидела!

Так же смотрели на нее и родные дети, когда она за шкуру выкинула супруга из своей жизни. Понятно, детям-то хочется и маму рядом, и папу, только вот... Нельзя прощать предательство. И терпеть его нельзя рядом с собой, потому что однажды ты, такая сильная сейчас, упадешь на колени. И понадобится тебе чья-то рука, чтобы опереться, чтобы встать, а вместо этого тебя ударят в спину. Жестоко. По-подлому, когда ты не будешь этого ждать.

Предавший один раз – предаст каждый раз. И ты просто не поднимешься, и утянешь за собой тех, кого любишь, кто может рассчитывать только на тебя.

Сейчас Мария показала зубы, которых не было у ее предшественницы, и Иоанн заинтересовался. Но *ты* Марию он тоже травил, и давил, и во многом довел до смерти... предлагаете его пожалеть?

Не надо.

Он не пожалеет. Особенно когда появится очередная Диана – Лиана – Марианна...

– Маленькая, я не стану тебе врать. Скорее всего, мы разведемся. Сейчас нас сплотила внешняя опасность, но стоит ее убрать, и папа опять помчится за Дианочкиными сись... красотами. А я его за это не прощу.

– Потому что у тебя такого нет? – Анна показала на корсаж Марии, который по объемам и правда был скромнее Дианочкиного. Намного скромнее.

Мария фыркнула.

Было же у нее! И побольше, чем у Дианы! И относилась она к этому спокойно, и сейчас ей нравится то, что есть.

– Зайка, главное не тут, – Мария показала, где именно, – а то, что внутри. Можно выщипать волосы и шесть раз перекраситься, набить корсаж ватой или наоборот, расплющить все имеющееся, люди придумали много хитростей. Но любить должны тебя, а не оболочку, иначе это как жениться на свадебном платье, а невесту по дороге потерять.

Анна захихикала, представляя себе такую картину.

– А как же! Я не говорю, что не надо за собой ухаживать, или надо распуститься, сидеть на попе, лопать пирожки, мрачно приговаривая: меня полюбят за мою душу, или вот быть, как эрра Розабелла. Понимаешь? Так ведь и волосы можно не мыть, и блохи заведутся, и вши...

– Да.

– Платье должно быть чистым и ухоженным. Но главное это все равно – ты. У Дианочки нет ничего, кроме платья, а твой папа именно на него клюнул. Настолько, что я ему стала неинтересна как человек. Он меня променял на картинку, на пустоту, и этого я не прощу.

– А Предотец приказал прощать.
Мария состроила серьезную гримаску.
– Прощаю тебя, чадо! Умри с миром. Нет?
– Ма-ам!
– Тогда не умирай. Иди с миром, но в... туда! Короче, именно туда!
– МАМА!
– Ну что тебе?! – Мария внаглую принялась щекотать малявку.
– Мама, ну правда... я же уже взрослая!
– А если взрослая – запомни. Простить – не означает посадить себе на голову, дать сорок два вторых шанса или еще раз повернуться спиной к предателю. Простить – это не держать зла. Только вот прежнего уже тоже не получится. Все. Не склеится.
И принялась вдвое активнее щекотать Анну.
О том, что их разговор нагло подслушивали, не знали ни Анна, ни Мария. Может, королева и поняла бы, но была слишком занята дочкой. Да и тема неприятная...

* * *

– Са ва...
– Айни син...
Томас Ремеш, охотник, прислушивался с интересом.
Ишь ты, шагренцы! Интересно, чего они тут делают? Аж целым десятком, да из непростых... что он – не видит, что ли? Одежду они нацепили местную, а вот зубы...
Когда год за годом мажешь их черной краской, специальной, стойкой, поневоле она въедается. И оттереть ее до конца не удастся.
А еще сами движения.
Охотник отлично понимал, КТО может так двигаться. Мягко, плавно, стакан на голову поставь – капля не прольется. И наблюдал...
Жаль, по-шагрени он не понимает особо... разве что про Многоликого что-то упомянули. Это-то он знает, да толку?
Мало ли чего им там от бога понадобилось? Может, просто помянули в бога душу мать?

Сидят, жуют чего-то... надо бы сейчас посмотреть еще, а потом, как спать лягут, утащить у них какую вещичку, да к градоправителю. Пусть розыск объявит.

Чтобы по его родному Картену эта наволочь шлялась? Да не бывать такому!

Памятны Томасу были их набег, во времена оны шагренцы семью его деда вырезали, никто в рыбацком поселке не уцелел, деду повезло просто. Уходил к родным в соседнюю деревню, вот и спасся. С тех пор на море смотреть не мог, в лес ушел, охотой занялся, а шагренцев ненавидел люто.

Вот Томас это и унаследовал. Да и что бы иное было, когда тебе день за днем толкуют, что шагренцы – зло. Кто ж их не возненавидит?

Вот и сидел Томас спокойно и тихо. Даже не шевелился на дереве, потому и заметил, как мимо прошел... а ведь это тоже человек. Дозорный...

Это кто ж такие пожаловали, что дозор выставляют?

Ей-ей, не сойти ему с дерева, это воины. Настоящие.

С такими связываться, поди, он и сам погибнет, а делать-то что?

Томас сильно пожалел, что нельзя почесать затылок. Но – шум... почти никакой, а все же шуметь будет, так что тихо, еще тише... и так вон, шаги замедлил, тварь. Чует чего?

Томас вжался в бугристую кору, почти распластался по дереву, даже дышал через раз.

Радовался...

Он охотник, так что перед выходом в лес, еще на опушке сильно натерся пахучей травой, чтобы отбить человеческий запах. А то ж! Зверь – он чуткий, сторожкий, ветер переменится, дунет – и спугнет. А Томасу нужно...

Вот, видимо, запах растений и чувствует шагренец, но сейчас темно, может и не понять, откуда. У них-то там такого не растет... фууууу...

Уходит, гад!

Спускаться с удобного дерева, с которого он и наблюдал за шагренцами, Томас не спешил. Посидит он еще часок, ничего с ним не случится.

Сидел, смотрел, как укладываются шагренцы, как остается только один из них, чтобы следить за костром и обходить дозором поляну...

так-то надо бы двоих, но вымотались все, и Рэн разрешил оставить только одного часового. Ну кто их может найти в этом глухом лесу?

Мысль об охотнике, да еще таком, который будет иметь к шагренцам личный счет, ему даже и в голову не пришла. А Томас ждал.

Потом, в самый темный ночной час, потихоньку спустился с дерева и направился в город. Может, и ушел бы, но часовой, на свою беду, оказался слишком бдительным.

На горло Томаса легла удавка, натянулась...

Может, не будь парень охотником, и сложилось бы все иначе. Но Томас по лесу ходил с детства, и учился у мастеров своего дела, и знал многое...

Мужчина резко отклонился назад, и они с шагренцем упали вместе. Все же Томаса и ростом и весом Предотец не обидел, так что шагренца он свалил.

Тот продолжал затягивать удавку, но – не повезло. Ударился сильно, что называется дух вышибло, и Томас смог сорвать шнур со своего горла. И прямо так, лежа, ударил локтем назад. Куда придется, что есть силы, попал, шагренец резко выдохнул – и получил новый удар. Уже ножом, который словно сам скользнул Томасу в руку. Да так и было, чего там – ножны на предплечье, только кистью шевельнуть, и рукоять сама в ладонь укладывается. Лес.

А в лесу всякое случается, беззаботные охотники не выживают.

Шагренец выгнулся, Томас извернулся, зажимая ему рот ладонью, и ударил еще раз. И еще...

Вот так!

За деда! За его семью... мало вам еще, твари!!!

Чернозубый обмяк, но Томас нанес еще пару ударов, прислушался.

Тихо.

Никто не идет, он слышал. Да и дрались они достаточно тихо, никто не орал, не вопил... охотник и не привык тратить силы даже на ругательства, а шагренец... будь Коу Ито не чернозубым, он бы, может, и закричал. А так...

Чернозубые – элита. Мастера тайного боя, шпионы и диверсанты. Их и учили драться молча, Коу даже и не сообразил сразу закричать,

привлечь внимание, действовал, как учили: увидел врага – убей! А потом уж и кричать стало нечем.

Томас думал недолго.

Следы замести все равно не получится, а значит, и стараться ни к чему. Надо просто выиграть время. А еще...

Если уж так получилось...

Томас примерился, достал свой охотничий нож, который висел у него на поясе, – уже не такой, как на предплечье, а большой, хоть вскрыть тушу, хоть освежевать, и привычно отсек шагренцу голову. Не в один прием, конечно, пришлось чуточку повозиться. Но... голову тащить проще, чем всю тушку.

Так что голова, и чего у него тут? Куртка?

Оружие?

Сойдет!

Томас завернул голову противника в его же куртку, сунул туда же родовые кинжалы шагренца, которые тот даже и не доставал, еще не хватало священное оружие о каждого смерда пачкать, и направился в город. Если он поторопится, то сможет уйти на болота, а туда за ним и свои-то не сунутся, не то что шагренцы. Томас тут постоянно ходит, знает, где топь, где тропинка, а эти...

Да пусть преследуют!

Пусть сунутся!

Приятного аппетита пиявкам!

* * *

Эрр Ихорас был занят любимым делом. Считал деньги.

Ладно-ладно, проверял счета управляющего. Сапожник без сапог?

А Глава казначейства совершенно не имел времени, чтобы заниматься своим хозяйством, королевского ему хватало целиком и полностью.

В бумагах казначейства был полный порядок, никто не воровал и не пытался даже. А вот в собственных...

Его что – опять обворовали? Попытались, точно, вот, явно же... ну кто сказал идиоту, что дрова могут столько стоить? Их что – из Шагрена везли? Повесить, что ли, мерзавца?

Появление в своем кабинете шута он воспринял почти с радостью.

– Эрр Демьен?

– Можно просто Рене или Колючка, – махнул рукой шут. – Поговорим?

– Слушаю, – отложил дела в сторону Алесио.

Рене долго не думал и сразу перешел к делу.

– Мне стало известно, что государь ищет жениха для дочери.

– Вот как? А принц Вернер?

– Его высочество Вернер очень не нравится его величеству своей неумной тягой к трону.

– Допустим. При чем тут я?

Лицо Колючки стало откровенно ехидным.

– Эрр Ихорас, а вы полагаете, Фардания это безропотно снесет?

– Думаю, нет. Согласен, торговые отношения, это моя проблема, но я бы и так обратил на нее внимание.

Рене только глаза закатил.

– Эрр Ихорас, глава королевских телохранителей, конечно, делает, что ему сказано. А именно, перлюстрирует письма и приставил к посольству своих шпионов. Полагаю, они уже все по головам сосчитаны и описаны.

– Допустим? – Алесио пока не понимал, куда клонит шут.

– У меня есть свои люди. Но по ряду причин мне не хотелось бы... лишней известности.

– А чего хотелось бы?

– Если мои люди что-то узнают, я могу попросить вашего содействия?

Алесио подумал несколько минут.

Колючка был не подлым. Вот чего в нем не было, так это желания кого-то подставить, Алесио за ним достаточно давно наблюдал. Шут был жестоким, циничным, насмешливым и ядовитым, от него доставалось всем и сразу, и очень часто – за дело. Иногда Алесио думал, откуда Демьен знает о том или ином грешке... теперь сообразил.

– Я... я помогу в том, что касается безопасности их величеств.

Но и сам проверю информацию, которую ты принесешь.

Это вслух сказано не было, но и Рене и Алесио не были дураками.

Зачем Рене понадобился казначей?

Алесио прекрасно понимал, что предлог надуманный. И это понимал Рене. Скорее, он прощупывал – кого? Друга? Будущего сообщника? Соратника? Алесио не был дураком и понимал, приди к власти Эрсоны, ему будет плохо. Кто ж потерпит настолько независимого казначея?

Сейчас сложился оптимальный баланс для Алесио. Он готов его... поддерживать.

А вот что король творит...

Конечно, эти мысли близки к государственной измене. Но король-то вытворяет, а королева ведь изменилась. Раньше она была просто тенью короля, а сейчас...

Что-то с ней случилось после предательства, после поездки в монастырь. Что именно?

Алесио не знал. Но результат ему нравился, очень нравился. Алесио внимательно посмотрел на Рене.

– Я готов сотрудничать, эрр Демьен.

Только вот оба знали, что говорят они вовсе не про шпионов.

* * *

– Проклятые фарданцы! – эрр Виталис Эрсон был не в духе, то есть рядом с ним даже мухи старались не летать. Боязно...

Впрочем, внешне это никак не проявлялось.

Маска надежно скрывала его лицо, оставляя открытыми только глаза, а капюшон закрывал волосы. Эрр Виталис ждал специалиста.

Исса Ирта не знала, для чего ему убийца нужен, но поспособствовала, свела кое с кем.

Вот и ждал эрр Виталис, и думал...

Дождался.

Мужчина присел за стол, кивнул на кувшин.

– Вишневое?

– Грушевое.

– А мне яблочное больше нравится.

Отзыв был произнесен, и Виталис кивнул.

– За заказ возьмешься?

– Смотря кого закажешь.

– Фарданского принца.

– Вот как? Интересно...

– И чтобы на месте заказа было вот это... – Виталис помахал в воздухе небольшим полотняным мешочком.

– Вот это – что?

– То, что укажет на нужного мне человека. Так сможешь?

Мужчина подумал, пожал плечами.

– Убить – наверное. А вот подкинуть... не знаю.

– Мне сказали, что ты один из лучших... – эрр Виталис не хотел давить на убийцу и прощупывал почву.

– Все верно. Я действительно из лучших и соразмеряю свои силы. Пробраться в посольство Фардании я смогу и убить мальчишку тоже, а вот уйти живым вряд ли. Покойникам деньги не нужны.

Это Виталису было понятно.

– Тогда...

– У меня есть другая возможность убить мальчишку, но тогда мне не удастся подкинуть бумаги, или что там у вас.

– Ты будешь подходить к нему вплотную? – заинтересовался эрр.

– Да, скорее всего.

– А ты сможешь оставить это на теле или в кармане? Посмотри?

Мужчина качнул головой. Потом ощупал мешочек.

– Кольцо?

– Да. Вполне определенного человека.

– Я могу попробовать, но опять же... убийство реально. А вот второй приказ я могу не выполнить.

Виталис задумался.

Негодяй вел себя уверенно, и Ирта сказала, что за этого парня и она отвечает. Эта рекомендация дорогого стоила. А потому...

Виталис выложил на стол мешочек с золотом.

– Сотня – задаток. Если удастся подкинуть перстень – еще три. Не удастся – две сотни золотом.

Убийца подумал несколько минут.

Триста монет золотом выглядели весьма привлекательно, при любом раскладе.

– Хорошо. Если будут сопутствующие жертвы?

– Наплевать. Хоть всех фарданцев перережь, не пожалею. Но и оплачивать их не буду.

Убийца позволил себе легкий смешок. Виталис видел только его глаза, темные, узкие...

– Поработаю из любви к искусству.

– Ты – шагренец?

– Я просто клинок, – блеснули в прорезях маски черные глаза. – Остальное неважно эрру.

Виталис подумал, да и согласился. Совершенно неважно.

* * *

Конечно, Иоанн разозлился. Надавил на канцлера – и результатом стал визит Бустона к ее величеству.

– Ваше величество, прошу уделить мне немного времени.

– Слушаю?

– Я принес вам договор, одобренный королем. Надеюсь, вы тоже найдете его удобным для себя.

Мария протянула руку.

– Давайте его сюда, я почитаю и через несколько дней дам вам ответ.

– Ваше величество?

Мария подняла брови.

– Что вас удивляет, эрр?

Канцлер понял, что немного перегнул палку, и отступил назад.

– Нет-нет, ваше величество, все правильно. Как пожелаете.

Что она, дура? Ей надо будет все прочитать, посмотреть, что в законах, навести справки... это и в родном-то мире сложно, а уж в чужом и незнакомом!

Эрр Бустон же удивлялся другому.

Ее величество была абсолютно спокойна. Как-то не получалось у них пообщаться, вот и не мог он составить свое мнение о королеве. Раньше это была такая трепетная лань, которая все воспринимала «на надрыве», с легкой истеричной ноткой, жалела себя и по каждому вопросу советовалась с духовником. Сейчас это совершенно спокойная эрра, которая с насмешкой смотрит на все происходящее.

И нет в ней такого... надрыва?

Да, пожалуй.

Раньше она себя вела, как у последнего рубежа, нет для нее другой земли, нет для нее другой жизни. А сейчас... ей есть, куда отступить?

А не связано ли это с ее новым духовником?

В храм королева куда как реже ходит, но со святым отцом беседует. И относится к нему со спокойной доброжелательностью... так не к пастырю своему духовному приходят, так беседуют с человеком... равным тебе. Сообщником, возможно?

Надо бы проверить.

— Когда я смогу прийти за ответом, ваше величество?

Мария удивленно подняла брови.

— Вы, эрр? Свой ответ я дам лично королю. И можете не благодарить.

Димас подумал пару минут.

Так-то ее величество действительно оказывала ему благодеяние. Получается, первый, самый яростный королевский гнев пройдет мимо. Это радует.

Потом Димасу все равно достанется, но это будет уже потом. И поменьше...

— Благодарю, ваше величество.

— Не стоит благодарности, эрр. Вы же понимаете, после моего ухода придут Эрсоны. Так что...

— Когда вы даже не соглашались со мной разговаривать, ваше величество, было тяжелее.

— Я понимаю, эрр.

Мария показала глазами на дверь, и канцлер откланялся, а королева взялась вчитываться в документ. Хотя что там того документа для человека, который привык читать договоры по сорок страниц, примечания мелким шрифтом, а уж сколько ей надо было расшифровок делать во времена оны...

Одна симпатичная страничка — это просто ни о чем.

Итак, что ей предлагают?

Ей предлагают после развода новый титул: «возлюбленная сестра короля» и обращение «ваше высочество». Все же она урожденная принцесса, а не хвост кошачий.

Анна остается с ней до совершеннолетия или до вступления в брак. Впрочем, не раньше восемнадцати лет. Кроме того, Марии присваивается фамилия Фиц-Эрландская, как... ну, нет! Фиц – вычеркнуть. Остальное – хорошо.

А что ей предлагают в собственность и прочее?

В собственность Марии предлагалось поместье Карвен, аж на юго-востоке Эрланда. Мария хмыкнула, но решила пока подождать.

Вот она с казначеем поговорит, что там за поместье, да с Романом, да справки соберет.

Ежемесячное содержание было более чем щедрым. Пятьсот золотых?

При том, что на один золотой можно корову купить, да еще свинья на сдачу останется? А ведь Эрланд не так богат? Или?..

Тоже надо обдумать.

Итак, поместье, содержание, дочь... все учтено?

Вроде бы – да. А теперь будем искать, где закопали сдохшую корову. Потому что не бывает такого предложения без подвоха. И начнем мы со святого отца.

Мария коснулась колокольчика и попросила вызвать отца Романа. Тот себя ждать не заставил и тоже вчитался в договор. А потом аж побледнел от возмущения.

– Ваше величество! Это оскорбительно!

– И чем этот договор меня оскорбляет?

– Нищенская сумма содержания...

Мария махнула рукой.

Нищенская сумма?

Да чтоб тебе жить на одну зарплату! В девяностые! Когда ее то чайниками выдавали, то колбасой, а то и вообще ничем. И рубль плясал, как пьяный ежик на березе в восьмибалльный ураган.

По местным меркам это сумма хорошая, а что каждый месяц брюлики покупать не получится, так они и не нужны.

Священник мыслил иными мерками.

– Этого не хватит на содержание даже самого маленького двора!

Мария хмыкнула. Двор? Дворника она содержать готова, а двор? Перебьетесь, еще не хватало ей титулованных бездельников на голову, чтобы сплетни за ее счет собирали!

– Это все?

– Не совсем. Вот это место... Карвен – это же пиратские края!

А вот это было интереснее.

– А последнее время там и вовсе никакой жизни не стало. Есть такой Дерек Черный, вот, он под себя все подминает, рейды устраивает, что ни месяц...

– И ко мне в гости точно заявится.

Священник развел руками.

– Я думаю, ваше величество, заявится.

– Угумс. Считай – смертный приговор.

Хорошо знать историю. Если кто думает поладить с пиратами... ага-ага, идите, прогуляйтесь по помойке и договоритесь с местными обитателями. Только завещание составьте для начала, а то потом уже поздно будет. И концов не найдут...

Пираты – это маргиналы, отморозки и подонки. Про благородных разбойников лучше читать в романах, а в жизни... девяностые годы быстро вытряхнули из Машки Белкиной весь романтизм. Видели мы тех братков, пиратов нам не надо.

С пиратами можно говорить примерно на равных. У тебя корабль, у меня корабль, у тебя сорок человек, у меня восемьдесят... не нравится? Сейчас пулей подавишься!

На эту тему, кстати, Конан Дойл хорошо написал, про капитана Шарки. Подонок, ублюдок и мразь, идеальный образчик пирата.

– Не то место, не те деньги, что еще?

– Ваша дочь, ваше величество.

– Она живет со мной.

– Она – принцесса. Представляете, ваше величество, какие пойдут слухи? Что о ней скажут? Для нее не найдется подходящего мужа, ее высочеству никогда не унаследовать трон...

Это Марию волновало мало. Мужа найти нетрудно, трудно найти мужчину. Такого, чтобы за ним, как за каменной стеной. Чтобы и прислониться, и довериться... из всех ее знакомых она шесть семей могла выделить. Шесть. Семей.

Настоящих.

Им даже завидовать не хотелось, просто порадоваться, что нашлись такие, что бывает это в жизни...

Если Анна найдет себе хорошего человека, какая разница, эрр он или исс. Но здесь-то понятно, так не скажешь.

– Внесите правки, святой отец. И я отдам документ его величеству.

А что такого?

Чай, короли разводятся, а не алкаши тарелки делят! Она супругу отдает целое государство, а ей клоповник с пиратами под боком?

Так дело не пойдет! Давайте договоримся на приличные алименты!

* * *

– Это что?! – градоправитель с ужасом смотрел на отрубленную голову. Явно шагренец.

Томас развел руками.

– Как-то так, эрр Гилад.

– Где... где ты их встретил, и сколько их было?

– Десяток. В лесу...

Эрр Гилад огляделся по сторонам.

Управленцем он был отличным, счета, деньги, дела – это одно. А вот военные... решение нашлось быстро.

– Начальника городской стражи ко мне!

Обрадовались оба. И градоправитель, и Томас.

Долго ждать не пришлось, исс Руэль прибыл буквально через десять минут, видимо, рядом находился. С порога оценил ситуацию, посмотрел на голову в куртке, повернул ее пальцем, приоткрыл и без того оскаленный рот.

– Чернозубые?

– Ага! – закивал Томас.

Словами-то он не так, чтобы слишком хорошо, это вам не зверя скрадывать.

– Молодец. Эрр Гилад, нам бы охотнику премию какую дать? Считай, матерого зверюгу снял?

– Займитесь, исс, – согласился градоправитель. – Я на премию согласен, заслужил.

– Вот и ладно. Бери, дружище, эту голову, пошли со мной. Ты же, Томас... Томас...

– Ремеш, исс.

– Точно! Старого Ремеша внук! Помню-помню, знатный охотник был твой дед!

Томас расплылся от удовольствия. Считай, как наградили! Приятно ж, когда такой человек, и деда твоего помнит! И тебя тоже...

– Верно, исс!

– Ну, пошли! Расскажешь мне, где чернозубых встретил, да я потом весточку дам. Пусть их встретят, да приветят как следует. А тебе награду выдам. Думаю, за такого зверя десяток золотых в самый раз будет!

Улыбка Томаса стала еще шире.

Красота!

На десяток золотых он и корову прикупит, и дом у старика Грохха, и к Янке посватается! Теперь-то им на обзаведение хватит, еще и пара монет в запасе останется!

* * *

Мужа Мария решила обрадовать вечером, после ужина. Пусть бедолага хоть поест спокойно!

Не успела.

До нее постарались.

В малый зал вошли двое. Илеса ее величество уже знала, это королевский бастард. А под руку с ним кто?

Хотя чего спрашивать? И так ясно, что его мамаша! Стоит, высокая, статная, этакая валькирия, только постаревшая. Вон, бюст какой, таким слона на скаку останавливать.

Иоанн невольно нахмурился.

Диана, кстати, тоже. Сравнила свои достоинства и выпуклости новоприбывшей дамы и приуныла. Мария тихо позлорадствовала. Это тебе не Марию травить, у королевы-то объем даже до единички не дотянулся, а тут полноценная шестерочка. Да еще с таким распределением... видно, что все свое, Иоанн аж глазами залип. Не сразу и рывкнуть смог!

Мария расплылась в улыбке.

– Милая Ирена! – и почти слетела с трона, встала, сделала несколько шагов вперед, махнула рукой. – Стулья для бывшей

фаворитки и бастарда его величества!

Со стороны Иоанна раздалось какое-то хрюканье. Мария повернулась к нему.

– Как это замечательно, мой дорогой супруг! Мы теперь все будем вместе, одной счастливой дружной семьей!

Да что ж за карма у нее такая! Повернуться не успеешь, за спиной кто-то давится!

Лакеи тем временем послушно приволокли стулья, и Мария порывисто схватила Ирену за руку.

– Ах, милая Ирена! Простите, что я уговорила мужа отослать вас от двора! Я была так неправа, я обязательно заглажу свою вину! Иоанн, мы загладим, правильно?

Иоанн чутьочку заторможенно кивнул. Мария расплылась в улыбке.

– Ну вот, все так замечательно! Садитесь же, Ирена!

Может, если бы это проделывалось не на весь мир, Иоанн и рывкнул бы, и Марию заткнул. А что ты сделаешь, когда на тебя и свои придворные смотрят, и послы, и даже Вернер пожаловал, чтоб его...

Оставалось только улыбаться и кивать, махать и снова улыбаться.

Мария расправила юбки цвета лаванды и уселась на трон. То ли из вредности, то ли получилось так, но Фиц-Эрланда усадили возле отца, и сходство его было видно каждому, а Ирену посадили рядом с Марией, только чуть пониже. И Мария на ее фоне казалась совсем девочкой. Яркое платье, стройная фигура, шикарные локоны, в которых ни одной седой ниточки, да и все остальное: блестящие глаза, свежая кожа, улыбка... да-да, у Марии за последнее время шесть зубов выросло. Вместо выпавших до озмеячивания, или как правильно назвать оборот в гюрзу? Огюрзячивание?

Неважно!

И рядом Ирена, которая выглядит на все свои годы, да еще и с прибытком. А еще на фоне Марии она сливается в блеклое пятно. Светлое палевое платье по последней моде, светлые волосы, жемчуг и бриллианты – и Мария. Сиреневое платье, несколько цветов в черных волосах, единственное украшение – корона.

Сравнение было решительно не в пользу Ирены. Но почему-то недовольна была и Диана?

Выпятила грудь, вдернула подбородок... Ирена почуяла соперницу и напряглась. Марию она со счетов уже списала, а вот эта... Для начала Диану смили надменным взглядом и фыркнули.

Мария наклонилась чуть ниже и сценическим шепотом, на весь зал:

– Совершенно себя молодежь вести не умеет, мы в ее возрасте такими не были, нам и в голову не пришло бы кидаться на мужчин, вешаться им на шею, выставять себя напоказ...

И что за эпидемия такая? Кто кашляет, кто давится...

Иоанн посмотрел на Марию, как Ленин на буржуазию.

– Зайди вечером ко мне в кабинет.

Ну, если так вежливо просят...

* * *

– Эрр Гилад, у нас проблемы.

Мужчина только рукой махнул.

– Обращайся как обычно! Что не так, Рик?

– Да все не так. Вот эти типы... ты знаешь, что такое – чернотубые?

– Знаю. Элитные воины у шагреньцев.

– Думаешь, мы им нужны?

– Вряд ли. На нашу глушь им и обычных пиратов хватит.

– Вот. Потому я приказал голову засыпать солью и отослать в столицу. Рассказ Томаса записал, отослал градоправителям... всем соседям, короче.

– Правильно сделал.

– Я не знаю, куда они движутся. Но точно знаю, что нам такое в Картене не надо!

– И это правильно.

– Не к добру эта сволочь у нас объявилась. Точно – не к добру!

И градоправитель кивнул головой. Вот уж точно... неспроста. А об остальном пусть думают, кто поумнее него!

– Награду охотнику выдай, заслужил.

– Уже. Думаю, и сами внакладе не останемся. Я отписал, как положено, патрулировали берег и лес, наблюдатель в «секрете»

заметил, проследил, чудом унес ноги...

– Вот и отлично. А я еще денег попрошу под это дело на организацию патрулей. Может, и правда чего дадут, а то крутись, как хочешь!

Мужчины переглянулись и кивнули. Сработались они хорошо, эрр Гилад был из типичных воров, но умных. То есть таких, которые одним днем не жили. Он сначала овцу откормит, а потом уж будет стричь как следует. И на мясо продавать. Но – сытую, здоровую, довольную... и сам жил, и другим жить давал, и город при нем сыт-доволен, и крестьяне, и поля распаханы, и леса с дичью...

А исс Руэль предпочитал в сложный процесс добычи денег не вдаваться, зато все, что касается охраны – стражи – патрулей, у него было идеально отлажено. Так и сработались.

И сейчас друг друга отлично поняли.

Еще бы с этими шагренцами решить... сволочи! Вот что вам на своем острове не сидится? Чего вы к людям-то лезете? Одно слово – гады!

* * *

– И что это значит? – Иоанн был явно недоволен.

Мария подняла брови.

– Нет, дорогой супруг. Это я спрошу – что это значит? Ты это видел?

Свиток с предложениями полетел на стол. Иоанн развернул, глянул...

– Да, Димас мне показывал.

– То есть пиратское гнездо вы оба мне предложили в надежде, что меня там убьют? – ласково уточнила Мария. – Я уж про Анну молчу. Мне как прикажете для нее мужа искать? Среди иссов? Там такое изысканное общество? Особенно Дерек Черный?

Иоанн даже и не смутился.

– Димас не подумал.

– И ты не подумал, и он не подумал. А я умру. И Анна тоже... ладно, на меня тебе плевать, но это все же твоя дочь!

Плевать Иоанну было на дочь, это же не сын! Но если есть повод...

– Что ты сегодня устроила с Иреной?

Мария печально вздохнула.

– Я виновата перед ней. И боги покарали меня.

– Чего?

Такого ответа Иоанн не ожидал. Мария возвела наглые глаза к небу, чтобы никто не заметил, и с должным чувством поведала:

– Мы обе любили одного и того же мужчину! Но я была неоправданно эгоистична и жестока, я лишила сына Ирены отца. Может, потому и мой мальчик умер... прости...

Развернулась – и вон из комнаты. Прежде, чем Иоанн заметил, как ее корчит – от смеха.

Да, жестоко. Но не она начала первая, а стесняться она не станет. Ирена эта не просто так явилась, она явно пришла добивать. Шакалить на останках...

Вот и получи!

И Ирена, и Диана... грызитесь в свое удовольствие. А Марию еще великие дела ждут. Она потом придумает, какие и где.

* * *

– КТО?!

Дерек Черный вскочил с кресла, на котором сидел, потягивая вино и тиская девицу.

Бутылка полетела в одну сторону, девица в другую, кресло в третью, а сам Дерек грозно навис над рыбаком.

– Не бейте, эрр!!!

– КАПИТАН!

– Не бейте, эрр капитан!!! Не виноватый я!

Дерек выдохнул.

– Да ты успокойся, не будет тебя никто бить. Ты сядь, расскажи все подробно, давай я тебе вина налью...

Шлюха тут же поднесла новую бутылку, из которой Дерек и плеснул в кубок. И протянул рыбаку.

– Вот так, пей. Я не на тебя рассердился, я «барракуд» не люблю...

Крепкое вино свое дело сделало быстро, рыбак выдохнул, глаза его заблестели.

– Я, капитан, у эрра Барны работаю. Чтоб вы знали, такой уж жлоб, чешую от рыбы не выпросишь...

Дерек придавил свое нетерпение и внимательно слушал. Спокойно, рассудительно...

Вот, стоял морячок ночью, на вахте, стоял себе, а потом на корабль и эрр Барна пришел. Поговорил о чем-то с капитаном, да и пошел себе, а капитан потом шкипера вызвал.

Тут моряку сменяться, а его любопытство разобрало. Он и к окошку каюты, знает, где прижаться, чтобы слышно стало.

Так и так, эрр Барна должен камешки отправить в Шагрен, для расчетов. Только вот не доверяет он своим людям. Корабли у них не такие быстрые, команды не такие обученные, они купцы, не воины. А потому... пойдут они в Шагрен с «барракудами». Вроде как камешки повезут, только будут те камешки на одной из «барракуд», или на «Зеленой» или на «Рыжей», не решили пока.

Дерек аж зубами заскрипел.

«Барракуды».

Марк.

Брат, который обернулся врагом... как же он Марка ненавидел! За Ирму! За доверчивую нежную девочку, которую погубил негодяй! Убил бы своими руками... до сих пор жену помнит, ее громадные глаза, нежную улыбку, легкие пушистые волосы...

И ее, и ребенка, и будущего – всего лишил Дерек Марк Стоун.

Было за что ненавидеть! Только вот расквитаться до сих пор не удавалось... может, теперь получится?

Если Марк идет в Шагрен?

Дерек похлопал моряка по плечу и плеснул ему еще вина.

– Это ты хорошие сведения принес. А еще что есть?

– Еще?

– Когда пойдут, какие корабли, сколько людей...

И золотая монета мягко ложится рядом с кубком. И глаза у моряка становятся жёлтыми, словно в них появляется отблеск этой монеты.

– Так эта... узнать-то можно.

Вторая монета ложится рядом с первой.

– Узнаешь?

– Как не узнать, капитан? Все сведаю, да вам и расскажу, прибегу!

– Вот и хорошо. А за мной награда не забудется. Ты монеты забери, да и иди домой, успеешь еще покутить...

Начнешь сейчас деньгами сорить, еще прирежут тебя, а ты мне пока живым нужен. Пока не разузнаешь, что потребно. Так что...

Дерек кивнул двум своим людям, приказывая проводить моряка, и вернулся за стол. Шлюха подползла поближе, коснулась колена капитана.

А чего ж не попробовать?

Клиент из щедрых, платит не скупясь, да и так знает, как женщину порадовать. Опять же, собой хорош... если не знать, что пират, так за эрра принять можно.

Волосы черные, глаза черные, кожа смуглая, обветренная, но красавчик! Лицо – хоть сейчас медали чеканить! И руки такие сильные, мускулистые, как обнимет, к себе прижмет, так и задохнешься от радости... Дерек даже и не заметил проститутку.

Сейчас он думал о другом.

О брате, который его предал.

О мести.

О женщине, которой уже давно нет, но которая должна быть отомщена.

О жизни, которая может еще измениться, о, она может! Но для этого ему надо оплатить старые долги и закрыть счет. Говорите, две «барракуды»? Он и с двумя справится, и с пятью, но они же увертливые, они же удирать будут...

Надо бы подстраховаться, чтобы перехватить Марка, если тот решит уйти!

Дерек бросил на стол монету и встал, к огромному разочарованию трактирной девки. Но мужчине было не до нее. Да и какие девки, когда все всколыхнулось внутри, залило черной горькой желчью?

Ирма, его Ирма, его белая лилия...

И его ребенок...

За что?!

Наверное, это он и хотел спросить у Марка перед смертью. За что ты так со мной поступил, брат? За что?!

Нет ответа. И только тихо-тихо шумит рядом море...

Если бы кто-то увидел Дерека Черного этой ночью, точно бы своим глазам не поверил. А то и в храм помчался.

Страшный пират, гроза и ужас Картена, да и Эрланда тоже, сидел на камешке, совсем рядом с приливом, и бросал в него мелкую гальку. Море с тихим шелестом облизывало его сапоги.

И лицо у капитана было мокрое.

Это морские брызги. Это просто брызги, правда же? Они соленые, значит точно – море...

Глава 9

Мария и сама не поняла, как это произошло

Все как всегда было – или не всегда?

Вот она сидит, рядом с ней Анна, с другой стороны эрр Ихорас, казначей, с ним рядом сидеть спокойно, он не лезет с идиотскими беседами, не мешает кушать, так, парой слов перебросятся, и достаточно. Ей точно хватит.

И пища вкусно пахнет.

На королевский стол не подают несвежее, не рискуют. Если у его величества приключится несварение, то поварам потом только некромант поможет. Иоанн ест много, Мария как-то считала, за один раз он слопал здоровущего лосося, тарелку с заливным, перепелов – четыре штуки, два пирога, а это не пирожки с ладошку, нет, здесь их делают радиусом сантиметров двадцать, круглые такие, и чтобы начинка видна была, вина напился в количестве шести бутылок и сладостями заполировал. Блюдо с засахаренными фруктами умял в одно рыло. А они тут не просто калорийные и сладкие, Маня одну грушу как-то укусила и поняла, что лучше вообще без сладкого, чем с таким. Себе дороже получается.

Мария была намного более умеренна в еде.

Но вот хорошее мясо...

Ей последнее время нравилось мясо с кровью. Чтобы едва прожаренное, и без соуса. Слуги это заметили, и может, по собственной воле, а может, и по чьей-то просьбе приносили ей именно такое. И рыбу она любила.

И в этот раз потянуло таким вкусным запахом...

Копченая рыбка!

На натуральной ольхе, без консервантов и прочего... Мария не устояла против маленького кусочка. И Анна попросила себе. Мария положила дочери на тарелку кусочек рыбы и невольно принялась.

Средневековая кухня сочетает разные странности.

К примеру, омлет с апельсином и лимоном. Рагу из бекона с грецкими орехами. Тушеные мидии. Марии они не нравились, а вот

Анна под настроение могла съесть. И сейчас мидии остывали на ее тарелке, и пахли...

Мария принялась внимательнее.

Чем они пахнут?

Миндаль туда кладут. И имбирь, и остальное, и...

Мидии...

Никто не удивится, если человек ими отравится. Никто ничего не заподозрит.

Или?..

Мария положила ладонь на руку дочери.

— Анна, не надо.

— Мама?

— Анечка, мне кажется, что мидии пропали.

Вот оно преимущество средних веков. Никакой акселерации и рядом не пробежало, если взрослый тебе что-то говорит, к нему прислушаться надо. Анна посмотрела на мать.

— Я не чувствую.

— А я вот чувствую. Такое ощущение, что там чеснока больше нормы раза в три... Запах забить старались? Или что?

— Что случилось? — перешептывания не остались незамеченным эрром Алесио.

Мария посмотрела на него прямо.

— Мне кажется, мидии пропали.

— Пропали?

Иоанн тоже услышал ее слова и отодвинул от себя вилку, на которую уже наколот крупного моллюска.

Мидии... кто не травился этими очаровательными существами, тому не объяснить. Это нечто убийственное... если не помрешь, то пару суток сложных ощущений гарантировано. А то и помирили [\[54\]](#).

— Повара сюда!

Долго ждать не пришлось. Придворные перешептывались, переглядывались, Дианочка что-то сказала соседу и хихикнула. Повар прибежал буквально через пять минут, и Иоанн сунул ему мидию.

— Ну-ка, съешь!

Повар послушно открыл рот и слопал моллюска. И второго.

Подождал.

Все было хорошо, но Иоанн почему-то есть не торопился, наоборот, подвинул миску к повару.

– Ешь все.

Придворные шушукались все активнее, слышались смешки.

Мария принюхивалась активнее, но не чуяла чего-то подозрительного. Да, чеснок. Это случается, но отчего ей так не нравится эта пища?

Почему ее инстинкт просто вопит: НЕЛЬЗЯ!!!

Что в ней неправильно?

Мария коснулась пальцем подливки, медленно облизнула подушечку. Даже и не заметила, какими жадными глазами проводил ее жест Иоанн... Диана соблазняла намеренно, а Мария и не понимала, насколько завораживающие у нее стали движения.

Медленно, так медленно, пытаюсь распробовать и почувствовать вкус... да, на самой грани осознания, что-то чужеродное, что-то неприятное, не такое, химическое...

– Не ешь, маленькая.

Иоанн взмахнул рукой.

– Ну-ка... остальные блюда хорошие?

Мария медленно прошла вдоль стола. Лакеи подносили к ней блюда, она принюхивалась, думала, потом качала головой. И видеть не видела презрительный взгляд Дианы. И задумчивый – короля, и не менее серьезный эрра Виталиса.

Нет, больше ничего такого.

Везде есть специи, имбирь, чеснок, есть шафран, корица и гвоздика... Мария даже не задумывалась, называя, чем приправлено то или иное блюдо.

Но это *другой* чеснок.

Может, Мария еще долго бы гадала, но тут охнул, схватился за живот повар, опустился на пол... и думать было нечего, глядя ему в глаза.

– Мышьяк, – уверенно опознала яд женщина.

А кто его не знает, после Агаты Кристи? Вот она и рвота последовала, и явно голова у него кружится, ему стоять тяжело, и белки глаз пожелтели... все, как в любимых некогда детективах. И получаса не прошло, но чувствительность у всех разная.

– ЧТО?! – взревел Иоанн.

Мария уверенно кивнула.

– Я думала, показалось мне или нет. А он как раз чесноком и пахнет, сильно. Слишком сильно, его и маскируют в таких соусах. Я знаю... давно.

Иоанн даже и спрашивать не стал.

Мало ли что там было, в Картене? Сложно оно, в королевских семьях, всякое в них бывает. То одного отравишь, то другого...

– СТРАЖА!!!

* * *

Мария сидела у себя в покоях и ревела. Вот самым наглým образом ревела в три ручья. Анна старалась успокоить мать, но достигала только обратного эффекта. Слезоразлив рос и ширился.

А если бы она не почуяла?

А если бы не подумала?

Если бы ребенок сидел от нее слишком далеко? Она бы что – ребенка потеряла?! Вон, повара пока еще не откачали, рецепт-то прост, побольше воды со всех сторон, пока не промоется, и молоком его отпаивать. Много.

Но повар взрослый, и его не так жалко, Марии он не родной. А вот Анна...

– Ваше величество?

В дверь постучали.

Мария сверкнула туда глазами. Эрра Розабелла уже пробовала войти, но Мария швырнула в нее подсвечник. Попало в стену рядом с эррой, дошло мгновенно, и больше уже никто не рисковал.

В этот раз в дверь вошел казначей.

– Ваше величество, я...

Второй подсвечник был запущен метко, но эрр Алесио ловко уклонился.

– Какого черрррта?! – взревела Мария, понимая, что этого гостя так не выгонишь.

– Мамочка, – погладила ее по голове Анна. – Мама...

Мария опять взвыла.

Да что ж вам всем надо-то?! Оставьте меня в покое, сволочи!!!

Слезы сами собой лились, ну вот что такого-то? Змеи не плачут?
Так не доводили их, вот и все!!!

А Марию довели. И страх сложился, и взгляды, которыми на нее придворные смотрели, и даже отношение Иоанна.

Хоть спасибо бы сказал, скотина жирная! Если б не Мария, он бы половину блюда с мидиями ухомячил, он их не всегда лопаёт, но в этот раз положил на тарелку.

А вот Анна – всегда!

Ее дочку хотели отравить! И ведь не скажешь этого никому, просто не поймут...

– Ваше величество, – на плечо Марии легла теплая рука. – Все хорошо. Все живы, даже повар жив и обещает за вас молиться каждый день по три раза. Всё – хорошо.

Мария вовсе уж позорно хлюпнула носом, и эрр Ихорас, плюнув на все, притянул их обеих к себе. И мать, и дочь. Просто обнять, побыть рядом... да о чем вы думаете?

Какой секс?

Какая страсть?!

Есть такие моменты, когда человеку позарез надо понимать, что он не один, что есть кто-то рядом. В такие моменты просто тепло чужое нужно.

Чтобы согреть, чтобы успокоить, чтобы подарить ощущение общности, человек, как ни крути, животное социальное, еще с тех времен, когда зажигали первые костры, и люди сбивались в кучи, грелись рядом с ними. Еще тогда – плечом к плечу, рядом.

Вот и Мария позволила себе на несколько минут просто расслабиться. Рядом был кто-то сильный... да, он не будет ее защищать, не обязан, но ей уже хорошо, уже спокойно... еще минутка...

Вот!

– Эрр Ихорас, что вас привело к нам?

– Я хотел поблагодарить, – просто ответил мужчина. – Я тоже бы не отказался сегодня от мидий, вы спасли и мою жизнь, ваше величество.

Мария кивнула.

– Я испугалась за дочь.

– Понимаю, ваше величество. Вы сегодня не побоялись насмешек – и спасли людей.

Мария кивнула.

Хотя ей было тогда наплевать на шепотки, на противные придворные морды... да хоть всех перетравите.

– Я дочь спасала.

– Все уже хорошо, ваше величество.

– Не вижу ничего хорошего. Отравителя нашли?

– Один из поварят найден мертвым в саду.

Это Марии простительно было закрыться у себя и рыдать. А народ в это время работал, собрали всех, кто был в кухне, пересчитали, опросили, не нашли одного из поварят, принялись искать – и таки нашли.

Мертвого, в кустах, задушенного шнурком.

Подробностей эрр Алесио говорить не хотел, но Мария буквально их выудила, задумалась.

– Странно как-то.

– Ваше величество?

– Вот я хочу кого-то отравить. И добавляю яд в любое блюдо... это же не повар, это поваренок. У него и шансов не было, верно? Как организована работа королевской кухни?

Эрр Алесио задумался.

А правда – как? Не часто казначею приходилось бывать на кухне.

– Если я правильно понимаю, готовят повара. Главный повар их контролирует. Поварята на подхвате. Порезать – почистить – помыть – принести... это логично! И ему дают яд, и говорят: всыпь, куда придется? Кто съест, того и отравим? Или как?

Алесио задумчиво подергал себя за хвост волос, стянутый бантом с большой драгоценной пряжкой.

– Не знаю...

– Я бы поняла, подкупи кто повара. Или уж того проще, лакея, который разносит пищу. Пусть всыплет яд конкретному человеку, что в этом сложного? Карманники и почище фокусы проделывают.

– Вы правы, ваше величество. Но тогда... хотели напугать?

– Напугать, подставить, да мало ли что? Я не удивлюсь, если поваренок окажется связан с кем-то... кого сейчас хотят подставить при дворе?

– Димаса Бустона, ваше величество. Канцлера.

Мария сделала плавный жест рукой.

– Почему – нет? Если обыщут вещи поваренка и найдут нечто... чтобы пристегнуть канцлера к покушению?

– Ваши слова имеют смысл, ваше величество. Но почему сейчас?

Мария пожала плечами.

– Не знаю. Я вообще надеюсь в скором времени уехать от двора, так что...

Алесию сверкнул глазами.

– Зато знаю я. Если Димас составил документ, который вас устраивает?

Мария хмыкнула.

Устраивает ли?

Конечно, нет! Но и из дворца надо удирать, она это поняла. Два покушения – куда тебе еще? Два это только тут, с храмом-то вообще три. Не-не, она в таком гадюшнике жить не согласна. Иоанн его развел, пусть Иоанн и радуется жизни, сколько сможет. А Мария...

Она поедет туда, куда ей указал Иоанн. И по дороге ее просто не станет.

Случится что-то такое... обвал, облом, да хоть бы что! Только вот и она, и Анна попросту исчезнут. А что будет дальше с этим Эрландом – ее волнует? Да пусть они тут хоть все провалятся, она и ухом не поведет. Ей и без того живется весело!

– Все замечательно, эрр, – вслух заверила она. И даже улыбнулась.

– Вот, ваше величество, значит, канцлера пора убирать.

– Эрсоны? Глупо как-то...

Алесию промолчал. Не хотелось лишний раз говорить королеве о ее супруге. Некоторые вещи не то что вслух произносить, думать о них неприятно.

Иоанн не лучший человек в мире, он достаточно злобен, ревнив, подозрителен, мнителен и мстителен, уж казначей-то насмотрелся. Ничего Иоанн не забудет и не простит. И когда придет момент, прекрасно воспользуется этим шансом убрать несчастного Димаса. А потом за его смерть спросит с Эрсонов. Правда, Димасу, да и Алесию будет все равно.

– Возможно, ваше величество.

Мария не стала обсуждать этот вопрос. Вытерла глаза, вздохнула.

– Ну вот. И лицо красное, и соплей до ушей... спасибо за утешение, эрр Алесио. Вы мне очень помогли.

– Служить прекрасной королеве – мой долг, ваше величество.

Мария махнула рукой.

– Идите, открывайте дверь, эрр, не то придворные дамы сойдут с ума от любопытства. Вы их лишили возможности подсмотреть и подслушать, самого смысла их жизни.

– Я же не лишил их возможности посплетничать, ваше величество? Пусть придумают что-нибудь сами.

Мария тихонько рассмеялась.

– Даже не сомневайтесь, они это сделают.

– Ах, это женское любопытство, ваше величество. Оно неискоренимо.

Мария тряхнула головой.

– Да... эрр Ихорас, простите мне мое любопытство, но и у вас достаточно странное имя? Я раньше не интересовалась, мне стыдно, но я тоже женщина.

Она бы про что угодно спросила, лишь бы Анна успокоилась. А девочку все еще потряхивало. Она могла умереть сегодня... дети не верят в свою смерть, но все равно ей страшно. Ей было очень страшно! И за себя, и за маму!

– Да, ваше величество. Мой прадед бежал из Шагрена.

– Как? – искренне удивилась Мария. – Вы совершенно не похожи на шагренца?

Тут уж и Анна заинтересовалась.

– Правда... они темные, и глаза у них не такие...

Эрр Ихорас улыбнулся.

– Если хотите... могу рассказать вам забавную историю.

Дамы, естественно, хотели.

– Давным-давно моя прапрабабка плыла на корабле, который потерпел крушение у берегов Шагрена. Она была обычной иссой, была замужем, ждала ребенка... шторм лишил ее мужа. Она уцелела чудом, супруг привязал ее к мачте, несчастную два дня носило по воле волн, потом выкинуло на берег. Шагренцы не любят чужаков, они и тогда их не любили, но прабабке просто повезло. Сохранился ее портрет, она была удивительной красавицей. Светлые волосы, большие глаза, это

надо видеть. Ее не убили, ее решили продать, как экзотическую игрушку. Мой прадед увидел ее на рабском рынке и влюбился без памяти. Воин Шагрена, Джун Ихорас, выкупил пленницу, освободил ее и женился. К громадному неудовольствию своей первой жены, своей матери, всей семьи... было много чего, и хорошего, и плохого, но мой прадед родился в законном браке. Хотя в нем и не было ни капли шагренской крови, мой прапрадед признал его, относился, как к родному сыну, любил, хотел сделать наследником...

– Семье это пришлось не по нраву?

– Абсолютно верно, ваше величество. Бабушку пытались отравить, ее ребенка тоже, прапрадеду чудом удалось спасти их, но он решил не возвращаться домой. Умудрился уплыть в Картен, упал в ноги градоправителю... я не стану сейчас называть имен, но ему удалось связаться с семьей прапрабабушки. Ее уже оплакали и похоронили, а тут и дочь, и внуки, и зять... не тот? Ну так что же, зато человек хороший, и дочку любит. В Картене они жить не смогли, там не любили шагренцев, а вот в Эрланде все и хорошо получилось. Я действительно шагренский эрр и имею все права на наследие рода Ихорас, но сейчас это уже неважно.

– А фамилия настоящая?

– Чутьочку измененная, – пожал плечами Алесио. – Его величество был в курсе дела и не стал возражать. А мои предки служили ему верой и правдой. Кстати, кое-кто из моих кузенов действительно намного больше похож на шагренца, но и я не чужой там.

– Какая история, – Анна и думать забыла про яд. – Наверное, ваш прапрадед очень любил вашу прапрабабушку...

– Любил. Настолько, что, когда она умерла, он вместе с ней вошел на погребальный костер. Ее похоронили по обычаям Шагрена, и пепел их смешался в одном сосуде.

Анна вздохнула.

– Если бы найти такого же человека! Если бы меня так любили...

Ну вот и все. Переключилась!

Мария благодарно посмотрела на эрра Ихораса.

– Благодарю вас, эрр. Надеюсь, что и у вас в семейной жизни все так же благополучно, как у ваших предков.

Алесио чутьочку помрачнел.

– Моя жена умерла, ваше величество. И Многоликий не дал нам детей.

Мария коснулась его запястья.

– У вас еще все впереди, эрр. Просто море еще не принесло к вам вашу судьбу. Может, на свете где-то живет красавица-шагренька, которая станет вашим счастьем?

– Я бы не стал на это надеяться, – улыбнулся Алесио. – но я благодарен за участие, ваше величество.

* * *

Змея тихо скользила по дворцовым коридорам.

Мария последнее время повадилась гулять по ночам. А интересно же!

Узнаешь много нового о людях, о нравах, разговоры подслушиваешь... хотя так-то цель у женщины была другая. Марии хотелось разведать потайные ходы.

Она даже не сомневалась, что такие есть во дворце, но где?

Как они открываются, куда выходят?

Хорошо бы еще и деньгами разжиться, но тут – как получится. Вот вряд ли она проберется в дворцовую сокровищницу. И вообще, а как она выглядит?

Представления о ней у Марии были достаточно средневековые.

Комната, дверь, золото в сундуках, драгоценные камни в шкатулках. Или выставка сокровищ, как в Эрмитаже или Тауэре... а вот как это выглядит – здесь?

Мария даже не представляла. В банках она бывала, но здесь их нет. Здесь есть конторы менял, предвестники грядущего, есть векселя, которые могут выдавать купцы, и только.

– А-ахххх!

Могла бы змея сморщить нос – так обязательно бы.

Еще одна парочка прелюбодеев. Интересно, кто на этот раз? Хотя нет. Даже и не слишком интересно, только вот ползти все равно мимо алькова.

Что такое альков?

Ниша в стене. И частенько в ней стоит симпатичная кровать, которую можно использовать по назначению. Иоанн, говорят, тоже пользовался.

А кто это у нас тут такой симпатичный?

Эпс?

Хммм, правду говорят, что небольшие мужчины любят крупных женщин. Но чтобы вот ТАК? Рисковый же человек наш шут! Очень рисковый!

Увидеть эрру Ирену в интересной позе одного из обитателей речного дна и эрра Демьена Мария не ожидала настолько, что даже застыла на минуту. Вообще, стыд и позор для гюрзы, подходи кто хочешь, делай, что понравится! Хоть за хвост таскай, она бы и не дернулась. Но и парочке было не до нее, они были заняты по уши. И так заняты, и этак, ну надо же, какие затейники!

Интересно, это у них сексуальное или политическое?

Мария хотела было остаться и послушать, но – увы. Дворец же, слышались шаги, и любовники притихли. Нет, здесь они ни о чем важном говорить не будут.

А как интересно!

Вот бы разузнать все подробнее? Хотя, скорее всего, у Марии просто паранойя. Известно же, что небольшие мужчины любят крупных женщин, а у кого при дворе крупнее, чем у эрры Ирены? И выглядит она неплохо, не как Мария, но для своего возраста и этого времени просто отлично.

Ладно, учтем, запомним – и поползли дальше. Вдруг еще что интересное увидеть удастся?

* * *

– Эрр Барна?

– Выход в море через четыре дня, – сообщил Тамаш. – С моей стороны идут «Ветреная девчонка», «Кокетка», «Кошка» и «Акула». Все уже стоят в Иргланде.

– С нашей три «барракуды». Рыжая, Зеленая, Красная. Тоже на месте.

– Мне на какую... хмммм, доставить камешки?

– Давайте на «Зеленую барракуду». Там капитаном мой друг, он в курсе дела. Какой корабль нам защищать и страховать, если что?

Эрр Барна качнул головой.

– Не скажу. Не обессудь, мальчик, в таких делах лучше помолчать иногда.

Марк и не обиделся.

– Вы на себя все риски принимаете? Я же не смогу подстраховать именно ТОТ корабль, если что?

– Я все понимаю. Только и ты пойми, это не только мое. Деньги большие, люди тут разные, сложились, собрались, я, если что, не только своей шкурой отвечу, дети и внуки мои по миру пойдут. Понимаю, что стоило б тебе довериться, а не могу.

– Предчувствие?

В такие вещи Марк верил. Как и любой моряк, суевериями он не пренебрегал.

– Нет... кажется мне, что все... молчать надо. Просто надо молчать, сам знаешь, сколько из-за дурного языка бед случается.

Марк и рукой махнул.

– Ладно. Этот риск на вас.

– А твой – на тебе.

И Марк согласно кивнул.

Через четыре дня? Он будет готов.

* * *

– Да, батюшка!

Илес по праву собой гордился.

Вот он, весь такой, словно отец в молодости, сидит рядом с его тронem, смотрит почтительно, говорит уважительно, и отец ему явно благоволит. Улыбается, спрашивает его о чем-то... и придворные смотрят.

И думают.

А чем Илес не король? Он бы справился, он точно знает! Он умный и в политике разбирается, и вообще... выдал бы отец и правда эту малявку замуж за Вернера, а сам усыновил Илеса. И будет ему безопасность!

Бастард?

А кто ему виноват? И вообще, его мать всяко лучше этой чернявой немочи, а Илес получился лучше законных королевских сыновей. Мария даже нормальных детей родить не смогла. То ли дело его матушка! Эрра Ирена всем хороша, только одна беда, не принцесса. А то б из нее и королева получше вышла.

Илес бросил взгляд на Марию.

Королева даже на него не смотрела. Медленно перебирала пальцами кисти шарфа. И пальцы длинные, тонкие, с красиво закругленными ногтями овальной формы, и движутся так завораживающе, словно по человеческому телу, неспешно, ласково... Илес почувствовал, что штаны стали тесными в паху и сглотнул.

Это как так?!

Она ж старуха!

И вообще, он ее ненавидит? И...

Нет, как так-то?! Илес перевел взгляд на Диану, но его ждало жестокое разочарование. Увы – ничего не шевельнулось, а то, что проявилось, упало обратно. Неинтересно. Хотя она и одета так, что лучше бы разделась, а только совершенно неинтересно. А ее величество вроде бы и одета, и не старается ничего показать, но как-то так у нее получается соблазнительно двигаться, смотреть, разговаривать... словно завораживает тебя.

Может, колдовство какое?

Да нет, глупость это! Какое тут колдовство, королева уж сколько лет на виду, давно б заметили. Или эрру Ирену она б еще когда извела, вместе с ребенком. А то и сейчас, или Диану эту, или мужа...

Нет, королева точно не колдовка. Но короля Илес не понимал.

Даже в его семнадцать лет, даже когда телом правит не разум, а то, что в штанах...

Диана? Таких много! Она красивая, у нее сись... то есть у нее тело красивое, вот! Но таких как она много. А вот Мария...

Даже пусть она уже старая! Она все равно такая... ух!

Илес бы не отказался очутиться в ее постели. Только вот королева на него и не смотрит даже. Он ей неинтересен, и это тоже чувствуется.

Обидно... [\[55\]](#)

Через четыре дня?!

Дерек как раз готов не был.

Полетел в стену кувшин, грязно выругался пират...

Понятно, свои корабли у него есть, целых восемь. И люди есть, три сотни удалцов под его рукой ходят, и завтра же они в море выйдут.

У пиратов так...

Есть добыча – гуляем. Нет добычи – собрались, да и в море, за новой. О какой-то дисциплине и речь не идет. Как пойдет, так и ладно будет, все одно на нее болтаться, чего планировать?

До Дерека.

Бывший гвардеец таких вольностей не потерпел, и после третьего десятка повешенных, разрубленных и выкинутых за борт, в поживу акулам, дисциплина таки наладилась.

Выйти в море они могут хоть завтра. Но... Дерек не стал врать себе. Марк все же лучший моряк, чем он. У Марка это от Предотца, иначе и не скажешь, его вместо пеленки, наверное, в кусок паруса заворачивали, он и ветер чувствует, и корабль, у него это как вдохновение, как песня.

А вот Дереку все давалось в разы сложнее.

Для Марка песня, для него – телега несмазанная, со скрипом и провизгом. И медленно идет, так медленно... Марк словно под гору бежит, а Дерек в гору тащится.

Потому Дерек и хотел других собрать, лишний раз перестраховаться. Пусть уж у него большой перевес будет, чтобы Марку точно никуда не деться... не получится? Ему б и добычу не надо, ему бы головы Марка хватило с избытком!

Только вот...

Его люди еще успеют, и то потом, после рейда, десятка два он недосчитается, не все из кабаков да от девок поспеют. А другие пираты...

Им дней десять надо только собраться.

Дерек, как из рейда приходит, так не к бабам, а корабль к следующему выходу готовить, проверять, смолить, красить, подновлять, где надо, а уж потом и погулять можно. А другие не так.

Пока осознают, пока похмелятся...
Придется одному рисковать!
Но может, кое-что он еще успеет сделать?

* * *

– Ваше величество!

Мария с интересом посмотрела на его высочество Вернера.

– Ваше высочество?

Явился, вот. Интересно, сколько усилий ему пришлось приложить и сколько заплатить, чтобы устроить встречу наедине? Она себе сидит в саду, спокойно, отдыхает на солнышке... с недавних пор Марии это нравилось. Очень нравилось.

Именно так, выйти в самый солнцепек в сад, расслабиться, прилечь в одной из беседок – здесь это считалось полнее допустимым. Эрра изволит лежать и думать о возвышенном.

Правда, вот так эрры старались не разлеживаться, лучше в тенистых беседках или на верандах, а то солнечный удар хватит. А Мария лежала на самом солнцепеке и блаженствовала.

И змея в ее душе наслаждалась.

И вот в ее скромную идиллию врываются эти... этот... нет – эти. Стоит его высочество Вернер, смотрит так укоризненно, а за его спиной еще один.

Секретарь?

Мария пригляделась внимательнее.

Вроде бы – да. Стоит такой невзрачный, неприметный, в толпе пройдешь – не оглянешься... только вот почему-то змея в душе все сильнее приподнимается, поводит тупоносой головой по сторонам, собирает тугие кольца.

Враг? Опасность? Добыча?

А что там говорит Вернер?

– Ваше величество, я понимаю, ваш супруг не настроен выдавать за меня замуж ее высочество Анну, но я хотел бы воззвать к вашему разуму.

– К моему разуму? – удивилась Мария.

Вернер опустил на подушки беседки.

– Ваше величество, вы понимаете, я пока не люблю вашу дочь. Может, и потом не полюблю, я не знаю. Мы вообще видим друг друга второй раз в жизни, и даже не разговаривали, не пытались как-то узнать, мы два незнакомца, соединенные государственными интересами.

Мария кивнула. Что ж, доза правды засчитана, посмотрим, сколько килограммов лжи к ней подмешают.

– Я не буду клясться в любви, но я могу дать вашей дочери то, чего она безусловно заслуживает. Крепкую семью, уважение, детей, спокойствие и безопасность. Ваша дочь будет гарантией мира в стране. Эрланд не примет чужака, но консорта обожаемой принцессы – стерпит. А там и покорится. Не говорю – полюбит, но и бунтовать не станут.

– А моего супруга вы уже похоронили? – ехидно уточнила Мария. – Не знаю, как в Фардании, а вот в Эрланде такие речи идут как государственная измена.

Вернер даже и не смутился.

– Помилуйте, ваше величество, какая тут измена? Я искренне желаю его величеству Иоанну долгой и счастливой жизни в браке, но ведь других детей у вас нет, только Анна.

– Мой супруг запросил развод, – отмахнулась Мария, – так что еще десяток детей наделает. А вы подумайте, ваше высочество, стоит ли оно того? Консортом вы не будете, а вот муж опальной принцессы – должность незавидная.

Но чем, чем ее так раздражает этот секретарь?!

Почему на него все время сбивается внимание, почему ее внутренняя гадина так раздражена? Хотя ты клыки выпускай, и ядом, ядом!!!

– Ваше величество, но вы ведь не согласитесь на развод!

И такая священная уверенность в голосе! Просто до слез!

– Почему? – удивилась Мария. – Еще как соглашусь!

– Но это... это же...

Вернер аж заикаться начал. В его голове просто не укладывалось, как кто-то может добровольно отдать ВЛАСТЬ! Это ж альфа и омега, начало и конец, краеугольный камень всей его жизни!

И – отдать?

Невероятно!

– От меня тут ничего не зависит, – Мария смотрела равнодушно. – Вряд ли ваш дед спрашивает совета у своей супруги? Или ваш отец, ваше высочество?

Вернер даже хмыкнул.

Совет? От женщины?

Но они же дуры!

Ладно, ее величество Мария, кажется, другая, но в большинстве своем лучше советоваться с лошадью, а не с женщиной. Лошадь хоть выслушает молча и никому не разболтает, а вот о бабе такого точно не скажешь.

Мария шевельнулась – и взгляд секретаря остановился... нет, не на ее прелестях. Куда он смотрит?

Пожалуй, он оценивает всю Марию. Но почему так? Что его притягивает, или что привлекает его внимание? И почему он так странно подается вперед... он закрывается, прячется за ветками, но видно же! Он... принюхивается?

И Мария не заметила бы этого, если бы не ее змейство.

Он что – такой же, как она?! Двуйпостасный?!

А как это определить?

Мария прислушалась к себе, медленно потянулась чутьем к своей внутренней змее, и та расправила кольца. Выпустила язык, принюхалась.

Он... пахнет животным?

Нет...

Мария не могла определить точнее, и ее змея тоже была в растерянности. Женщина уже научилась с ней договариваться, змея с удовольствием предупреждала об опасности, предостерегала и старалась помочь, но тут...

Линок Саран ощущался... как что-то неправильное.

Не человек. Не животное. Не дитя Многоликого. Смесь всего и сразу, дикая, искаженная смесь, которая тем не менее – работает?

Но очень на это похоже. И вот он и голову поднимает, и принюхивается тоже...

Каким животным он пахнет?

Лисом.

Он пахнет обычной рыжей лисой, но лисой больной, измученной, лисой неправильной... и что делать? Спросить прямо?

Мария подозревала, после такого вопроса она проживет очень и очень недолго.

Но и оставлять такое рядом с собой?

Змеи осторожны. Они стараются уползти от опасности, но если удрать не удастся? Если ей просто некуда, и за ее спиной гнездо и маленькие змееныши, которые пока не могут как следует охотиться? Что ей делать? Нападать?

Мария приняла решение и дружелюбно улыбнулась.

– Вернер... вы позволите называть вас так, на правах возможной родственницы? А вы можете называть меня, к примеру, тетушкой Марией.

Вернер кивнул. С этим он был согласен, почему нет?

– Польщен, тетушка Мария.

– Насколько вы доверяете вашему секретарю? Поймите меня правильно, это сложный разговор...

Вернер невольно выпятил грудь.

– Полностью, ваше величество. Эрр Саран доверенный человек, равно мой и моего деда...

– Если только так. И все же... этот разговор может стать смертным приговором и мне, и вам, и ему.

– Ваше величество, я могу дать клятву на крови, что никогда и никому не расскажу...

Мария подалась вперед и коснулась пальцами руки юноши. Отметила, как жадно проследил ее движение секретарь, вздохнула тихонько.

Ну да.

Змейство даром не проходит, пластика у нее уже другая, и с этим приходится мириться. Она ловила себя на более плавных и неторопливых движениях. И в то же время стремительный рывок к добыче. Но сейчас... Вернер – не добыча, а вот это, второе, она и пальцем не тронет. Может, оно ядовитое?

Как бы это узнать подробнее?

– Не надо, Вернер. Ситуации бывают разные, а такие клятвы стоит давать, только когда полностью уверен в завтрашнем дне. Я не так эгоистична... вы удивляетесь, как я могу согласиться на развод? Но дочь для меня важнее власти. Вы понимаете?

Вернер сглотнул.

Намек Мария дала толстый и отчетливый. Но...

– Да, тетушка Мария.

– Лишиться власти – я постараюсь это пережить. Да-да, звучит каламбуром, но я действительно постараюсь. Зато моя дочь будет жива и здорова, пусть даже вдалеке от меня. Но лишиться дочери... я потеряла почти всех своих детей, надеюсь вы никогда не узнаете, КАК это больно.

И даже не соврала.

Действительно, потеряла. Ее дети сейчас в другом мире, и увидеть их она не сможет никогда. Вообще никогда.

– Ваше величество, но кто может...

Вернер понял, что вопрос глупый и останется без ответа, и замолчал. Вот правда – кто может угрожать королеве?

– Вижу, вы поняли, Вернер.

– Да, тетушка Мария. Но если я смогу защитить вас?

– Я скажу – докажите, – пожала плечами Мария. – Даже у купцов требуют дел, а мы все же стоим выше торговцев.

Вернер задумчиво кивнул.

– Ваше... тетушка Мария, Фардания может вас защитить. Но я понимаю, что вы не поверите мне на слово. Могу я предоставить вам гарантии чуть позже?

– Главное, чтобы вы успели до моего развода, Вернер.

– О, за это не беспокойтесь, тетушка. Не забывайте, Конклав и Престол находятся на нашей земле, и не станут с нами ссориться просто так.

Мария пожала плечами.

– Докажите, ваше высочество. Докажите, и мы поговорим о других вещах. А пока жизнь дочери для меня важнее, чем власть.

– Обещаю, тетушка Мария. А пока позвольте откланяться.

– Хорошего дня, Вернер.

– Ах да, если вас спросят, зачем мы приходили... я хотел преподнести вам небольшой подарок. Мне стало известно о вашем интересе к двуипостасным, тетушка Мария.

Мария сморщила нос.

Дворец... здесь чем-то кроме сплетен занимаются? Всего-то пару раз спросила, а уже все шпионы в курсе! Кошмар!

– Мне правда интересно, Вернер.

– У нас в Фардании есть такие рукописи, которых нет больше нигде, – подросток кивнул секретарю, и тот приблизился почти вплотную.

Поклонился, выпрямился, протягивая небольшой ларчик, который и держал все это время.

И уставился Марии в глаза.

Мария взгляда не отвела.

И на миг они словно провалились друг в друга. Глубоко-глубоко.

Карие глаза Марии встретились с серыми глазами Линока. И все исчезло.

Осталась только пустота. Серая, прозрачная, в которой смотрели друг на друга крупная мощная змея и... что это?

Змея такого не видела ни разу.

Лисья голова и лисьи лапы, но человеческое тело. И лисий разум не может понять, что с ним происходит, а лисьи лапы не могут удержать слишком большой для них вес, и падают, разъезжаются, и существо беспомощно корчится рядом со змеей, не умея защититься и не смея отвести от нее глаз.

Здесь у Лиса совсем другие глаза.

Ярко-зеленые. Только зелень эта болотная, тусклая, больная зелень... а у змеи глаза цвета старого благородного золота. И зрачок вертикальный^[56].

Они молчат. Змеи молчаливы, а лис просто не может разговаривать. Ему больно, ему плохо, он заперт в несовершенном человеческом теле, он не может уйти и не может вырваться...

Мария может ему помочь?

Нет.

Ответ пришел ровно и спокойно, и где-то, в другом измерении, согрелся от человеческого тепла, запульсировал красный камень под одеждой у королевы.

Она не поможет. Никто не поможет, никто не сможет. Потому что изменение и вторая ипостась даруются по воле Многоликого, как благо и как громадная ответственность.

Некогда людям было сложно выжить, и Многоликий даровал им помощников. Человек не сможет улететь от опасности, но громадный орел или дракон унесут людей на своих крыльях.

Человек не почувствует землетрясение, но чутье любого животного властно предупредит – и люди спасутся. Эрры стали владельцами не просто так, а чтобы заботиться о более слабых, чтобы поднимать их с колен. И сила им дана была немалая, и справиться с ней могли не все.

Кто-то оставался животным, кто-то умирал человеком, но те, кто выдерживал, получали все плюсы и человеческой и звериной натуры. И знали свои обязанности.

Попытка вмешаться в божественное право не закончится ничем хорошим. Ни для человека, ни для животного.

Им мучиться долго.

Лис не станет полноценным, а что же человек?

А человек тоже будет отвечать за содеянное. Теперь Мария знала, что Линок согласился сам. И платит за это страшно. Припадками, вроде эпилептических, головными болями, от которых не спасает до конца даже опиум, днями беспамятства...

Смертью.

Это существо не проживет и половины отведенного лисице срока, обычно лиса может дожить до двадцати лет, пусть двадцати пяти. Это существо проживет еще лет пять-семь.

И будет мучиться.

Все сильнее будут становиться приступы, все страшнее боли, последние пару лет оно и вовсе проведет, кидаясь на стены в попытках хоть как-то облегчить свое состояние. Или – убьют из жалости.

Оно.

Не человек, не зверь.

Существо.

Лис смотрел змее в глаза – и понимал. Нет надежды, нет спасения. Он не виноват, виноват человек, но выхода нет ни для кого. И существо тихо, жалобно заскулило, умоляя его пожалеть.

Марию выкинуло в реальность.

– Оххххх!

Она сидела на удобной кушетке, под ясным дневным солнцем, рядом стоял откровенно растерянный Вернер, а на дорожке, раздавив ларец и изваяв бесценные документы в грязи, корчился эрр Линок Саран. И изо рта его шла густая зеленоватая пена.

Бежали слуги, кто-то что-то кричал...

Мария коснулась руки Вернера.

– Ваше высочество...

Тот даже не сразу опомнился. Понятное дело, Марии после квартальных отчетов и налоговой уже ничего не страшно, она там и не такое видела, а вот парню в новинку.

– Мы еще встретимся.

Вернер закивал, как болванчик.

Он-то ничего и не понял.

Королева просто сидела, ничего не делала, и Линок Саран стоял и ничего не делал, протягивал ларец, они смотрели друг на друга... разве что показалось принцу, что на долю секунды глаза Марии блеснули теплым старым золотом. Но это...

Это просто показалось!

Это все глупости! Это солнце так отсвечивало, вот и все.

А потом Линок свалился на дорожку и забился в припадке... Вернер знал, что они есть, что так бывает, но чтобы вот так, близко... это он видел впервые. И ему было жутко.

А Мария шла по дорожке во дворец, унося с собой свитки. И в ее голове звучало одно и то же.

Не дано человеку нарушить Божественный замысел, расплата за это смерть или безумие...

Не. Дано.

* * *

Поздно ночью по городу скользила змея.

Скользила тихо, вымазалась, правда, по уши, но старалась об этом не думать. Мария надеялась, что предусмотрела хоть что-то.

Сложно ли змее выскользнуть из своих покоев?

Минута. И из дворца тоже.

Никто и не заметил, как по коридорам, словно стремительный призрак, скользит крупная гюрза.

Змея спешила.

Вот подходящее окно, вот не менее подходящее дерево – и сад. И быстрее, быстрее вперед, не обращая внимания на мелкую ночную птаху, которая удрала с истошным даже не чириканьем, а визгом. Поохотиться бы, но некогда.

Марию могут хватиться в любой момент.

Но ведь и отказать нельзя?

Забор... для кого-то высокая каменная ограда действительно преграда, и часовые. А для змеи торная дорога. Мария даже не задумалась, преодолевая препятствие. Если кто из часовых и заметил серую тень, подумал, что ему померещилось.

Змеи?

Так таких размеров, и в городе, и рядом?

Нет-нет, это точно бред. Или ветка так тень отбросила, или ветер что-то шевельнул, или просто моргнул он неудачно... чушь!

Vipera lebetina почти летела по городу. Ах, какая жалость, что фантазии эрры Лизанды Шаран так и остались фантазиями. От крыльев Мария сейчас не отказалась бы.

Если кто понимает, грязи на средневековых улицах столько... лучше не думать и что это за грязь, и о ее происхождении тоже. И радоваться, что змеи не чувствуют запахи.

То есть не так.

Человек дышит и чувствует запахи, у него рецепторы, грубо говоря, в носу. А змея может их не чувствовать. У нее рецепторы в другом месте, ей надо язык высовывать, пробовать, анализировать – обычной змее. А Мария-то не обычная гадина, она преотлично знает, что ей нужно. И нюхать вот это все не собирается.

Да, тошнить змей тоже может. Преотлично.

Это люди могут в таком жить, а змеи существа нежные, трепетные, чистоплотные!

Хорошо еще, мудрый человек, пра-пра какой-то Иоанна, собрал все посольства в одном месте. А что? Если их по городу разнести, так следить сложнее будет. А тут стоят шесть особнячков в одном и том же месте, вокруг Посольской площади, и отличаются только цветами флагов, вывешенных перед ними. Все рядом, шпионов отрядить для слежки – милое дело. Правда, посольство Шагрена пустует, но это уж дело другое! Шагренцы вообще считают ниже себя разговаривать с кем-то другим.

Их император – родное чадо Многоликого, чуть ли не божественной крови, на руках выпестованное и лично богом рожденное. А вы тут кто после этого?

Правильно, тля кукурузная.

Вот и посольство Фардании. Хотя Мария и так бы догадалась, что это оно. Оттуда тянуло болью.

Лис был там, она его чуяла. Не языком, не рецепторами, а каким-то загадочным внутренним чутьем. И не могла оставить в беде несчастное измученное существо. Просто – не могла.

Она знала, что придет.

И он знал. Лис.

А Линок?

Линок не знал. Человеческая часть его сейчас ни за что не отвечала, потому как лежала опоенная крепким сонным зельем.

Привести бедолагу в чувство так и не удалось, поэтому еще во дворце ему просто споили крепкое сонное зелье, то есть конскую дозу опиума. А потом, в посольстве, когда он начал корчиться и стонать от боли, привычно добавили еще.

Убить его такой дозой не убьешь, это фарданцы знали, а вот успокоить можно. Очнется, потом сам объяснит, что произошло. Чего это его так разобрало?

* * *

Мария подумала, что любит современных архитекторов.

Обожает просто!

Вот в двадцать первом веке змее пришлось бы сложно. Не приспособлен хай-тек для змей. Стекло все это, металл... можно. Но неудобно же!

А тут ползи – не хочу! Хоть направо, хоть налево, на пузе у нее щетинки есть, чешуйки, ими вон как цепляться удобно! Мария свое пузо разглядывала, хоть и выглядело это забавно... правда все равно не поняла, чем она там цепляется. Это бы в движении посмотреть, в динамике, но кто ее разглядывать станет? Разве что Анну попросить... лет через пять.

Вот и окно, из которого тянет болью и безнадежностью.

Мария обвилась вокруг удобной завитушки, подумала немного.

Огляделась.

Тишина.

Никого рядом, ни сиделки, ни охраны – ничего. Не бояться?

Хотя и так понятно. В таком состоянии Линок – или кто там это существо – совершенно беспомощен. Ни сил, ни возможностей. Только лежать и подышать от боли.

Что ж...

Мария скользнула внутрь, заползла на кровать и примерилась. Куда бы цапнуть?

А, все равно. Кусать и удирать.

И в эту секунду Линок открыл глаза.

Мутные.

Зеленоватые.

Почуввав истинное дитя Многоликого, несчастное изуродованное существо последним усилием воли скинуло с себя оковы сна и преодолело действие яда. Кое-как шевельнулась безвольная рука, упала поближе к Марии.

Кусай.

Не сомневайся.

Я буду тебе благодарен...

И острые длинные клыки легко погрузились в плоть, впрыскивая яд.

Освобождая.

А теперь обратно. И быстро, быстро, пока никто не вошел, не спохватился, не обнаружил ее отсутствия... змеиное тело скользнуло в окно, и вниз по стене, и обратно.

Да так, что только грязь из-под хвоста полетела.

Во дворце проще, там она один подходящий фонтан присмотрела. Сможет и искупаться, и обсохнуть рядом на чистом мраморе, и потом во дворец нормально вернуться. А тут...

Можно подумать, у нее был выбор!

* * *

Перед тем как проскользнуть в свою комнату, Мария долго прислушивалась, но – повезло. Тишина. Никто ее отсутствия не заметил, никто не увидел и не услышал...

В кровати мирно сопит Анна. На столике рядом лежат свитки, которые подарил ей Вернер. Мария хотела почитать перед сном, но

потом отвлеклась и просто забыла обо всем.

Сейчас почитать?

Нет.

Не хочется.

Ее величество оглядела себя.

Что ж, вымылась она удачно. Перед превращением она разделась догола и надела на себя старую нижнюю рубашу. А камень так и болтался на шее, она уже к его весу и привыкла.

Рубашка теперь не особенно чистая, но это мы исправим. Мария, недолго думая, сняла ее, бросила на пол и принялась обтираться водой. Специально тазик оставила, кувшин, рядом тряпочка мягкая. Вот так, хорошо.

А теперь всю воду из тазика вылить на грязную рубашку.

Вот так, и кто там будет разбирать историю мокрого и грязного комка ткани?

Отнесут прачке, да и прикажут выстирать, а та и думать не будет. Прачке тоже какое дело? Королева там, еще кто...

Плевать! Лишь бы платили...

Мария надела другую рубашку, красивую, с кружевом и весьма затейливой вышивкой, и нырнула в постель. Пригребла себе под бочок тепленькую Анну, дочь пробормотала что-то неразборчивое и прижалась покрепче.

Мария закрыла глаза – и уснула.

И во сне она видела лиса.

Да-да, того самого лиса, только вот сейчас он был цельным и настоящим. Лисом, как и должен был стать.

С роскошным хвостом, с пышной рыжей шубкой и с яркими зелеными глазами.

Он бежал по лесу и весело подпрыгивал от счастья, от полноты жизни, от ощущения... свободы.

Он был свободен.

* * *

– Ваше высочество!!!

Вернер подскочил на кровати как укушенный.

– Кто?! Что!?

– Ваше высочество, эрр Линок Саран... – в голосе слуги звучал чистый ужас.

– Что с ним?!

– Он... умер.

– ЧТО?!

Вот теперь Вернер и подскочил, и как был, в ночной рубашке и колпаке, кинулся в комнату к своему «секретарю».

Эрр Линок лежал на кровати, мертвый и холодный. Но удивило Вернера не это.

Удивило его другое.

Совершенно счастливая улыбка на губах мертвеца. Радостная, сияющая, детская даже. Словно он мальчик, и ему только что подарили самую настоящую лошадь. И столько счастья! Столько радости!

И – глаза.

Глаза у эрра Линока были нечеловеческие.

Травянисто-зеленые, с вертикальным зрачком и вовсе без белка. Зелень расплзлась по всему глазу, как... как у зверя.

Лиса?

Может быть... что-то такое Вернер видел в королевском зверинце. Только вот... Линок – человек.

Человек же?

Правда?

– Ваше высочество... – некстати влез слуга.

Вернер дернулся, едва не подпрыгнув на месте, и нашел, на ком сорвать злость.

– Немедленно! Убрать! Забальзамировать и отправить деду!!! ЗАПОРЮ НА КОНЮШНЕ!!! ЖИВО!!!

Никто и спорить не стал, что ж они – сумасшедшие, что ли? И на след, который оставила Мария, никто внимания не обратил.

Не пришло тут еще время Шерлоков Холмсов с Бейкер-стрит, которые на пузе будут ползать, собирая чешуйки и волосинки, нет, не пришло...

Он бы и змею поймал, и показания с нее снял, а вот сейчас...

Вернеру было просто страшно.

Слугам и вовсе лезть не захотелось. Что они – идиоты, что ли? Так вот скажешь его высочеству, что грязь откуда-то странная, что не

должно бы ее тут быть, а он еще чего придумает, так и правда пришибут под горячую руку, засекут на конюшне, и все. Зачем оно им надо?

Это дела эрров, вот пусть его высочество сам и разбирается! А умные люди в это не полезут, нет. Даром им такое не надо! И за большие деньги – тоже.

* * *

Мария ковырялась в омлете и думала о своем, о грустном. Да-да, омлет тут был почти как дома. Правда, его щедро сдабривали то вареньем, то еще какой-то пакостью, но Мария все это отгребала в сторону. Иногда даже вкусно получалось.

Сегодня омлет был с каким-то мясом, сыром и зеленью. Пахло вкусно, но... аппетита не было.

Это вчера она действовала на чистом автомате. Это ночью она шла, как по ниточке. А сейчас полезли в голову грустные мысли.

С чего это она, вся такая миролюбивая, полезла человека убивать? Она же мухи зря не обидит! А тут дичь покрупнее попалась!

Вот что ее разобрало?

Ладно, начнем с начала. Когда этот эрр к ней принюхивался, и они глазами встретились. То, что ТАМ было – это правда? Марии это не нравилось, но надо смотреть правде в глаза. Если она ползает по ночам гюрзой, значит, и вот это вчерашнее тоже было.

Лис. Или не-лис, нелюдь... допустим! Оно было! И возникает логичный вопрос – это что? И откуда оно на свет выползло? Мария была твердо уверена, что это – неестественное. В природе такого возникнуть не может, благословение Многоликого работало до конца. То есть или ты животное, или ты человек. Но так, чтобы ни туда и ни сюда?

Э, нет.

Это скорее было похоже на евгенику. Да-да, генетические эксперименты, и что с того, что вокруг средние века? Можно подумать, тогда не было научных лабораторий и людей, которые пытались получить философский камень или эликсир бессмертия... ну, не получили. Но ведь кучу всего полезного понаоткрывали!

А тут и того проще.

Было такое в истории человечества? Было! Значит, и повторить можно! Наверняка же остались записи, что-то такое, вроде конспектов, дневников, научных тетрадей... что, никто вот это явление не пытался исследовать? Когда ты и человек и животное?

Быть такого не может!

Люди – любопытные. Наверняка покопались и записи оставили. А теперь, значит, в Фардании их нашли и решили применить не по делу? Похоже на то.

Причина понятна. Кто ж откажется? Это ж не просто источник прибыли, это оружие. Диверсант-муравей, к примеру! Или дракон-огнемёт! Или еще что-то... применение оборотней в быту наверняка широко изучено. С другой стороны... попробуй, заставь Марию что-то делать?

Хотя нет.

Это не пример.

На Марию где сядешь, там и слезешь, еще и покусанным, это все знакомые подтверждали. Характер такой. Даже если бы ее заставили шантажом или угрозами, все равно она бы вывернулась и рано или поздно переломила ситуацию в свою пользу. Может, и у других эрров так же?

Вполне возможно.

Есть запрет?

Мария не припоминала у эрров никаких особых ограничений, но может, это она что-то упускает? Убийство?

Нет, вряд ли. Вот она и Лизанду убила, и вот этого, как там его, и прекрасно себя чувствует. Все сделано правильно. Тогда какие запреты могли стоять у эрров? Какие обязательства?

Надо будет почитать потом, что ей Вернер приволок. Может, там что-то полезное найдется? Сила дана не просто так, сила дана, чтобы защищать свой дом и свой род... ага, кажется, она что-то нащупывает. Свой род, свой народ... а бывали войны эрров?

Ну-ка, вспоминаем?

Государства между собой воевали, это верно. Но эрры в бой не шли, так, чтобы стенка на стенку? Или... Машка, думай, банан куплю!

Про поединки Мария читала. Но именно поединки, а вот так, чтобы... эрры воюют?

Сейчас – да, но сейчас это не те эрры, они не перевертыши, они просто носят титул. А тогда, до Данакта? Как плохо не знать историю!

– Ваше величество! ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО!!!

Мария подняла глаза от омлета.

Ах, кажется, ее о чем-то спросили? И лично Иоанн? Как неудобно!

Женщина улыбнулась через стол.

– Простите, ваше величество, я задумалась.

Диана злобно зашипела. Эта... эта старуха, что – НАРОЧНО?! Почему она все время привлекает к себе внимание?! Вот постоянно! И сейчас тоже... гrrrrrrr!

– И о чем же вы думали, ваше величество, если даже короля не слышали?

– О двуипостасных, – честно ответила Мария. Искать что-то в средневековой библиотеке – мука мученическая, особенно если привык к «Алиса, голос!». Или «О'кей, гугл», тоже сойдет. А ты попробуй, ручками полистай, глазками почитай, да еще без гарантии, что найдешь необходимое... это ж нереально! Месяц жизни на поиски, не меньше!

– И что именно вы о них думаете?

– Ваше величество, как знаток истории, умоляю, напомните мне? Двуипостасные ведь не сражались просто так? Верно?

– Все правильно. Они защищали свою территорию, свое государство – безусловно, но первыми старались не нападать. И в войнах не участвовали.

Мария кивнула.

Ну да, как-то так. Развитие и расширение человеческой базы, вот этим и занимались двуипостасные. В средние века, знаете ли, и так достаточно проблем, чтобы их еще войнами добавлять.

Голод, стихийные бедствия, эпидемии... это она и половины не перечислила. Люди вымирали городами и селами, а двуипостасные снижали этот процент. И в войнах не участвовали, безусловно. Чего им друг с другом драться, на дорогах, вон, то разбойники, то волчьи стаи, то еще чего... саранча не опасна? Это человека она не съест, а урожай так запросто! Сейчас ее можно отравить, но ее сейчас – это двадцать первый век. А в средние века это был приговор.

– А гвардия, ваше величество?

– В гвардию шли те, кто еще не обрел свою вторую ипостась. Младшие сыновья, просто молодняк, считалось, что вторая ипостась обретается только через боль, кровь, через битву...

Иоанн объяснял с явным удовольствием. Плевать, что истины общеизвестные, вон как королева слушает! Как тут не поучить глупую бабу?

Мария кивнула.

Она сильно подозревала, что военное дело тут, скорее, для другого. Ее бы воля, она бы армию сделала обязательной для всех, кто хочет идти на государственную службу. Просто автоматом.

Не служил?

Вопросов нет, иди в любую сторону. Но на государственную службу тебе дорога закрыта.

Очень смутно, где-то на самой грани, Мария понимала, что нельзя принять своего зверя, нельзя справиться с собой, не умея сочувствовать, сопереживать, слышать другого, осознавать, что другим тоже больно... а где это отрабатывать? Вот где в мирное время получать эти навыки?

В больницах?

Так эрры там и работали, которые женского рода. До сих пор отзвук, любая эрра обязана уметь оказывать медицинскую помощь. Любая.

Даже Розабелла!

А мужчинам где? Кто-то шел в больницы, но большинство в гвардию, как в армию. Или на флот... вот она откуда обязательная служба. Чтобы потом было легче принять свое второе я.

Иоанн смотрел гордо! Вот он какой умный!

Диана прильнула к нему, восхищаясь глубиной познаний, Мария кивнула и поблагодарила.

Что ж, с этим понятно. С Фарданием?

А тут чего непонятного? Все просто, если измененный находился в свите принца и пользовался его доверием, значит, это королевский проект. Вопрос в другом. Два вопроса.

Церковники в деле? Вполне возможно, только отдельными частями. Не все, а несколько верховных, это было бы логично, вспоминая смычку «церковь-государство» в средние века. Яркий

пример – кардинал Ришелье. Где начинался кардинал и где кончался управляющий? Да фиг его знает!

Второй вопрос – как это касается лично Марии?

Правильный ответ – пока никак. Может коснуться, потому лучше бы проявлять осторожность. Но может и не коснуться, если Мария разведется, да и уедет в деревню. Кто ее там в глуши найдет?

Да никто! Разве что убийцы пожалуют.

А вот если она останется при дворе, рано или поздно произойдет столкновение. Так что...

Сидим, сопим, смотрим и слушаем. И собираем информацию.

Хорошо бы еще полезными знакомствами обзавестись. В гвардии там... ох, недаром Екатерина Вторая всех гвардейцев перебрала. Ладно... большую часть. Нет, Мария столько гвардейцев не выдержит. Но хорошо бы и правда начать налаживать контакты. Авось, какой случай и представится?

* * *

Бертран доверчивостью не отличался. Но к дядьке Тику он привык за время сплава, может, привязался даже. Хороший он, дядька-то...

Две дочки у него, сынок, сам дядька старается, монетку зарабатывает, ремесло плотогона, оно не из легких, вот и Бертрану предложил честь по чести.

Юнга на корабль завсегда нужен.

Но и Бертрану наняться надобно хоть куда, чтобы уплыть, подальше-то. Вот и могут они два интереса совместить.

Дядька Тик может сказать, что Берт вроде как его племянник и на корабль наняться хочет. БERTу с того что? Так не с улицы человек пришел, есть у него крепкая родня, может и не совсем так, да только боцман о том знать не будет. А значит, и ограбить побоится, и особо кулаки чесать о парня не будет.

Много на свете портов, да только рано или поздно судьба людей сведет, и вопрос будет задан.

Куда ты парня подевал, такой-сякой?

Когда отвечать не перед кем, особо и не стесняются. А когда есть кому спросить, дело другое. Так что Берт это выгодно.

Но и Тик свое получит. Берт аванс ему отдаст, когда согласен. Понятно, сразу никто парню не заплатит, только после рейса, но несколько монет все ж выдадут, так и по обычаю положено, и в портовой конторе так заявить надо будет.

Честь по чести... контракты только с «мясом» не заключают. То есть или с каторжниками, преступниками, которых государство на галеры поставляет, или с бедолагами, которых похищенными везут на корабль. Да, и такое бывает.

Опоили в кабаке, да и на борт. А там уж, ори, не ори... рейс выдержать придется. Жив останешься – пожалуешься. Наверное...

Бертран же не голь какая, не с улицы придет, потому с ним договор подпишут честь по чести, Тик за этим проследит. Согласен?

Берт подумал, да и согласился. Денег там много не будет, кто ж юнге платит много? Не смешно даже. Самое необходимое у него тоже есть. На время плавания хватит, а дальше... дальше будет дольше. Чего сейчас-то планировать? Выжить бы!

Так что Бертран согласился и сейчас шел вслед за дядькой Тиком по направлению к портовой конторе.

Иргланд шумел и гудел, как гнездо растревоженных пчел. Нельзя сказать, что Берт был впечатлен, чай, он тоже не в деревне родился, но сколько ж тут шума! Сколько гама! А порт это вообще жуткое смешение всего и вся.

Тут тебе и моряки, и купцы, и нищие, и грузчики...

– Па-аберегись!

Берт едва успел увернуться от здоровущей бочки. Дядька Тик беззлобно хмыкнул.

– Держись-ка поближе ко мне, малец. Сам понимаешь, место такое... бойкое.

А вот и контора. Самый обычный домик, кирпичные стены, черепица, труба, оно и понятно. Тут море, то ветер холодный налетит, то дождь польет, то еще чего, никак без печки нельзя.

Вроде как и теплый тут климат, по два урожая за сезон снять можно, а все одно – море. То дождь, то слякоть, то сырость, то шторм... оно и кормит, оно и жизни отнимает.

Дядюшка Тик толкнул дверь конторы.

Комната.

Четыре стола, за ними четыре чиновника. Приемная?

Похоже на то.

– Что надо? – поднял голову один из них, юноша немногим старше Бертрана. Может, ему лет семнадцать, зелень совсем, явно чей-то сыночек сюда пристроен, чтобы поучился. Вон, все пальцы в чернилах, Берт такого уж лет семь не допускал! Не то брат Лука так линейкой лупил, не разобрать было, где синяки, где чернила.

– Вот, племяш мой. Юнгой на корабль поступить желает, когда место найдется, – кивнул дядюшка Тик, особо не робея.

И то сказать, рядом с громадным плотогоном все чиновники мелко смотрелись. Пожалуй, из дяди Тика троих таких можно было выкроить, как этот юнец, да еще б место осталось, на половинку так точно.

– Племяш, говоришь... ладно же. Сейчас посмотрим, где место есть. Вот... «Кокетка». Хозяин – эрр Тамаш Барна, порт приписки – Иргланд. Судно идет в Шагрен и вернется обратно примерно через два месяца. Может, больше, если погода не будет благоприятствовать.

Дядюшка Тик подумал пару минут.

– Барна... тот эрр, у которого свой торговый дом?

– Да. Торговый дом Барна, все верно, исс.

Дядюшка Тик посмотрел на Бертрана.

– согласишься?

– Чего ж нет, дядюшка. Ежели это тот самый эрр Барна?

– Слухи про него хорошие идут, – кивнул исс Тик. – Ладно, договор давайте, читать будем.

– А вы...

– Я?

Мальчишка явно хотел спросить, умеет ли плотогон читать, но не решился. И правильно. Читать дядюшка Тик и правда не умеет, зато подкову на спор согнет чуть не двумя пальцами. А читать может сам Бертран.

Он договор и взял, и дядюшке прочитал, но вроде как все нормально было.

Плавание, туда и обратно. Два месяца. Юнга.

Тут все понятно.

Оплата, кстати, вполне достойная, за два месяца на корабле, питание за счет нанимателя. Одежду может предоставить наниматель, но за нее вычтут из твоей оплаты. Но Берту вроде пока ничего не надо? Штаны и рубаха у него есть...

– Куртка нужна будет и сапоги хорошие, – кивнул дядюшка Тик. – Без них никак.

Берт пожал плечами.

Нужны? Ладно, дяде в этом деле виднее. Он сколько плоты по Ирге гоняет? Чай, не первый год, и у него как раз и куртка, и сапоги с набойками.

– Впишем, – кивнул мальчишка. – Тогда сумма оплаты уменьшится. Придется юнге сходить в два рейса, чтобы окупить одежду.

Берт кивнул.

– Значит, два рейса.

Первый он точно отработает, никуда не денется, а второй... посмотрим, что дальше будет. Вряд ли его будут на кораблях искать, может, пока там и безопаснее будет? Пока он не решит, где осесть?

– Хорошо... вписываем, – кивнул портовый и аккуратно, даже язык прикусив от усердия, вписал необходимое. – Аванс...

Прописывалось все в конторе, здесь же договор и подписывал будущий работник. Потом с бумагой отправлялись на корабль. Там уже боцман принимал пополнение, осматривал наемника, и, если все подходили друг другу, выдавался аванс. И моряк оставался на корабле.

С Бертом будет то же самое. Даже куртку и сапоги ему купят по мерке, но он с корабля не уйдет.

Договор пойдет капитану корабля, тот его тоже подпишет, и до конца плавания, в случае с Бертом – второго, он будет храниться в сейфе. Дальше будет ясно, продлевать его или разорвать. Может быть и то, и другое. Если Берт сбежит, не выполнив условий договора, его передадут в суд, ну и взыщут все необходимое. Все по закону.

* * *

Боцман «Кокетки» Бертрона оглядел без всякого удовольствия.

– Вот это?! Парень, ты хоть конец в руках удержишь?

– Даже не сомневайтесь, исс, и удержит, и лениться не будет, – кивнул дядюшка Тик. – Берт у нас в маманькину породу пошел, не в нашу. Мы все, сами видите какие...

– Да уж. Тебя бы, исс, я хоть сейчас взял.

– Я плоты гоняю, мне в море не хочется. А Берт хоть и тощий, но жилистый, ровно ремень. И мне помогал – лентяя не праздновал, просто не его это, плоты гонять. Ему чего большего хочется, да на реке куда расти? А у вас он, может, и отучится чему, бывали случаи...

Боцман кивнул, взгляд его чуточку потеплел.

– Ладно. Когда так... пусть остается. Там посмотрим, что с ним делать.

Он подписал договор, выдал дядюшке Тику несколько монет аванса, и плотогон хлопнул Берта по плечу.

– Бывай, племяш, вернетесь в порт, так зайдешь к нам, тетка пирог с рыбой испечет.

Бертран кивнул.

Ему почему-то хотелось плакать...

Плакать было некогда.

Ему показали общий кубрик, в котором предстояло спать ему и еще девяти матросам, показали его подвесную койку и рундук под ней, потом боцман подумал, полез куда-то в запасы и вытащил сильно потрепанную и чуточку великоватую Берту, но еще вполне годную теплую куртку.

– Возьмешь? Она и дешевле обойдется, хозяина за борт смыло, а вещичка, вот, осталась.

Берт и спорить не стал. В приметы он не верил, а куртка хорошая, кожа плотная, авось, и не продует его. К куртке пошел свитер плотной вязки (как в туман попадем, сам поймешь зачем, на реке такого не бывает, хотя Ирга коварная, а вот в море...) и сапоги.

Все поношенное и потрепанное, на свитере несколько дыр, но это как раз ничего, не страшно. Берт сунул обновки в рундук под койкой, вместе со своими вещами, закрыл его, повесил ключ себе на шею – и боцман принялся гонять его по кораблю.

Подай, принеси, отойди, пол вымой, на камбузе помоги...

К вечеру Берт и на гвоздях уснул бы, не то что в гамаке. Но гоняли не только его одного, через два дня выход в море, так что народ старался изо всех сил. Так что обид у парня не было.

Они уходят в Шагрэн, потом вернутся, потом еще куда-нибудь сходят. Понятно, надолго это Берту не подойдет, но может, год или два, чтобы его точно искать перестали? А он за это время денег прикопит, придумает, где ему на берегу осесть...

«Кокетка» готовилась к выходу в море.

* * *

Ах, эти приемы!

Нравится тебе принц Фардании, не нравится, а прием в его честь устроить надо. Он приехал, он гость, и есть дипломатический протокол. Пусть даже здесь не знают такого слова.

Сейчас Мария могла просто радоваться жизни. Как получалось, конечно...

Раньше она обязана была все это организовать, потом еще сидела весь прием, как на иголках, потом выслушивала замечания от супруга...

Сейчас, стоило только Иоанну посмотреть на нее, как Мария развела руками и послала мужа к Диане. Ей-ей, в этом есть определенная прелесть!

Собираешься ты меня поменять на нее?

Да на здоровье! Но ты же не думаешь, что я буду терпеть, прощать и молиться? Ругательство тоже не помогло, так что Иоанн попросту отдал приказание канцлеру. А уж на кого там давил Димас Бустон и что приказывал, Мария и не ведала. Она просто сидела на своем троне и смотрела, как Иоанн (то ли из вредности, то ли просто захотелось) кружит в танце Диану. Та едва из платья не выпрыгивала от счастья.

Анна оставалась у себя в покоях, и Мария обещала ей рассказать все в подробностях. Но пока ей лучше потерпеть.

Вернер никуда уезжать не собирается, тело секретаря отправили на родину, засыпав солью. Так что косвенно догадка Марии подтвердилась. Корни зла сидят в Фардании, но кто там главный... король, наверное, судя по слухам, Ханс достаточно умен и жесток и никого у себя под носом не потерпит.

Авось, и представится случай выяснить.

А что происходит?

Придворные медленно расходились в стороны, открывая круг. Диана вышла в центр, провела руками по платью... это что – стриптиз-шоу намечается?

А, нет. Музыканты заиграли что-то заунывное, и Диана просто закружилась под музыку, как она полагала – соблазнительно. Оглаживала себя руками, демонстрировала то ножку, то грудь в глубоком вырезе платья. Причем делалось все это явно для одного человека, для Иоанна...

Мария тихонько фыркнула.

Судя по горящим глазам супруга, реклама товара шла вполне успешно. Надо признать, со своим делом Дианочка справлялась, умело распалая мужчину.

Увы...

Мария фыркнула недостаточно тихо, и Иоанн повернулся к ней.

– Дорогая супруга, не хотите ВЫ меня порадовать?

– Мы вроде как разводимся, – насмешливо ответила Мария. – Чего мне вас радовать, дражайший супруг, когда у вас новая радость на подходе?

– А если я прикажу? – в голосе мужчины зазвенел металл.

Мария пригляделась к королю повнимательнее.

Так, плохие признаки. И выпил он достаточно много, и хочется мужику, а ему не дают, и кто-то масла в огонь добавил... и что делать? Отказать?

Так ведь сейчас начнется... скандал точно будет, а то и что похуже.

Мария задумалась.

– Дорогой супруг, мне не жалко вас порадовать танцем, которого вы отродясь не видели, но одна я танцевать не стану. Неприлично. Я замужняя женщина.

Иоанн даже рот открыл. Но...

– Новым невиданным танцем?

– Да, ваше величество. Если... в этом зале найдется хороший танцор? Я поговорю с ним и с музыкантами пару минут, а потом мы станцуем. Если вы позволите?

Иоанн хмыкнул.

Он сильно подозревал, что супруга опозорится по полной программе, но...

Почему бы нет?

Кто же...

– Ваше величество, – эрр Алесио сделал шаг вперед. – С вашего позволения... я хоть и давно не танцевал, но надеюсь не помешать ее величеству.

– Вы позволите? – посмотрела Мария.

– Почему бы нет, – король решил, что супруге стоит опозориться, потом сговорчивее будет, и кивнул.

Мария поднялась с трона и подошла к казначею.

– Спасибо, эрр Ихорас. Пожалуйста, не переживайте ни о чем, я поведу вас. Просто двигайтесь вместе со мной, а шаги я вам подскажу.

– Хорошо, ваше величество.

Музыканты уже оказались рядом. И Мария усмехнулась.

Вот что можно танцевать, имея на родной попе штук двадцать лишних килограммов? Уж точно не лезгинку или стриптиз. А вот медленные танцы – пожалуйста. Тут она не выглядела смешной и нелепой. И король медленных танцев – вальс.

А тут-то еще не эпоха Штрауса, тут Король Вальсов еще не родился.

А вот самый простой вальс...

Смысл-то был в том, чтобы попасть в такт музыке. Так, как Диана, извиваться можно, тут трясина попой, да и ладно. А вот оркестр...

Впрочем, музыканты в средние века отлично отзывались на «денег дам». И что такое мелодия на три счета, понимали.

А чего тут сложного?

Раз-два-три, раз-два-три...

Марии мигом предложили музыку. Пара минут прослушивания, потом женщина кивнула и подошла к эрру Ихорасу.

– Эрр, старайтесь просто не наступать мне на ноги, но если что – я не в обиде. Двигайтесь вслед за мной, вот и все. Сможете?

– Да, ваше величество.

– Тогда руку сюда, вторую мне на талию, вот так...

– Ваше величество?

– Что такого, эрр? Я знаю десяток танцев, в которых вы прижимаете партнершу еще теснее?

Эрр Алесио их тоже знал. И Иоанн. И все присутствующие.

Но вот ведь... когда появился вальс, именно этот танец сочли недопустимо сексуальным. Именно его запрещали долгое время. И не просто так, если уметь его танцевать правильно.

Мария умела.

А партнер...

Безусловно, станцевать с первого раза латинские танцы, или то же танго мало у кого получится. Но вальс-то тем и хорош, что там буквально три шага. Назад, в сторону, вперед, в сторону... главное не перепутать стороны и держать спину. Мария это хорошо умела, а эрр Алесио умеет танцевать другие танцы. Этого хватит [\[57\]](#).

Мария взмахнула рукой, и полилась музыка. Да, это не «Сказки Венского леса», это далеко не то, что хотелось бы, но у нее есть и достоинства. Она медленная, плавная и в счет. Мария посчитала про себя несколько тактов «раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три» – и улыбнулась.

– Следуйте за мной, эрр...

На глазах у всех присутствующих две фигуры заскользили по паркету.

На большой квадрат вальса Мария сначала не замахивалась, малый бы выполнить, но и эрр Алесио оказался замечательным партнером. Двигался он легко, в такт попадал, шепоту подчинялся – что еще надо?

– Улыбку, эрр? У вас отлично получается.

– Это совсем несложный танец, ваше величество.

– Правильно. Но зато как на нас смотрят!

Мария и по сторонам посмотреть успела. Музыканты, поняв, что от них требуется, играли с азартом, и она почти летела над каменными плитами пола.

Танец – искра, танец – приглашение, танец – обещание... недаром же его запрещали! И склоненная голова мужчины, и запрокинутая назад голова женщины, и лиловые шелка одежд, которые провокационно скользят вокруг его ног, обвиваются, и улыбка, и сплетенные руки... ничего особенного?

Или?..

Иоанн наливался багровой краской. Потом махнул рукой, и музыка оборвалась. Мария рассмеялась, разорвала объятия с партнером и сделала несколько танцевальных па к Иоанну. Она

вообще была счастлива от музыки, почти пьяна от танца. Только тот, кто долгое время болел – и излечился, смог бы понять ее сейчас.

Старое тело, одышка, возраст – и вдруг она снова молода, снова красива, и летит в вальсе... почему-то сейчас это ощущалось особенно остро.

Словно экзотическая лиловая птица прокружилась по полу – и склонилась в низком реверансе перед королем. Последнее, правда, произошло инстинктивно. Надо же как-то завершить танец, а поклон – это не совсем то, вот глубокий реверанс...

– Мой король...

И голос, мягкий, теплый, рассеявшийся по залу...

Иоанн выдохнул.

Гнев прошел, и он посмотрел на склоненную перед ним темную голову.

– Поднимитесь, ваше величество.

Мария повиновалась.

– Простите мне эту маленькую вольность, ваше величество.

Она уже поняла, что король в гневе, но... сам хотел? Сам и наварлся! Чего теперь ядом-то плевать? Но лицо он не потерял, и то дело...

– Прощу, – согласился Иоанн. – Но танец этот почти неприличный. Его только с законным мужем танцевать можно.

Мария развела руками.

– Если пожелаете, ваше величество.

Иоанн величественно кивнул.

Пожелает, конечно. Такой танец...

– Как это называется?

– Вальс, ваше величество. Это называется вальс.

– Ранее вы о нем не говорили, дорогая супруга.

Мария развела руками, лукаво улыбнулась.

– Вы правы, ваше величество, этот танец достаточно соблазнителен. И я считала, что королеве это не пристало. А сейчас... сейчас – можно.

Заодно супруг вспомнит, что они почти в разводе. А то ишь ты! Чувство собственника проснулось? Усыплять пора. Вместе с хозяином.

Глава 10

Поздно вечером, даже скорее ночью, его величество изволил выпивать вместе с шутом.

– Эх, Рене. Вот что это такое?

– Вино. Вроде даже и неплохое, – шут посмотрел в кубок, пожал плечами. – А чего? Вам, ваше величество, муху подсунули? Или вовсе белое вино?

– Да я не о том, – отмахнулся его величество. – Вот как так бывает? Я ж с Марией двадцать лет вместе, а она... Она никогда так не делала!

– Не танцевала?

– И это, ага... почему она раньше так не делала?

Колючка фыркнул.

– Потому что раньше все было в порядке?

Теперь заржал и его величество. Шуточку про мальчика, который молчал до шести лет, тоже запустила в народ ее величество.

– Я думал, она не такая. А она... она...

Его величество вспомнил тонкую фигурку, которая скользила с эрром Алесио по серым плитам пола, и вздохнул. Вот как так получается?

Еще месяц назад он видел у Марии всё. И поплывший овал лица, и не такую уже свежую кожу, и первые ниточки седины в волосах, и сгорбленные плечи. Было же, БЫЛО!

А сегодня, в свете свечей... он ведь был с Марией совсем рядом, и готов был поклясться, она выглядит лучше, чем в юности. Ни капли краски на лице – и никаких морщин, и нет синяков под глазами, и усталости нет, и глаза блестят... она радуется жизни, как в восемнадцать, и выглядит, как в восемнадцать! Но как об этом сказать вслух?

– А упущенная добыча, ваше величество, всегда слаще той, что уже в садке. Дианочка-то никуда не денется, хоть вы ее ногами пинайте, а ее величество Мария улетит и не вернется.

– Ты...

– Дурак я, ваше величество. На том и стоим... То есть сидим.

Иоанн сделал еще пару глотков вина. Напиваться не хотелось, так, выпить в приятной компании.

– Рене, я тебя сколько знаю?

– Больше, чем супругу, – хохотнул шут. – Хорошо хоть не так близко.

– За что я тебя ценю, ты мне врать не станешь. Думаешь, не стоит отсылать Марию?

Рене Демьен пожал плечами.

– Не знаю, Иоанн, – разговор допускал и такое обращение. Но осторожно, очень осторожно, словно по горящему торфянику идешь... – Ты вроде как Диану любишь, сам говорил, молодая она, наследников родит.

– Наследников, да... только вот Мария...

– Э, нет, Иоанн. Ты уж сам реши, что тебе дороже. Мария – женщина редкая, такую найти и правда сложно. Раньше она себя так не показывала, я и не думал, а вот сейчас смотрю на нее и тоже восхищаюсь. Но возраст уже, что есть, то есть. И детей она тебе не родит.

– Можно Илеса признать. Он вроде мальчишка умный, почтительный. Если Мария против не будет...

Вино постепенно забирало власть над Иоанном. Глоток тут, глоток там... вроде и не так много, а развозить начало.

– Не знаю, Иоанн. Ты бы с ней об этом и поговорил. И Диану ты тогда не получишь, у Эрсонов с этим строго.

– А, ерунда! – отмахнулся Иоанн. – Не впервые, можно ее замуж выдать, а потом и попользоваться, за земли да деньги муж свою ненаглядную мне за косы притащит.

Рене пожал плечами.

План был достаточно грязным и подлым, но мог сработать, почему нет?

– Иоанн, ты поговори с Марией. Это с ней решать надо. Если она тебя любит, если не все в ней угасло, может, и сможешь ты все обратно повернуть.

– Любит? Конечно, любит! Ты видел, как она ко мне сегодня прижималась?

По мнению Колючки, к эрру Ихорасу ее величество прижималась намного нежнее и улыбалась ему намного нежнее. Правда, по-

дружески. Не было в ее улыбках, ее приязни, ее движениях какого-то подтекста, не старалась она никому понравиться. Вот Диана – та да. Там и призыв, и животная похоть, вон она как по мужским гульфикам глазами шарит, а Мария ничего такого сделать не старалась. Она со всеми вела себя ровно, спокойно и дружелюбно, но и только. И к Иоанну не прижималась бы, но у него живот, там иначе танцевать не получится.

– О, да. И прижималась, и улыбалась.

– Вот, – Иоанн расплылся в улыбке. – Мария меня любит. Просто не покажет этого... гордая! Картенка, всегда гордой была!

Колючка послушно кивнул.

Хотя подозревал, что все не так радужно.

Не в гордости дело, просто Мария старалась быть тенью супруга. Потом еще роды, которые сказывались на ее здоровье, переживания, горе от потери детей. А сейчас... сейчас она подошла к последнему пределу, терять ей нечего, человек, на служение которому она положила свою жизнь, ее обманул и предал, ударил в спину и толкнул в пропасть. И она сорвалась.

Ее ли вина, что в полете раскрылись крылья?

Нет.

Она сделала, что смогла, а Иоанн... пусть кусает локти!

Только вот королю об этом не скажешь. И Колючка выбрал третий вариант.

– Тебе, Иоанн, виднее. Ты Марию знаешь и вдоль, и поперек, а все же... обидел ты ее сильно. И Диана тоже. Подумай, чем вину заглаживать станешь, если решишь все поменять.

Иоанн кивнул.

– П-подумаю.

Вино окончательно взяло свое, и король захрапел в кресле. Колючка укрыл его меховой полостью и отставил кубок, чтобы тот не упал. Да и упадет, поди, слуги приберут...

Если Иоанн захочет помириться с Марией... хорошо это или плохо? Смотря для кого.

А захочет ли Мария с ним мириться? Дурой надо быть, чтобы поверить человеку, который тебя уже один раз предал. Просто – дурой!

Но бабы вообще ума невеликого. Интересно, королева – правило или исключение? Надо посмотреть...

– Ты! Ты его не удержишь! Он мой!

Мария лениво поглядела на рыжую красотку.

Да что ж это такое, скоро, чтобы в беседке поваляться, надо будет вокруг себя караул выставлять! Принесло ж ее, заразу!

После вчерашнего, видимо!

Посмотрела Диана, как вчера их величества вальс отплясывали, да и взревновала. И то... Мария улыбалась совершенно искренне, а Иоанн... живот, конечно, ему мешал, и вообще габариты. Смотрелись они, как шкаф и обезьяна, наверное. Но двигался супруг легко, ноги Марии не оттоптал, движения усвоил почти мгновенно и даже попытался вести в танце.

Да и на здоровье.

Мария показала, а дальше сами развлекайтесь!

А Диане-то это не по нутру! Или супруг чего сказал?

Тьфу, дура!

– Иди отсюда подобру-поздорову!

Мария даже не злилась, понимала, что не уйдет, ну хоть послать! Слов у нее на дуру нет, и цензурных в том числе. Хочется Дианочке власти, а чем та же Анна Болейн кончила, она и не знает, нет в этом мире Анны. Или Кэтрин Говард. Тоже показательный персонаж, общеизвестный. Можно и из русской истории вытащить кучу красоток, вроде Марфы Собакиной или Марии Долгорукой^[58].

И что?

Кого-то и чему-то это учит?

Ни на миг! Только брюзжат старые вредные тетki из бухгалтерии. Умнее надо быть, умнее... и кто б их слушал?

Вот и Диана уперла руки в пышные бока.

– Ты вчера выглядела отвратительно! Просто сушеный червяк! Когда ты, наконец, освободишь моего любимого от себя?! Дай ему дышать, дай ему жить свободно! Ему дети нужны, а ты их родить не сможешь... старуха!

Вот что можно на это ответить?

Мария честно не представляла. Глупо же, что ни скажи!

Диане нужен свободный монарх, а Марии... ей он тоже нужен. Но ведь не предлагают ничего приличного! Ей что – на пиратское гнездо соглашаться?

– Дорогуша, иди с миром. Но в зад, – пока еще лениво послала ее Мария.

Надо бы встать, прогнать дурочку, но подниматься так неохота, она так хорошо тут устроилась, на самом солнышке... и Анна скоро придет, хорошо бы, чтобы эта чушка при дочери не скандалила.

Куда там!

Диана только выходила на рассчитанную мощность! Тут и непристойный танец припомнили, и чем это Мария у себя в Картене занималась, что там такому научилась, и не надейся короля таким удержать...

Мария, которая вот уже минут пять как прислушивалась, даже и не спорила. А зачем?

Вставать и копать врагу яму? Пусть самозакапывается!

Потому что сюда идет... идет сюда... ну идет же, привлеченный визгом...

Говорите, рояль в кустах? А бегемота в оных не желаете? Такого, раззолоченного? С точки зрения Марии, Иоанн как раз на бегемотика похож и был, особенно с этим гульфиком.

Стоял, слушал-слушал, а потом и выдал:

– Ваше величество, не надо обижать эрру Эрсон.

Мария чуть с кушетки не свалилась. Вот как лежала.

ОНА?!

ОБИЖАЕТ?!

Это как это она сделала и не заметила? Не надо ли срочно исправиться и добавить?

– Ваше величество?

– Эрра Эрсон старается, ругается, а вы и внимания не обращаете. Хоть пообещали бы девушке ее в ссылку отправить.

Диана побледнела. Поняла, что может серьезно влететь, но Мария махнула рукой.

– Ваше величество, я лучше сама в ссылку поеду. А эрра пусть остается, она вам нужнее.

– Я уже в этом сильно сомневаюсь.

Мария соскользнула с кушетки.

Анна показалась вдали, так что нечего тут время тратить. Они с ребенком сегодня договорились кормить рыбок в дворцовом пруду.

Рыбок, она сказала, а не стервятников!

– Ваше величество, определяйтесь со своими сомнениями. Счастливо оставаться.

– Я не давал вам позволения удалиться, Мария!

– Я не просила его, Иоанн. Это, – небрежный жест указал на Диану, – ваше, вам и разбираться. А меня дочь ждет.

Иоанн оглянулся, заметил Анну и вздохнул.

Да, и не поругаешься толком. Ничего, сейчас Дианочке достанется и за Крым, и за Рим, и за поповскую грушу.

Тьфу, дура рыжая!

Сиськи отрастила, а мозгов, что у курицы! Вот чего ее тянет на скандалы? Мария же со всем согласилась, она уже готова отправиться за разводом и на все четыре стороны, ее все устраивает. Утрясем по финансам – и пожалуйста! Она не возражает! Но чего, во имя всех местных и неместных богов, разобрало Диану?

Точно – дура!

* * *

– Как умер?!.

Ханс Девятый был в гневе от полученного известия. Голуби летают достаточно быстро, и король Фардании узнал неприятную новость, и десяти дней не прошло.

– Ваше величество, – тейн, который по иронии судьбы, оказался рядом, пришел отчитываться о проделанной работе, не дрогнул под гневным взглядом. – Вы же знаете, что полученные... существа могут быть неустойчивы!

– Но они не должны дохнуть от каждого ветра!

– Увы, ваше величество. Первые образцы не могли прожить и месяца.

– А этот сколько продержался? – Ханс был гневлив, но неглуп и отходчив. Главное, первый приступ пережить, а там уж до него можно будет докричаться, разумные аргументы его величество признавал.

– Около трех лет, ваше величество. Мы думали, что кровь прижилась, но... видимо, что-то не учли. Надо будет посмотреть записи, я скажу брату Винсу.

– Скажи, – Ханс уже остыл и разговаривал вполне спокойно.

– Ваше величество, и подготовить кого-то еще из новой партии? Чтобы съездили в Эрланд?

– Обязательно.

– Вы прикажете, или мне выбрать самому?

– Выбери сам, только постарайся не потерять еще одного человека, – отмахнулся Ханс. – И так проблем много будет.

– Да, ваше величество.

– Он умер сам?

– Пишут, что да. У вас есть сомнения, ваше величество?

Ханс пожал плечами.

– Может быть. Не знаю... что-то тревожит. Сначала благословение Многоликого, потом пожар, потом эта смерть. Как-то странно все складывается и неприятно. Может ли быть так, что Многоликий против наших замыслов?

Тейн качнул головой.

– Нет, ваше величество. Если Он даровал людям свое благословение, значит, мы действуем согласно Его замыслу. И никак иначе.

– Не знаю, не знаю... ладно, иди, дай мне подумать.

Тейн поклонился и вышел.

Его величество Ханс Девятый смотрел на стол, не видя ни стола, ни бумаг... почему ему так тревожно?

Двупостасным он бы точно не стал, но кое-какими качествами его Многоликий действительно одарил. Ханс чувствовал, когда что-то шло неправильно. Вот и сейчас чутье шептало ему, что ТАК быть не должно, что может быть где-то неправильность, что все не так, как надо...

Но что? И где?

Ответа у человека не было. Только предчувствие грядущих неприятностей, а с ним и в храм не пойдешь – не поймут.

Оставалось ждать удара со всех сторон.

А и ничего!

Не в первый раз!

Человек, которого некогда звали эрром Адамом Акоши, а сейчас называли просто тейном, занимался совершенно неподходящим ему делом.

Торговался.

Да-да, это были именно торги, хотя они так и не выглядели.

Сидят двое мужчин за богато накрытым столом, один из них в маске, второй просто богато одет. Даже не эрр, самый простой исс, если что. Но серебряная вышивка на жилете, серебряные украшения, где только можно, даже на ботинках здоровущие серебряные пряжки.

И за столом он не стеснялся.

Наливал себе вино, накладывал на тарелку что повкуснее, шумно обсасывал кости, пачкая скатерть и пол... еще и разговаривал при этом, и брызги летели во все стороны. Но тейн терпел.

Надо.

– ...эти сволочи! Вот, недавно подрались две канальи, так что вы думаете? Один второго прирезал, конечно, попал к нам, так каждый день жена под окна прибегает...

– Сволочи, конечно. Скажите, человек двадцать наберется?

– Ох, тейн! Нас последнее время так проверять стали, просто на каждую тварь приходится бумажку заполнять! Раньше-то как хорошо было! Пригонят десяток душегубов, трамбуешь их в камеру, и сидят они там, пока сами во всем не признаются! А сейчас каждого опроси, да опиши, да в канцелярию отдай...

– Почтенный Гедер, не верю, что вы не найдете выхода!

Исс Гедер пожал плечами.

– Вот, к примеру, недавно разбойников поймали! Двенадцать штук! Так ведь их на каторгу придется отдавать! А мужики крепкие, как на подбор...

– Исс Гедер, ну зачем людям гнить на каторге? Всем надо давать шанс!

– Слишком вы добры, тейн. А я так скажу, прав его величество. Казнить бы их всех, да и нет хлопот!

Тейн слушал, кривился под маской, поддакивал и кивал.

С такими тоже приходится работать. С любым человеческим материалом, включая тех самых каторжников! Лю-бым!

Так что...

Спустя примерно полтора часа мужчины договорились. Исс Гедер стал богаче на двадцать золотых, а тейн получил документы на восемнадцать каторжников. То есть воров, разбойников и убийц, которые должны отправиться на каторгу.

Но...

Должен – и доедет суть два понятия разных.

Вот... не доехали. Заболел человек, от ран умер, в драке придавили, болезнь приключилась... да мало ли что может в тюрьме случиться?

Что угодно.

Главное, все это правильно провести по документам, а с этим исс справится. Не первый раз.

Когда исс Гедер ушел, тейн резко поднялся из-за стола.

Сейчас бы в свои покои, принять ванну, но пока не стоит. Лучше чуть позднее. А сейчас...

* * *

Замок на Ирте. Один из красивейших уголков Фардании, личный замок тейна. То есть – церкви Многоликого.

Кто бы подумал, что в нем есть такие уголки? Тайные, темные...

Сейчас тейн спускался вниз, по винтовой лестнице.

Ублиет?

Да мелочи тот ваш ублиет! Тут целое подземелье есть, со своими ловушками, темницами, секретами и чудовищами. А что чудовища человекообразны... так вы им в глаза не заглядывали. Может, и не надо, а то потом спать плохо начнете, а на горшок ходить – хорошо. Живот расслабится от одного воспоминания.

Кто бы сейчас увидел брата Тома, глазам своим не поверил бы.

Мужчина в рабочей черной рясе (на ней грязи и крови не видно) стоял над распластанным телом и методично отделял внутренние органы. Вытаскивал, осматривал, кидал в большое ведро, которое стояло рядом с операционным (или пыточным?) столом. На операционном столе как-то не предусмотрены ремни, которыми

привязывают бедолаг. А тут целые системы, и цепи, на всякий случай, и даже ошейник...

Но сейчас тело было бездыханным, а брат Тома осматривал органы и диктовал брату Винсу. Писцы тут не приживались. После четвертого сошедшего с ума тейн махнул рукой и приказал вести записи самостоятельно, не доверяя неблагонадежным людям.

Какая уж тут надежность?

То вино жрут, как ишаки воду, то дурманом обкуриваются, как не в себя, то с ума сходят... что за народ пошел? Совершенно некому доверить важное дело!

– Желудок. Нормальный.

– Внутри?

– Так... тоже. А вот кишечник стал вчетверо короче. И печень не похожа на человеческую.

– Мы кого брали?

– Зайца. Да, пожалуй, печень уменьшилась в размерах... у нас есть зайцы для вскрытия?

– Я распоряжусь. О, эрр...

Брат Винс первым заметил начальство, встал и поклонился. Брат Тома отстранился от стола, оглянулся и тоже отвесил поклон. Правда, достаточно неуклюжий, но тейн и не подумал заострять на этом внимание. Не тем ценен скромный брат Тома.

– Я смотрю, еще один неудачник? – тейн оглядел распластанное на столе тело.

– Да. С самого начала что-то пошло не так, ураганная реакция и смерть за три дня. Буквально сгорел, – поморщился брат Тома. – И вот, посмотрите.

Тейн сделал два шага.

Пригляделся, поморщился.

Напугать его было сложно, но видеть заячьи глаза на человеческом лице было достаточно неприятно.

– У нас получился хоть один удачный заяц?

– Один прожил почти два месяца... никак не могу рассчитать подходящую дозу, – вздохнул брат.

– Тоже неплохо. Да, скоро привезут вашего лиса. Линока Сарана.

– Многоликий! Неужели?

– Да, к сожалению. Приступы у него были, последний, особенно сильный, начался во дворце, в Эрланде, и оказать помощь ему не успели.

Брат Тома поджал губы.

– Очень, очень жаль. Опиаты не помогли?

– Судя по результату – нет.

– Может, в следующий раз стоит попробовать что-то другое, белену или болиголов... я проведу опыты.

– Ваши опыты и достижения бесценны, брат. Хочу сообщить, что скоро прибудет новый человеческий материал.

– Великолепно!

– Когда вам потребуется доступ в усыпальницу?

– У меня пока еще есть материал. Полагаю, еще месяц опытов мы проведем спокойно.

– Если что-то понадобится, не стесняйтесь, говорите, брат. Его величество заинтересован в вашей работе, так что все потребное вам будет предоставлено.

– Я весьма благодарен его величеству. И счастлив служить столь разумному и просвещенному монарху.

– Мы счастливы, – поддержал брат Винс.

Тейн кивнул ему вполне приветливо.

Хорошо, когда есть такие люди, в меру разумные, в меру беспринципные... прелесть, что за люди!

– Надеюсь, клетки для материала готовы? Их хватит на два десятка человек?

– Да, тейн. О, я уже предвкушаю... у меня есть несколько версий, которые хотелось бы проверить...

– Что с вашими записями?

– Пожар в библиотеке серьезно подвел нас, но я многое помню наизусть. Так что исследования будут продолжаться. А записи восстановим по памяти. Большую часть точно, важнейшую часть. Ту, где речь идет именно об экспериментах.

– Великолепно!

Тейн одарил ученых благосклонной улыбкой и наконец поставил на стол небольшой ларчик, который держал под мышкой. Открыл жестом фокусника.

Нет, ничего не блеснуло. Мешочки вообще были не блестящие, и по комнате распространился едкий запах трав.

– Как вы просили, брат, травы из Шагрена.

– Ооооооо!

Брат Тома так и вцепился в драгоценный ларец. В благодарностях вместо него рассыпался брат Винс. Впрочем, тейн не стал его слушать. Махнул рукой, да и вышел вон.

Не нравилось ему здесь.

Понятно, что надо, что исследования бывают полезны, но даже его коробило.

А братьев – нет.

Хотя какие из них монахи, с их привычкой зады повторять? Тьфу, гадость... извращенцев тейн не любил. А вот эти двое обожали «свежее мясо». И наверняка сколько-то заключенных сначала употребят не по назначению... да и ладно! Меньше бунтовать станут!

Но все равно – гадость!

* * *

Илес Фиц-Эрланд посмотрел на себя в зеркало.

Отражение завлекательно улыбнулось ему в ответ, расправило широкие плечи, умело подчеркнутые гением портного, выпятило бедра... так, самую чуточку!

Ему не приходится подкладывать подушечку или носок, набитый песком! У него все свое, натуральное! Можно гордиться!

И вообще, он собой очень хорош. И на отца похож в молодости, ему все об этом говорят! И впереди у него большое будущее.

Илес слышал... это же Двор, тут сплетни в воздухе носятся, что отец может его признать наследником. А что?

Чем он не король? Так очень даже!

Ради такого он даже отца свергать не станет, пусть тот доцарствует, сколько ему Многоликий отвел. А Илес, став наследником... ух, как он развернется!

Турниры, балы, приемы, охоты... легко ли в семнадцать лет сидеть в какой-то жуткой глуши, считать медяки и не иметь достойной компании? А ведь он мог бы блистать и раньше...

Это королева Мария виновата.

Точно, она! Если бы она не убедила отца, Илес мог бы воспитываться при дворе, вместе со своим сводным братом. И у него было бы все, что полагается принцу крови. Собаки, лошади, оружие, деньги, женщины...

Вот, женщины уже начали ему строить глазки и присылать записочки, значит – точно! Эти самки нюхом чувствуют сильного мужчину! Наследника, победителя!

Илес приосанился!

Чем он не красавец? Чем не король?

Пусть отец правит, а Илес пока будет получать то, чего был лишен по чьей-то злой воле... да, как только умрет отец, Марию он казнит... нет, нельзя! Ну, хоть в монастырь отправит!

Анну, ту можно хоть замуж выдать, повыгоднее для страны, а Мария – какой от нее прок? Пусть сидит в монастыре, достаточно она уже подгадила Илесу. Из-за нее мама не могла оставаться при дворе, и сейчас... вроде бы Мария и лояльно к ним отнеслась, но матушка все равно злится. Ждет от этой гадины подвоха, ждет...

А чего там ждать?

Вырваны у нее зубы!

Вот разведется с ней батюшка, и правильно сделает! А женится он на Диане! А эрра Эрсон... Илес покосился на записочку, которая лежала на туалетном столике.

Да, эрра Эрсон...

В конце концов, какая отцу разница? Сын у него родится или внук? Если что, королевской крови в нем все равно достанет, а Диане, конечно, приятнее иметь в постели рядом с собой сильного и умелого мужчину, а не старика, из которого набивка вываливается... для гульфика.

Ха!

Илес посмотрел на себя в зеркало еще раз, накинул плащ, нацепил шляпу с пышным пером и вышел из комнаты.

Конюх подвел ему оседланную лошадь, Илес легко и уверенно вспрыгнул в седло и направил коня по ночным улицам.

Те словно сами стелились ему под ноги! Не абы кто едет! Почти король... свиты не хватает!

Последнее Илес осознал очень четко, когда навстречу ему вышли четверо разбойников.

– Ой...

А больше сказать ничего и не получилось. Потому что один ловко перехватил коня за повод, второй дернул Илеса за ногу, да не к себе потянул, а вверх-вбок, отчего тот мгновенно вылетел из седла, а еще двое тут же и удар нанесли. Действовали они слаженно, как одна команда, да они командой и были.

Удар, еще удар...

Последнее, что увидел Илес, было небо.

Громадное, бескрайнее, темно-синее – и надменные звезды, которые смотрели на него с высоты.

И – все.

Четверка переглянулась.

Они и дальше действовали слаженно, не тратя времени на разговоры и сомнения.

Тот, который держал под уздцы коня, так и повел его в один из дворов с гостеприимно приоткрытыми воротами. Сейчас зверя перекрасят и сегодня же выведут за городские ворота. К утру лошадь будет далеко отсюда.

Еще двое потащили тело.

У них тоже была задача, раздеть догола и бросить там, где его побыстрее найдут.

Четвертый еще раз огляделся, замел оставшиеся на мостовой следы, засыпал грязью небольшое пятно крови – и тоже покинул место происшествия.

Карьера великого короля Илеса Первого закончилась, не начавшись.

* * *

Завтрак был испорчен напрочь.

Казалось бы, все хорошо и спокойно, сидит во главе стола его величество, напротив королева с шутлом пересмеивается, рядом с королем Дианочка грудью светит, и тут...

– ТЫ!!!

Остановить разъяренную фурию?

А что, в гвардейцы самоубийц берут? Слабоумных?

Нет? Вот то-то и оно, никого не нашлось, чтобы задержать эрру Ирену.

– ГДЕ МОЙ СЫН?!

Эрра влетела в зал, словно ее ураганом несло, и поперла на Диану, с явным желанием вытрясти из красотки... да все! И сразу!

Диана, которая сразу поняла – ее сейчас будут брить налысо без наркоза, завизжала и спряталась за короля.

Иоанн кашлянул, но что там того звука? Встревоженную мать можно было остановить только чем-то весомым, так что Мария посмотрела на Ирену, на Диану, на Виталиса и Валента Эрсонов, которые готовились грудью (двумя грудями?) встречать врага, и протянула Колючке большую медную вазу с фруктами.

Тяжелая, сволочь!

Эрр Демьен оказался не лыком шит, он сумел метнуть импровизированную гранату! Мария бы не взялась, а шут смог, да так удачно, что грохнул «тазик» между оппонентами. Фрукты полетели в разные стороны, но спор сразу же прекратился. Как-то все вспомнили, что здесь не базарная площадь, и обернулись на короля. Ирена сообразила первая, да и была к королю уже поближе, так что кинулась ему в ноги.

– Иоанн! Илес пропал!!!

– К-как пропал?!

– Вчера он получил записку. Вот от этой, – гневный взгляд встревоженной матери уперся в Диану. – Она приглашала мальчика на свидание, и он поехал. И не вернулся!

Диана открыла рот так, что чуть челюсть на бюст не улеглась.

– Я?!

– Она не приглашала! – тут же заявил Виталис Эрсон.

– Не могла, – согласился Иоанн.

И то, какие вчера свидания, когда Дианочка чуть не до полуночи была с ним? И не надо думать о девушке плохо, не дала она королю, не дала! Но у Иоанна было плохое настроение, так что он заявился к Диане, и та допоздна музицировала для него на лютне.

Надо отдать эрре Эрсон должное, у нее были не только прелести, но и таланты. И музыкальный в том числе. Прелести просто были

такие, что за ними все остальное и не замечалось.

Эрра Ирена уперла кулаки в бока.

– Знаем мы таких... не могущих!

Мария прикусила язык. И все же...

– В зеркале видела, не иначе.

Хорошо еще, не услышал никто, кроме Колючки, а шут не выдаст. Хихикнул, подмигнул с видом матерого заговорщика и прикрыл королеву своей мощной спиной. Мол, закрою от любой опасности! Два раза и почти бесплатно!

– Во сколько это было? – Иоанн смотрел серьезно. – Записка?

– Пробило семь склянок. Илес собрался и уехал.

Мария задумалась. На дворе весна, к лету, но темнеет достаточно рано. В семь уже сумерки, но разбойники еще на промысел не выползают. А вот законопослушные граждане уже уходят с улиц. И получается такой временной люфт, в который можно сделать многое. А свидетелей-то и не найти потом. Она правильно думает?

Но лучше помолчать.

– Ваше величество, – Виталис решил принять огонь на себя. – Диана никогда не стала бы приглашать на свидание вашего сына.

– Да, – поддакнула Диана. – Зачем он мне, я мальчишек не люблю.

Иоанн расплылся в улыбке. Ну да, ему приятно. Мальчишек не любит, зато его любит...

– Действительно, зачем? Диана сейчас живет во дворце, куда бы к ней пришел Илес? Мне бы мгновенно донесли, и что?

Ирена словно обмякла.

Одно дело – драть волосы посторонней бабе, понятно, за сына. А другое...

А что с ним?

Где он?!

Ой, мамочки...

Мария не выдержала. Ладно, когда-то эта зараза пакостила ее предшественнице. Но мать же! И Мария тоже мать! И если бы с ее сыном...

Мария придавила в себе истеричные нотки, встала из-за стола и подошла к стоящей неподвижно Ирене. Обняла ее за плечи.

– Давайте спокойно посидим, вот так, сейчас нам вина принесут, – Мария кинула взгляд на Колючку. – Мы женщины, мы многое сделать

не сможем, а его величество сейчас отдаст приказ искать Илеса. В чем он был одет, ушел пешком или верхом уехал, или в карете? Расскажите, эрра?

Ирена подчинилась рукам Марии, словно кукла.

– Да-да... верхом. Плащ такой... зеленый...

Мария зло посмотрела на мужа, до того дошло, что надо сделать, и Иоанн прокашлялся.

– Начальника стражи ко мне!

Мария погладила Ирену по руке.

– Вот... сейчас его будут искать, и обязательно найдут. Я в этом уверена.

И как в воду глядела.

* * *

Илеса нашли через три часа.

На площади казней, на одном из помостов. Могли бы и не найти, но палачи, которые пришли на работу, обратили внимание... слишком уж ухоженный мальчишка для помоста, и следов от пыток нет, и весь беленький-чистенький...

Можно бы и снять, и отдать могильщикам, да вот ведь...

А вдруг чего?

Вот и решили доложить старшему, а тот затылок почесал, да и подумал, можно и в городскую стражу доложить. А то вдруг чего?

Вдруг кого?

Так и нашли...

Причина смерти – две раны в грудь, сделаны чем-то вроде длинных клинков, рапиры, может быть, или шпаги. Мария в них не слишком разбиралась, знала, что оружие должно быть колющим. Вот, рапирой точно колоть можно, да и кому здесь важны такие тонкости? Тут у каждого на боку оружие!

Ирена упала в обморок.

Мария пнула под столом супруга, пока еще действующего.

– Побудь с ней!

– А?! – удивился Иоанн.

Мария закатила глаза.

– Посиди рядом с ней, утешь, по голове погладь. Пусть порыдает, поорет, пусть поистерит у тебя на груди! Это ВАШ сын, ё-мое!

Иоанн вздохнул.

Кажется, его эта перспектива не устраивала, и Мария лишний раз подумала, что ей достался плохой супруг.

Что творится в голове у таких мужиков? Даже не мужчин, нет. Вроде бы и это твой ребенок, и то твой ребенок, почему ты не можешь любить их одинаково? Ладно, хотя бы одинаково относиться?

Одному конфетку и второму тоже, одному лошадку и второму тоже?

Мария так старалась поступать со своими детьми, и обид у них не было. А вот Иоанн...

Свалить бы на кого-то и удрать в закат... посмотрел на Марию, понял, что просить жену утешать любовницу, пусть даже бывшую, это как-то не того, не кавайно, посмотрел на Виталиса, на Димаса...

Мария вздохнула.

– Можно позвать кого-то из святош. Но моего духовника прошу не трогать, у него и так дел хватает. Я к нему сейчас и пойду.

Иоанн радостно закивал. Мария посмотрела на Ирену, вздохнула...

– Вы бы распорядились, пусть его похоронят, как принца крови? Ирине приятно будет.

– А ты...

– А мне – плевать, – жестко отозвалась Мария. – Диана будет переживать, ну так поди, переживет.

Развернулась и вышла.

И не заметила, каким взглядом посмотрел на нее Иоанн.

Казалось бы, все о жене знаешь, даже то, что она сама о себе не знает, надоела уж, как каша в тарелке, и вдруг – обнаруживаешь у себя под носом вместо каши новое экзотическое блюдо. Только вот его увести пытаются...

Чувство собственника активизировалось и злобно шкворчало на угольках ревности.

Точно – непорядок!

– Ваших рук дело?

Выглядел святой отец таким ошарашенным, что Мария уже поняла – нет. Но для очистки совести решила спросить еще раз.

– Отец Роман, убийство Илеса Фиц-Эрланда это правда не ваша инициатива? И не Картена?

– НЕТ!

Мария поверила. Змеиное чутье подсказывало, что святой отец говорит чистую правду. Если только посольство Картена?..

– Верю. Но прошу пригласить ко мне вашего... знакомого красавца. Я хочу задать ему тот же вопрос.

Отец Роман кивнул.

– Ваше величество, эрр Нейман сейчас во дворце. Я могу приказать ему прийти к вам.

– Да, пожалуйста.

Мария опустилась в кресло и подождала, пока священник отдаст приказания слугам.

– Может, вина, ваше величество?

– Воды. Холодной, колодезной.

– У меня есть лимон. Добавить сока лимона?

Мария вздохнула.

– Может, сделать лимонад?

– Лимонад, ваше величество?

Кажется, здесь еще не знали, КАК, или называли этот вкусный напиток другим словом. Мария потерла руки.

– Давайте сюда ваши лимоны, святой отец! Мы будем делать лимонад! Сахар у вас есть? А жаровня?

Когда прибыл Феликс, королева и священник с удовольствием угощались лимонадом со льдом. Хорошо быть королевой, лед тебе принесут в любых количествах. И охладить кувшин хватит, и в стакан добавить, не хуже, чем дома получилось. Еще бы газировать, но не в этих условиях.

– Ваше величество, – поклонился посол.

– Эрр Нейман, здравствуйте. Проходите, присоединяйтесь к нам, – Мария повела рукой. – Заодно скажете мне, не вы ли приказали убить внебрачного сына моего супруга?

Феликс как стоял, так и сел.

– Фиц-Эрланд?

– Да.

– А... как?!

Понятно. И этот мимо. И кому помешал этот мальчишка? Мария даже и предположить не могла...

– Два удара клинком, работал специалист. Хватило бы одного, второй явно контрольный. Потом мальчишку раздели и оттащили на площадь казней. Выставили на помосте.

– Думали, что его отдадут могильщикам, а те тихо зароят? Хм, умно.

– Надо было его сначала в грязи испачкать и поранить, что ли, побольше. Тогда б сошло. А так посмотрели, труп слишком приличный, ну и донесли по команде, – махнула рукой Мария. Лимонад был вкусным, настроение отличным. А на Фиц-Эрланда, между нами, ей плевать. Два раза.

Ей этот мальчишка кто? Да вообще и никто, и никак... пустое место на карте.

Жалко, конечно, и его, и Ирену, но это общечеловеческая жалость. Не конкретное горе, от которого сердце сжимается, и хочется помочь, поддержать, наказать и покарать. Если получится, то безусловно надо.

Но вот так, чтобы сердце билось, а руки в кулаки сжимались... нет, этого – нет. Тяжко просто все это... и куда-нибудь удрать тянет. Вот как от Иоанна.

Не нравится ей такой муж. Не надо ей такого...

Впрочем, вслух Мария ничего не сказала. Налила Феликсу лимонада, выслушала восторги, рассказала рецепт, давая время прийти в себя. Но эрр Нейман ей тоже не врал. Он мальчишку не убивал и убить не приказывал, а значит что?

А вот то...

Где-то неладно.

Что такого мог сказать мальчишка? Что мог ляпнуть Иоанн? Почему его понадобилось так срочно убирать? Он же бастард, просто никто... что?

– Ваш муж не заговаривал с вами о признании Илеса законным сыном и наследником?

– Нет, – недоумение на лице Марии было крупными буквами написано. – Зачем? Ему Диана скоро много штук таких нарожает!

– То-то и оно, ваше величество... по дворцу пошел слухок. Вроде как король разводиться передумал, а чтобы обеспечить престолонаследие, хотел признать Фиц-Эрланда.

– А Диана?

– А Диану выдать замуж. А потом и попользоваться с разрешения мужа.

Мария так закашлялась, что лимонад на платье едва не выплеснула. Помог священник, который перехватил кубок и похлопал королеву по спине.

– Дышите, ваше величество, вот так, дышите...

– Чешите, – огрызнулась Мария. – Простите...

– Все в порядке. Вы не знали, ваше величество?

– НЕТ!

Судя по взглядам, ей тоже поверили. Но... тогда тем более непонятно?

– Я бы никогда не согласилась, – жестко сказала Мария, делая большой глоток лимонада. – Понимаете, вообще никогда!

Мужчины переглянулись.

Мария пожала плечами.

– Это угрожает безопасности Анны. Да и моей тоже... зависит от избалованного и дурного мальчишки? Я не готова так рисковать!

Этот довод был понятен и ясен. Действительно, дурных нет, чтобы вот так... что сделает Илес, дорвавшись до власти?

Правильный ответ – ничего хорошего. Да и... каким идиотом надо быть, чтобы на папашину симпатию полезть? Ладно б его УЖЕ признали! Но и тогда за подобные поползновения можно было лишиться головы. Очень даже запросто! Измена королю есть измена государству, а за государственную измену у нас чего полагается?

Правильно, эшафот. Это в гуманном двадцать первом веке отменили полезный закон, а зря. Тут он преотлично работает! Изменил родине?

Отчитаешься перед богами!

– Вы правы, ваше величество. Но тогда КТО?!

На этот вопрос ни у кого ответа не было. Кто угодно. Только вот зачем?

Феликс пообещал разузнать все по своим каналам и откланялся. А Мария выпила еще лимонада и тоже пошла к себе.

Э-эх...

И так неловко, и этак неудобно... вот кто прибил дурачка?

Кому он сдался?

В другом крыле дворца истерически рыдала Ирена. Она оплакивала одновременно и сына, и свои планы... все рухнуло. И как с этим жить?

* * *

МОРЕ!

Бертран смотрел с восхищением.

Даже матросы не трогали мальчишку в этот момент, переглядывались и молчали.

Море...

Когда ты вот так, впервые, выходишь в море, это совершенно особенное чувство. Такое странное и восхитительное...

Море открывается перед тобой, как бездонная и бескрайняя гладь, принимает тебя и ласково касается щек водяными брызгами.

Ну, здравствуй, мальчик...

И ты открываешься ему навстречу.

Была бы другая обстановка, не стали бы моряки переглядываться и улыбаться. Но корабли никуда не спешили, юнга вот прямо сейчас и срочно не требовался, пусть уж... видно ведь – парень в восторге. Да и неплохой он, кажись.

Быстрый, расторопный, а что неумелый, так то не беда, поди, научится. Невелика наука палубу драить да на посылках быть, главное, старается. И вечером историю рассказывал...

Бертран решил не скрывать свою биографии... частично. Слишком уж велик шанс проколотся, так что рассказал почти честно.

Так и так, хотели его в храм, служить Предотцу, а там священник такой попался... любвеобильный. Берт родным сказал, а те не верят, так что ж делать-то? Ну, он понятно, и сбежал. К дядьке, а дядька уж его и на корабль пристроил, чтобы парня точно не достали! Авось, родители и не станут слишком-то бегать, да и священник кого другого найдет.

Это матросы поняли и приняли.

А еще...

Скучно. Главная проблема рейсов – это скука. Да, можно играть в карты или кости, можно петь, можно заключать самые идиотские пари, так, к примеру, но если все в рейсе идет спокойно, то люди начинают скучать. Читать?

А матросы это умеют? Хорошо если один из десятка вообще свое имя напишет, а если и того нет?

Бертран же знал достаточно много историй. Пусть про святых, но ведь не только! Он и легенды читал, и мифы, и предания... ему было, что рассказать, а уж дар рассказчика... да кто без него в священники-то пойдет?

Кому ты нужен, если паству заболтать не сумеешь? И тут невелика разница.

Вот юнга и рассказывал истории или читал стихи, в свободное время. Пока немного, ну так лиха беда начало.

Матросы тоже травили байки, но сколько тех баек? Поди, уж слышали по десять раз, а тут новенькое, свеженькое...

Красота!

А Бертран замороженно смотрел на море.

И казалось оно ему громадным живым существом, сильным, опасным и непредсказуемым. Он понимал, что ему... страшновато.

Это как в зоопарке, подходить к клетке со львом.

Да-да, был при храме Многоликого и зоопарк, почему ж нет? Если Многоликий и для животных тоже старался?

И лев там был. И Бертран смотрел на него, и мальчишке казалось, что это животное безжалостно и равнодушно. Вот он лежит, а через пять секунд он выдерет у тебя кишки, облизнет когти и опять ляжет. И даже о тебе не вспомнит.

Вот и море было таким же.

Только шкура льва была золотой, а шкура моря синей, изменчивой, но равнодушие было одинаковым.

Бездонным и безграничным.

Бертран подумал, что матросом ему не бывать.

Его не тошнит, он не паникует, не бьется в истерику, да и плавает он неплохо, воды он не боится. Но чтобы любить море?

Нет!

Ирта совсем другая река, более спокойная, уютная, какая-то домашняя.

Прирученная.

А море – дикое и страшное. И Бертрану не хочется испытывать его терпение.

Как временная мера – сойдет, но потом он точно осядет на берегу. Вот.

* * *

Рэн Тори посмотрел на подчиненного. Ему даже ответа не потребовалось, он и так все понял.

– Нет?

– Нет, командир.

Рэн глубоко вдохнул, выдохнул... выдержки у него хватало на сорок человек. Иначе никогда б он не стал Чернозубым в таком раннем возрасте.

Но выдержка у мальчишки была железной. И упорство, и терпение.

Да, и родственник тоже был, это важно, но без всего перечисленного не помог бы и лично император.

– Далеко они?

– Командир, может, часов шесть бега...

– Значит, полдня ходьбы. Собаки есть?

– Да, командир. Две.

– Сколько их всего?

– Восемнадцать человек, командир.

– Это ерунда. С этим мы легко справимся. Время у нас есть, так что останавливаемся... вот там!

Рэн показал на два холма, густо заросших лесом. Местность тут шла то лесистая, то лес переходил в подлесок, то встречались прогалины, но ясно, что это просто большие поляны. Вроде горелых пропелшин, так бывает, когда лес горит от удара молний, или просто заболоченная местность...

И как только люди тут живут?

Рэну не нравился лес. В Шагрене его нет – такого.

Там деревья маленькие и низкие, островные. А чтобы вот такие заросли, в которых и неба-то не видно... брррр!

Но если нет выбора, они смогут драться и здесь.

Два холма, между ними прогалина, кто усомнится, что шагренцы пойдут именно там? И кто мешает им вернуться и занять позиции на холмах? Тут главное, чтобы проклятые шавки не выдали их раньше времени! Но вроде бы ветер удачный, к ним должен относить запахи, да и есть у них кое-что на такой случай.

Рэн взмахнул рукой.

– Слушаем меня, делаем так...

Три часа у них есть. И это – много. Очень много.

* * *

Похороны внебрачного королевского сына. Должен ли канцлер почтить их своим присутствием?

Если бы спросили Димаса Бустона, он бы и близко не подошел к этой жути. А надо. Его величество здесь, и тем все сказано.

И придворные, и эрра Ирена, бледная, опирающаяся на руку короля.

Марии нет.

Королева пожала плечами и сказала, что ее присутствие будет неуместным. Родители хоронят своего ребенка, при чем тут она? А вот Диана явилась, опять с таким вырезом, что смотреть страшно. Как она простудить пупок не боится?

Держится рядом с Эрсонами, и король на нее поглядывает...

Молитвы, потом еще молитвы, потом гроб опускают в королевский склеп. И Ирена падает на руки короля, кажется, уже шестой раз за время церемонии.

Вот ведь!

И Илес у нее не единственный сын, есть у нее и другие дети, только тех она не любит. Не нужны они ей.

Те – от законного мужа, а этот от короля, она с ним все надежды связывала на власть.

Не сына она сейчас хоронит, а свои мечты, и выглядит так, что за ним кинуться в склеп готова. Не для чего ей больше жить. Не для кого.

Ну... твое величество!

Иоанн технично передал потерявшую сознание эрру на руки Димасу. И что с этим делать? Вот ведь... зараза!

Сам король удалился, а Димас позвонил монахов, те принялись хлопотать над несчастной матерью... канцлер аккуратно удалился.

А что он тут может сделать?

Да ничего...

Только вот...

Ирена очнулась достаточно быстро. Может, будь при ней кто-то, она бы и не натворила глупостей.

Может быть. Или просто подождала другого момента. Но...

Картина для нее складывалась очень неприглядная.

Сын – мертв. Она – никому не нужна, даже остальным детям. Жизнь закончена, остается только доживать. И кто в этом виноват?

Разумеется, королева Мария.

А кто еще? Вот просто – кто?!

Нет у нас других виноватых! Если бы Мария не вмешивалась, а лучше вообще померла, или... или все равно померла, все бы у Ирены сложилось иначе! А Мария жива.

А Илес мертв.

И так несправедливо, что дочь Марии, мерзкая белобрысая девчонка, еще жива!

Что ж!

Ирена сравнивает счет, а там будь, что будет!

* * *

Отряд охотников шел по пятам врага.

Вот-вот они уже их должны настичь! Может, еще день, и догонят!

Что потом?

А что делают с шагренцами? Лучший охотничий рецепт – руки-ноги перебить и в лесу бросить. Да еще можно в живот ранить, чтобы сразу не подошли. Картен – рекомендует.

Жестокость?

А вот когда вашу семью вырежут просто за то, что они картенцы, тогда и поговорим. Может быть. Если вы этих тварей зубами рвать не

пойдете.

Собаки рвались с поводков. Вот, пара холмов... Рэну Тори просто не повезло. Ловушка-то была насторожена грамотно, и долина снаряжена по всем правилам военного искусства, там много и не требовалось. Колышков нарезать острых, да в землю воткнуть – смешно? А ведь они подошву сапога пробьют, и идти такой человек не сможет, и рана воспалится. Проще сразу убить, чем мучиться.

Самую обычную веревку натянуть?

Вроде и ерунда, а опять же... минута выигрыша, хоть пара секунд, уже много в бою.

Только вот охотники почему-то решили не идти прямо. Что уж там сработало у их главного? Что не сработало?

Кто бы сказал шагренцам, что собака помогла? Ветер дунул, и главный охотник, который собаку чуть не на руках вырастил, понял – что-то неладно. Что?

Засада?

Враг рядом?

Только он повел своих людей не через долинку, а налево, на холм, где сидели шестеро шагренцев.

Еще трое – справа на холме, там не так удобно. И что было делать?

Завязался бой.

Уже без засады, когда шагренцы в упор разрядили арбалеты, а потом взялись за клинки. Только вот и охотники были не лыком шиты, и драться они привыкли. Пусть не с человеком, со зверем, так ведь в лесу свои хитрости есть, так что примерно шансы равны.

Рэн взвыл от ярости.

– Вниз! На помощь!!!

Ага, вниз!

Через долинку, в которой он и сам не все ловушки знает! Давай-давай, врагу радости будет! Шестерых убили, трое сами себя искалечили! Надо спускаться с другой стороны и холм обходить, а это время, время...

А бой уже начался, и его люди убивают врага. Только вот и сами падают, вот Ли... их семьи живут по соседству.

Вот Фуши, один из лучших скалолазов Шагрена.

Вот Киро...

Рэн знал каждого.

И каждому он закрывал глаза. Сам.

Они не успели вовремя.

Это не баллада, не песня, здесь длинного боя не будет. Охотник с волком не дуэли устраивает, он просто убивает. А для картенцев шагренцы ничем от волков не отличались.

Разве что двуногие?

Ну и что?

Рэн не успел.

Когда они добежали до места, откуда можно было стрелять, на поляне уже лежали тела всех шести шагренцев. Жизнями поплатились и девять картенцев, все же Чернозубые – это воины. Но...

В лесу они воевать не умели, этим все сказано. А еще картенцев было больше. Да и собаки кидались на врагов. Конечно, собаку ты убьешь, но ее хозяин получает время взмахнуть ножом, и от него уже не отобьешься...

Глядя в спины оставшихся врагов, Рэн смог сказать только одно слово.

– ОГОНЬ!

Три выстрела сразу же положили трех человек. Перезарядка – и еще один выстрел. И рукопашная.

Тут уж не сплеховали шагренцы, да и что там – втроем двух человек добить.

Потом...

Потом они добивали раненых.

Потом они кое-как копали яму и хоронили своих.

Потом они сидели у костра и думали, что путешествие продолжается, но смогут ли они выполнить задание Божественного Императора?

Если нет, то и жить им незачем.

Им оставалось только идти вперед. Втроем. По ненавидящей шагренцев стране. И что-то еще будет впереди?

Рэн не знал. Он просто выполнял задание.

Мария и Анна сидели в саду.

Анна играла с котенком, который прибежал с кухни. Мария дала ей ленту, и девочка с пушистым зверьком отлично проводили время вместе.

Котенок охотился, Анна удирала.

Мария следила за ними, довольная и счастливая, потому и не сразу заметила эрру Ирену.

Вид у эрры был жутковатый.

– ТЫ!!!

Эрра Розабелла поступила умнее всех. Она завизжала – и помчалась куда-то, призывая помощь. А чего ждать, ясно же все! Когда у человека такой вид... да, и еще нож в руке, явно же Ирена сюда не колбасу резать пришла?

Анна остолбенела.

Не было в ее жизни таких ситуаций, вот она и стояла, словно столбик, и глазами хлопала.

Ирена уже видела, КАК это будет. Вот она делает всего три шага – и нож полосуется по белому платью девочки. И на нем появляется алое пятно... она ударит в живот, чтобы точно насмерть. А потом можно и за королеву взяться...

Если Илеса нет, то и эти... жить не будут!

Один шаг она таки сделала. А потом...

Анна, широко раскрыв глаза и рот, наблюдала, как ее мать срывается с места. Срывается, и уже в движении словно размывается ее тело, искажаются контуры, и на песок дорожки падает громадная змея. С грозным шипением удирает в кусты котенок.

А змея не останавливается, она просто продолжает свое движение, к Ирине, все быстрее, и обвивает ее, словно столб.

И вонзает зубы ей в шею.

Эрра даже защищаться не может, она видит то же самое, она просто остолбенела от ужаса. А змея впивается ей в горло длинным клыками.

Эрра медленно оседает на землю, и змея соскальзывает с нее, как чудовищная лента, отползает на несколько метров – и вот, с песка поднимается уже ее величество, отряхивает платье, кидается к Анне...

Для девочки это оказалось слишком большим потрясением. Анна упала в обморок.

Она не почувствовала, как мамины руки подхватили ее.

Она не видела, как бежали гвардейцы, не слышала, как кричала эрра Розабелла. Впрочем, она и агонии Ирены не видела. Оно и к лучшему, человек, который умирает от змеиного укуса – зрелище неаппетитное.

Мария очень перепугалась за дочь, она впиалась женщине в сонную артерию.

Змеиные инстинкты подсказали.

Если змея кусает в руку или ногу, у человека еще есть и шанс, и время. Там можно отсосать яд, там можно не дать ему распространиться, а вот если шея, лицо...

Только сыворотка и мгновенно. Иначе – всё^[59].

Так что Ирена корчилась на дорожке.

Багрово-синюшное лицо, судороги...

На человека это даже похоже не было уже... разве что из жалости добить...

– Что тут происходит?!

Иоанн тоже прибежал на шум и крики. Мария посмотрела на супруга – и передала ему дочь.

– Не знаю, что с вашей любовницей, дорогой супруг. Но она сюда явно не просто так с ножом пришла.

– Ааааа?

– И кажется, у нее сердечный приступ. Не знаю. Помогите мне отнести дочь в спальню, девочка перепугалась.

Иоанн кивнул.

Каким бы он паршивым мужем ни был, но дочь-то родная! А Мария ее и правда не донесет. Так что его королевское величество поудобнее перехватил девочку и отправился в спальню. Мария за ним, ребенка надо бы переодеть, посидеть с ней... еще вопрос, как это объяснять?

Да чего там!

Показалось!

С перепугу и гадюки кажутся, и крокодилы летучие, точно-точно. А что касается эрры Ирены... если кто видел след от змеиного укуса – там две небольшие точки! Это ж не акула, она кусок мяса не вырвет. Вот Мария такие и оставила.

А там все еще багровое, синюшное, яд гюрзы – он же кровь разрушает... если эти следы найдут, Мария очень удивится.

В Англии времен мистера Холмса не нашли, а тут здрасьте-нате? Не верю!^[60]

Так что она ничего не опасалась, кроме слов девочки. А это еще успеется...

* * *

Иоанн честь честью донес дочь до спальни, устроил в кровати и вызвал лекаря.

Тот прискакал и предложил напоить девочку снотворным.

Обычно Мария не одобряла подобные вещи, но сейчас... может, и стоит так сделать. Чтобы мозг был чуточку расфокусирован, чтобы вранье легче прошло. Ну и конечно, пусть малышка поспит...

Так что девочке выделили несколько капель успокоительного, и Мария бережно укрыла ее одеялом.

– Вот так. Я с ней посижу.

– Пусть фрейлины посидят, – попросил Иоанн.

– У меня их нет, – парировала Мария. – Со мной остались только две мои дамы, остальные переметнулись к Диане. Я ребенка абы кому не доверю!

– Ваше величество!

Отец Роман прибыл как нельзя более кстати. Иоанн уже собирался поругаться.

– С ним ты девчонку оставишь?

Мария подумала пару минут.

– Если ненадолго...

– Часа на два-три.

– Зачем?

– Провести дознание...

Мария закатила глаза.

Дознание ему. Ага, видно! Она просто взяла бывшего мужа за руку и повела в соседние покои.

– Идем, Иоанн.

Король шел за ней, словно так и надо.

– Мария?

– Садись. Теперь пей и закусывай. Тарталетки я тоже сама делала.

Иоанн хлопнул стакан крепкого вина и зажевал бутерброд. Мария последовала его примеру.

Вот вроде и ничего было, а теперь заколотило...

– Вкусно.

– Успокаивайся. Все живы, все целы, а Ирена, наверное, была полубезумна от горя. Сына потерять... вот и не выдержало сердце.

Иоанн кивнул.

– Я бы тоже... ох, Мария!

Его величество поднялся из кресла и сгреб супругу в охапку. Прижал к себе.

– Мара моя...

Такой вот выверт сознания.

Травить – да! Отправить в монастырь, развестись, но не убить же!

Мария же...

Ей не нравился этот мужчина. Она бы к нему и щипцами не прикоснулась. Но...

У тела тоже есть память. И для этого тела Иоанн был единственным мужчиной. А еще превращение в змею не прошло даром.

Превращение, бой, в кровь выплеснулось жуткое количество гормонов. И сейчас они властно требовали выхода. Да еще стопка алкоголя наложилась...

Мария и сама не поняла, как они оказались на полу, в голом виде, в такой позе, что даже порнороман покраснел бы. Но – вот. И сплелись два тела, то ли в любовной, то ли в смертельной схватке, и криков было столько, что их даже стены не сдержали, и было им обоим хорошо. Яростным взрывом радости – ЖИВЫ!!!

В себя она пришла намного позже, на куче одежды и с одним вопросом в голове:

Вот... что я наделала, а?

Других цензурных слов у нее просто не было.

Мария смотрела на довольного жизнью Иоанна, на засос на своем бедре, на сброшенную одежду и понимала, что это залет.

Господи, только бы не в буквальном смысле слова!

notes

Примечания

Ферма – стержневая система в строительной механике, *берма* – уступ между верхним краем канавы и нижним краем откоса выемки, если ОЧЕНЬ кратко. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Старый анекдот, как зять тещу хоронил.

3

И снова анекдот.

Обращения. *Эрр, эрра* – к благородным. *Исс, исса* – к простонародью.

Ни разу не преувеличение. Еще и уменьшаю.

Чистая правда, и таких мелочей – легион.

Мария говорит чистую правду, и таблетки на основе алкалоида есть. Но растение называть не буду, так, на всякий случай.

Кому интересно, можно почитать, как в те времена воспитывали детей аристократов. Могли и вообще отдать кому-то из родных и не видеться месяцами.

Есть такие яды, и растительные алкалоиды есть. Опять-таки, не называю, чтобы не рекламировать.

Автор, если что, видела, и даже закидывать пробовала. Но ни в чем не сознается. Это вообще музей был.

Кому лень читать, есть фильмы «Две королевы» или «Мария – королева Шотландская», 1971. Половину наврали, конечно, но против истории не попрешь.

Скромно промолчу о своих знакомых с птицефабрики. Целее будут. И о средневековых махинациях с едой, чтобы не стошнило.

Притча неизвестного происхождения.

Мария и права, и не права одновременно. Кому интересно, почитайте, как воспитывали принцев и принцесс, родители ими действительно особо не занимались. Но – обязанности. А дети на воспитателях, гувернерах, мамках и няньках.

Кто не знаком со сказкой Салтыкова-Щедрина, рекомендую. Не хуже басен Крылова. Не то мы проходим в школах, ее бы в 11-м классе разбирать.

Реально есть. Сельское хозяйство далеко не розами пахнет.

ИМХО, последней приличной династией в той же Англии были Плантагенеты. Потом – фу. Но я не настаиваю, мало ли кто и кому нравится.

Если что, в нем куча коллагена, надо только правильно приготовить. Рекомендую, столько полезного вещества вы ни из одной добавки не получите.

По тем временам еще какой почтенный, половина населения не доживала, даже больше.

Не прикол. Длина двуручного меча доходила до 180 см.

Мэри Флора Белл – первое убийство в 11 лет, Англия; Джесси Померой – 14 лет, США; Жасмин Ричардсон, 12 лет, Канада. Демократия-с!

Николай Второй так рассчитывал после отречения доживать в Англии, что даже деньги свои туда перевел. Деньги взяли, Николая не пустили. Результат – Ипатьевский дом. Увы.

История из жизни.

С кирпичами у автора в детстве получалось. Таким образом делались ступеньки в кирпичной стене. Эх, куда мы только не лазили, хорошо еще родители не знали.

25

Вымышленное радиоактивное вещество.

Очень похоже ведет себя удав из мультика про 38 попугаев.
Правда Мария – не удав.

Змеи обладают иммунитетом к яду своего вида. Но не другого.

Между прочим, основное отличие импортных оборотней от наших. У них голозадое чудовище теряет разум и бежит по кустам в поисках кого бы сожрать. У нас человек превращается по собственному желанию, при полном параде и в ясном рассудке. И бежит по делам. См. русские народные сказки.

Проводились опыты. 95 % детей могут спокойно уйти даже с незнакомым человеком, при наличии подходящей приманки. Кошки, собаки, шоколадки, мамы за углом.

Дж. Оруэлл. Скотный двор (искаж.)

Жил в Древней Греции, получил в подарок золотое касание, не знал потом, как избавиться.

Запросто! Можете погуглить, случаев – прорва, фундамент – место нежное.

Артур Конан Дойл. Пестрая лента.

Лично разошлась с одной милейшей гадюкой. Случайно ее потревожила, не задела, но рука оказалась сантиметрах в десяти от змеи. Хотела бы – цапнула. Я извинилась и отошла, она уползла.

Пародия на «Три мушкетера».

Вообще, советы расходятся. Кто-то советует сразу разрезать место укуса и отсосать яд, но это надо делать вообще сразу. Вот за минуту. А остальное... меньше двигаться, больше пить, причем не спиртное, и скорее к врачу. Прижигание не поможет, только ожог добавит.

Знания Марии весьма обрывочны, но уж какие есть. Не надо считать их истиной в последней инстанции.

Может ли один человек влиять на судьбы народов? Да запросто! Из самых ярких примеров: Аттила, Чингисхан, Александр Македонский, Наполеон, Гитлер.

Тейн – измененное и сокращенное от «оборотень». Раньше служителями Многоликого были только двуипостасные, отсюда и название. Оборотень – тень – тейн.

Ближайшая к позе сааза, любимой шагренцами, японская сэйдза.

Чернозубые – элитные воины Шагрена, ночные тени, черные убийцы, названий для них много. А почему чернозубые – чтобы не выдать себя блеском зубов в темноте, идя «на дело», они зачерняли зубы. Со временем это стало своего рода опознавательным знаком, символом принадлежности к элите.

Примеров в истории уйма. Габсбурги, Браганса, Ганноверская династия.

Змеи, если что, тоже пьяных не любят.

В оригинале не так, но от детей слышала, было.

Самое забавное, что шуточки в средние века действительно были достаточно фривольные и даже пошлые. Так что герои держатся еще в рамках. Примеры – Декамерон, *Cambrai Chansonnier*, и это далеко не все.

Чистая правда. И басни замечательные.

Есть вариант, что сифилис привезли в Европу моряки Колумба, тесно пообщавшись с аборигенами острова Гаити. Примерно XV век.

Вроде как черные брови при седых волосах признак породы, об этом писал Лермонтов в «Герое нашего времени», но насколько это правда, не знаю.

Да-да, вполне себе общественный туалет. Для всех. Кто хочет – заходи и садись, без разделения на пол и возраст, вот где гендерное равноправие-то было!

Кошельный, молевой, плотовой сплавы. В данном случае – плотовой.

Еще и не такое было.

Самое забавное, что именно помощником секретаря начинал свою карьеру Никколо Макиавелли.

Вообще, это А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом», да и цитату Мария чуточку переврала, но ей позволительно.

Чистая правда.

Всякое случалось в истории. Ричард и Алиенора Аквитанская, Генрих и Диана де Пуатье. Да и сейчас... случается. Так что мечты у парня не уникальные.

Кому интересно, посмотрите глаза гюрзы. Я удивилась, такая змеюка, а глаза – хоть на подиум. Может, у нее душа прекрасная?

Лично видела, как человека научили танцевать вальс буквально за пару минут. Правда, под магнитофон.

Кому интересно, наш Иван Грозный тоже был товарищ любвеобильный.

Змея может укусить, не впрыскивая яд, но надеяться на змеиное милосердие не слишком разумно.

Мария опять намекает на рассказ «Пестрая лента».